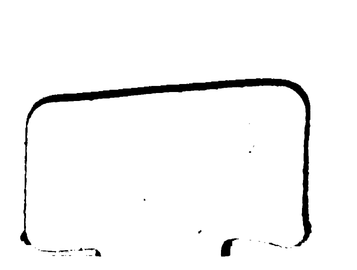

Государственный Канцлеръ
Графъ Румянцовъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, АРХЕОЛОГІИ, СЛОВЕСНОСТИ

И

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество; *желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила Мудраго* Самодержавія *и* Святой Вѣры *болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія . . . по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!*

Карамзинъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи Узаконеній. Москва, 30 Января, 1828.

Цензоръ, Майоръ и Кавалеръ
Сергѣй Глинка.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ I и II.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ ДРЕВНЯЯ, СРЕДНЯЯ И НОВАЯ.

I.

Вопросъ о мѣстѣ рожденія Императора Петра Великаго.

Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія!
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
Сошедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ.

Ломоносовъ.

Дѣло невѣроятное! — Петръ Великій, Государь несравненный, единственный, на котораго съ изумленіемъ взираютъ народы всѣхъ знаемыхъ частей свѣта, предъ именемъ котораго благоговѣетъ каждый Россіянинъ, сей Государь — едва смѣю произносить слова сіи предъ согражданами — какъ странникъ безвѣстный . . . невѣдомо гдѣ родился: ни одинъ Россіянинъ не указалъ того мѣста, гдѣ была колыбель Великаго!

Стихотворецъ Сумароковъ, по прошествіи осьмидесяти семи лѣтъ отъ рожденія

Монарха Державнаго, говоритъ утвердительно: *мнѣ извѣстно, что въ селѣ* Коломенскомъ *родился* Великій Петръ, *основатель нашего благополучія, Отецъ Отечества, честь народа своего, страхъ непріятелей и украшеніе рода человѣческаго!* По чему и самое село Сумароковъ называлъ *Россійскимъ Виѳлеемомъ* (1). Къ сему мнѣнію приступили и другіе.

Неизвѣстный сочинитель повѣсти *О зачатіи и о рожденіи Великаго Государя Императора* Петра Перваго, *Самодержца Всероссійскаго, и о прочемъ,* говоритъ прямо, что *сей Великій Императоръ родился въ (на) царствующемъ градѣ Москвѣ, въ селѣ Измайловѣ* (2). Нѣкто, Коллежскій Ассессоръ, Брыкинъ, въ концѣ упомянутой повѣсти, говоря объ отцѣ своемъ, служившемъ 23 года въ селѣ Измайловѣ, и о матери своей, умершей 1758 года, въ старости маститой, почти ста лѣтъ, свидѣтельствуетъ, что онъ *слыхалъ* отъ своей матери, будто *Государь* Петръ Великій *родился въ помянутомъ селѣ Измайловѣ* (3). Это мнѣніе также имѣло своихъ защитниковъ.

Голиковъ, сохраненіемъ чести и свободы обязанный тому достопамятному дню, въ который былъ открытъ въ Петербургѣ славный памятникъ Петру Великому, — Голиковъ, извѣстный по собранію богатѣйшаго запаса историческаго о жизни Монарха, согласно съ Историографомъ Миллеромъ, писавшимъ прежде его о семъ предметѣ (4),

полагаетъ *Московскій Кремлевскій Дворецъ* мѣстомъ рожденія Петра Перваго (5). Одного съ ними мнѣнія былъ, современный Голикову писатель, Туманскій, успѣшно начертавшій первыя лѣта жизни Государя (6). Это мнѣніе принято большею частію Россіянъ.

Не льзя умолчать здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, весьма любопытномъ. Это отвѣтъ Іоанна Георгія Гревіуса изъ Утрехта на письмо Николая Гейнзіуса, Посланника при Дворѣ Россійскомъ отъ Генеральныхъ Статовъ Соединенныхъ Нидерландовъ, писавшаго къ нему, отъ 1 Іюля 1672 года, о рожденіи Царевича, именно *въ Москвѣ*, и о тѣхъ пророчествахъ, которыя сопровождали появленіе на свѣтъ Младенца необыкновеннаго (7).

Еще остаются двѣ важныя, современныя справки: *Исторія* Петра Великаго Ѳеофана Прокоповича и *Разрядная записка*, составленная въ день рожденія Царевича; но участникъ мудрыхъ дѣлъ Монарха и Разрядная записка молчатъ о мѣстѣ его рожденія.

Изъ такихъ противорѣчій что же извлечемъ мы положительнаго? Не уже ли Сумароковъ, только осмьюдесятью семью годами отдаленный отъ великаго для насъ событія, Сумароковъ, котораго извѣстные стихи къ селу Коломенскому могла читать Императрица Елисавета, Дщерь Петра Великаго, не уже ли онъ не бесѣдовалъ съ старцами, которые могли бы передать ему вѣр-

ныя извѣстія о рожденіи Монарха? Не уже ли свидѣтельство сочинителя повѣсти о зачатіи и о рожденіи Петра Перваго, написанное при жизни Государя, и другое свидѣтельство Брыкина, переданное ему отъ столѣтней его матери, — не уже ли сіи свидѣтельства не имѣютъ никакого вѣроятія? Не уже ли Исторіографъ нашей Имперіи Миллеръ, котораго труды читала Екатерина Великая, столь много любившая Исторію Отечества, не уже ли Голиковъ и Туманскій писали безъ всякихъ соображеній и основанія?

Вотъ вопросы, которые должны рѣшить Россіяне! Мѣсто рожденія Петра Великаго для насъ важнѣе мѣста рожденія Гомера, о которомъ семь славныхъ городовъ долгое время состязались.

23 Дек. 1827.

Примѣчанія.

(1) Статья Сумарокова заключается слѣдующимъ осьмистишіемъ:

Россійскій Виѳлеемъ: Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра *произвело!*
Ты счастья нашего источникъ и начало;
Въ тебѣ величіе Россійско возсіяло:
Младенца, коего ты зрѣло въ пеленахъ,
Европа видѣла на городскихъ стѣнахъ,
И океанъ ему подъ область отдалъ воды;
Дрожали отъ него всея земли народы.

См. Трудолюбивую пчелу, Апрѣль 1759, стр. 240—242.

(2) Такъ читаемъ въ рукописяхъ и въ *Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ* Петра Великаго, изданномъ Ѳедоромъ Туманскимъ, гдѣ помѣщена повѣсть о зачатіи и рожденіи Петра I. Спб. 1787. Ч. I. стр. 233.

(3) Рукопись второй половины прошедшаго столѣтія; въ 4. Она принадлежала покойному *Лейбъ*-Медику В. М. Рихтеру. На концѣ повѣсти написано слѣдующее „сей *лѣтописецъ о рожденіи Императора* Петра „I го въ дворцовомъ селѣ Измайловѣ, достался мнѣ „отъ родителя моего, бывшаго во ономъ селѣ Измай-„ловѣ приказной избы подьячего Саввы Григорьевича „Брыкина (Брыкина), который въ сіе званіе вступилъ „1712 года Генваря 28 числа и продолжалъ службу до „1735 года; будучи 60 лѣтъ Декабря 28 дня умре. „Родительница же моя Елисавета Варѳоломѣевна, „будучи безъ малаго 100 лѣтъ, въ прошломъ 1758 „году Сентября 6 дня умре, отъ которой я *слыхалъ*, „*что Государь* Петръ *Великій родился въ помянутомъ* „*селѣ Измайловѣ*." Коллежскій Ассессоръ (далѣе недописано).

(4) Подлинныя свидѣтельства и записки доказываютъ, что Петръ Великій *родился въ Кремлевскомъ Дворцѣ*. Географич. Лекс. Росс. Госуд. Ѳ. Полунина, изд. Г. Ф. Миллеромъ, М. 1783, стр. 193. — Петръ Великій *родился въ Москвѣ*, 30 Мая 1672 года, въ день Преподобнаго Исаакія Далматскаго, *за полтретья часа до свѣта*. Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія. М. 1780. Ч. V. стр. 87.

(5) *Мѣсто рожденія* Петра I *было*, по мнѣнію однихъ село Коломенское, а по мнѣнію другихъ село Измайлово; но *достовѣрнѣе Московскій Кремлевскій Дворецъ*. Дѣянія Петра Великаго. М. 1788. Ч. I. стр. 137.

(6) Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ Великій *родился въ Москвѣ*. Полное описаніе дѣяній Императора Петра Великаго. Спб. 1788. Ч. I. стр. 155—158.

(7) Вотъ точныя слова Гревiуса, изъ Утрехта, 9 Апрѣля 1673 года, въ отвѣтъ на письмо Гейнзiуса: Quae tempore, quo Princeps iuventutis Ruthenicae *Petrus Moscuae in lucem editus*, accidisse, et ex cursu stellarum observata fuisse scribis, Astrologi nostri, et quotquot vaticiniis inhiant, ac futurorum praedictis student, tanquam omina memoratu digna, diligenter notarunt. Далѣе замѣчаются достопамятныя происшествiя, случившiяся въ Европѣ въ день рожденiя Петра Великаго. На концѣ: sit suo tempore Petrus bonus pastor, ut tandem scythicam barbariem, qua septentrionales maxime et pellitae gentes infuscantur, legibus salutaribus latis devincere possit. — Тумановскiй и Голиковъ свидѣтельствуютъ, что письмо Гревiуса хранится въ нашей Академiи Наукъ; а мы замѣтимъ, что имени Гейнзiуса нѣтъ, какъ лица дипломатическаго, въ современныхъ спискахъ Посланниковъ при Россiйскомъ Дворѣ. Собран. записокъ Тумановскаго Ч. V. стр. 122.

II.

Путешествіе Іосафата Барбаро, Посланника Венеціанскаго, въ Танну, нынѣ Азовъ, въ 1436 году (1).

ВВЕДЕНІЕ.

Венеціанецъ Іосафатъ Барбаро былъ отправленъ, 1436 года, Венеціанскою республикою, Посланникомъ въ Танну, нынѣ Азовъ, городъ, тогда находившійся въ рукахъ Генуэзцевъ. — Описаніе сего путешествія было напечатано въ небольшомъ и рѣдкомъ собраніи въ Венеціи, въ типографіи Алдусъ, Антоніемъ Минуціемъ, 1543 года, и послѣ внесено въ собраніе Джіованна Баптиста Рамузіо. Слѣдующее есть сокращеніе сего путешествія. — Потомъ, въ 1471 году, Барбаро отправился Посланникомъ въ Персію къ Усеумъ Гассану, или Аосамбею, Туркоманскому Князю, начальнику племени бѣлаго овна. Онъ пробылъ шестьнадцать лѣтъ между Татарами; а по возвращеніи въ отечество сдѣлалъ описаніе обоихъ путешествій. Барбаро умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ Венеціи, 1494 года.

Сіе путешествіе написано безъ надлежащаго порядка и безъ означенія чиселъ. — Изъ онаго видно, что Барбаро провелъ нѣкоторое время въ Таннѣ; дѣлалъ различныя поѣздки въ Крымъ и къ народамъ, живущимъ между Дономъ, Волгою,

Чернымъ и Каспійскимъ морями, и потомъ возвратился въ свое отечество, Италію, чрезъ Москву, Новгородъ, Варшаву, Франкфуртъ на Одерѣ и Германію. — Іосафатъ Барбаро осматривалъ описываемую имъ страну съ большимъ вниманіемъ и съ духомъ истиннаго наблюдателя (что приноситъ ему особенную честь), въ продолженіи шестнадцати лѣтъ, частію сухимъ путемъ, частію водою.

Равнина Татаріи съ востока омывается большою рѣкою *Ледилемъ, Едилемъ*, или Волгою; къ западу граничитъ съ Польшею; къ сѣверу съ Россіею; къ югу съ Большимъ или Чернымъ моремъ, *Аланіею, Куманіею*, или *Команіею* и *Газаріею*, которыя граничатъ съ моремъ *Тебачь* (2). Аланія получила имя свое отъ народа Алановъ, которые называютъ себя, на собственномъ языкѣ, *Асами*. Народъ сей исповѣдуетъ Христіанскую вѣру. Страна, имъ занимаемая, была разорена и опустошена Татарами, или Моголами. Область Аланія заключаетъ въ себѣ горы, рѣки и равнины; на сихъ послѣднихъ встрѣчаются иногда холмы, сдѣланные руками человѣческими, служащіе надгробными памятниками; на вершинѣ каждаго холма находится плоскій камень, со впадиною въ срединѣ, въ коей укрѣпленъ каменный крестъ. Въ 1326 году *(за 110 лѣтъ до путешествія Барбаро)*, Татары, или Моголы, приняли Магометанскую вѣру; хотя и до сего времени были

нѣкоторые Магометане въ сей странѣ, но каждому было позволено исповѣдывать вѣру имъ избранную. Въ слѣдствіе того, нѣкоторые покланялись деревяннымъ идоламъ, которыхъ они возили съ собою въ своихъ кибиткахъ, или подвижныхъ домахъ: но насильственное введеніе Магометанской вѣры имѣетъ начало свое со времени Гедигея, Эдигея, или *Жедигея*, военачальника въ правленіе Татарскаго Властителя Сидагамета Хана. Этотъ Гедигей былъ отецъ Навра, при жизни коего Улу-Магометъ, или Магометъ Великій, господствовалъ надъ Татарами.

Между Навромъ и Ханомъ Улу-Магометомъ возникли раздоры, которые были причиною, что Навръ удалился къ рѣкѣ Ледилю, сопровождаемый Татарскими племенами, ему преданными, и соединился съ Кези-Магометомъ (малымъ Магометомъ), который считался въ родствѣ съ Ханомъ, или Императоромъ. Навръ и Кези рѣшились воевать противъ Улу, почему и отправились, съ соединенными силами, по дорогѣ къ Гитеркану (Астрахани) и чрезъ равнины Тюменскія, или большую степь, простирающуюся отъ Волги до Дона и даже до горъ Кавказскихъ. Идя къ западу, они держались южныхъ странъ Черкассіи, и поворотили къ Дону и Азовскому морю, которые были покрыты льдомъ. Чтобы удобнѣе находить кормъ для рогатаго скота и лошадей, они отправились, отдѣльными отрядами, и на такое большое разстояніе

одинъ отъ другаго, что нѣкоторые перешли рѣку близъ города Паластра; другіе же, въ то время, какъ рѣка была покрыта льдомъ, близъ Бозагаца, отстоящаго отъ помянутаго города на 120 миль. Мѣры ими принятыя были столь хороши, что они совсѣмъ неожиданно напали на Улу-Магомета, который былъ принужденъ бѣжать съ женою и дѣтьми своими, оставя все за собою въ большомъ безпорядкѣ. Кези Магометъ послѣ него вступилъ на престолъ, и въ Іюнѣ мѣсяцѣ опять перешелъ чрезъ Донъ.

Отправляясь къ западу, влѣво отъ Танны, вдоль берега моря *Зебачи*, или *ПалусЪ МеотисЪ*, а оттуда на нѣкоторое разстояніе вдоль Большаго, или Чернаго моря, къ области Мингреліи, мы достигли, послѣ трехдневной ѣзды, области *Кремучь*, *КремукЪ*, или *КромукЪ*, владѣтель которой называется *Биссерди* (3), а сынъ его *Кертибей*, что значитъ *истинный господинЪ*: Биссерди управляетъ прекрасною страною, изобилующею плодоносными полями, значительными рѣками, хорошими лѣсами, и можетъ выставить до тысячи всадниковъ. Высшее сословіе народа въ сей странѣ живетъ, по большой части, грабежемъ каравановъ. Они имѣютъ прекрасныхъ лошадей; народъ храбръ, приученъ къ войнѣ и довольно искусенъ; но не имѣетъ ничего особеннаго ни въ обычаяхъ, ни въ наружности своей. Страна сія обилуетъ хлѣбомъ, рогатымъ скотомъ и медомъ; но не производитъ вина. Близъ сей страны нахо-

дятся другія области (которыхъ жители говорятъ разными языками), лежащія недалеко другъ отъ друга (4). Начиная съ *Кремука*, какъ первой, онѣ суть: 2. *Елипего* (или Киппике); *Тартаркозія* (иначе Татакозія, Титаркосса, Татартофія, или Татартуссія); 4. Сабаи; 5. *Кернетеи* (иначе Кевертеи, Карбатеи, Кербартеи или Кабарда); 6. Асъ, или Аланы. Всѣ сіи области простираются на двадцать дней ѣзды до самой Мингреліи, которая граничитъ съ Кайтаками, живущими въ окружности горъ Каспійскихъ, частію близъ Георгіаны, по берегамъ Чернаго моря и вдоль горъ, входящихъ въ Черкассію. Съ одной стороны Мингрелія ограничивается рѣкою Фазисомъ, которая впадаетъ въ Черное море. Повелитель сей страны называется *Бендіанъ* или *Даніанъ*. Онъ владѣетъ двумя крѣпостями близъ моря, изъ коихъ одна называется *Вати* или *Бадіасъ*, а другая *Севастополи* (5). Кромѣ того, онъ имѣетъ другіе замки (castle) и укрѣпленныя скалы. Вся страна безплодна и камениста; просо единственный родъ хлѣба, который она производитъ. Соль Мингрелія получаетъ изъ *Каффы*. Жители дѣлаютъ нѣкоторыя грубыя матеріи, темнаго цвѣта; но вообще народъ необразованъ и почти дикъ. Въ сей странѣ слово *тетарти* значитъ *бѣлый*, и также употребляется для названія серебряной монеты, подобно какъ Греки называютъ таковую же монету Аспро (6), Турки *Акчайа*

и Катайяны *Тейеѣ*, что на всѣхъ сихъ языкахъ значитъ *бѣлый*. Въ Италіи и въ Испаніи нѣкоторыя серебряныя монеты называются *біанчи*: это имѣетъ тоже значеніе.

Теперь мы дадимъ нѣкоторое понятіе о *Георгіанѣ*, *Георгіѣ*, или Гургистанѣ, которая противоположна упомянутымъ мѣстамъ и граничитъ съ Мингреліею. Государь, или правитель Георгіи, называется Панкратіемъ. Онъ владѣетъ прелестною страною, которая производитъ въ большомъ изобиліи рогатый скотъ, рожь, вино и много плодовъ; виноградъ здѣсь сажаютъ вокругъ деревьевъ, какъ въ *Трапезундѣ*. Жители вообще статны, имѣютъ пріятную наружность; но нравы ихъ и обычаи дурны и отвратительны, болѣе нежели у какого-либо народа, мнѣ встрѣчавшагося. Головы ихъ обриты, кромѣ немногихъ волосъ, растущихъ вокругъ головы, какъ у нашихъ Аббатовъ; они носятъ большіе усы, дюймовъ въ шесть длиною. На головѣ у нихъ шапки различныхъ цвѣтовъ съ перомъ на верху; тѣло ихъ покрыто узкимъ, толстымъ полукафтаньемъ, котораго полы довольно длинны и сзади разрѣзаны отъ самой поясницы, потому что иначе было бы неудобно сидѣть на лошади; но я не хулю ихъ за эту моду: Французы имѣютъ платье такого же покроя. На ногахъ они носятъ сапоги, подошвы которыхъ такъ странно сдѣланы, что когда человѣкъ идетъ, то одни только носки и пятки касаются земли;

средина же подняша шакъ высоко, что можно подсунушь подъ нее кулакъ, и потому они ходяшъ съ большимъ трудомъ. Я бы сталъ охуждать ихъ за это, еслибъ не зналъ, что въ Персіи употребляется такого же рода обувь. При ихъ обѣдахъ замѣчательно слѣдующее обыкновеніе, которое видѣлъ я въ домѣ одного знатнаго человѣка. Они употребляютъ четвероугольный столъ, аршина въ полтора шириною, съ выдавшимися краями; по серединѣ насыпаютъ довольное количество вареннаго проса, безъ соли и масла, которое они ѣдятъ съ мясомъ, вмѣсто хлѣба. На другомъ, подобномъ столѣ, подъ коимъ находились горячія уголья, было накладено кабанье мясо, столь мало зажареное, что кровь текла изъ него, когда его разрѣзывали: это они особенно любятъ. Что до меня касается, я нашелъ такую яству отвратительною и принужденъ былъ довольствоваться небольшимъ количествомъ проса, потому что иной пищи не было. Вино за столомъ лилося, и гостей подчивали имъ весьма усердно.

Страна сія обилуетъ лѣсами и горами. Одинъ изъ уѣздовъ оной называется *Тифлисъ*, въ которомъ находится и городъ того же имени, лежащій при рѣкѣ *Куръ*, или *Киръ*, которая впадаетъ въ Каспійское море. *Гори*, также укрѣпленное мѣсто въ сей области, и лежитъ ближе къ Черному морю. Идя отъ Танны, по рѣкѣ Дону и вдоль моря Тебачь или Азовскаго, до самой Каффы, держась лѣвой стороны сего моря,

мы прибыли къ Иошму, или къ узкому перешейку земли, который соединяетъ полуостровъ Крымъ съ швердою землею, и называется *Зукала* (7). Онъ подобенъ перешейку, называемому *Ессемилія*, въ древносши Коринескому, соединяющему Морею или Пелопонезъ съ швердою землею Греціи. Близъ перешейка *Зукалы* находятся большія соленыя озера, на которыхъ лѣтомъ соль кристаллизуется и славливается въ большомъ количествѣ, для продовольствія сосѣднихъ народовъ. Первая область внутри полуострова, лежащая къ морю Тебачь, или Азовскому, въ которую мы прибыли, есть *Куманія*, имя коей происходитъ отъ народа Кумановъ. Главная область называется *Газзарія* или *Казарія*, въ которой лежитъ *Каффа*. Мѣра длины, употребляемая купцами во всѣхъ сихъ областяхъ, именуется *ГаззарскимЪ* аршиномъ, который также употребляютъ и въ Таннѣ (8).

Низкая страна острова Каффы (9) занята Татарами, которые находятся подъ управленіемъ Князя именемъ *Улуби* (10), сына Азикарея. Въ случаѣ нужды они могутъ выставить отъ 3,000 до 4,000 всадниковъ. Народъ сей имѣетъ два города обнесенные стѣнами, но не весьма крѣпкіе. — Одинъ изъ нихъ *Соргати* (12), называется у нихъ также Инкремса или Кирміа, что значитъ укрѣпленіе. Другой *Керкларде* (12), что на ихъ языкѣ значитъ укрѣпленныя мѣста (13). На островѣ, который Италіянцы называютъ Киммеріанъ Босфоръ,

близъ самаго моря Азовскаго находится *Керцъ*, Керчь или Карсъ (14). Тамъ слѣдуетъ Каффа (15), Солдайя (16), Грассую (17), Цимбало (18), Сарсона или Керсонъ (19) и Каламита (20). Далѣе отъ Каффы лежитъ *Готія*, а еще далѣе *Аланія*, находящаяся внѣ острова и лежащая къ *Монкастро* (21). Готы сихъ странъ говорятъ нарѣчіемъ Германскаго языка, какъ я узналъ отъ слуги Германца, сопровождавшаго меня въ моихъ путешествіяхъ; потому что онъ говорилъ съ ними, и они понимали другъ друга довольно хорошо, такъ точно какъ уроженецъ Фіуля въ Папскихъ владѣніяхъ можетъ понимать Флорентинца (22). Отъ сосѣдства или смѣшенія Готѳовъ съ Аланами происходитъ названіе Готиталаны. Алане были первые обитатели сей страны: Готѳы пришли въ оную спустя нѣкоторое время, и завоевали часть земли обитаемой Аланами; и когда оба народа смѣшались вмѣстѣ, вошло въ употребленіе и сіе смѣшенное имя. Всѣ сіи народы исповѣдуютъ Греческую Христіанскую вѣру, а также и Тчеркассы или Черкессы.

Упомянувъ уже о Тюменѣ и Гитерканѣ, я хочу теперь войти въ нѣкоторыя замѣчательныя подробности касательно сихъ мѣстъ. Идя отъ Тюменя на востокъ, или лучше сказать на сѣверовостокъ, мы прибыли къ рѣкѣ Ледилю (23), на берегу которой стоитъ Гитерканъ (24), небольшой, малозначущій городъ, опустошенный и обращенный въ развалины. Сперва это былъ городъ

важный, знаменитый, въ то время, когда до разоренія онаго Тамерланомъ, пряные коренья и шелки идущіе въ Сирію (25) привозились къ Гитеркану, оттуда въ Танну, изъ коей уже на шести или семи большихъ галерахъ отправлялись въ Венецію; потому что въ то время только одна Венеція торговала съ Сиріею. Ледиль или Волга есть большая и широкая рѣка, которая впадаетъ въ море Баку или Каспійское, на двадцать пять Итальянскихъ миль ниже Астрахани. Какъ рѣка сія, такъ и Каспійское море, которое имѣетъ воду довольно соленую, изобилуютъ рыбою, называемою *Тонами* и осетрами. По этой рѣкѣ можно проѣхать внутрь Россіи столь далеко, что будешь на три дни ѣзды отъ Москвы; и жители сего города ежегодно отправляются на судахъ въ Астрахань для добыванія соли. Проѣздъ внизъ не затруднителенъ, потому что рѣка Москва впадаетъ въ Оку, а сія въ Волгу. На сей рѣкѣ находятся нѣкоторые острова, а вдоль береговъ ея растутъ лѣса. Иные изъ сихъ островòвъ имѣютъ до тридцати миль въ окружности; а въ лѣсахъ растутъ деревья такой толщины, что изъ нѣкоторыхъ выдалбливаютъ лодки, требующія отъ одиннадцати до десяти лошадей, и вдвое болѣе людей, чтобы тянуть ихъ вверхъ противъ теченія. Переѣхавши чрезъ Волгу и идя въ продолженіе пяти дней къ сѣверозападу вдоль рѣки, мы встрѣчались съ многочисленными ордами Татаръ. Но поворотивъ къ сѣверу, къ границамъ Россіи, мы прибы-

ли въ небольшой городъ по имени Рязань (26), который принадлежитъ родственнику Великаго Князя Россійскаго. Жители сего города Христіане; они исполняютъ обряды Греческой церкви. Страна сія обилуетъ хлѣбомъ, рогатымъ скотомъ; медомъ и нѣкоторыми другими произведеніями; она получаетъ родъ пива, называемый Босса (27), и обилуетъ лѣсами и деревнями многочисленными. Нѣсколько далѣе на половинѣ дороги, между Рязанью и Москвою, находится городъ, называемый Коломна. Укрѣпленія обоихъ городовъ, какъ Рязани, такъ и Коломны, построены изъ дерева, также и домы, такъ что ничего не увидишь построеннаго изъ кирпича или камня. Чрезъ три дни ѣзды отъ Коломны мы прибыли въ городъ и область Московъ или Москву, въ которой живетъ Великій Князь Иванъ. Чрезъ сію область протекаетъ рѣка того же имени, на которой построены различные мосты, и отъ которой вѣроятно городъ и область получили свое названіе. Крѣпость Москвы лежитъ на холмѣ и окружена лѣсами (28).

Обиліе сей страны, въ отношеніи хлѣба и рогатаго скота, можно видѣть изъ того, что мясо не продается на вѣсъ, но разрѣзывается на большіе куски около четырехъ фунтовъ вѣсомъ (29), и такимъ образомъ продается. Семдесятъ куръ можно купить за червонецъ, цѣною въ четыре или пять шиллинговъ; а гуся менѣе нежели за три пенса. Въ странѣ сей зимній холодъ

чрезвычайно силенъ и всѣ рѣки обыкновенно замерзаютъ. Пользуясь симъ обстоятельствомъ, жители привозятъ зимою на рынокъ быковъ и другой скотъ совсѣмъ убитой, ободранный и выпотрошенный, которыхъ, замерзшихъ такъ крѣпко, какъ камень, они ставятъ на рынкахъ на ноги, и въ такомъ количествѣ, что можно разомъ купить 200 или болѣе. Разрѣзывать ихъ на части, какъ на нашихъ рынкахъ, не возможно отъ чрезвычайной твердости, и они продаютъ ихъ цѣлыми. Единственные плоды, которые я могъ найти, были яблоки, орѣхи и небольшіе грецкіе орѣхи. Если Россіяне желаютъ куда нибудь ѣхать и особенно если разстояніе далеко, то они всегда предпочитаютъ зимнее время, когда вся страна покрыта снѣгомъ и рѣки замерзли, потому что тогда они ѣдутъ съ бо́льшимъ удобствомъ и скоростію, будучи подвержены только сильному холоду. Въ сіе время они употребляютъ сани, на которыхъ они возятъ съ большою легкостію все, чего ни пожелаютъ. Лѣтомъ доро́ги чрезвычайно грязны и неровны, что происходитъ отъ того, что страна чрезвычайно лѣсиста; и они никогда не дѣлаютъ въ сіе время продолжительныхъ поѣздокъ, также и потому что мала народонаселенность. У нихъ нѣтъ винограда, но они дѣлаютъ нѣкоторый родъ вина изъ меду и что-то похожее на пиво изъ пшена (millet) просо, въ которое они кладутъ хмѣль, запахъ котораго такъ силенъ, что заставляетъ чихать и производитъ опьянѣлость подобно вину.

Почитаю за нужное упомянуть здѣсь, что назадъ тому лѣтъ двадцать пять, Великій Князь, замѣтивъ, что подданные его чрезмѣрно преданы пьянству, и отъ того не радѣютъ о дѣлахъ своихъ, издалъ повелѣніе, которымъ воспрещалось дѣлать медъ и пиво; и симъ средствомъ онъ принудилъ ихъ къ жизни умѣренной и трудолюбивой. Кромѣ сего, онъ сдѣлалъ много другихъ распоряженій весьма полезныхъ для своей страны. Прежде царствованія сего Государя Россіяне платили дань Татарамъ; но теперь они завоевали область, называемую Казань, которая лежитъ на 500 миль къ востоку отъ Москвы. Главный городъ оной находится на лѣвомъ берегу Волги, если ѣхать внизъ къ морю *Бокри* или Каспійскому (30). Сія область Казанская производитъ значительную торговлю, особенно мѣхами; большое количество оныхъ отправляется оттуда чрезъ Москву въ Польшу, Пруссію и Фландрію. Мѣха сіи доставляются отъ сѣверо-востока изъ отдаленныхъ предѣловъ Царства Загатайскаго (31) и изъ Мокшіи (32), сѣверная часть которой обитаема Татарами, изъ коихъ иные идолопоклонники, особенно Мокшане, даже и до сего времени.

Собравши нѣкоторыя извѣстія о сихъ Мокшанахъ, я опишу нѣчто касающееся до обрядовъ ихъ вѣры. Въ извѣстное время, собравшись вмѣстѣ, они вводятъ въ средину сего собранія лошадь и привязываютъ оную крѣпко за голову и за ноги къ пяти

столбамъ, нарочно для того вколоченнымъ въ землю; послѣ сего одинъ изъ нихъ, къ тому назначенный, отходитъ на нѣкоторое разстоянiе съ лукомъ и стрѣлами и стрѣляетъ въ сердце животнаго до тѣхъ поръ, пока убьетъ его. Умертвивши его такимъ образомъ и исполнивъ нѣкоторый обрядъ, они съѣдаютъ мясо его. Потомъ, набивши кожу лошади соломою и зашивши ее, такъ что кажется цѣлою, они втыкаютъ въ ноги ея деревянныя палки, чтобъ набитое животное могло стоять какъ бы живое. Послѣ сего устроиваютъ помостъ, посреди вѣтвей густаго дерева, на которомъ укрѣпляютъ набитую кожу лошади и покланяются ей какъ богу, принося въ жертву мѣха, соболей, горностаевъ, сѣрыхъ бѣлокъ и лисицъ, которыя они вѣшаютъ на сучьяхъ священнаго дерева, точно такъ какъ мы ставимъ восковыя свѣчи предъ изображенiями святыхъ. Пища сего народа большею частiю состоитъ въ мясѣ, особенно въ дичи, пойманной или убитой на охотѣ; но они ловятъ также рыбу — которая находится въ большомъ количествѣ въ ихъ рѣкахъ.

Нѣкоторые изъ Татаръ идолопоклонники; они возятъ съ собою идоловъ, которымъ покланяются въ своихъ кибиткахъ или подвижныхъ домахъ; и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ странное обыкновенiе, каждый день покланяться тому животному, которое первое встрѣтится утромъ по выходѣ изъ дому.

Великій Князь Россійскій также завоевалъ Новгородъ (33). Сія обширная область была сперва республикою. Жители были люди безразсудные и между ними находилось много еретиковъ; но теперь у нихъ усиливается Католическая вѣра, хотя многіе и не доброжелательствуютъ ей. Между тѣмъ они ведутъ жизнь болѣе покойную, и у нихъ возстановлено правосудіе.

Польша отстоитъ на двадцать два дни ѣзды отъ Москвы; и первое мѣсто, въ которое мы прибыли въ Польшѣ, есть укрѣпленный городъ Троки (34), или Троцкъ. Дорога къ нему идетъ чрезъ лѣса, горы и необитаемыя пустыни. Сказать правду, тутъ встрѣчаются нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ путешественникъ можетъ отдохнуть и достать огня, но только если дастъ знать прежде; а иногда, хотя очень рѣдко, попадаются небольшія деревни нѣсколько въ сторону отъ дороги. За Троцкомъ встрѣчаются также пригорки и лѣса, въ которыхъ есть жилища. Послѣ девятидневной ѣзды отъ Троцка, мы прибыли въ укрѣпленной городъ *Лонили*, или Лонинъ (35). Послѣ того мы оставили ету часть Польши, называемую Литвою, и пріѣхали въ повѣтъ, называемый *Варсоничь* (36), который принадлежалъ одному вельможѣ и былъ покоренъ Казимиромъ, или Кассимиромъ, Королемъ Польскимъ.

Эта часть страны сей плодоносна и заключаетъ довольное число укрѣпленныхъ городовъ и деревень, хотя не весьма зна-

чительныхъ. Отъ Варшавы до границъ Польши семь дней ѣзды, чрезъ страну хорошую и приятную; а тамъ встрѣчается *Мерсага* (37), городъ довольно порядочный, которымъ оканчивается Польша. Не имѣя достовѣрныхъ извѣстій, я не могу ничего сказать болѣе о сей странѣ, какъ только то, что Король, дѣти его и все семейство добрые Христіане, и что старшій сынъ его Король Богемскій. Послѣ четырехъ дней ѣзды отъ Польши, мы прибыли во Франкфуртъ, городъ, принадлежащій Маркграфу Бранденбургскому. Достигши такимъ образомъ Германіи, я не буду ничего говорить о ней, потому что теперь я нѣкоторымъ образомъ дома, и потому что страна сія многимъ очень хорошо извѣстна.

Примѣчанія.

1. Форстеръ, путешествія и открытія на Сѣверѣ, стр. 165.

2. Также именуемое море Забачи, Ишабакъ-Денгисси, Палусъ Меотисъ и море Азовское. — *Форстеръ*.

3. Говорятъ, что это значитъ Deodati или Богомъ данный. — *Форстеръ*.

4. Ch употребляется въ Италіянской ороографіи предъ е и і для означенія буквы k: слѣдственно *Cheremuch* есть Керемукъ, и *Chertibei*, Кертибеи. При непрестанномъ измѣненіи номенклатуры, отъ ошибочной ороографіи и отъ перемѣны владычества, часто трудно указать теперь на народы и области, здѣсь означенныя. Примѣромъ тому настоящій случай, и слѣдующій, гдѣ исчисляются небольшія племена Кавказскія,

лежащія между морем Азовским и Каспійскимъ, и теперь большею частію находящіяся подъ владычествомъ Россіи; мѣсто жительства и имена сихъ племенъ такимъ образомъ означены здѣсь, что мы не можемъ теперь никакъ узнать ихъ.

5. Иначе именуемый Севастополь, также Исгурія или Діоскуріосъ. — *Форстеръ*.

6. Изъ сего видно, что Асперъ, обыкновенное названіе серебряной монеты въ новой Турціи, занято отъ Грековъ. *К-ъ*.

7. Теперь Перекопъ. — *Керъ*.

8. Куманія и Казарія, названныя здѣсь областями Крыма или острова Каффы, должны быть небольшіе уѣзды сего полуострова, обитаемые племенами Куманіанъ и Газзаръ, жителями страны, лежащей между моремъ Азовскимъ и устьемъ Волги, теперь именуемой Кубанскою Татаріею. Часто вся страна сія, вмѣстѣ съ землями, лежащими между Волгою и Ураломъ, принимаетъ имя Куманіи. Но разрушительныя завоеванія Татаръ такъ раздробили многіе народы, производили такія быстрыя и частыя перемѣны, что не возможно сдѣлать опредѣлительной топографіи, кромѣ озеръ, рѣкъ и горъ. — *Керъ*.

9. Древній Херсонесъ Таврическій, Крымъ нашего времени, именуемый теперь Россіянами Тавридою. *К-ъ*.

10. Вѣроятно Улу-бегъ, или Великій Государь. *К-ъ*.

11. Сорагати или Солгати, у Абулфеды именуется Солдетъ или Кирмъ; а нынѣ называется Гекихиримъ или древняя цитадель. *Форстеръ*. Очевидно, что отъ имени сего мѣста, Кирмія, Кирмъ или Кримъ, происходитъ названіе полуострова и жителей онаго, *Кримеа* и Кримскіе Татары. *К-ъ*.

12. Керкларея есть Керкри Абулфеды, и значитъ на Турецкомъ языкѣ крѣпкій человѣкъ. Нѣкоторые мѣсто сіе называютъ Киркъ, а Поляки называютъ его Киркъель. Оно лежитъ на неприступной горѣ, и составляло одну изъ крѣпостей, принадлежавшихъ Гот-

фамъ, жившимъ въ сихъ горахъ и неправильно именуемымъ нѣкоторыми писателями Іудеями; еще не задолго были слѣды сего народа, языкъ котораго содержитъ нѣкоторыя слова, походящія на слова Германскія. *Форстеръ.*

13. Я думаю, что сіе слово, данное здѣсь только одному мѣсту, сначала было общимъ названіемъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, принадлежавшихъ Готѳамъ, которые долго защищались въ Херсонисѣ Таврическомъ. Смѣшное обращеніе сихъ Готѳовъ въ Іудеевъ можно предположить такимъ образомъ, что какой нибудь переписчикъ невѣжда, *или копируя или писавши со словъ, перемѣнилъ Тейтши, Teutchi, въ Іудеевъ. К-гъ.*

14. Пантикапея древнихъ Босфорскихъ Государей. Олъ Корсъ у Абулфеды. *Форстеръ.*

15. Это почти на томъ мѣстѣ, гдѣ была Теодозія Грековъ и Римлянъ. *Форстеръ.*

16. Иначе Солдадия, Солдаси, или лучше Сигдайя, нынѣ Судакъ или Судай, которымъ именемъ называется и у Абулфеды. *Форстеръ.*

17. Гразуи или Грузуи, теперь неизвѣстно; моможетъ быть, находилась на мѣстѣ горада, теперь называемаго Крузи-Музенъ, который, кажется, сохраняетъ нѣкоторые слѣды прежняго названія. *Форстеръ.*

18. Также называется Цимболо *Συμβολων ὅρμωος* или *Λιμην,* Балаклава у новѣйшихъ, или Лименъ. *Форстеръ.*

19. Иначе Херсонъ и *Schurschi*, который сперва назывался Херсонъ Трахеа, и былъ построенъ 600 лѣтъ прежде Христіанской еры, жителями Гераклеи при Понтѣ. Онъ также назывался Херсонесъ, или полуостровъ; но это слово означало собственно всю часть полуострова между сею гаванью и Цимболономъ или Лименомъ, которая совершенно была занята Греками. Россіяне завладѣли симъ мѣстомъ во время Владиміра Великаго, и въ ихъ лѣтописяхъ оно называется Корсунью. У Турокъ именуется Карай-Буринъ. Его должно отличать отъ другаго Херсона на Днѣп-

ръ, лежащаго не въ большомъ разстояніи, но внѣ полуострова. *Форстеръ.*

20. Это, кажется, испорченное слово Климата; такъ какъ всѣ сіи города сперва принадлежали *καστρα των κλιματα* Грековъ, а потомъ незадолго до сего времени Туркамъ. *Форстеръ.*

21. Это есть мѣсто, лежащее при устьѣ Днѣстра, называемое Турками Акъ-Кіерманъ; Валахами Тшелатолба; Бѣлгородъ Россіянами; Аспро Кастра Греками, и Монкастро Генуезцами. Это была Алба Юлія Римлянъ. *Форстеръ.*

22. Сіе обстоятельство было прежде замѣчено Рубруквисомъ, также упомянуто у Бусбека. Отецъ Мондорфъ встрѣтился съ нѣкоторыми невольниками на галерахъ въ Константинополѣ, которые происходили отъ Готѳовъ и говорили нарѣчіемъ Германскимъ. Теперь, какъ Крымъ принадлежитъ Россіи, желательно бы было, чтобъ постарались отыскать оставшіеся слѣды Готфскаго языка; потому что сей языкъ могъ бы послужить къ объясненію дошедшихъ до насъ остатковъ Евангелія, на Готѳской языкъ Улфилою переведеннаго; также имена и обычаи сего народа вмѣстѣ съ нѣкоторыми выраженіями и оборотами, могли бы объяснить обычаи и нравы древнихъ Германцевъ. Даже возможно предположить, что нѣкоторыя семейства между ними, высшаго сословія, владѣютъ нѣкоторыми книгами, писанными на ихъ древнемъ языкѣ, что бы было открытіемъ весьма важнымъ. *Форстеръ.*

23. Иначе именуемая Ердиръ, Ердиль, Атель, Атоль, Етилія и теперь Волга. *Форстеръ.*

24. Также называемая Цитракакъ и Астракакъ. *Форстеръ.*

25. Здѣсь находится грубая ошибка, и въ извѣстіи о сей торговли надо разумѣть слѣдующее: „Что торговля шелками и пряными кореньями, съ Востокомъ, которая теперь идетъ чрезъ Сирію, шла сухимъ путемъ изъ Астрахани въ Тану, а оттуда моремъ въ Венецію.“ Послѣднее выраженіе, что ника-

кой другой народъ, кромѣ Венеціанъ, не торговалъ съ Сиріею — совсѣмъ неизъяснимо; потому что Сирійская торговля не могла производиться въ Венецію чрезъ Астрахань и Тану. Различные торговые пути изъ Индіи, или съ востока на западъ, или въ Европу, прежде открытія Португальцами морскаго пути, хорошо изъяснены Д. Робертсономъ, и будутъ представлены въ семъ сочиненіи. *К-гъ.*

26. Рязань на Окѣ, главный городъ области того же имени. *К-гъ.*

27. Даже и въ сіе время въ Россіи дѣлается пьяной напитокъ изъ просо, называемый *буза*, который довольно крѣпокъ, и вѣроятно тотъ самый, который здѣсь названъ *Босса. Форстеръ.*

28. Мнѣ кажется, что это мѣсто переписано ошибочно, и что тутъ должно быть сказано, что крѣпость обнесена деревянными стѣнами, потому что всѣмъ хорошо извѣстно, что крѣпость Кремлевская окружена городомъ Москвою. *К-гъ.*

29. Ето выраженіе не имѣетъ смысла. Барбаро вѣроятно написалъ, что въ Москвѣ четыре фунта мяса стоитъ столько, сколько въ Венеціи одинъ. *К-гъ.*

30. Каспійское море, кромѣ именъ Бокри и Баку, также имѣетъ названіе Козарскаго и моря Табристанскаго. *К-гъ.*

31. Загатай былъ одинъ изъ сыновей великаго завоевателя Чингисъ-Хана, и получилъ въ наслѣдство на свою долю часть Государства, которая заключаетъ въ себѣ Туркестанъ, Мавараннагоръ и Каваримъ; послѣ сія обширная страна приняла отъ него имя Загатая. *Форстеръ.*

Мѣха, упомянутые здѣсь, не могли быть привозимы изъ сей страны, которая сверхъ того лежала къ юго-западу отъ Казани. Къ сѣверо-западу находилась Сибирь, настоящее мѣсто, гдѣ достаются дорогіе мѣха, и которую Барбаро по ошибкѣ назвалъ Загатаемъ, хотя можетъ быть также, что она въ то время составляла часть сего обширнаго Государства. *К-гъ.*

…ское Село, 27 авг. 1824.

Ми[illegible]

[illegible] Федорович!

Возвращаю к вам рукопи-
[illegible]ческаго изслѣдо-
ванія вашъ [illegible]
о великихъ отечественныхъ писателяхъ, или
стихотвореній, или сочи-
неній на [illegible]
[illegible]

[illegible] въ [illegible], Ва-
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

отъ Москвы, и описать мѣсто, гдѣ стоялъ вторый Лжедимитрій, или сообщить мнѣ комментарій на слѣдующее Польское описаніе:

„Лагерь Самозванца съ южной, запад„ной и сѣверной стороны былъ окруженъ „*двумя рѣками*, Москвою и *Тушиномъ*.“ (Такъ ли? Есть ли тутъ рѣка Тушинъ?) „Къ востоку простирались равнины, укрѣ„пленныя валомъ и рвомъ.“ (Остались ли слѣды?) „Тутъ стояли Донскіе козаки, а „Татары вдоль Москвы рѣки; на другой „сторонѣ лагеря пѣхота и конница Поль„ская, также вдоль рѣки; за рѣкою Россія„не, служившіе Самозванцу.“

Вы меня одолжите, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Будьте благополучны и благосклонны къ вашему покорнѣйшему

Н. Карамзину.

Царское Село.
27 Авг. 1824.

Пишутъ, что у Самозванца было около 80,000 человѣкъ.

~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~

Тушинскій лагерь втораго Лжедимитрія.

Пустошь Корьева

Рѣка Москва

опі
вщ
ко

„н
„д
(Т
„Н
„п
сл
„Т
„С
„С
„Н

ау

къ

чел

2.

Получивъ 30 Августа Ваше письмо, я на другой же день отправился въ село *Тушино* и, осмотря внимательно то мѣсто, гдѣ стоялъ вторый Лжедимитрій, поспѣшаю сообщить В. П. точное онаго описаніе.

По большой Волоколамской дорогѣ, въ концѣ 13 версты отъ Москвы, тотчасъ за селомъ Тушинымъ, представляются по обѣимъ сторонамъ дороги довольно высокіе валы: они кое-гдѣ распаханы, въ другихъ мѣстахъ разрыты искавшими кладовъ; индѣ сохранились въ прежнемъ видѣ съ остатками рва, выкопаннаго къ селу Тушину. Валъ, идущій вправо отъ дороги, простираясь до 47 саженъ, упирается въ крутизну праваго берега рѣки *Всходни* (попросту *Сходни*), которая въ водополье, отрывая песчаный грунтъ, уноситъ его въ быстрину. Всходня течетъ къ Тушину, за коимъ впадаетъ въ Москву рѣку. Съ крутизны вала, гдѣ ростетъ ёлка, прямо *пустошь Наумкова*, по ту сторону рѣки; поправѣе, на той же сторонѣ (лѣвой по теченію) *городище* — возвышенность, поросшая лѣскомъ, и близь оной *три кургана*. Влѣво, глядя съ крутизны, по сю сторону, съ правой руки по теченію Всходни, видѣнъ еще насыпный валъ, простирающійся саженъ на 260 къ *Святымъ воротамъ*. Сей валъ выше двухъ первыхъ, съ глубокими

рвами, гдѣ остались еще застоины, поросшія осокою, въ иныхъ мѣстахъ распаханъ, въ другихъ отъ времени сравнялся съ землею. Онъ именуется *Цариковою горою.* У самаго вала пролегаетъ отъ большой дороги проселочная къ Святымъ воротамъ. Сіи ворота составляютъ *узкій проходъ* (дефилею), прорытый, какъ видно, искусствомъ въ природномъ склоненіи проселочной дороги къ равнинѣ. Святыя ворота ведутъ къ прекрасной кругловатой лощинѣ, огражденной природнымъ возвышеніемъ, гдѣ, разсказываютъ, былъ *городъ* (главная квартира) Самозванца. Лощина называется отъ крестьянъ *Піявочникомъ:* ибо въ болотѣ, въ оной лежащемъ, (которое теперь осушается), прежде важивались *піявки.*

Съ лѣвой стороны дороги валъ невысокъ, съ большимъ въ одномъ мѣстѣ разрывомъ отъ перепашки. Онъ идетъ въ прямой линіи съ валомъ, находящимся на правой рукѣ, и упирается въ природное у берега Москвы рѣки возвышеніе, покрытое лѣскомъ, которое называютъ *Поповъ угоръ* (*бугоръ*). Все пространство вала отъ дороги до возвышенія, считая и разрывъ, составляетъ до 110 саженъ. Берегъ рѣки саженяхъ въ 13 отъ Попова бугра. Смотря съ сего возвышенія прямо на ту сторону рѣки, правую по теченію, видите *Корьеву пустошь;* правѣе, къ селу Спасскому, *Литвинову пустошь.*

Я проѣхалъ и въ село *Спасское* (Преображенія), лежащее на 14 верстѣ отъ

Москвы, на лѣвомъ берегу рѣки сего имени, которое въ межевой книгѣ и на планѣ не раздѣляется отъ Тушина: ибо въ семъ послѣднемъ, обветшавшая деревянная церковь, во имя Св. Сергія Радонежскаго, упразднена и крестьяне приписаны къ Спасскому приходу. Тушинская церковь была на крутомъ берегу Всходни, гдѣ теперь маленькая часовня: сіе мѣсто именуется *Монастырскою горою*, потому, вѣроятно, что село Тушино съ приходомъ Спасскимъ принадлежали *Троицкому Сергіеву* монастырю до отобранія недвижимаго имѣнія отъ обителей. Въ Спасской церкви, которой архитектура и кирпичи показываютъ несомнѣнную старину, я повѣрилъ по плану и межевой книгѣ представляемое Вамъ описаніе. Неистовые Литовцы, какъ увѣряетъ преданіе, во время бѣдствія нашего Отечества, превратили церковь сію въ конюшню. Въ селѣ Спасскомъ живетъ осмидесятилѣтній старикъ, сохранившій, при крѣпости силъ, свѣжую память; къ сожалѣнію, я не засталъ его дома. Отъ него-то мой проводникъ, грамотный, умный крестьянинъ, Козма Михайловъ Малышевъ, провѣдалъ о достопамятномъ событіи въ своемъ селеніи. Старикъ знаетъ по преданію, что на большой дорогѣ, которая и за двѣсти лѣтъ пролегала на томъ же мѣстѣ, было нарочитое укрѣпленіе между валами: что такое же укрѣпленіе находилось и въ ущельи, именуемомъ Святыми воротами. По словамъ его, *Скопинъ* (прозваніе героя

въ Тушинѣ всѣмъ извѣстное) съ городища, переправясь черезъ рѣку Всходню и прошедъ лугъ, ударилъ на Самозванца; враги побѣжали поперегъ большой дороги, закрываясь валомъ, мимо Попова бугра, и, переплывъ Москву рѣку, помчались по Литвиной пустоши, гдѣ теперь зеленѣютъ сочные луга. Преданія вѣроятныя! онѣ оправдываются положеніемъ мѣстнымъ: только не Шуйскій, а другой Военачальникъ былъ под Тушинымъ.

Въ берегахъ рѣкъ Москвы и Всходни прежде находили серебреныя копѣйки, таковыя же серьги и перстни. Здѣшніе крестьяне, какъ и вездѣ, пропускаютъ сказки, что въ валу, именуемомъ *Цариковою горою*, зарыто множество кладовъ; но они, какъ извѣстно, безъ *разрыва травы* въ руки не даются.

Теперь нѣсколько словъ о Польскомъ описаніи. „Лагерь Самозванца съ южной, за„падной и *сѣверной* стороны былъ окру„женъ двумя рѣками, Москвою и Туши„номъ.“ — Вмѣсто *сѣверной* должно *восточной*. Рѣки *Тушины* нѣтъ; а это, безъ сомнѣнія, *Всходня*, которая, можетъ быть, имѣла прежде помянутое названіе, о чемъ однако же никто не знаетъ изъ жителей селенія. — „Къ востоку простирались равни„ны, укрѣпленныя валомъ и рвомъ.“ Такъ: Царикова гора, Святыя ворота и городъ (Піявочникъ) показываютъ ясные слѣды сего укрѣпленія. — „Тутъ стояли Донскіе ко„заки, а Татары вдоль Москвы рѣки.“ Не

противно мѣстному положенію: Татары могли расположиться по лѣвому берегу. — „На другой сторонѣ лагеря (гдѣ?) пѣхота „и конница Польская, также вдоль рѣки „(какой?).“ Думаю, по правому берегу Москвы, гдѣ Литвинова пустошь. — „За рѣ„кою Россіяне, служившіе Самозванцу.“ Этаго я не понимаю; если измѣнники поставлены были за Всходнею, то находились прямо въ лицѣ нашихъ, безъ всякой защиты: ибо вѣрные Россіяне, расположившіеся лагеремъ на Ходынкѣ, какъ видно, владѣли и лѣвымъ берегомъ Всходни, имѣя въ своихъ рукахъ и самое село Тушино; а ежели измѣнники стояли за Москвою рѣкою, то рядомъ съ войсками Польскими.

Вотъ В. П. подробности моего изслѣдованія. Вы можете винить меня только въ излишествѣ; но я желалъ передать вамъ все, что видѣлъ и слышалъ, для дальнѣйшихъ соображеній. Планъ, къ сему описанію присоединяемый, довольно вѣрно снятъ съ мѣстнаго положенія: я, быть можетъ, не сохранилъ только тѣхъ правилъ, какія потребны для сего искусства.

Съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностію честь имѣю быть, и проч.

Москва.
3 Сентября, 1824.

(Сіе письмо помѣщено съ нѣкоторыми поправками. Незабвенный Карамзинъ отвѣчалъ на оное, отъ 16 Сентября 1824 года,

слѣдущее: „Отъ всего сердца благодарю васъ „за столь обязательное исполненіе моей „просьбы, за описаніе Тушинскаго стана.“)

АРХЕОЛОГІЯ.

IV.

Надгробный Памятникъ Маrѳы, будто бы Посадницы Новгородской.

Мы мало знаемъ достовѣрнаго, историческаго о сей Марѳѣ, Посадницѣ Новгородской, героинѣ извѣстной повѣсти Н. М. Карамзина, въ которой она занимаетъ столь важное лице. Впрочемъ лѣтописи повѣствуютъ о ея сильномъ участіи въ дѣлахъ Новагорода, при совершенномъ его покореніи Державѣ Великаго Князя Московскаго; упоминаютъ о ея характерѣ, знатности и богатствѣ. Борецкая обладала умомъ хитрымъ и особеннымъ велерѣчіемъ. Современники говорятъ и о *чудномъ* ея *домѣ* и о тѣхъ пирахъ, которые созывали въ ея свѣтлыя гридницы мятежныхъ гражданъ — для совѣтовъ о дѣлахъ важнѣйшихъ. На одномъ изъ такихъ пировъ былъ Св. Зосима, Игуменъ Соловецкій, котораго прежде Марѳа, повѣря клеветѣ, съ безчестіемъ отвергла, когда онъ искалъ ея защиты и покровительства въ притѣсненіяхъ Двинскихъ жителей монастырю Соловецкому.

Надгробный Камень
Марѳы, может быть
Посадницы.

ЛѢТА Я
ПОЛОЖЕНАСѦ
ПРѢСТАВИС
АРАБА БЖН
АМАРДАНАПА

Марѳа, узнавъ потомъ о невинности Зосимы, раскаялась и пригласила вмѣстѣ съ знатными гостями на обѣдъ къ себѣ мужа праведнаго. Мы оставляемъ нашему краснорѣчивому Витіи, Святителю Ростовскому Димитрію, самому повѣствовать о томъ странномъ видѣніи, которое явилось на семъ пиршествѣ очамъ добродѣтельнаго Зосимы (1). „И вшедшу ему (Зосимѣ) въ „домъ ея (Марѳы)," говоритъ Святитель, „благословися болярыня отъ Святаго, съ „сынами и дщерми своими, и посадиша его „посредѣ пира. Всѣмъ же ядущымъ и піющымъ и веселящымся, Преподобный съ „смиреніемъ и кротостію ѣдящи молчаше, „мало пищи вкушающи по обычаю своему. „Воззрѣвъ же на возлежащыя, удивися и „поникъ долу ничтоже вѣщаше: видѣ бо „чудное видѣніе. И паки воззрѣвъ тожде „видѣ, и пониче долу, и третицею приложа воззрѣти на возлежащыя, видѣ тожде „видѣніе: — видѣ бо безъ главъ сѣдящихъ „шесть начальнѣйшихъ мужей на пирѣ томъ „и удивляшеся рабъ Божій зримому, како „тіи человѣцы сѣдятъ и пируютъ, а главъ „не имутъ; разумѣвъ же имущая быти, покива главою, и воздохну, и прослезися, „и ктому не вкуси ничтоже отъ предлагаемыхъ на обѣдѣ, аще и прошеніями принуждаемый бѣ. По обѣдѣ же боярыня Марѳа „просящи прощенія у Преподобнаго за „оскорбленіе отъ нея ему содѣянное, даде „монастырю его деревню при рѣцѣ *Сумѣ* „на пристанищи (2), и отпусти его

„съ миромъ. Изшедшу же Преподобному изъ „дому ея, ученикъ его Даніилъ имѣяй дерз„новеніе къ нему, вопрошаше съ прилѣж„нымъ моленіемъ, почто во время обѣда „позрѣвъ трижды на возлежащыя, покива „главою, и воздохнувъ проплака, и не вку„си ктому отъ представляемыхъ брашенъ? „И глагола Преподобный ученику: чадо, „ожесточилъ еси просити, якоже и Елисей „Илію, обаче не скрыю судебъ Божіихъ не„изреченныхъ имущихъ сбытися въ свое „время, но сохрани тайну сію, дондеже „будетъ исполненіе Божіихъ велѣній. Ви„дѣхъ азъ шесть мужей начальнѣйшихъ бо„ляръ градскихъ, сѣдящихъ на пиршествѣ „безъ главъ, то видя удивляется со ужа„сомъ на мнозѣ, и не возмогохъ ни ястія, „ни питія принести ко устомъ моимъ отъ „ужаснаго видѣнія, и мню симъ мужемъ „обезглавленнымъ быти вскорѣ: блюди же, „о чадо! да никому же повѣси сего, еже „слышиши отъ мене.“

Пророчество скоро исполнилось: Великій Князь Іоаннъ, покоривъ Новгородъ, казнилъ мятежныхъ бояръ Новгородскихъ, велѣлъ взять подъ стражу, 2 Февраля 1478 года, славную Маѳу Борецкую и отвезти ее въ Москву вмѣстѣ съ другими сановниками республики (2).

Не извѣстно, гдѣ кончила жизнь сія злохитривая жена, какъ называетъ ее современникъ, принадлежащая исторіи. Думали, что Борецкая умерла, не доѣхавъ Москвы, и погребена въ *Млевскомъ Троиц-*

комъ монастырѣ, въ Бѣжевской пятинѣ, на лѣвомъ берегу Тверцы, отъ Вышняго Волочка къ сѣверу въ 20 верстахъ, который монастырь былъ причисленъ къ Новгородскому Кириллову (3).

Справедливо или нѣтъ, что Мароа кончила жизнь на пути къ Москвѣ, въ селѣ Млевѣ, нынѣ въ Тверской Губерніи, въ чемъ сомнѣвается Святитель Димитрій (4); но то достовѣрно, что въ томъ селѣ, при церкви Спаса Нерукотвореннаго, найдена, въ 1781 году, надгробная каменная плита, — длиною 2 аршина съ полвершкомъ, шириною вверху 1 аршинъ и полвершка, внизу пол-аршина, — на которой *вырѣзана* (5) слѣдующая надпись: лѣта Ѵ положенасА преставися раба божия Мароа на па .... Меѳодій, Архіепископъ Тверскій и Кашинскій, любитель и знатокъ древностей отечественныхъ, получивъ свѣдѣніе о семъ камнѣ отъ его письмоводителя Морошкина, приказалъ Вышневолоцкаго Казанскаго Собора Протоіерею Василію Петрову немедленно отправиться на мѣсто находки и донести о послѣдствіяхъ даннаго ему порученія. Достойный Протоіерей въ точности исполнилъ волю своего пастыря, и 29 Мая 1811 года далъ отъ себя рапортъ (полученный 5 Іюня) слѣдующаго содержанія:

„Находящійся при походной В. В. кон„торѣ письмоводитель Алексѣй Морошкинъ „объявилъ мнѣ приказаніе В. В., дабы *я*, ни „мало не медля, отправился Вышневолоцка„го уѣзда въ село *Млево*, бывшій монастырь,

„и найденный тамъ гробъ съ надписью *Мар-*
„*ѳы Новогородской посадницы* освидѣтель-
„ствовалъ: 1, какой величины тотъ гробъ
„Марѳы Посадницы? 2, на какомъ именно
„металлѣ или камнѣ вычеканена надпись?
„и сколько она велика въ длину и ширину?
„и 3, съ самой надписи списать точь въ
„точь копію, такими же литтерами, ка-
„ковыми она писана, и тѣмъ же порядкомъ,
„каковымъ расположена; а ежели будетъ
„удобно, срисовать надпись и рисунокъ оный
„представить къ Вашему Высокопреосвя-
„щенству при рапортѣ съ описанiемъ и
„прочаго, ежели что только найдено бу-
„детъ по сему предмету достопамятнаго.
„И во исполненiе приказанiя Вашего Высо-
„копреосвященства, сегожь Мая 26 го дня,
„въ село *Млево* я отправился, и при Спас-
„ской церкви отыскавъ выбитую на про-
„стомъ камнѣ надпись, разсматривалъ, и по-
„томъ какъ съ камня, такъ и съ самой над-
„писи точь въ точь, тѣмижь литерами и
„такимъ же порядкомъ она расположена на
„бумагѣ. Рисунокъ при семъ къ В. В. почтен-
„нѣйше препровождаю съ таковымъ донесе-
„нiемъ, что оный камень, по показанiю та-
„мошнихъ жителей, въ 1781 году найденъ
„при погребенiи Г. Загряжскаго двороваго
„человѣка Василiя Алексѣева, для коего при
„копанiи могилы вырытъ изъ земли, въ ко-
„торой былъ онъ глубиною отъ поверхно-
„сти на аршинъ или болѣе, и по вынутiи
„положенъ надъ тѣмъ дворовымъ человѣкомъ
„на поверхности могилы его, гдѣ и нынѣ

„находится. Село *Млево* чтобъ было когда-либо монастыремъ, никакого описанія не „имѣется; а былъ прежде сего мужескій *Кирилловъ* монастырь тамъ, гдѣ нынѣ Троицкій *Млевскій* погостъ, который отстоитъ „отъ села *Млева* чрезъ рѣку Мету въ версте съ половиною. Болѣе же по сему предмету достопамятнаго ничего не оказалось."

Карамзинъ въ Исторіи Государства Россійскаго (6), упоминая о семъ камнѣ, говоритъ: „Надпись дѣйствительно кажется „древнею: но числительная буква З указываетъ на семитысячный годъ, а Борецкая отправлена изъ Новагорода въ 6986 „году отъ сотворенія міра. Мы замѣтимъ „съ своей стороны, что знакъ Ӯ, какъ видно изъ рисунка, снятаго Протоіереемъ Петровымъ, болѣе похожъ на числительную „букву Ѕ, у которой правильно нарѣзана „или невѣрно нарисована верхняя съ правой стороны черта. — Протоіерею Петрову былъ неизвѣстенъ Млевскій монастырь, на мѣстѣ котораго нынѣ Троицкій Млевскій погостъ. Кириллова монастыря съ симъ Млевскимъ монастыремъ смѣшивать не должно."

28 Янв. — 1828.

Примѣчанія.

(1) Смотр. житіе Преподобнаго Зосимы Соловецкаго въ *Минеи четьяхъ*, подъ 17 числомъ Апрѣля.

(2) Исторія Россійской Іерархіи (Ч. IV. стр. 629 и 632). Напечатана грамота, данная Мареою Корельскому Николаевскому монастырю, гдѣ погребены ея сыновья, утопшіе въ морѣ. — Исторіографъ Карамзинъ сомнѣвается въ древности сей грамоты; мы согласны съ его мнѣніемъ.

(3) Исторія Рос. Іер. Ч. V. стр. 90, 91.

(4) „Болярыня та (Марея) повелѣніемъ Великаго „Князя послана бысть въ заточеніе въ *Нижній Нов-„градъ*, а имѣніе ея разграблено, и остася домъ ея „пустъ, по пророчеству Преподобнаго Зосимы“ — говоритъ краснорѣчивый писатель *житій Святыхъ*.

(5) Должно замѣтить, что въ XV вѣкѣ надгробныя надписи были вырѣзываемы вглубь.

БІОГРАФІЯ.

V.

Нѣкоторыя черты жизни и дѣяній Генералъ-Маіора Давыдова.

Всѣ истинные любители изящнаго, умѣющіе вѣрно оцѣнивать достоинства таланта на поприщѣ Литтературномъ, еще болѣе всѣ тѣ, которые умѣютъ цѣнить великія заслуги знаменитыхъ людей, ихъ достославные подвиги, возвысившіе Россію, — всѣ они, говорю, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ прочитаютъ сіи за-

писки, содержащія драгоцѣнныя черты жизни храбраго Генерала, Дениса Васильевича Давыдова, писанныя однимъ изъ друзей — сослуживцевъ знаменитаго Русскаго полководца и оригинальнаго отечественнаго поэта нашего времени. Дальновидные и проницательные изъ читателей, можетъ быть, угадаютъ имя почтеннаго Автора. По крайней мѣрѣ мы, не смѣя оскорбить его скромности, оставимъ оное подъ непроницаемою завѣсою неизвѣстности, и познакомимъ Публику съ таинственнымъ Анонимомъ. Вотъ что находимъ мы въ занимательныхъ запискахъ друга Дениса Васильевича, съ которымъ Генералъ сей, еще отъ самаго дѣтства, привыкъ дѣлиться чистосердечными чувствами открытой души своей, которому любилъ всегда передавать свои мысли, пересказывать залетные *свои* подвиги.

Денисъ Васильевичь Давыдовъ родился въ Москвѣ 1784 года Іюля 16 го дня, въ годъ и день смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сіе тѣмъ примѣчательно, что оба сіи Денисы обратили на себя вниманіе земляковъ своихъ, Богъ знаетъ, за какія заслуги на словесномъ поприщѣ!

Давыдовъ, какъ всѣ дѣти, съ младенчества своего оказалъ страсть къ маршированію, метанію ружьемъ и проч. Страсть сія получила высшее направленіе въ 1793 году отъ нечаяннаго вниманія къ нему

Графа Александра Васильевича Суворова, который при осмотрѣ Полтавскаго легкоконнаго полка, находившагося тогда подъ начальствомъ родителя Давыдова, замѣтилъ рѣзваго ребенка и, перекрестя его, сказалъ: *„ты выиграешь три сраженія.“* Маленькій повѣса бросилъ букварь, замахалъ саблею, выкололъ глазъ дядькѣ, проткнулъ шлыкъ нянѣ и отрубилъ хвостъ у борзой собаки, думая тѣмъ исполнить пророчество великаго человѣка.

Розга обратила его къ миру и къ ученію. Но какъ тогда учили? Натирали ребятъ наружнымъ блескомъ, готовя ихъ для удовольствія, а не для пользы общества: учили лепетать по Французски, танцовать, рисовать и музыкѣ. Тому же учился и Давыдовъ до 13 лѣтъ своего возраста. Тутъ пора-было подумать и о будущности: онъ сѣлъ на коня, захлопалъ арапникомъ, полетѣлъ со стаею гончихъ собакъ по мхамъ и по болотамъ и тѣмъ заключилъ свое воспитаніе.

Между *порошами и брызгами*, живя въ Москвѣ безъ занятій, онъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда въ Университетскомъ Пансіонѣ. Они доставили ему случай прочитать Аониды, полуперіодическое собраніе стиховъ, издаваемое тогда Н. М. Карамзинымъ. Имена знакомыхъ его, напечатанныя подъ нѣкоторыми стансами и пѣсенками, помѣщенными въ Аонидахъ, зажгли его честолюбіе: онъ сталъ писать,

мысли толпились, но, какъ приключенія во снѣ, безъ связи между собою. Отъ нетерпѣнія онъ думалъ побѣдить препятствія своенравіемъ: рвалъ бумагу и грызъ перья; но не тутъ-то было! Тогда онъ обратился къ переводамъ, и вотъ первый опытъ его стихосложенія:

Пастушка Лиза, потерявъ
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
О милая овечка, когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы! по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно измѣнить.

Въ началѣ 1801 года запрягли кибитку, дали Давыдову въ руки 400 рублей ассигнаціями и отправили его въ Петербургъ на службу. Малый ростъ препятствовалъ ему вступить въ Кавалергардскій полкъ. Наконецъ привязали недоросля нашего къ огромному палашу, опустили его въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтическаго его генія мукою и треугольною шляпою.

Въ таковомъ нарядѣ спѣшитъ онъ къ двоюродному брату своему А. М. К....му, чтобы порадовать его своею радостію; но увы! какой пріемъ! вмѣсто поздравленія, вмѣсто взаимныхъ восторговъ, сей отличный человѣкъ осыпалъ его язвительными насмѣшками и упреками за вступленіе на службу неучемъ. „*Что за солдатъ, братъ*

„Денисъ,“ заключилъ онъ поразительный монологъ свой, — *„что за солдатъ, ко- „торый не надѣется быть Фельдмарша- „ломъ! а какъ тебѣ снести званіе сіе, „когда ты не знаешь ни чего того, что „необходимо знать Штабъ-Офицеру?“* Самолюбіе Давыдова было скорбно тронуто и, съ того времени, гонимый словами К....го, какъ грозными призраками, онъ не токмо обратился къ военнымъ книгамъ, но такъ пристрастился къ нимъ, что не имѣлъ уже нужды въ пугалищахъ, чтобы заниматься чтеніемъ.

Между тѣмъ онъ не оставлялъ и бесѣды съ Музами: призывалъ ихъ во время дежурствъ своихъ и въ казармы и въ гошпиталь и даже въ эскадронную конюшню. Часто на пирахъ солдатскихъ, на столикѣ больнаго, на полу порожняго стойла, гдѣ избиралъ свое логовище, онъ писывалъ сатиры и эпиграммы, коими началъ свое ограниченное словесное поприще.

Въ 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющіе ея ударами, принудили повѣсу нашего выдти въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный тогда Кіевской Губерніи въ окрестностяхъ Звенигородска. Двадцатилѣтній гусарскій Ротмистръ закрутилъ усы, покачнулъ киверъ на ухо, *затянулся, натянулся* и пустился плясать мазурку съ Полячками.

Въ сіе бѣшеное время онъ писалъ стихи своей красавицѣ, которая ихъ не понимала, и сочинилъ извѣстный призывъ на пуншъ

Б. . . . ву, который читать его не могъ, отъ того, что самъ *писалъ мыслете*.

Въ 1806 году, бывъ переведенъ въ Лейбъ-гусарскій полкъ Поручикомъ, Давыдовъ явился въ Петербургъ. Вскорѣ война загорѣлась съ Франціею и Князь Багратіонъ избралъ его въ свои Адъютанты. Давыдовъ поскакалъ въ армію, прискакалъ въ авангардъ, бросился въ сѣчу, попался въ плѣнъ и спасенъ былъ козаками.

По заключеніи мира онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ написалъ *Договоры*, *Мудрость* и нѣсколько другихъ стихотвореній.

Зимою 1808 года объявлена война Швеціи. Давыдовъ является въ армію, ждетъ обѣщаннаго приступа къ Свеабургу и, узнавъ о начатіи переговоровъ для сдачи сей крѣпости, спѣшитъ къ Кульневу на сѣверъ: идетъ съ нимъ до окрестностей Улеабурга, занимаетъ съ командою козаковъ островъ Карлое и, возвратясь къ авангарду, отступаетъ по льду до Ботническаго залива къ С. Пигаіокамъ, а оттуда до Гамлекарлеби. При С. Хоманго, въ виду непріятельскихъ аванпостовъ, онъ перевелъ Делилеву басню: *la Rose et l'Etourneau*.

Въ теченіе сей кампаніи Давыдовъ неотлучно находился при авангардѣ Кульнева въ Сѣверной Финляндіи: съ нимъ былъ при завоеваніи Аландскихъ острововъ, съ нимъ разставлялъ пикеты, наблюдалъ за непріятелемъ, раздѣлялъ суровую его пищу и спалъ на соломѣ подъ крышею неба.

Лѣтомъ 1809 года, Князь Багратіонъ назначенъ былъ Главнокомандующимъ Задунайскою арміею; Давыдовъ находился при семъ блистательномъ Полководцѣ во всѣхъ сраженіяхъ того года.

1810 года Князь Багратіонъ отрываетъся отъ арміи; Графъ Каменскій заступаетъ его мѣсто, и Давыдова приписываютъ снова къ авангарду Кульнева. Въ поучительной школѣ сего отличнаго воина онъ, такъ сказать, кончаетъ курсъ аванпостной службы, начатый въ Финляндіи, и познаетъ цѣну Спартанской жизни, необходимой для всякаго того, кто *рѣшился нести службу, а не играть со службою.*

Возвратясь послѣ Рущукскаго приступа къ Генералу своему, Давыдовъ находился при немъ въ Житомирѣ и Луцкѣ безъ дѣйствія, если исключимъ курьерскія поѣздки и бесѣды съ соименнымъ ему покорителемъ Индіи (1).

Начинается отечественная война, — Давыдовъ поступаетъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ Подполковникомъ и командуетъ 1 мъ баталіономъ онаго до Бородина (2). Первый подаетъ мысль о выгодѣ *Партизанскаго дѣйствія*, отправляется съ горстію козаковъ (130 человѣками) въ тылъ непріятеля, дѣйствуетъ съ ними десять дней и, усиленный шестью стами новыхъ козаковъ, сражается нѣсколько разъ въ окрестностяхъ Вязьмы и подъ самымъ городомъ (3). Раздѣляетъ славу Графа Орлова-Денисова, Фигнера и Сеславина подъ *Ляховымъ;* раз-

биваетъ трехтысячное Кавалерійское Дело подъ *Копысомъ*, разсѣваетъ непріятеля подъ *Бѣлыничами* и продолжаетъ веселые и залетные свои поиски до береговъ Нѣмена. Подъ *Гродною* нападаетъ онъ на четырехтысячный отрядъ Фрейлиха, составленный изъ Венгерцевъ. Давыдовъ въ душѣ гусаръ и любитель природнаго ихъ напитка: за стукомъ саблей застучали стаканы и — городъ нашъ!!!

Тутъ фортуна обращается къ нему *задомъ*: Давыдовъ предстаетъ предъ *лице* Генерала Винценгероде и поступаетъ подъ его начальство. Съ нимъ онъ проходитъ Польшу, Силезію, и вступаетъ въ Саксонію. Не стало терпѣнія! — Давыдовъ рванулся впередъ и занялъ половину города Дрездена, защищаемаго корпусомъ Маршала Даву. За таковую дерзость онъ лишенъ былъ команды и отозванъ въ главную квартиру.

Справедливость Царя - покровителя была щитомъ безпокровнаго: Давыдовъ снова является на похищенное у него поприще, на коемъ продолжаетъ дѣйствовать до береговъ Рейна.

Во Франціи командуетъ онъ въ арміи Блюхера Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ. Послѣ Краонскаго сраженія, въ коемъ всѣ Генералы 2й гусарской дивизіи (что нынѣ 3я) были убиты или ранены, онъ управляетъ двое сутки всею дивизіею, а потомъ принимаетъ въ начальство свое бригаду, составленную изъ гусарскихъ полковъ;

Ахтырскаго и Бѣлорусскаго. Съ ними онъ проходитъ чрезъ Парижъ.

1814 года Давыдовъ возвращается изъ Парижа въ Москву, гдѣ занимается Словесностію и сочиняетъ всѣ извѣстныя свои Элегіи.

Въ послѣдствіи занималъ онъ разныя мѣста въ арміи. Нынѣ проводитъ дни въ уединеніи, наслаждаясь семейственнымъ благополучіемъ.

Давыдовъ немного писалъ, еще менѣе печаталъ; онъ, по обстоятельствамъ, изъ числа тѣхъ Поэтовъ, которые должны довольствоваться пока *рукописною* или *карманною славою*.

Общество *Любителей Россійской Словесности*, учрежденное при Московскомъ Университетѣ, удостоило его избраніемъ въ число своихъ Дѣйствительныхъ Членовъ, и онъ примкнулъ въ немъ себя къ толпѣ малодѣйствующихъ. Однако же послѣднее сочиненіе его: *Опытъ теоріи Партизанскаго дѣйствія*, даетъ ему право на Адрессъ-календарь Глазунова и на уголокъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Заключимъ: Давыдовъ не нюхаетъ табаку съ важностію, не смыкаетъ бровей въ задумчивости, не сидитъ въ углу, въ безмолвіи. Голосъ его тонокъ, рѣчь жива и огненна. Онъ, какъ уже мы видѣли, писалъ стихи, л ю б и л ъ вино и женщинъ — сего достаточно, чтобы заслужить имя недѣловаго и даже неосновательнаго человѣка. Напротивъ того, боль-

шая часть офицеровъ арміи почитаютъ его умнымъ, неустрашимымъ и предпріимчивымъ воиномъ. Мы оставляемъ другимъ рѣшить, справедливо или нѣтъ сіе мнѣніе. Чтобы одною чертою выразить Давыдова, скажемъ, что въ головѣ его эпиграмма, а въ сердцѣ элегія; что онъ соединяетъ въ себѣ два, рѣдко соединяемыя качества: *добраго малаго* и *остраго малаго*. Вотъ весь Давыдовъ.

---

(1) Бахусомъ или Вакхомъ, иначе *Діонисіемъ*.

(2) Здѣсь дружеская скромность автора не позволяла высказать всѣхъ геройскихъ подвиговъ нашего Генерала, о которыхъ узнаемъ мы отъ сочинителя *Исторіи нашествія Наполеона на Россію.* — Принявъ подъ свое начальство упомянутый баталіонъ, неустрашимый Давыдовъ громилъ дерзкія полчища Французскаго Императора въ сраженіяхъ подъ *Миромъ*, *Романовымъ*, *Дашковкой* и во всѣхъ аванпостныхъ дѣлахъ до самой *Гжати*. Воспламеняясь часъ отъ часу болѣе рвеніемъ къ подвигамъ славы, онъ полагалъ, что ничего не сдѣлалъ, ибо убѣжденъ былъ, что еще будетъ полезнѣе въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ. Одушевленный симъ благороднымъ порывомъ, основаннымъ, какъ мы уже видѣли, на опытныхъ соображеніяхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, Давыдовъ принялъ себѣ за правило: *на все напрашиваться и ни отъ чего не отказываться.* Такое стремленіе духа должно оправдываться дѣлами; юный герой уже извѣстенъ былъ по дѣламъ своимъ, а потому и препроводилъ къ Князю Багратіону слѣдующее письмо: „*Ваше Сіятельство! вамъ извѣстно, что я, оставя мѣсто вашего Адъютанта, столь лестное для моего самолюбія, и вступя въ Ахтырскій гусарскій полкъ, имѣлъ въ виду партизанскую*

службу, и по чиламъ лѣтъ моихъ и по опытности и, если смѣю сказать, по отвагѣ моей, обстоятельства ведутъ меня по сіе время въ рядахъ моихъ товарищей, гдѣ я своей воли не имѣю, слѣдственно и не могу ни предпринимать, ни исполнить ничего отличнаго. Князь! вы мой единственный благодѣтель; позвольте мнѣ явиться къ вамъ для объясненія моихъ намѣреній. Если оныя будутъ вамъ угодны, употребите меня по желанію моему, и будьте увѣрены, что тотъ, кто носилъ имя Адьютанта вашего пять лѣтъ сряду, поддержитъ честь сію со всею ревностію, какой требуетъ бѣдственное положеніе нашего Отечества."

(3) Отъ взоровъ великаго Полководца Кутузова не скрылся полетъ юнаго орла. Воспользовавшись успѣшною отважностью Давыдова, онъ усилилъ отрядъ его; устроилъ новые отряды и ввѣрилъ начальство надъ оными другимъ партизанамъ, которые, соревнуя идти по слѣдамъ перваго партизана, вскорѣ возгремѣли въ полкахъ Русскихъ, и поразили страхомъ войска гордаго Наполеона. Тщетно предпринялъ онъ сильные поиски противъ нашихъ партизановъ; они низпровергали замыслы враговъ умомъ, расторопностью, осторожностью и благоразумною неустрашимостію. Истор. наш. Наполеона и Русск. Истор. С. Глинки Ч. XII, стр. 150.

ФИЛОЛОГІЯ.

I. *Взглядъ на коренные языки.*

Всѣ бывшіе и существующіе языки суть идіомы одного всеобщаго, первоначальнаго. Даже по потопѣ, говоритъ Св. Писаніе, *бѣ вся земля устнѣ единѣ и гласъ единъ всѣмъ* (Быт. гл. XI. ст. 1). Что было при-

чиною раздѣленія сего всеобщаго языка на многія отрасли, на сіе указуетъ Моисей далѣе. Но каковъ былъ языкъ сей? сохранился ли онъ до нашихъ временъ? существуютъ ли, по крайней мѣрѣ, остатки его? вотъ вопросы, не легкіе для разрѣшенія. Еще менѣе можемъ мы сказать о первоначальномъ языкѣ, о языкѣ общаго нашего праотца. Всякое изслѣдованіе объ ономъ было бы для насъ суетнымъ любопытствомъ. Одно то можно сказать съ достовѣрностію, что и древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ языковъ не есть первоначальный, и что всѣ языки земли суть измѣненіе, искаженіе того всеобщаго, о которомъ упоминаетъ святый бытописатель, великій Моисей. Мы не принимаемъ мнѣнія тѣхъ Философовъ-грамматиковъ, которые, восходя къ первоначалію языка, повѣствуютъ о какомъ-то младенчествующемъ состояніи человѣка, забывая высокое его происхожденіе; заставляютъ его произносить дикіе, отрывистые звуки, при видѣ неизвѣстныхъ ему предметовъ; разсказываютъ о постепенномъ изобрѣтеніи слова. Здравый разумъ убѣждаетъ насъ, что человѣкъ не могъ изобрѣсти слова; а Св. Писаніе удостовѣряетъ, что человѣкъ одаренъ онымъ (1).

Принявъ за неоспоримую истину, что всѣ языки земли суть измѣненіе, искаженіе одного всеобщаго, и что здѣсь должно искать ихъ основаній, мы можемъ осмѣлиться расторгнуть завѣсу временъ, мо-

жемъ углубиться въ изысканіе коренныхъ всеобщихъ началъ слова человѣческаго, сличая многочисленныя идіомы онаго и повѣряя слѣдствія, нами выведенныя, законами здравой критики, науки различенія.

Цѣль настоящаго разсужденія не есть помянутое изысканіе; но только указаніе, взглядъ на тѣ древнѣйшіе, или, какъ говорятъ обыкновенно, коренные языки, которые носятъ на себѣ печать благороднѣйшую. И самое разсужденіе сіе есть, большею частію, извлеченіе изъ Авторовъ, писавшихъ о семъ предметѣ (2).

Изъ древнѣйшихъ языковъ заслуживаютъ особенное вниманіе тѣ, кои сохранили до нашихъ временъ писанія важнѣйшія. Азія — земля, истинная земля по значенію сего слова, обращаетъ на себя взоры наши. Древнѣйшіе языки оной суть: *Китайскій*, *Самскритскій* и *Еврейскій*. Каждый изъ сихъ языковъ сохранилъ книги нарочитой важности: Китайцы имѣютъ свою *Кингъ*, Индѣйцы *Веды*, Евреи книгу Моисея, *Сеферъ*. Каждая изъ сихъ книгъ восходитъ ко всеобщимъ началамъ вещей; каждая заключаетъ ученіе высокое; каждая обращаетъ на себя вниманіе просвѣщеннѣйшихъ умовъ. Безъ сомнѣнія Христіанинъ, отдавая должную справедливость мудрецамъ Индіи и Китая, умѣетъ отличать въ писаніяхъ ихъ истину отъ заблужденія, знаетъ неравняемое превосходство книги Богомъ вдохновеннаго Мужа.

Китайцы. Языкъ Китайской есть одинъ изъ древнѣйшихъ. Основанія его просты и

односложны. Пріявши начало между людьми грубыми, отдѣленными отъ другихъ великими переворотами, происшедшими съ родомъ человѣческимъ, онъ заключился въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ, сохраняя корни вещественные и немногіе, и не восходя выше простыхъ понятій чувственныхъ. Чувственный въ своемъ началѣ, онъ напоминалъ уму объ однихъ физическихъ предметахъ; немногія слова составляли его; и слова сіи, бѣдныя ограниченнымъ значеніемъ своимъ, относились только къ предметамъ частнымъ и мѣстнымъ. Такъ говорятъ новѣйшіе Филологи.

По размноженіи людей, говорившихъ Китайскимъ языкомъ, языкъ сей могъ вновь исказиться отъ смѣшенія съ другими идіомами; но натура видимыхъ его знаковъ предохранила его отъ дальнѣйшей порчи и, такъ сказать, прикрыла оный непроницаемымъ эгидомъ. Знаки сіи выражаютъ не только звуки, но и самыя идеи. Нѣкоторые писатели утверждаютъ напр., что вначалѣ идею о человѣкѣ выражали Китайцы изображеніемъ человѣка: двѣ ноги нѣсколько раздѣленныя, съ туловищемъ и головою. Впослѣдствіи, для сокращенія, сохранили только двѣ расходящіяся линіи, соединенныя вверху (наши буквы П или Л): вотъ знакъ человѣка вообще, существа разумнаго. Горизонтальною чертою, проведенною надъ сею фигурою, означали начальника, Царя. Другою горизонтальною чертою означали существо разумное, свободное отъ

узъ шѣлесныхъ — духа, Ангела. Трешья горизонтальная черша послужила эмблемою высочайшаго Умнаго Сущесшва — Бога. И шакъ сіи знаки выражали идеи, которыя всякой могъ чишашь на своемъ особенномъ языкѣ — свойсшво, кошорое имѣюшъ и наши цифры, называемыя Арабскими, и кошорыя начальнымъ происхожденіемъ своимъ одолжены Индіи.

По мѣрѣ размноженія народа Кишайскаго, по мѣрѣ пріобрѣшенія новыхъ идей, и самый языкъ Кишайскій развивался, обогащался новыми словами. Число начальныхъ видимыхъ знаковъ онаго не увеличилось; они шолько получили нѣкошорыя прибавочныя черты. Изъ часшныхъ они сдѣлались общими; отъ значенія именъ вещей они перешли въ глаголы. Тогда увидѣли необходимосшь изобрѣсшь новые символы, кошорые, соединяя шѣ и другія часши слова, были бы способны выражашь всѣ ошношенія идей. Явились геніи-изобрѣшашели, и ничшо болѣе не препяшсшвовало успѣхамъ ихъ языка, кошорый, не измѣняя началъ своихъ, не пріемля чуждыхъ формъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ былъ досташоченъ для народа многочисленнаго, даровалъ ему священныя книги, сохранившія чисшошу свою при всѣхъ переворошахъ, и обогашился всѣмъ, чшо Мешафизика и Мораль могли произвесши самаго высокаго.

Перейдемъ къ Самскришскому языку, кошорый для насъ заслуживаешъ болѣе вниманія, какъ праошецъ, говорящъ шакъ, нашего.

2. *Самскритскій языкъ*. Это языкъ ученыхъ Индіи, языкъ книжный. Одинъ знаменитый Филологъ полагаетъ, что народъ, древнѣйшій Индіанъ, обитавшій въ иной землѣ, водворился съ незапамятныхъ временъ въ Бара-Верщъ (нынѣ Индостанъ), и принесъ съ собою славный языкъ, называемый Бали или Пали, котораго важные остатки находятся еще въ Сингалѣ, столицѣ острова Цейлана, въ Королевствѣ Сіамскомъ, въ Пегу и во всемъ владѣніи Бирмановъ. Вездѣ языкъ сей почитается священнымъ.

Слово *Самскритъ* состоитъ изъ кореннаго *Сам,* которое находится еще во Французскихъ словахъ ra*ssem*bler, en*sem*ble, въ Нѣмецкихъ *sam*meln, *sam*mt, или въ Славяно-Русскомъ *самъ,* и изъ кореннаго *крит,* которое примѣтно въ Латинскомъ *cre*are, *re* гдѣ слогъ даетъ идею о вещи, а *cre* значитъ творить. И такъ Самскритскій языкъ значитъ: языкъ, составленный изъ разныхъ началъ, самообразованный, что̀ совершенно ему приличествуетъ: ибо мудрецы Индіи образовали языкъ свой такъ остроумно, что устранили всѣ несовершенства, всѣ злоупотребленія, всѣ самопроизвольности, которыя безобразятъ прочіе языки. Самскритскій почитается нынѣ совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ языковъ.

Въ самой вещи, всѣ Европейскіе ученые, которые изучили Самскритскій языкъ и которые сравнивали оный съ другими извѣстными языками, соглашаются въ томъ,

что языкъ сей превосходитъ всѣ прочіе какъ удивительнымъ механизмомъ своимъ, такъ и богатствомъ, силою выраженій, благозвучіемъ. Самскритскій языкъ имѣетъ великое множество письменныхъ памятниковъ, между которыми важнѣйшее мѣсто занимаютъ Веды, у Индіанъ священными почитаемыя. Корень сего слова, *Веды*, примѣтенъ въ словахъ videre, voir, *видѣть, вѣдать.* И такъ творцы сихъ Ведъ почитались пророками (видцами, вѣдцами, vates), которыхъ проницательный умъ объемлетъ прошедшее, настоящее и будущее.

Славнѣйшіе Филологи Европейскіе взираютъ на языкъ сей, какъ на предметъ важнѣйшихъ своихъ изысканій. Они уже нашли, что языки Азіи, начиная съ Индіи до западныхъ береговъ сей части свѣта, всѣ языки Европы и сѣверной Азіи содержатъ въ себѣ великое множество корней Самскритскаго. Какое побужденіе изучать языкъ мудрыхъ Индѣйцевъ!

Самскритскій языкъ отличается изумляющею ясностію въ выраженіяхъ и изложеніи мыслей, слѣдуя естественному порядку идей. Въ семъ-то заключается тайна его краснорѣчія, то есть искуства красно говорить. Писатели Индіи не гонялись за фигурами, для украшенія слога: онъ самъ собою былъ прекрасенъ и не требовалъ сихъ излишнихъ украшеній, часто служащихъ только забавою.

Древніе Индіане не имѣли поэтовъ; они не знали стиховъ. Мудрецы ихъ занима-

лись только изысканіемъ истинъ полезныхъ и высокихъ; они разсматривали отношенія вещей, какъ онѣ были прежде, каковы онѣ суть и какими будутъ нѣкогда. Они думали, что сего слишкомъ достаточно для ограниченнаго ума человѣческаго, и что занимать его изобрѣтеніями часто одной праздности, значитъ терять время. Глубокія размышленія отчуждали всякіе вымыслы. Древніе мудрецы Индіи почитали вообраafженіе, ихъ порождающее, истиннымъ врагомъ вѣдѣнія, которое бываетъ наградою только за неутомимые труды. Въ послѣдствіи однакожъ явились и поэты въ Индіи — и гармонія языка ихъ чрезвычайно благопріятствовала Поэзіи.

Великая гибкость Самскритскаго языка способствовала образованію составныхъ словъ, дающихъ выраженію большую силу. Но писатели Индіи въ послѣдствіи впали въ непростительное заблужденіе, составляя слова изъ 10, 15 и 20 слоговъ; они простерли даже до того сіе злоупотребленіе, что начали вмѣщать въ одно слово отъ 100 до 150 слоговъ. Сіе своеволіе распространило темноту въ сочиненіяхъ ихъ; неученые перестали разумѣть ихъ, и Самскритскій языкъ измѣнился въ устахъ народа, имъ говорившаго. Однакожъ священныя книги, Веды, сохранили навсегда свое разборчивое богатство; ясность и чистота слога ихъ удержаны до нашихъ временъ во всей своей силѣ.

3. *Древній Еврейскій.* *АбарЪ*, корень слова Еврей, и *АрабЪ*, одно слово; разность между ними произошла отъ перестановки согласныхъ *б* и *р*. То и другое значитъ *западный*; и въ самой вещи Евреи были, Арабы же и теперь суть западные, въ отношеніи къ прочимъ народамъ Азіи.

Другіе же говорятъ, что Еврейскій народъ и языкъ получили имя свое отъ Евера (что̀ значитъ *пришлецЪ*), пятаго Патріарха по потопѣ, родоначальника Богомъ избраннаго племени. Всеобщій языкъ, бывшій удѣломъ всѣхъ племенъ по потопѣ, остался языкомъ Еверовымъ, тогда какъ прочія племена, участвовавшія въ столпотвореніи, разсѣялись по лицу земли и раздѣлились въ мысляхъ, желаніяхъ, мѣстностяхъ и самыхъ языкахъ. Во время пятаго послѣ него Патріарха Ѳарры, нечестіе коснулось избраннаго племени, и высокія преданія религіи, вмѣстѣ съ языкомъ, готовы были исказиться. Тогда избранъ былъ Богомъ святый мужъ, Авраамъ, въ хранителя истины, долженствовавшій выдти изъ страны отцовъ своихъ въ землю чуждую. Потомство его подпало продолжительному игу иноплеменныхъ, но въ самомъ угнетеніи своемъ возрасло въ народъ великій. Могъ ли тогда языкъ Евера оставаться во всей чистотѣ своей? Явился Моисей. Рожденный въ Египтѣ, воспитанный при дворѣ Фараона мудрыми Египта, онъ посланъ былъ Богомъ извести Израильтянъ изъ рабства и, по повелѣнію Божію, далъ имъ

письменный законъ. Сеѳеръ (что̀ значитъ *книга)*, первая книга на Еврейскомъ языкѣ, писана была, вѣроятно, тѣмъ нарѣчіемъ, какое засталъ Моисей, хотя и не предназначалась для всего народа. Послѣ Моисея были и другіе святые мужи, писавшіе симъ языкомъ; таковы Давидъ, Соломонъ, Исаія и другіе. Въ продолженіе плѣна Вавилонскаго, народъ Еврейскій забывалъ мало помалу родной языкъ свой и замѣнялъ его тогдашнимъ нарѣчіемъ Халдейскимъ. Впрочемъ, не смотря на перевороты, которые испыталъ сей необыкновенный народъ, Сеѳеръ Моисея сохранялся съ величайшимъ тщаніемъ. Но сохранилось ли истинное разумѣніе языка онаго? достигло ли оно до нашихъ временъ? По признанію ученѣйшихъ мужей новѣйшаго времени, языкъ Еврейскій во многихъ случаяхъ остается для нихъ загадкою.

Вотъ что̀ можно замѣтить особенно въ языкѣ Еврейскомъ: 1. Корни Еврейскихъ словъ суть глаголы (прошедшее время оныхъ) и состоятъ или изъ одной согласной буквы, или изъ двухъ и трехъ, но не болѣе, перелагаемыхъ всѣми возможными образами; отсюда видно великое богатство корней сего языка: ибо взявши изъ двадцати двухъ только двѣ буквы, можно переложеніемъ составить болѣе 400 словъ; а если взять три, то выйдетъ огромное число. Безъ сомнѣнія сочетанія непріятныя слуху не имѣли употребленія. 2. Близкія между собою идеи по-Еврейски выражаются почти

одною перестановкою буквы, или буквами одного органа, или, наконецъ, присовокупленіемъ буквъ *работныхъ*, такъ на пр. *алà*, *алàцъ*, *алàсъ* значитъ *возвышаться*, *торжествовать*, *веселиться*, *скакать*; или одно и то же слово заключаетъ въ себѣ многіе различные смыслы, такъ что читающій разумѣетъ только то, что сообразно его понятію, напр. слово *руàхъ* означаетъ и *духъ* и *вѣтръ*, *дуновеніе* и *все невидимое*, *все безтѣлесное*, *ту часть земли*, *неба*, *откуда дуетъ вѣтръ*, *непріятелей опустошающихъ землю* и проч. и проч. 3. Употребленіе гласныхъ въ древнемъ Еврейскомъ, такъ какъ и въ другихъ древнихъ языкахъ Азіи, не было столь опредѣленно, какъ въ нашихъ позднѣйшихъ идіомахъ; напр. согласныя *м*, *л*, *х* даютъ въ Еврейскомъ идею о царѣ, но слово сіе произносилось иногда *мéлехъ*, иногда *мúлихъ*, иногда *мóлохъ*. Посему, вѣроятно, древнее произношеніе многихъ Еврейскихъ словъ потеряно (3). Еврейскій языкъ не имѣетъ яснаго различія временъ. По крайней мѣрѣ изъ двухъ формъ онаго, прошедшей и будущей, каждая можетъ употребляться въ значеніи и настоящаго и прошедшаго и будущаго. И въ нашемъ древнемъ Славянскомъ языкѣ настоящее не различалось отъ будущаго, а прошедшее время, безъ отношенія къ лицу взятое (форма третьяго лица), едва ли также не корень глагола, по своей краткости. 5. За то Еврейскій языкъ имѣетъ великое множество формъ

для выраженія различныхъ образовъ дѣйствія; такъ напр. по-Еврейски можно сказать однимъ словомъ: *дѣлалъ, былъ дѣланъ, часто дѣлалъ съ усиліемъ, часто былъ дѣланъ съ усиліемъ, заставилъ дѣлать, заставленъ былъ сдѣлать — сдѣлаться, часто дѣлался, часто представлялъ себя дѣлающимъ, дѣлалъ для другаго, показывалъ себя дѣлающимъ для другаго, заставленъ былъ показаться дѣлающимъ для другаго, взаимно дѣлалъ, взаимно былъ дѣланъ, взаимно дѣлался, показалъ себя другому дѣлающимъ, показался другому сдѣланнымъ, непрестанно дѣлалъ, съ усиліемъ дѣлалъ, съ усиліемъ былъ дѣланъ, съ усиліемъ дѣлался, съ чрезмѣрнымъ усиліемъ дѣлалъ, съ напряженіемъ дѣлалъ, представлялъ себя дѣлающимъ* и проч. и проч. Однакожъ не всѣ сіи формы въ равномъ употребленіи. И мы, имѣя мало временъ, имѣемъ много видовъ глагола; такъ напр. иное значитъ *дѣлалъ*, иное *сдѣлалъ, надѣлалъ, додѣлалъ, отдѣлалъ*, иное *дѣлывалъ, выдѣлывалъ, вдѣлывалъ, додѣлывалъ, задѣлывалъ* и проч.

Изъ сего бѣглаго взгляда на коренные языки можно усмотрѣть всю важность изученія оныхъ, какъ вообще относительно познанія коренныхъ началъ слова человѣческаго, такъ и особенно въ отношеніи къ нашему отечественному языку. Но скоро ли въ нашемъ отечествѣ явятся мужи, посвятившіе себя вполнѣ сему изученію? — Немногія исключенія не дѣла-

ютъ правила. Скоро ли станемъ мы смотрѣть на Филологію, какъ на философскую науку? Скоро ли самые учители наши, бросивъ устарѣлые предразсудки, осмѣлятся идти путемъ, вновь пролагаемымъ великими мужами новѣйшаго времени, — рѣшатся очистить Грамматику нашу отъ всѣхъ нелѣпостей, введенныхъ въ нее временами варварства, — рѣшатся *опростить* изученіе языка? Вотъ вопросы, также не легко рѣшимые.

Ив. Калайдовичъ.

1827 года, въ Іюнѣ.

---

(1) Высокопреосвященный Филаретъ, въ своемъ начертаніи Церковно-Библейской Исторіи, на стран. 13 говоритъ: „Знаніе вещей естественныхъ получилъ Адамъ вмѣстѣ съ бытіемъ. Опытъ глубокаго сего знанія показалъ онъ, когда нарекъ имена всѣмъ животнымъ. Имена сіи конечно изображали ихъ свойства: ибо конецъ, для котораго Богъ торжественно повелѣлъ дать оныя, могъ быть одинъ тотъ, чтобъ испытать и показать потомству Адама, его мудрость. Памятникъ сея мудрости онъ оставилъ по себѣ въ первоначальномъ языкѣ, котораго совершенству доселѣ удивляться можно въ остаткахъ его, находящихся въ Св. книгахъ Еврейскихъ.

„Сіи остатки довольно еще показываютъ, что слова сего языка были натуральны. А въ семъ смыслѣ и Пиѳагоръ утверждалъ, что тотъ, кто далъ имена вещамъ, долженъ былъ имѣть высокую мудрость. То-же говоритъ и Платонъ, in Cratylo.“

(2) Мнѣнія новѣйшихъ Авторовъ я не считаю совершенно неоспоримыми; но предлагаю оныя для лю-

бопытства тѣхъ соотечественниковъ, которые не имѣли случая читать ихъ.

(3) Г. Профессоръ Еврейскаго языка Священникъ Павскій замѣчаетъ то-же и въ нашемъ языкѣ: коренныя буквы слова *городъ* суть *г*, *р*, *д*; но мы произносимъ оное и *городъ* и *градъ*. Въ послѣдствіи, онъ же замѣчаетъ, что у Евреевъ, какъ и у насъ, произношеніе гласныхъ стало давать иной смыслъ слову; примѣръ въ Русскомъ: *порохъ*, *прахъ*.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Стихотворенія.

1828 Годъ.

Друзья! вотъ вамъ изъ отдаленья
Въ стихахъ визитный мой билетъ,
И съ Новымъ годомъ поздравленья
На много радостей и лѣтъ.
Раздайся весело будильникъ
На новой, годовой зарѣ,
И, всѣхъ благихъ надеждъ свѣтильникъ,
Зажгись на новомъ олтарѣ!

Друзья! по вздоху, полной чашѣ
За старый годъ! и по тройной
За новый! Будущее наше
Спитъ въ колыбели роковой.
Годъ новый! каждый, новой страстью
Волнуясь, молитъ новыхъ благъ:
Кто радъ испытанному счастью;
Кто отъ приволья ни на шагъ.

Судьба на алчное желанье
Въ насъ обрекла жрецовъ и жертвъ.
Желанье есть — души дыханье:
Кто не желаетъ, тотъ ужъ мертвъ.
Оно — въ лампадѣ жизни масло;
Какъ выгоритъ — хоть выкинь прочь!

Жаръ и сіянье — все погасло;
Зѣвнувъ, скажи: покойна ночь.

На все тогда гляди безстрастно
И чувство въ *убылыхъ* пиши;
Огнивой жизни бьешь напрасно
Въ кремень безпламенной души:
Не выбьешь искры вдохновенной,
Не бросишь звука въ мертвый слухъ,
Во тьмѣ святыни упраздненной
Безъ жизни — жертвенникъ потухъ.

Во мнѣ еще живаго много,
И сердце полно черезъ край;
Но опытность насъ учитъ строго:
Иного про себя желай.
И такъ въ признаньяхъ задушевныхъ
Я сердца не опорожню;
А изъ желаній ежедневныхъ
Кое-что бѣгло начерню.

Будь въ этотъ годъ — бѣдамъ помѣха,
А на добро — попутный вѣтръ;
Будь меньше слезъ, а болѣ смѣха;
Будь все на *ясномъ* барометрѣ!
Будь счастье къ скорби сердобольно;
Будь скорбь въ смиреніи горда;
Будь торжество не своевольно,
А слабость совѣстью тверда.

Будь, какъ у насъ бывало древле,
На православной сторонѣ:
Другъ и Шампанское дешевле,
А совѣсть, умъ и рожь въ цѣнѣ.

Будь искренность не горькимъ блюдомъ;
Въ храмъ счастья чистое крыльцо;
Рубли и мысли — не подъ спудомъ,
А соръ и вздоръ — не на лицо.

Будь въ етотъ годъ, другимъ неравный,
Всѣ наши умники — умны;
Мольеры Русскіе забавны,
А Кребильоны не смѣшны.
Будь наши истины не сказки;
Стихи не проза; свѣтъ не тьма;
И не тенета ближнихъ ласки;
И чувства не игра ума.

На зло безграмотныхъ нахаловъ
И всѣхъ, кто только имъ съ родни,
Дай Богъ намъ болѣе Журналовъ:
Плодятъ читателей они.
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Въ чести тамъ грамота, перо;
Гдѣ грамота — тамъ просвѣщенье;
Гдѣ просвѣщенье — тамъ добро.

Козловъ и Пушкинъ съ Баратынскимъ!
Когожь еще бы къ вамъ причесть?
Дай вамъ подрядомъ исполинскимъ,
Что день, стиховъ намъ ставить десть!
А вамъ, поставщикамъ всѣхъ бредней
На мельницахъ Поэмъ и Одъ,
Дай, Муза, риѳмою послѣдней
Вамъ захлебнуться въ Новый годъ!

Дай Богъ, за скрѣпой и печатью,
Свершиться прочной мировой:

У пишущихъ — съ капризнойятью;
У сердца — съ гордой головой;
У отцвѣтающихъ красавицъ —
Съ красавицами въ цвѣтѣ дней;
У юридическихъ піявицъ —
Съ поживкой тяжебныхъ сѣтей.

Но какъ ни бѣгай риѳмой прыткой,
Риѳмъ ко всему прибрать не льзя.
Къ новорожденному попыткой
Съ одной мольбой пойдемъ друзья:
Пусть все худое въ вѣчность канетъ
Съ послѣднимъ вздохомъ Декабря,
И все прекрасное проглянетъ
Съ улыбкой первой Января.

Князь Вяземскій.

Цареградская обѣдня.

(Въ Бессарабіи мнѣ разсказывали Греки сіе преданіе о малолѣтномъ Князѣ Гикѣ, сынѣ Господаря Молдавскаго, и о чудномъ видѣніи, въ олтарѣ Софійскаго Собора, послѣдняго Патріарха Григорія, сего знаменитаго мученика вѣры, видѣнномъ имъ въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія. — Я только передаю то что слышалъ. —)

„Когдажь я увижу Софійской олтарь? —
Къ чему обѣщанья пустыя? —
Ты, Ходжія (1), ты сего храма ключарь!

Открой мнѣ врата золотыя!"
Такъ стража сѣдаго Князь Гика просилъ;
Но старецъ младенцу рѣчами грозилъ:

*

„За тѣмъ ли отецъ — Молдаванъ Господарь —
Мнѣ ввѣрилъ твое воспитанье,
Чтобъ я на погибель открылъ сей олтарь,
И съ неба навлекъ наказанье? —
Мой сынъ! — не укроешь отъ гнѣва судьбы
Ни кудрей злaтыхъ, ни сѣдой головы! —

*

Хотя въ сей мечети читаютъ Коранъ,
И гимны Аллѣ раздаются, —
Не смѣетъ никто изъ благихъ Музульманъ
Къ вратамъ олтаря прикоснуться!
Дерзнетъ ли — и здѣсь же сразитъ его громъ! —
Такъ — вѣчнымъ мечети олтарь сей пятномъ!"

*

„Нѣтъ, Ходжія! — Туркамъ олтарь сей грозитъ,
Гонителямъ Греческой вѣры! —
Но мнѣ православному онъ не закрытъ:
Младенцу отверзутся двери!" —
— „Останься, мой сынъ! ахъ, останься! — Повѣрь,
Въ пучину геенны ведетъ сія дверь!"

*

Но тщетно, младенецъ не внемлетъ мольбамъ,
Отъ старца поспѣшной стопою
Бѣжитъ и съ улыбкой подходитъ къ дверямъ,
Плѣняется пышной рѣзьбою,
Парчевую занавѣсь хочетъ поднять —
Вдругъ дверь отворилась — его не видать!

*

Отчаянный Ходжія съ вѣстью бѣжалъ
Къ отцу малолѣтнаго Гики;
Сѣдой Господарь со слезами упалъ
Къ подножію трона Владыки;
Объ участи сына узнать онъ молилъ;
„Но кто же узнаетъ?“ — Султанъ возразилъ.

*

— „Есть старецъ — развѣнчанный нашъ Патріархъ,
Низшедшій съ Вселенскаго трона,
Григорій — укрылся въ Аѳонскихъ горахъ; —
Онъ — вѣрный блюститель закона! —
Въ бронѣ своихъ дѣлъ — прикоснется вратамъ,
И тайны святыни повѣдаетъ намъ!“ —

*

Въ Софійской мечети — духовныхъ соборъ,
Съ святою водой и крестами;
Толпится на крылосахъ юношей хоръ
И храмъ очищаетъ мольбами;
Межъ ними смиренно стоитъ Господарь
И влажныя очи вперилъ на олтарь.

*

Святитель идетъ въ облаченьи къ дверямъ,
Завѣсу отдернулъ съ мольбою,
Взглянулъ..... что предстало смятеннымъ очамъ?
Онъ дрогнулъ и, быстрой рукою
Задернувъ завѣсу, вступилъ на амвонъ —
И словъ его ждетъ ужаснувшійся сонмъ!

*

Григорій — въ священномъ восторгѣ стоитъ,
Земное — далеко! далеко!...
Глаголъ прорицаній уста шевелитъ,

Горитъ вдохновенное око! —
Ему суждено искупителемъ быть
И кровью свободу отчизнѣ купить!

*

„Внимайте! внимайте! — Въ тотъ день роковой,
Когда Византія упала, —
Тѣхъ дней Патріархъ, недоступной мольбой,
Молилъ, чтобы казнь миновала,
И полнымъ соборомъ обѣдню служилъ,
Но тѣла и крови еще не вкусилъ,

*

Когда среди вопля, убійствъ и огней
Ворвалися въ храмъ Янычары,
Достигли по трупамъ до Царскихъ дверей, —
Ужъ близки мечей ихъ удары! . . .
Внезапно захлопнулся съ трескомъ олтарь
И пала завѣса предъ сонмъ Янычаръ!

*

Я первый содвинулъ завѣсу съ вѣковъ —
И мнѣ тѣже лица предстали,
Въ томъ видѣ, въ которомъ ихъ тучи враговъ
Въ минуту обѣдни застали! —
Сѣдой Патріархъ, наклонясь на престолъ,
Стоитъ надъ дарами, внимая Символъ.

*

И два Архидьякона митру надъ нимъ
Обмерщей рукою подъемлютъ;
И два Архирея, надъ тѣломъ живымъ,
Недвижимо воздухъ колеблютъ;
И два Иподьякона съ вѣчнымъ огнемъ —
Безжизненнымъ блескъ отражаютъ лицемъ.

*

Вокругъ — митроносныхъ двенадцать чиновъ,
Какъ трупы стоятъ безъ движенья,
Не внемля теченію долгихъ вѣковъ! —
И чуждые порабощенья,
Какъ будто не зная о нашихъ цѣпяхъ, —
Стоятъ, неприступные, въ вѣчныхъ мольбахъ!

*

И самое время расторгло для нихъ
Кровавые смерти завѣты! —
Лишь томная блѣдность на лицахъ святыхъ
Легла — отпечаткомъ столѣтій!" —
— „Гдѣжь сынъ мой?" — воскликнулъ Князь Гика въ слезахъ,
— „Близъ образа Дѣвы, съ кадиломъ въ рукахъ!

*

И знайте: — тогда лишь сей службѣ конецъ,
Когда наша цѣпь разорвется,
Падетъ съ Оттоманъ Константиновъ вѣнецъ,
Здѣсь знамя креста разовьется,
И сонмъ одновѣрцевъ очиститъ сей храмъ,
И вождь Христіанъ прикоснется дверямъ!

*

Тогда лишь отыдутъ на вѣчный покой
Уставшіе въ долгомъ соборѣ! —
Но прежде . . . . я слышу стенанья и вой!
Я вижу кровавое море!
Отчизна! всѣ ужасы, всѣ на тебя
Обрушатъ! — и первою жертвою — я!" —

(*) *Ходжія* = духовная особа у Турокъ.

Раичу.

Какимъ вѣнкомъ намъ увѣнчать
Питомца Русскаго Парнасса,
На коемъ возлегла печать
Могучихъ вдохновеній Тасса?
Ты лавровъ не захочешь, нѣтъ, —
Они душѣ твоей постылы
Съ тѣхъ поръ, какъ дивный твой Поэтъ —
Твой Тассъ — и на краю могилы
Не могъ ихъ данью взять съ земли!
Но дѣвы павшаго Сіона
Другой вѣнокъ тебѣ сплели
Изъ сельскихъ кринъ и розъ Сарона.

25 Декабря,
1827 года. **

Проза.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Изъ трагедіи Гёте: Гецъ Фонъ Берлихингенъ.

ШВАРЦЕНБЕРГЪ ВО ФРАНКОНІИ.

Гостинница.

Мецлеръ, Сиверсъ *за столомъ,* два Рейтара *у огня,* Хозяинъ.

Сиверсъ.

Хозяинъ! ну-ка еще рюмку водки, — да мѣряй, братъ, похристіански.

Хозяинъ.

Ты ненасытная утроба.

Мецлеръ (*тихо къ Сиверсу*).

Разскажи еще разъ о Берлихингенѣ! Бамбергцы тамъ дуются; того и гляди, что треснутъ съ досады.

Сиверсъ.

Бамбергцы? А за чѣмъ попали они сюда?

Мецлеръ.

Вейслингенъ уже два дня въ замкѣ у Графа; они провожали его. Я не знаю, откуда онъ ѣдетъ. Они ждутъ его, и отправятся вмѣстѣ въ Бамбергъ.

Сиверсъ.

Что это за Вейслингенъ?

Мецлеръ.

Правая рука Епископа, владѣлецъ сильный, который и подъ Гецемъ подыскивается.

Сиверсъ.

Чтобъ не попасть ему самому въ просакъ!

Мецлеръ (*тихо*).

Ну, начинайже! (*Вслухъ*) Да съ коихъ же поръ Гецъ поссорился опять съ Епископомъ? Говорили было въ народѣ, что они совсѣмъ стакнулись и сладили.

Сиверсъ.

Сваришь ты пиво съ Аббатами! Какъ Епископъ увидѣлъ, что ему не тяга, — что вездѣ одолѣваютъ его, — такъ и прикинулся овечкою, и сталъ хлопотать о мирѣ. А добрый человѣкъ Берлихингенъ и поддался ему: онъ всегда уступаетъ, когда ему везетъ.

Мецлеръ.

Дай Богъ ему всякаго благополучія! Честный господинъ!

Сиверсъ.

А каковы они! Послѣ мира полонили его малаго, когда тотъ ѣхалъ спустя рукава. Не стыдное ли дѣло? Только оно не пройдетъ имъ даромъ.

Мецлеръ.

Жаль, что не удалась Гецу послѣдняя штука. Ему было до зла-горя.

Сиверсъ.

Правда. Давно уже чай не случалось съ нимъ шакой напасши! Ему-было обо всемъ шепнули подъ рукою: когда Епископъ поѣдешъ съ водъ, со сколькими рейшарами, по какой дорогѣ, и если бы не измѣнили ему лукавые люди, шо накосшылялъ бы онъ шею Бамбергцу шакъ, чшобъ шошъ не забылъ до новыхъ вѣниковъ.

Первый Рейтаръ.

Что вы судачише о нашемъ Епископѣ? Вы на задоръ лѣзеше.!

Сиверсъ.

Знай сверчокъ свой шесшокъ. До нашего сшола вамъ дѣла нѣшъ.

Другой Рейтаръ.

Кшо позволилъ вамъ говоришь непочшишельно о нашемъ Епископѣ?

Сиверсъ.

Развѣ я долженъ ошдавашь шебѣ ошчешъ? вишь выскочка!

(Первой Рейтаръ даетъ ему треуха.)

Мецлеръ.

Убей его — собаку.

(Нападаютъ другъ на друга.)

Второй Рейтаръ.

Попробуй, сунься-ка сюда.

Хозяинъ *(разнимаетъ ихъ)*.

Уймешесъ-ли вы, прокляшые! Чоршъ васъ побери. Сшупайше на дворъ и грызишесь

шамъ, если вамъ есть за что грызться. Въ моей горницѣ все должно идти порядкомъ, на чести. *(Выталкиваетъ Рейтаровъ.)* А вы, ослы, что дѣлаете?

М е ц л е р ъ.

Не ругайся, не то мы погладимъ тебя по лысой головѣ. — Пойдемъ, товарищъ, поколотимъ ихъ тамъ.

(Входятъ два Рейтара Берлихингена.)

П е р в ы й Р е й т а р ъ.

Что здѣсь такое?

С и в е р с ъ.

Гей Петръ, здорово! Здорово, Вейтъ! Откуда?

Второй Рейтаръ (*тихо Сиверсу*).

Не моги сказывать, у кого мы въ службѣ.

С и в е р с ъ (*тихо*).

Такъ господинъ вашъ Гецъ недалеко отсюда?

П е р в о й Р е й т а р ъ.

Держи языкъ за зубами! *(Вслухъ)* Что у васъ — ссора?

С и в е р с ъ.

Вы встрѣтились съ Бамбергцами?

П е р в о й Р е й т а р ъ.

Что они дѣлаютъ здѣсь?

М е ц л е р ъ.

Вейслингенъ въ зáмкѣ у Графа: они будутъ провожать его.

Первой Рейтаръ.

Вейслингенъ?

Второй Рейтаръ (*тихо*).

Вотъ лихая находка, Петръ! (*Вслухъ*) Давно ли онъ тамъ?

Мецлеръ.

Ужь два дня. Но нынче онъ уѣзжаетъ, сказывалъ одинъ изъ этихъ шелапаевъ.

Первый Рейтаръ (*тихо*).

Не говорилъ-ли я тебѣ, что онъ тамъ? — Еслибъ мы еще погодили немного! Пойдемъ, Вейтъ.

Сиверсъ.

Да пособите намъ, братцы, поколотить Бамбергцевъ.

Вторый Рейтаръ.

Васъ и такъ двое; намъ некогда. Прощайте. (*Уходитъ.*)

Сиверсъ.

Эти Рейтары подлецы: даромъ шага не ступятъ.

Мецлеръ.

Я божусь, что у нихъ въ головѣ есть замыселъ. У кого они въ службѣ?

Сиверсъ.

Мнѣ не велѣно сказывать. Они служатъ у Геца.

Мецлеръ.

Ага! — Ну, пойдемъ-же, раздѣлаемся съ своими пріятелями. Какъ у меня дубина въ рукахъ, такъ я не боюсь ихъ пики.

Сиверсъ.

Хорошо, если-бы мы также могли разделываться съ тѣми, которые сдираютъ съ насъ кожу.

ГОСТИННИЦА ВЪ ЛѢСУ.

Гецъ (*у двери подъ липою*).

Куда дѣвались мои люди! Стану ходить взадъ и впередъ, а то сонъ одолѣетъ меня. Сряду пять дней и ночей я на сторожѣ. Солона достается иному капля жизни и свободы; за то, поймавъ тебя, Вейслингенъ, отдохну на просторѣ. (*Наливаетъ*). Опять нѣтъ ничего! — Георгъ! — Пока есть вино и храбрость, я смѣюсь надъ властолюбіемъ и всѣми кознями Князей! — Георгъ! — Разсылайте вашего ласковаго Вейслингена по кумамъ и по сватамъ, очерняйте меня передъ всѣми; я держу ухо востро. — Ты ускользнулъ отъ меня, Епископъ! За это поплатится мнѣ твой любезной Вейслингенъ. — Георгъ! Оглохъ онъ вѣрно! Георгъ! Георгъ!

Георгъ (*въ большихъ латахъ*).

Чего изволите?

Гецъ.

Куда ты пропалъ? Спалъ что ли? Тьфу къ чорту, какъ ты нарядился! Подойди сюда: нарядъ къ тебѣ присталъ, не стыдися. — Ты молодецъ хоть куда, дай срокъ! — На тебѣ Гансовы латы?

Георгъ.

Ему захотѣлось вздремнуть, и онъ раздѣлся.

Гецъ.

Нѣженка!

Георгъ.

Не сердитесь, я унесъ у него потихоньку латы и надѣлъ ихъ на себя, снялъ батюшкинъ старый палашъ со стѣны, выбѣжалъ на лугъ, вынулъ палашъ изъ ноженъ...

Гецъ.

И давай рубить имъ на право и на лѣво? Чай досталось кустамъ? Гансъ спитъ?

Георгъ.

Вы разбудили его; онъ закричалъ мнѣ, что вы зовете меня. Я хотѣлъ было скинуть латы, какъ услышалъ вашъ голосъ въ другой и третій разъ.

Гецъ.

Ступай, отнеси ему назадъ панцырь, и скажи, чтобъ былъ готовъ и смотрѣлъ за лошадьми.

Георгъ.

Лошадей я выкормилъ и взнуздалъ. Вы можете ѣхать, когда угодно.

Гецъ.

Принеси мнѣ кружку вина; Гансу дай также рюмку и не вели спать: такъ надобно. Я ожидаю всякую минуту своихъ гонцевъ.

Георгъ.

Ахъ, рыцарь!

Г е ц ъ.

Что такое?

Г е о р г ъ.

Не льзя ли и мнѣ съ вами?

Г е ц ъ.

Въ другой разъ, Георгъ, когда мы поѣдемъ на купцевъ, на обозы.

Г е о р г ъ.

Въ другой разъ! Вы давно ужь такъ говорите. Возмите меня въ этотъ разъ: я хоть издали буду ходить за вами, буду подбирать стрѣлы.

Г е ц ъ.

Въ слѣдующій разъ, Георгъ. Тебѣ надобно прежде имѣть панцырь, шишакъ и дротикъ. —

Г е о р г ъ.

Возмите меня съ собою. Еслибы я былъ съ вами въ послѣднюю схватку, вы не потеряли бы самострѣла.

Г е ц ъ.

Почему ты знаешь это?

Г е о р г ъ.

Вы пустили ее въ голову непріятельскому воину, а какой-то Рейтаръ поднялъ, да и унесъ.

Г е ц ъ.

Мои люди разсказали тебѣ это?

Г е о р г ъ.

Они. За то я свищу имъ на всѣ голоса, когда они чистятъ лошадей, и учу ихъ всякимъ пѣснямъ.

Г е ц ъ.

Малый лихой!

Г е о р г ъ.

Возмите меня съ собою, и я покажу это на дѣлѣ.

Г е ц ъ.

Въ слѣдующій разъ, мое честное слово. Безоружному не льзя выходить тебѣ на сраженіе. Притомъ и къ будущимъ временамъ понадобятся мужи. Я говорю тебѣ, молодой человѣкъ, придетъ пора, когда ихъ будетъ мало. Князья не пожалѣютъ своихъ сокровищь за человѣка, котораго теперь гонятъ. Ступай, Георгъ, отдай Гансу назадъ его латы, и принеси мнѣ вина. (*Георгъ уходитъ.*) Гдѣ мѣшкаютъ мои люди? Непонятно! Капуцинъ! Откуда взялся онъ!

М а р т и н ъ (*приходитъ*).

Г е ц ъ.

Добрый вечеръ, честный отецъ! Откуда такъ поздно? Мужъ, обрекшій себя на святое спокойствіе! ты пристыжаешь воиновъ.

М а р т и н ъ.

Благодарю васъ, благородный рыцарь! Я принадлежу къ числу нищихъ братій, — вотъ всѣ мои титла. Августиномъ меня нарекли въ монастырѣ; но я лучше люблю имя Мартина, данное мнѣ при крещеніи.

Г е ц ъ.

Ты усталъ, братъ Мартинъ, и вѣрно хочешь пить? (*Георгъ входитъ*) Кстати вотъ и вино.

Мартинъ.

Для меня нѣсколько капель воды; вина я не смѣю пить.

Гецъ.

Развѣ это противъ вашего обѣта?

Мартинъ.

Нѣтъ, благородный рыцарь, пить вино не противъ моего обѣта; но поелику вино противъ моего обѣта, то я не пью вина.

Гецъ.

Я не понимаю твоей рѣчи?

Мартинъ.

Счастливы вы, что не понимаете. Въ пищѣ и питьѣ заключается, по моему мнѣнію, жизнь человѣка.

Гецъ.

Правда.

Мартинъ.

Принявши пищу и питье, вы чувствуете въ себѣ новую жизнь, получаете новую силу, бодрость, способность ко всякому дѣлу. Вино веселитъ сердце человѣческое, а веселіе есть мать добродѣтелей. Когда вы напьетесь вина, у васъ все удвоится: вамъ легко думать, легко предпринимать, легко исполнять.

Гецъ.

Правда, правда.

Мартинъ.

Объ этомъ я и говорю. Но мы. . .

Георгъ (*съ водою*).

Гецъ (*тихо къ Георгу*).

Ступай на Даксбахскую дорогу и приложись ухомъ къ землѣ: не слыхать ли лошадинаго топота, да воротись скорѣе.

Мартинъ.

Но мы, по принятіи пищи и питья, нарушаемъ свои обязанности и непосредственно и посредственно. Желудокъ у насъ трудно варитъ пищу и разсудокъ помрачается; въ разслабленіи, отъ излишняго покоя происходящемъ, у насъ возникаютъ желанія, которыя иногда часъ отъ часу увеличиваются.

Гецъ.

Одна рюмка, братъ Мартинъ, не помѣшаетъ тебѣ спать. Ты нынѣ много ходилъ. (*Подноситъ ему*) Во славу рыцарей.

Мартинъ.

Буди по глаголу вашему. (*Чокаются.*) Я терпѣть не могу тунеядцевъ. Вотъ напримѣръ я ночевалъ нынѣ въ монастырѣ Св. Вейта. Настоятель водилъ меня по своему саду. Чего хочешь тамъ, того просишь: полная чаша. Какой салатъ чудесный! Капуста цвѣтная душѣ услажденіе; артишоки, какихъ нѣтъ во всей Европѣ.

Гецъ.

И такъ, ты не любишь своего званія. (*Встаетъ, смотритъ въ ту сторону, куда пошелъ Георгъ, и возвращается.*)

Мартинъ.

Ахъ! еслибъ Богъ сотворилъ меня садовникомъ или земледѣльцемъ, я былъ бы счастливъ. Мой Аббатъ любитъ меня. Я изъ Эрфуртскаго монастыря изъ Саксоніи; онъ знаетъ, что я не могу жить въ покоѣ, и разсылаетъ меня по разнымъ надобностямъ. Теперь иду я къ Констанцскому Епископу.

Гецъ.

Еще рюмку. Счастливаго исполненія!

Мартинъ.

И вамъ того же.

Гецъ.

Что ты такъ пристально смотришь мнѣ въ лице?

Мартинъ.

Восхищаюсь вашимъ панцыремъ.

Гецъ.

Не хочешь ли ты самъ надѣть такойже? Нѣтъ, почтенный отецъ, такая ноша тяжела.

Мартинъ.

А что не тяжело на семъ свѣтѣ? Нищета, цѣломудріе и покорность — три обѣта, изъ коихъ каждый, самъ по себѣ взятый, представляетъ величайшее затрудненіе природѣ человѣческой . . . какъ же несносны они вмѣстѣ? И всю свою жизнь влачить въ уныніи подъ симъ бременемъ, или еще ужаснѣе, съ мучительными угры-

зеніями совѣсти. О рыцарь! что значатъ ваши трудности въ сравненіи съ скорбями нашего состоянія!

Гецъ.

Если бы обѣтъ вашъ былъ не такъ священъ, то я постарался бы уговорить тебя надѣть панцырь, далъ бы тебѣ лошадь и мы отправились бы вмѣстѣ.

Мартинъ.

О если бы Богъ даровалъ моимъ плечамъ крѣпость носить панцырь и моей рукѣ силу низлагать непріятеля съ коня! Бѣдная, слабая рука, издавна пріобыкшая носить крестъ, знаменіе мира, и кадило, — тебѣ ли управлять мечемъ и копіемъ! Гласъ мой, воспѣвавшій аллилуіа, послужилъ бы непріятелю герольдомъ моей слабости, между тѣмъ какъ вашъ гласъ наводитъ на него трепетъ. Иначе никакой обѣтъ не удержалъ бы меня отъ вступленія въ орденъ, учрежденный моимъ Создателемъ!

Гецъ.

Счастливаго возвращенія!

Мартинъ.

Мое возвращеніе домой, въ свою темницу, я почитаю всегда несчастіемъ. Позвольте мнѣ выпить только за ваше. Благородный рыцарь! вы можете говорить о счастіи, возвращаясь послѣ долговременнаго отсутствія въ свой замокъ, въ чувствѣ вашего мужества, крѣпости, которую никакая усталость побѣдить не можетъ, —

ложась на постель безъ мысли о непріятеляхъ, склоняясь ко сну, который для васъ бываетъ пріятнѣе, чѣмъ для меня питіе послѣ продолжительной жажды.

Г е ц ъ.

Это бываетъ рѣдко.

М а р т и н ъ *(съ большею горячностію)*.

За то бываетъ райскимъ наслажденіемъ! — Вы возвращаетесь, обремененные добычею непріятелей, и припоминаете себѣ: того свергнулъ я съ коня, прежде нежели онъ успѣлъ выстрѣлить, того — зарубилъ я вмѣстѣ съ конемъ его, — и потомъ подъѣзжаете къ вашему зàмку, и —

Г е ц ъ.

Что ты хочешь сказать?

М а р т и н ъ *(наливаетъ)*.

За здоровье вашей супруги! *(Утираетъ себѣ глаза.)* У васъ есть супруга?

Г е ц ъ.

Прекраснѣйшая женщина!

М а р т и н ъ.

Благо тому, кто обладаетъ добродѣтельною женщиною! Онъ вдвое живетъ. Я не знаю женщинъ, хоть женщина была вѣнцемъ творенія!

Г е ц ъ *(про себя)*.

Мнѣ жаль его! онъ страдаетъ подъ своимъ капишономъ.

Георгъ *(вбѣгаетъ).*

Рыцарь! Я слышалъ лошадей . . . скачутъ во весь опоръ . . . и кажется, двѣ! Это вѣрно они.

Гецъ.

Выводи скорѣй мою лошадь, вели Гансу садиться. Прощай, честный отецъ; Богъ съ тобой! будь добръ и терпѣливъ. Стерпится — слюбится.

Мартинъ.

Позвольте мнѣ узнать ваше имя?

Гецъ.

Извини меня! не льзя сказать. Прощай! *(Подаетъ ему лѣвую руку.)*

Мартинъ.

Почему вы подаете мнѣ лѣвую руку? Развѣ я не достоинъ правой руки рыцаря?

Гецъ.

Да если-бы ты былъ и Императоромъ, то и тогда я подалъ бы тебѣ лѣвую. Моя правая не чувствуетъ дружескаго прикосновенія, хоть и служитъ мнѣ на сраженіи: она одно съ своею перчаткою — изъ желѣза.

Мартинъ.

Такъ вы Гецъ фонъ-Берлихингенъ! Благодарю Тебя Боже, что Ты сподобилъ меня узрѣть сего мужа, котораго ненавидятъ Князи, и къ которому прибѣгаютъ утѣсненные! *(Онъ беретъ у него правую руку)*

Позвольте, позвольте мнѣ облобызать сію руку.

Гецъ.

Не надо, не надо.

Мартинъ.

Позвольте! О драгоцѣннѣйшая рука, въ коей протекала кровь священная! ты теперь мертвое орудіе; но тебя оживляетъ благороднѣйшее упованіе на Бога.

Гецъ.

(Надѣваетъ шлемъ и беретъ копье.)

Мартинъ.

Въ нашемъ монастырѣ былъ монахъ, которой видѣлъ, какъ отстрѣлили ее подъ Ландсгутомъ. Онъ намъ разсказывалъ, сколько вы страдали, сколько соболѣзновали о томъ, что не можете болѣе дѣйствовать по вашему призванію, — и какъ вы вспомнили, что отъ кого-то слышали объ одномъ храбромъ рыцарѣ, который и съ одной рукою служилъ долго; — этого я никогда не забуду.

(Два рейтара входятъ.)

Гецъ.

(шепчетъ съ ними).

Мартинъ *(между тѣмъ продолжаетъ).*

Я никогда не позабуду, какъ вы, въ благороднѣйшемъ, чистосердечнѣйшемъ упованіи на Бога, говорили: Если бы у меня было и двѣнадцать рукъ, но безъ благода-

ти Божіей, чтó бы мнѣ въ нихъ. И такъ могу одною. . .

Гецъ.

Въ Гаслахскій лѣсъ. *(Оборачивается къ Мартину)* Прощай, честный отецъ Мартинъ! *(цѣлуетъ его.)*

Мартинъ.

Не забудьте меня, какъ я васъ не забуду.

Гецъ *(уѣзжаетъ)*.

Мартинъ.

Какъ страшно у меня было на сердцѣ, когда я смотрѣлъ на него! Онъ ничего не говорилъ; но духъ его носился предо мною въ чертахъ очевидныхъ. Усладительно видѣть великаго мужа!

Георгъ.

Вы у насъ ночуете, честный отецъ?

Мартинъ.

Есть ли у васъ постель?

Георгъ.

Нѣтъ, отецъ честный! Я знаю постелю только по слуху: въ нашей гостинницѣ нѣтъ ничего, кромѣ соломы.

Мартинъ.

И то хорошо. Какъ зовутъ тебя?

Георгъ.

Георгомъ, отецъ честный!

Мартинъ.

Георгомъ? У тебя храбрый патронъ.

Г е о р г ъ.

Говорятъ, что онъ былъ рыцаремъ, и я хочу быть такимъ же.

М а р т и н ъ.

Постой! *(вынимаетъ молитвенникъ и подаетъ мальчику образокъ)* На̀ тебѣ его. Шествуй по стопамъ его, будь храбръ и бойся Бога! *(Уходитъ.)*

Г е о р г ъ.

Какой прекрасный, бѣлый конь! Если бы мнѣ достался когда нибудь такой-же! и золотыя лапы! — и свирѣпый змѣй! — а я стрѣляю теперь воробьевъ. — Святый Георгій! пошли мнѣ крѣпость и силу, дай мнѣ копье, лапы и коня, а тамъ высылай ко мнѣ змѣевъ.

ЯКСТГАУЗЕНЪ.

Г е ц е в ъ з а м о к ъ.

Марія, Елизавета, Карлъ — маленькой сынъ ея.

К а р л ъ.

Пожалуйте, тетенька, разскажите мнѣ еще разъ о добромъ мальчикѣ. Какъ хорошо это!

М а р і я.

Разскажи прежде самъ, шалунишко; я увижу, внимательно ли ты слушаешь?

К а р л ъ.

Погодите — я вспомню. Жилъ былъ — да, жилъ былъ мальчикъ, и маменька у него занемогла, вотъ онъ и пошелъ —

Марія.

Нѣтъ еще. Прежде маменька сказала: другъ мой. . . .

Карлъ.

Я больна. . .

Марія.

Не могу выдти со двора. . .

Карлъ.

Дала ему денегъ и сказала: поди и купи себѣ завтракъ. Вотъ пришелъ нищій. . .

Марія.

Мальчикъ пошелъ, и съ нимъ встрѣтился старикъ, который былъ . . . ну, Карлъ!

Карлъ.

Который былъ старъ. . . .

Марія.

Разумѣется. Который насилу ходилъ, и сказалъ: дитятко!

Карлъ.

Подай мнѣ что нибудь, Христа ради; у меня крошки во рту не было ни вчера, ни нынче. Мальчикъ и отдалъ ему деньги. . .

Марія.

Которыя ему дали на завтракъ.

Карлъ.

Тогда старикъ сказалъ. . .

Марія.

Тогда старикъ взялъ дитя. . .

Карлъ.

За руку и сказалъ . . . и оборотился вдругъ Святымъ, прекраснымъ и свѣтлымъ, и сказалъ: любезное дитя! . .

Марія.

За твою благотворительность Матерь Божія посылаетъ тебѣ со мною награжденіе: если ты прикоснешься къ больному. . .

Карлъ.

Рукою — правою, кажется?

Марія.

Да.

Карлъ.

То онъ выздоровѣетъ.

Марія.

Тогда мальчикъ побѣжалъ домой и отъ радости не могъ выговорить ни слова. . .

Карлъ.

И упалъ на шею къ своей маменькѣ и плакалъ отъ радости.

Марія.

Тогда маменька вскричала: что дѣлается со мною! и вы . . . ну, Карлъ.

Карлъ.

И вы . . . и вы. . .

Марія.

Ты уже не слушаешь! — И выздоровѣла. И мальчикъ вылѣчивалъ Королей и Импе-

ратаоровъ, и такъ разбогатѣлъ, что выстроилъ большой монастырь.

Елизавета.

Не могу понять, гдѣ мой мужъ. Пять дней и пять ночей его нѣтъ дома, а онъ надѣялся кончить свое дѣло скоро.

Марія.

На меня давно уже напала тоска. Еслибы мой мужъ безпрестанно сталъ предаваться такимъ опасностямъ: то я умерла бы на первомъ году послѣ замужства.

Елизавета.

Я благодарю Бога, что Онъ мнѣ послалъ бо́льшую твердость.

Карлъ.

Но развѣ папенька долженъ выѣзжать, если такъ опасно?

Марія.

На это есть его добрая воля.

Елизавета.

Онъ долженъ, любезный Карлъ.

Карлъ.

Отъ чего?

Елизавета.

Помнишь ли ты, какъ онъ выѣзжалъ въ послѣдній разъ и привезъ тебѣ гостинецъ?

Карлъ.

А нынче онъ привезетъ мнѣ что нибудь?

Елизавета.

Я думаю. — Видишь ли — портной из Стутгарда, мастер стрелять, выиграл намедни на стрелянье первый приз.

Карл.

Дорогой?

Елизавета.

Во сто талеров. А ему не хотели платить.

Марія.

Это ведь дурно, Карл, — не правда-ли?

Карл.

Негодяи!

Елизавета.

Портной и пришел к твоему отцу, и просил его выхлопотать деньги. Он выехал и захватил двух купцов, и держал их до тех пор, пока отдали деньги. — Так ли бы поступил ты на его месте?

Карл.

Нет! ведь надобно проезжать через густой лес, а там Цыганы, ведьмы.

Елизавета.

Хорош мальчик, боится ведьм!

Марія.

Ты сделаешь лучше, Карл, если будешь жить в своем замке благочестивым христіанским рыцарем. И в собственных своих владеніях можно найти много случаев благотворить. Самые честные ры-

цари въ походахъ своихъ дѣлаютъ больше несправедливаго, чѣмъ справедливаго.

Елизавета.

Сестра! ты не думаешь о томъ, что говоришь. Дай Богъ, чтобъ нашъ сынъ сдѣлался со временемъ храбрымъ рыцаремъ, и не походилъ никогда на Вейслингена, который такъ вѣроломно поступаетъ съ моимъ мужемъ.

Марія.

Не суди рѣшительно, Елизавета. Братъ очень раздраженъ, ты также. Я смотрю на это дѣло со стороны и могу судить безпристрастно.

Елизавета.

Его оправдать не возможно.

Марія.

Молва о немъ возбудила мое участіе. Сколько добраго и прекраснаго разсказывалъ объ немъ самъ мужъ твой! какъ счастливо было ихъ дѣтство, когда они вмѣстѣ служили пажами у Маркграфа!

Елизавета.

Согласна; только скажи мнѣ пожалуйста: можетъ-ли тотъ человѣкъ имѣть въ себѣ что нибудь хорошее, который строитъ ковы лучшему, вѣрнѣйшему своему другу, продаетъ свои услуги непріятелямъ моего мужа, и ложными, низкими доносами старается обольстить Императора, къ намъ такъ милостиваго?

Карлъ.

Тешенька, тешенька! Слышите — сторожъ запѣлъ пѣсню: настежъ, настежъ ворота!

Елизавета.

Онъ возвращается съ добычею.

Рейтаръ (*входитъ*).

Мы поймали! наша взяла! наша взяла! Желаю здравствовать, сударыни!

Елизавета.

Вейслингенъ въ вашихъ рукахъ?

Рейтаръ.

И съ тремя рейтарами.

Елизавета.

Отъ чего вы такъ замѣшкались?

Рейтаръ.

Ждали его долго между Ниренбергомъ и Бамбергомъ. Онъ все не ѣхалъ, а мы знали, что онъ долженъ быть въ дорогѣ. Наконецъ уже пронюхали, что онъ выбрался стороною и преспокойно себѣ пируетъ у Графа въ Шварценбергѣ.

Елизавета.

Имъ хотѣлось вооружить Графа противъ мужа.

Рейтаръ.

Я донесъ тотчасъ рыцарю. На коней! и поскакали въ Гаслахскій лѣсъ. Вотъ была славная штука. Мы идемъ ночью и видимъ пастуха со стадомъ; вдругъ откуда

ни взялись пять волковъ и ну душить овецъ. Рыцарь засмѣялся и сказалъ: это къ добру, товарищи! Мы всѣ обрадовались хорошему знаку, а тутъ и выѣзжаетъ Вейслингенъ съ четырьмя рейтарами.

М а р і я.

Сердце у меня бьется.

Р е й т а р ъ.

Мы съ камрадомъ, по приказанію рыцаря, наперли на него почти къ горлу, какъ будто срослись, такъ, что онъ не могъ ворохнуться. А рыцарь и Гансъ напали на рейтаровъ и взяли ихъ въ полонъ. Одинъ ускользнулъ.

Е л и з а в е т а.

Какъ хочется мнѣ видѣть его! Скоро пріѣдутъ они?

Р е й т а р ъ.

Теперь ѣдутъ по долинѣ. Чрезъ четверть часа будутъ здѣсь.

М а р і я.

Онъ очень печаленъ?

Р е й т а р ъ.

Да, понасупилъ брови.

М а р і я.

Мнѣ больно будетъ взглянуть на него.

Е л и з а в е т а.

Я пойду стряпать поскорѣе. Вѣрно вы всѣ голодны?

Р е й т а р ъ.

Какъ собаки!

Елизавета.

Возьми ключь отъ погреба и принеси лучшаго вина: васъ должно угостить за труды. *(Уходитъ.)*

Карлъ.

Я пойду съ тобою, тетенька.

Марія.

Пойдемъ, шалунъ. *(Уходятъ.)*

Рейтаръ.

Мальчикъ не въ отца, а то онъ побѣжалъ бы за мною въ конюшню.

Гецъ, Вейслингенъ, Рейтары.

Гецъ *(кладя на столъ мечь и шлемъ).*

Разстегните мой панцырь и дайте мнѣ камзолъ. На льготѣ мнѣ будетъ лучше, — ты сказалъ правду, братъ Мартинъ. — Вы не давали намъ перевести духу, Вейслингенъ! *(Вейслингенъ, не отвѣчая ни слова, ходитъ взадъ и впередъ.)*

Гецъ.

Будьте повеселѣе. Снимите съ себя оружіе. Гдѣ ваше платье? Я надѣюсь, что все цѣло. *(Къ Рейтару)* Кликни его рейтаровъ, развяжите узлы и смотрите, чтобъ не пропало ни нитки. Я могу впрочемъ ссудить васъ своимъ. —

Вейслингенъ.

Все равно. Оставьте меня, мнѣ ничего не надо.

ни взялись пять волковъ [illegible]
овецъ. Рыцарь засмѣялся и [illegible]
къ добру, товарищи! Мы [illegible] асное
хорошему знаку, а тутъ [illegible] отня-
слингенъ съ четырьмя [illegible] ое бы-
М [illegible] мило-
Сердце у меня [illegible] время,
Р [illegible] меня
Мы съ камр [illegible] я по-
ря, наперли и [illegible] Какъ
будто сросл [illegible] тницѣ
ворохнуться [illegible] инницѣ
на рейт [illegible] этой лѣстни-
Одинъ у [illegible] есть площадка съ
[illegible] лами. Тутъ стоялъ Епи-
[illegible] далъ Францу руку, какъ онъ по-
[illegible] ался съ нимъ, а потомъ и мнѣ, шед-
пр[illegible] ему за Францемъ. Я разсмѣялся про себя,
и послѣ подойдя къ Ландграфу Ганау, который очень любилъ меня, сказалъ ему: Епископъ пожалъ мнѣ руку, — я бьюсь объ закладъ, что онъ не узналъ меня. Это Епископъ услышалъ, — ибо я нарочно говорилъ громко, — подошелъ къ намъ съ гордостію и сказалъ: „Разумѣется, я пожалъ вашу руку потому только, что не узналъ васъ." Я самъ замѣтилъ, милостивый государь, что вы не узнали меня, отвѣчалъ я ему, — потому-что такъ скоро и отнялъ свою руку назадъ. Мой Епископъ покраснѣлъ съ сердцовъ, какъ ракъ, и побѣжалъ въ комнату къ Пфальцграфу Лудвигу и Князю Массау, и жаловался на меня. Послѣ мы часто смѣялись надъ этимъ.

Вейслинген.

вьше меня одного., прошу васъ.

Гецъ.

же? Пожалуйте, будьте пове-
моей власти, правда; но я не
какого зла.

йслинген.

. ; это рыцарская обя-

цъ.

что она для меня свя-

Вейслингенъ.

Я въ плѣну. Ко всему прочему я равнодушенъ.

Гецъ.

Вы не должны такъ говорить. Дѣло другое, если бы вы попались къ Князьямъ, которые посадили бы васъ на цѣпь въ какомъ нибудь подземельѣ, да велѣли бы стражѣ не давать вамъ спать пѣснями.

Слуга *съ платьями.*

(Вейслингенъ переодѣвается.)

(Карлъ входитъ.)

Карлъ.

Здравствуй, папенька.

Гецъ.

(Цѣлуетъ его). Здорово, малюшка! Какъ ты поживаешь?

Гецъ.

Какъ угодно. У меня есть прекрасное чистое платье, хотя впрочемъ и полотняное. Оно мнѣ стало узко. Это платье было на мнѣ во время свадьбы нашего милостиваго Пфальцграфа, именно въ то время, какъ вашъ почтенный Епископъ на меня озлобился; за двѣ недѣли предъ тѣмъ я потопилъ у него двѣ барки на Майнѣ. Какъ теперь помню: — я всхожу по лѣстницѣ съ Францемъ Сикингеномъ въ гостинницѣ оленя въ Гейдельбергѣ. — На этой лѣстницѣ, не доходя до верху, есть площадка съ желѣзными перилами. Тутъ стоялъ Епископъ и подалъ Францу руку, какъ онъ поровнялся съ нимъ, а потомъ и мнѣ, шедшему за Францемъ. Я разсмѣялся про себя, и послѣ подойдя къ Ландграфу Ганау, который очень любилъ меня, сказалъ ему: Епископъ пожалъ мнѣ руку, — я бьюсь объ закладъ, что онъ не узналъ меня. Это Епископъ услышалъ, — ибо я нарочно говорилъ громко, — подошелъ къ намъ съ гордостію и сказалъ: „Разумѣется, я пожалъ вашу руку потому только, что не узналъ васъ.“ Я самъ замѣтилъ, милостивый государь, что вы не узнали меня, отвѣчалъ я ему, — потому-то такъ скоро и отнялъ свою руку назадъ. Мой Епископъ покраснѣлъ съ сердцовъ, какъ ракъ, и побѣжалъ въ комнату къ Пфальцграфу Лудвигу и Князю Массау, и жаловался на меня. Послѣ мы часто смѣялись надъ этимъ.

Вейслинген.

Оставьте меня одного., прошу васъ.

Гецъ.

За чѣмъ же? Пожалуйте, будьте повеселѣе. Вы въ моей власти, правда; но я не сдѣлаю вамъ никакого зла.

Вейслингенъ.

Я не боюсь. . . это рыцарская обязанность.

Гецъ.

И вы знаете, что она для меня священна.

Вейслингенъ.

Я въ плѣну. Ко всему прочему я равнодушенъ.

Гецъ.

Вы не должны такъ говорить. Дѣло другое, если бы вы попались къ Князьямъ, которые посадили бы васъ на цѣпь въ какомъ нибудь подземельѣ, да велѣли бы стражѣ не давать вамъ спать пѣснями.

Слуга *съ платьями.*

(Вейслингенъ переодѣвается.)

(Карлъ входитъ.)

Карлъ.

Здравствуй, папенька.

Гецъ.

(Цѣлуетъ его). Здорово, малюшка! Какъ ты поживаешь?

Гецъ.

Какъ угодно... У меня есть прекрасное чистое платье, хотя впрочемъ и полотняное. Оно мнѣ стало узко. Это платье было на мнѣ во время свадьбы нашего милостиваго Пфальцграфа, именно въ то время, какъ вашъ почтенный Епископъ на меня озлобился; за двѣ недѣли предъ тѣмъ я потопилъ у него двѣ барки на Майнѣ. Какъ теперь помню: — я всхожу по лѣстницѣ съ Францемъ Сикингеномъ въ гостинницѣ оленя въ Гейдельбергѣ. — На этой лѣстницѣ, не доходя до верху, есть площадка съ желѣзными перилами. Тутъ стоялъ Епископъ и подалъ Францу руку, какъ онъ поровнялся съ нимъ, а потомъ и мнѣ, шедшему за Францемъ. Я разсмѣялся про себя, и послѣ подойдя къ Ландграфу Ганау, который очень любилъ меня, сказалъ ему: Епископъ пожалъ мнѣ руку, — я бьюсь объ закладъ, что онъ не узналъ меня. Это Епископъ услышалъ, — ибо я нарочно говорилъ громко, — подошелъ къ намъ съ гордостію и сказалъ: „Разумѣется, я пожалъ вашу руку потому только, что не узналъ васъ.“ Я самъ замѣтилъ, милостивый государь, что вы не узнали меня, отвѣчалъ я ему, — потому-то такъ скоро и отнялъ свою руку назадъ. Мой Епископъ покраснѣлъ съ сердцовъ, какъ ракъ, и побѣжалъ въ комнату къ Пфальцграфу Лудвигу и Князю Нассау, и жаловался на меня. Послѣ мы часто смѣялись надъ этимъ.

Вейслинген.

Оставьте меня одного, прошу васъ.

Гецъ.

За чѣмъ же? Пожалуйте, будьте повеселѣе. Вы въ моей власти, правда; но я не сдѣлаю вамъ никакого зла.

Вейслингенъ.

Я не боюсь. . . . это рыцарская обязанность.

Гецъ.

И вы знаете, что она для меня священна.

Вейслингенъ.

Я въ плѣну. Ко всему прочему я равнодушенъ.

Гецъ.

Вы не должны такъ говорить. Дѣло другое, если бы вы попались къ Князьямъ, которые посадили бы васъ на цѣпь въ какомъ нибудь подземельѣ, да велѣли бы стражѣ не давать вамъ спать пѣснями.

Слуга *съ платьями.*

(Вейслингенъ переодѣвается.)

(Карлъ входитъ.)

Карлъ.

Здравствуй, папенька.

Гецъ.

(Цѣлуетъ его). Здорово, малютка! Какъ ты поживаешь?

Гецъ.

Поклонись ему и попроси его, чтобъ онъ былъ повеселѣе.

Карлъ.

Да — я поцѣлую тебя рыцарь; будь веселѣе, обѣдать скоро.

Вейслингенъ (*поднимаетъ его на руки и цѣлуетъ*).

Счастливое дитя! у тебя — одна печаль, если супъ подаютъ не скоро на столъ. Дай Богъ вамъ, Берлихингенъ, радоваться на этого мальчика!

Гецъ.

Гдѣ много свѣту, тамъ много и тѣни. Хорошо бы вашими устами медъ пить. Но чему быть, тому не миновать. (*Уходитъ.*)

Вейслингенъ.

О еслибъ я проснулся! если бы все это видѣлъ я только во снѣ! Во власти Берлихингена, отъ котораго я насилу освободился, о которомъ вспоминать боялся, — котораго надѣялся одолѣть! А онъ — старый, добросердечный Гецъ! — Боже мой! Чѣмъ все это кончится? Ты опять, Адельбертъ, въ этой залѣ! Здѣсь ты обыкновенно игрывалъ съ нимъ въ дѣтствѣ, — тогда ты любилъ его, какъ душу. Кто могъ ненавидѣть его, живши съ нимъ вмѣстѣ? — Теперь не значу я здѣсь ничего! Прошло счастливое время, когда, бывало, старый Берлихингенъ сидитъ у камина, а мы око-

ло него играемъ. Какъ безпокоишься будешь Епископъ и друзья мои! Я знаю, что вся наша сторона приметъ участіе въ моемъ положеніи. Но что мнѣ за польза! Могутъ ли они дать мнѣ то, чего я ищу?

Гецъ *(съ бутылкою вина и стаканами).*

Пока кушанье неготово, мы выпьемъ вмѣстѣ. Садитесь сюда — какъ будто бы вы были дома! Думайте, что вы опять въ гостяхъ у Геца. Давно уже не были мы вмѣстѣ, давно уже не опоражнивали вмѣстѣ бутылокъ. *(Подноситъ ему)* Ну, веселѣе!

Вейслингенъ.

Времена переходчивы.

Гецъ.

Да, — мы уже не будемъ пить такъ весело, какъ при дворѣ Маркграфа; день и ночь, бывало, мы неразлучные. Съ удовольствіемъ вспоминаю я о своей молодости. Помните-ли вы еще ссору мою съ Полякомъ, у котораго нечаянно растрепалъ я рукавомъ курчавые и насаленые усы?

Вейслингенъ.

Это было за обѣдомъ, и онъ бросился на васъ съ ножемъ.

Гецъ.

Я поколотилъ его тогда порядкомъ, а вы поссорились за это съ его товарищемъ. Мы всегда вели себя честно и храбро, — и всѣ отдавали намъ справедливость *(наливаетъ и подноситъ ему).* Касторъ и Поллуксъ!

мнѣ всегда пріятно было слышать, когда Маркграфъ называлъ насъ сими именами. —

Вейслингенъ.

Епископъ Вирцбургскій выдумалъ это названіе.

Гецъ.

Вотъ былъ ученый человѣкъ и добрая душа! По смерть свою я буду вспоминать объ немъ: — какъ онъ ласкалъ насъ, какъ хвалилъ нашу дружбу. Я уважаю того человѣка, говорилъ онъ, который любитъ друга какъ роднаго брата.

Вейслингенъ.

Перестаньте.

Гецъ.

За чѣмъ переставать? Послѣ трудовъ для меня нѣтъ ничего пріятнѣе возпоминаній о прошедшемъ времени. Мы жили тогда душа въ душу, дѣлили и радость и горе, во всемъ за одно; я мечталъ, что такъ будетъ во всю жизнь нашу. Чѣмъ утѣшался я, когда отстрѣлили мнѣ руку подъ Ландсгутомъ? Тобою, — ты ходилъ за мной, какъ за роднымъ братомъ. Я надѣялся, что Адельбертъ будетъ впередъ моею правою рукою. А теперь? —

Вейслингенъ.

Ахъ!

Гецъ.

Если бы ты согласился тогда на мое приглашеніе и поѣхалъ со мною въ Бра-

баншъ, што все осталось бы по прежнему. Тебя удержала несчастная придворная жизнь, ты полюбилъ увиваться около женщинъ суетныхъ и порочныхъ; бывало, какъ по писанному, ты точишь имъ балы о несчастныхъ свадьбахъ, обольщенныхъ дѣвушкахъ, о жесткой кожѣ такого-то рыцаря и о прочемъ, что онѣ любятъ слушать; — я всегда говорилъ тебѣ: эй, Адельбертъ, ты избалуешься!

Вейслингенъ.

Къ чему все это?

Гецъ.

Да, я желалъ бы позабыть это, желалъ бы, чтобы все было иначе. Вейслингенъ! ты родился свободнымъ, благороднымъ и независимымъ подданнымъ Императора; — за чѣмъ ты служишь васалламъ? Что тебѣ за дѣло до Епископа? Онъ сосѣдъ твой, скажешь ты, можетъ вредить тебѣ; но развѣ нѣтъ у тебя рукъ и друзей, готовыхъ отмстить за тебя? Нѣтъ, ты забываешь достоинство свободнаго рыцаря, который зависитъ только отъ Бога, Императора и самаго себя! Ты забываешь честь, изгибаясь въ три дуги предъ какимъ нибудь высокомѣрнымъ и злобнымъ Аббатомъ.

Вейслингенъ.

Позволь мнѣ говорить. . . .

Гецъ.

Что хочешь ты сказать?

Вейслингенъ.

Ты смотришь на Князей, какъ волкъ на пастуховъ; однакожъ, можно-ли порицать ихъ за то, что они защищаютъ своихъ людей и ихъ достояніе? Имъ нѣтъ покоя отъ несправедливыхъ рыцарей, которые по большимъ дорогамъ нападаютъ на ихъ подданныхъ, опустошаютъ ихъ селенія и замки? — Съ другой стороны — земли дражайшаго нашего Императора подвержены нападеніямъ наслѣдственнаго врага; онъ проситъ помощи у чиновъ, а чины едва могутъ защищать собственную жизнь свою: — при такихъ обстоятельствахъ, не по внушенію-ли благаго духа они ищутъ средствъ успокоить Германію, водворить право и справедливость, и доставить возможность большимъ и малымъ наслаждаться выгодами мира? — А насъ упрекаешь ты, Берлихингенъ, за то, что мы прибѣгаемъ подъ покровъ нашихъ сосѣдей, между тѣмъ какъ Императоръ самъ себя защищать не можетъ.

Гецъ.

Да, да! я понимаю. Вейслингенъ! еслибы Князья были таковы, какъ ты изображаешь ихъ, то намъ нечего-бы жаловаться на нихъ. Миръ и спокойствіе! — Всякая хищная птица желаетъ спокойствія, чтобъ пожирать свою добычу на просторѣ. Благосостояніе каждаго гражданина! Съ этой заботы они не посѣдѣютъ. И какимъ непристойнымъ образомъ поступаютъ они съ Императоромъ! Онъ имѣетъ благія намѣре-

нія и стремится къ лучшему, — да безпрестанно подсовываются къ нему пустоголовые совѣтники, которые судятъ и рядятъ и въ кось и криво, а чинамъ то и на руку: они удятъ рыбу въ мутной водѣ и говорятъ о спокойствіи и безопасности государства, давя пятою низкое состояніе. Я побожусь, что многіе изъ нихъ благодарятъ Бога за то, что Турка держитъ Императора за руки.

Вейслингенъ.

Вы смотрите на это по своему.

Гецъ.

Какъ и всякій. — Дѣло въ томъ, на чьей сторонѣ свѣтъ и справедливость, — а надо признаться, по крайней мѣрѣ, что вы любите дѣйствовать въ потемкахъ.

Вейслингенъ.

Говорите что хотите, — я вашъ плѣнникъ.

Гецъ.

Если ваша совѣсть чиста, то вы свободны. — Что дѣлалось въ продолженіе мира? Я помню еще объ одномъ Сеймѣ, на коемъ я былъ, по шестнадцатому году, съ Маркграфомъ. Какими обмороками являлись тамъ Князья, а духовные больше всѣхъ. Епископъ вашъ прожужжалъ уши Императору о справедливости, какъ будто душу свою положить былъ готовъ за нее; — а нынѣ самъ захватилъ у меня человѣка,

въ то время, какъ раздоры наши были кончены, и у меня не было никакого зла на сердцѣ. Развѣ не все рѣшено между нами? Что дѣлаетъ онъ съ моимъ человѣкомъ? —

Вйслингенъ.

Это случилось безъ его вѣдома. —

Гецъ.

За чѣмъ же не освободилъ онъ его?

Вейслингенъ.

Онъ велъ себя не такъ какъ должно.

Гецъ.

Не такъ какъ должно! Я клянусь, что онъ поступалъ какъ должно, и это столько же вѣрно, какъ и то, что его взяли въ плѣнъ съ вѣдома вашего и Епископа. Не думаете-ли вы, что я только нынѣ родился и не понимаю, къ чему все это клонится? Нѣтъ, стараго воробья на мякинѣ не обманете! —

Вейслингенъ.

Вы подозрительны и обвиняете насъ несправедливо.

Гецъ.

Вейслингенъ! говорить ли мнѣ откровенно? Я у васъ бѣльмо на глазу, при всей своей незначительности, точно также, какъ Сикингенъ и Зельбицъ, потому, что мы твердо рѣшились благодарить за свою жизнь одного Бога и служить вѣрно одному Императору. Потому-то они и ставятъ мнѣ вездѣ сѣти, чернятъ меня предъ

Императоромъ, своими друзьями и моими сосѣдями, и подглядываютъ за мною. Они хотятъ выжить меня со свѣта, во что бы то ни стало. Человѣка моего захватили за то, что онъ посланъ былъ, какъ вы провѣдали, за извѣстіями; а велъ онъ себя не такъ, какъ должно, потому что не предалъ меня вамъ. И ты, Вейслингенъ, и ты служишь имъ орудіемъ!

Вейслингенъ.

Берлихингенъ!

Гецъ.

Ни слова больше! я не охотникъ до объясненій. При нихъ обманываешь или себя, или другаго, а по большей части обоихъ.

Карлъ.

Кушать, батюшка!

Гецъ.

Добрая вѣсть. Пойдемте; я надѣюсь, что мои бабы развеселятъ васъ. Прежде вы любили ихъ, и дѣвушки не могли наговориться съ вами. Пойдемте! *(Уходятъ.)*

ВЪ ЕПИСКОПСКОМЪ ДВОРЦѢ ВЪ БАМБЕРГѢ.

Столовая.

Епископъ Бамбергскій, Аввать Фульдскій, Олеарій, Ливетраутъ; *придворные за*

столомъ. Приносятъ закуски и большіе покалы.

Епископъ.

Много дворянъ Нѣмецкихъ учится въ Болоніи?

Олеарій.

Дворянъ и разночинцевъ. И не хвастовски сказать, они заслуживаютъ себѣ величайшую похвалу. Въ Академіи Нѣмецкое прилежаніе вошло въ пословицу. Между тѣмъ, какъ разночинцы прилагаютъ достохвальное стараніе вознаградить талантами низость происхожденія, дворяне съ достохвальнымъ соревнованіемъ стараются наслѣдственное достоинство возвысить блистательнѣйшими заслугами.

Аввать.

Каково!

Либетраутъ.

Вотъ до какихъ чудесъ доживаютъ на свѣтѣ! Прилежаніе Нѣмецкое вошло въ пословицу! Отъ роду моего не слыхалъ я ничего подобнаго.

Олеарій.

Да, да, всю Академію удивляютъ они, и нѣкоторые изъ нихъ, старшіе и способнѣйшіе, скоро пріѣдутъ сюда Докторами. Счастливъ Императоръ будетъ, если посадитъ ихъ на первыя мѣста.

Епископъ.

Такъ, я думаю, и будетъ.

Аввать.

Не знаете ли вы, на примѣръ, одного молодаго дворянина? — Онъ изъ Гессена.

Олеарій.

Тамъ много Гессенцевъ.

Аввать.

— Его зовутъ... онъ... Не знаетъ ли кто нибудь изъ васъ? — Мать его была родомъ... отецъ, кривой, служилъ Маршаломъ.

Ливетраутъ.

Баронъ Вильденгольцъ?

Аввать.

Такъ, такъ, Фонъ-Вильденгольцъ.

Олеарій.

Я знаю его. — Молодой человѣкъ съ большими способностями. Особенно хвалятъ его за стойкость въ спорахъ.

Аввать.

Онъ вѣрно пойдетъ по матери.

Ливетраутъ.

Однакожъ мужъ никогда не хвалилъ ее за это.

Епископъ.

Какъ, говорите вы, звали того Императора, который написалъ ваше Corpus juris?

Олеарій.

Юстиніанъ.

Епископъ.

Превосходный Государь! Его здоровье!

Оларій.

Вѣчная память ему! *(Пьютъ.)*

Аббатъ.

Онъ написалъ хорошую книгу?

Оларій.

Ее можно назвать книгою всѣхъ книгъ: собраніе всѣхъ законовъ, — на всякой случай приговоръ готовъ; а если бы что и оказалось недостаточнымъ и темнымъ, то сіе темное и недостаточное объясняется и дополняется въ глоссахъ, коими ученѣйшіе мужи украсили превосходнѣйшее сочиненіе.

Аббатъ.

Собраніе всѣхъ законовъ! Тьфу пропасть! Да здѣсь должны быть и десять заповѣдей.

Оларій.

Implicite, разумѣется, но не explicite.

Аббатъ.

Такъ я и разумѣлъ — слово въ слово, безъ дальнѣйшей эксплакаціи.

Епископъ.

И вотъ чѣмъ хорошо, что Государство, гдѣ, какъ вы говорите, право сіе вполнѣ введутъ и исправно соблюдать будутъ, можетъ жить въ мирѣ и покоѣ.

Оларій.

Безъ сомнѣнія.

Епископъ.

За всѣхъ doctores juris!

Олеарій.

Я отвѣчаю за это. *(Пьютъ.)* О если бы на моей родинѣ говорили такимъ образомъ! —

Аббатъ.

Вы откуда, почтеннѣйшій Докторъ?

Олеарій.

Изъ Франкфурта на Майнѣ, Ваше Преподобіе!

Епископъ.

Развѣ вы тамъ не въ чести? Отъ чего же происходитъ это? —

Олеарій.

Удивительное дѣло! Я ѣздилъ туда за полученіемъ наслѣдства послѣ покойнаго родителя, и чернь чуть не побила меня каменьями, услышавъ, что я правовѣдецъ.

Аббатъ.

Сохрани Богъ!

Олеарій.

Но сіе вотъ отъ чего происходитъ: судилище, которое пользуется великимъ повсемѣстнымъ уваженіемъ, составлено тамъ изъ людей, не имѣющихъ никакого понятія о Римскомъ Правѣ. Думаютъ, что правительству достаточно лѣтами и опытомъ пріобрѣсти себѣ точное познаніе о внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи города. Такимъ образомъ горожане и поселяне управляются обычаями и немногими статутами.

Авватъ.

Это очень хорошо.

Олеарій.

Но слишкомъ недостаточно. Жизнь людей коротка, и съ однимъ поколѣніемъ не могутъ перебывать всѣ случаи. Въ нашей книгѣ законовъ собраны случаи изъ многихъ столѣтій. И притомъ — воля и образъ мыслей у людей столь шатки, что нынѣ одному кажущееся справедливымъ, другимъ завтра опровергается; а потому замѣшательство и несправедливость неизбѣжны. Все сіе опредѣляютъ законы, а законы непреложны.

Авватъ.

Такъ въ самомъ дѣлѣ лучше.

Олеарій.

Сего никакъ не постигаетъ чернь, которая, при всей своей склонности къ новому, терпѣть не можетъ нововведеній, преимущественно тѣхъ, кои принуждаютъ ее оставить свою колею, хотя бы и къ лучшему. Юристовъ почитаютъ сіи несмысленные наравнѣ съ мятежниками государственными и разбойниками, и бѣсятся, если какой-либо вздумаетъ поселиться между ними.

Либетраутъ.

Вы изъ Франкфурта! У меня тамъ много знакомыхъ. Въ коронацію Максимиліанову мы понасолили вашимъ женихамъ. Васъ зовутъ Олеаріемъ! Я не слыхивалъ тамъ этаго имени.

Олеарій.

Отца моего звали Ольманомъ, и только во избѣжаніе варварскаго звука на заглавіи Латинскихъ моихъ сочиненій назвался я, по примѣру и совѣту моихъ достойныхъ наставниковъ, Олеаріемъ.

Ливетраутъ.

Вы хорошо сдѣлали, что перевели себя. Пророку нѣтъ чести на родинѣ: такъ было бы и съ вами на вашемъ отечественномъ языкѣ.

Олеарій.

Не сею причиною я руководствовался.

Ливетраутъ.

На всякое дѣло бываетъ по двѣ причины.

Аввать.

Пророку нѣтъ чести на родинѣ.

Ливетраутъ.

И знаете ли вы почему, достопочтеннѣйшій пастырь?

Аввать.

Потому что онъ тамъ родился и воспитывался.

Ливетраутъ.

Хорошо — это одна причина; а вотъ другая: сіи господа издали облекаются покровомъ святости и важности, а вблизи посмотрѣть на нихъ, такъ и исчезаетъ ту-

манъ, и они являются въ настоящемъ своемъ видѣ — пустыми людьми.

Олеарій.

Вы, кажется, по должности, говорите истины.

Листингенъ.

Если у меня есть что нибудь въ головѣ, то въ словахъ недостатка не бываетъ...

Олеарій.

А въ искусствѣ хорошо и кстати выражаться.

Либетраутъ.

Піявки сосутъ кровь вездѣ, куда ни присади.

Олеарій.

Птица видна по полету, впрочемъ не худо бы вамъ привѣсить пару колокольчиковъ къ своему колпаку.

Либетраутъ.

Гдѣ достали вы себѣ дипломъ? Это хорошо знать на случай: можетъ быть и мнѣ когда нибудь вздумается надѣть докторскій парикъ, такъ надо знать большую дорогу.

Олеарій.

Вы дерзки.

Либетраутъ.

Вы надменны чрезъ чуръ.

(Епископъ и Аббатъ смѣются.)

Епископъ.

Перестаньте, господа! къ чему горячиться? За столомъ должно быть согласіе. Начни что нибудь другое, Либетраутъ.

Либетраутъ.

Близъ Фракфурта есть мѣсто, которое называется Саксен-Гаузенъ....

Олеарій *(къ Епископу).*

Что говорятъ о Турецкомъ походѣ, Ваше Преосвященство?

Епископъ.

Для Императора всего нужнѣе успокоить Государство, прекратить раздоры и привесть въ уваженіе судилища. Послѣ этого пойдетъ онъ лично, говорятъ, протявъ враговъ Имперіи и Христіанской религіи. Теперь ему и дома много хлопотъ; и Государство, не смотря на заключеніе сороколѣтняго мира, все еще имѣетъ въ себѣ вертепы разбойниковъ. Франконія, Швабія, Верхній Рейнъ и сопредѣльныя страны разоряются дерзкими и отважными рыцарями. Сикингенъ, Сельбицъ хромоногій, Берлихингенъ-желѣзная рука, смѣются въ сихъ странахъ надъ Императорскими постановленіями.

Аввать.

Его Величеству надобно приняться за нихъ; эти молодцы хоть кого запрячутъ въ мѣшокъ.

Ливтраутъ.

Хошь Фульдскую бочку съ виномъ.

Епископъ.

Особенно послѣдній съ давняго времени мнѣ врагъ непримиримый и тревожитъ меня, не давая отдыха. Но это продолжится не долго, я надѣюсь. Императоръ имѣетъ дворъ свой теперь въ Аугсбургѣ. Мы приняли свои мѣры и неудача невозможна. Знаете вы Аделберта фонъ Вейслингена, господинъ Докторъ?

Олеарій.

Нѣтъ, Ваше Преосвященство!

Епископъ.

Дождитесь его возвращенія, то — вы порадуетесь, увидя благороднѣйшаго, умнѣйшаго и любезнѣйшаго Рыцаря.

Олеарій.

Заслуживъ отъ васъ подобную хвалу, онъ долженъ быть человѣкомъ превосходнѣйшимъ.

Ливтраутъ.

Онъ не былъ ни въ какой Академіи.

Епископъ.

Мы знаемъ это. *(Служители подбѣгаютъ къ окну)* Что такое?

Служитель.

Ферберъ, Вейслингеновъ конюхъ, въѣзжаетъ въ ворота.

Епископъ.

Узнайте, съ какимъ извѣстіемъ пріѣхалъ онъ. *(Либетраутъ уходитъ. Они встаютъ и пьютъ еще вмѣстѣ.)*

(Либетраутъ возвращается.)

Епископъ.

Что новаго?

Либетраутъ.

Я желалъ бы, чтобъ онъ самъ сказалъ вамъ это. Вейслингенъ взятъ въ плѣнъ.

Епископъ.

Какъ?

Либетраутъ.

Берлихингенъ полонилъ его съ тремя рейтарами подъ Гаслахомъ; четвертый спасся бѣгствомъ и привезъ вамъ сіе извѣстіе.

Аббатъ.

Іовлевъ вѣстникъ!

Олеарій.

Я сожалѣю отъ всего сердца.

Епископъ.

Я хочу видѣть конюха; приведите его сюда. Я хочу самъ говорить съ нимъ; приведите его ко мнѣ въ кабинетъ. *(Уходитъ.)*

Аббатъ *(садится)*.

Еще глотнуть.

(Слуги наливаютъ.)

Олеарій.

Не угодно ли Вашему Преподобію сдѣлать небольшую прогулку по саду? Post coenam stabis, sev passus mille meabis.

Ливетраутъ.

Въ самомъ дѣлѣ — сидѣть для васъ нездорово: параличь можетъ разбить.

(Аббатъ понимается.)

Ливетраутъ *(Про себя)*.

Лишь только бы вызвать мнѣ его на чистой воздухъ, — тамъ я постараюсь объ экзерциціи.

ЯКСТАУЗЕНЪ.

Марія, Вейслингенъ.

Марія.

Вы говорите, что любите меня. Я вамъ вѣрю съ удовольствіемъ и надѣюсь обрѣсти счастіе съ вами, — надѣюсь осчастливить и васъ.

Вейслингенъ.

Я чувствую только, что я весь твой.

(Обнимаетъ ее.)

Марія.

Перестаньте, прошу васъ. Я позволила вамъ поцѣловать себя въ задатокъ, а вы хотите, кажется, располагать хозяйски тѣмъ, что принадлежитъ вамъ только съ условіемъ.

Вейслинген.

Вы очень строги, Марія. Невинная любовь пріятна Богу. Здѣсь нѣтъ грѣха.

Марія.

Можетъ быть! Но я не такъ воспитана. Мнѣ всегда толковали, что ласки, какъ цѣпи, крѣпки своею связью; а дѣвушки, которыя любятъ, бываютъ слабѣе Самсона остриженнаго.

Вейслинген.

Кто толковалъ вамъ это?

Марія.

Настоятельница въ нашемъ монастырѣ. До шестнадцати лѣтъ жила я у нея, и только съ вами чувствую вновь то счастіе, которымъ наслаждалась въ обществѣ съ нею. Она любила и умѣла говорить. У нея было нѣжное сердце! Прекрасная женщина!

Вейслинген.

И такъ она была похожа на тебя. *(Беретъ ее за руку)* Что будетъ со мною, если мнѣ должно будетъ оставить тебя!

Марія.

(Отнимаетъ у него руку) Тебѣ будетъ грустно, я надѣюсь: я знаю это по себѣ. Но ты долженъ уѣхать.

Вейслинген.

Долженъ, моя Марія, и хочу. Я чувствую, какое блаженство пріобрѣту я себѣ этою жертвою. Да будетъ благословенъ

брать твой и день, въ которой онъ выѣхалъ изъ своего замка съ намѣреніемъ взять меня въ плѣнъ.

Марія.

Онъ надѣялся за себя и за тебя. Прощайте, сказалъ онъ, разставаясь; можетъ быть, я найду опять Вейслингена.

Вейслингенъ.

Онъ нашелъ его. Какъ жаль мнѣ, что я въ вихрѣ придворной жизни нерадѣлъ объ управленіи моими помѣстьями и ихъ безопасности! Я могъ бы тотчасъ жениться на тебѣ.

Марія.

Отсрочка имѣетъ свои удовольствія.

Вейслингенъ.

Не говори этого, Марія; иначе я долженъ буду бояться. Ты чувствуешь слабѣе меня. Впрочемъ, я несу наказаніе по справедливости; и какія надежды будутъ сопровождать меня на всякомъ шагу! Быть совершенно твоимъ, жить къ тебѣ, — жить въ кругу людей добродѣтельныхъ, — въ удаленіи отъ свѣта, — наслаждаться счастіемъ, которое два сердца взаимно себѣ доставляютъ! Что значитъ Царская милость, свѣтскіе успѣхи, въ сравненіи съ симъ простымъ, несравненнымъ блаженствомъ! Я многаго желалъ, и надѣялся: это превышаетъ всѣ мои надежды и желанія.

Гецъ (*входитъ*).

Вашъ гонецъ воротился; отъ голода и усталости онъ не можетъ выговорить почти ни слова. Жена кормитъ его. Сколько я понялъ его: Епископъ не хочетъ выдать моего человѣка до тѣхъ поръ, пока не выберутся Императорскіе коммисары и не назначутъ дня для разбирательства дѣла. Пусть онъ творитъ, что ему угодно. Адельбертъ! вы свободны; я требую отъ васъ только честнаго слова, чтобъ вы не подавали никакой помощи моимъ непріятелямъ — ни явно, ни тайно.

Вейслингенъ.

Вотъ вамъ моя рука. Съ сей минуты дружество и довѣренность да будутъ между нами ненарушимо, какъ вѣчный законъ природы! Позвольте взять мнѣ и сію руку (*онъ беретъ руку Маріи*), позвольте мнѣ обладать сею благородною дѣвицею!

Гецъ.

Сказать-ли мнѣ за тебя *да?*

Марія.

Если вы скажете вмѣстѣ со мною.

Гецъ.

Къ счастію — наши выгоды на сей разъ одинаковы. Тебѣ не нужно краснѣть; въ твоихъ глазахъ видно признаніе. И такъ, Вейслингенъ, дайте руку и я скажу — аминь! — Мой братъ и мой другъ! сестра, я тебѣ очень благодаренъ! Ты имѣешь спо-

собности — не на одну пряжу: ты выткала сѣть и полонила эту райскую птицу. — Но — Адельбертъ! ты какъ-то не совсѣмъ свободенъ! Что у тебя? Я — я совершенно счастливъ. О чемъ я мечталъ во снѣ, то я вижу на яву, и признаюсь, все почитаю себя во снѣ. Ну, вотъ мой сонъ сбылся. Нынѣ ночью мнѣ представилось, что я подалъ тебѣ свою правую желѣзную руку и ты схватился за нее такъ крѣпко, что она вывалилась изъ поручней. Я испугался и проснулся. Мнѣ надобно-бы было уснуть еще, и я увидѣлъ-бы, что ты приставляешь мнѣ новую руку. Ты долженъ теперь привести къ порядокъ свой замокъ и помѣстья; проклятой дворъ заставилъ тебя нерадѣть о нихъ. Мнѣ надобно позвать жену. Елизавета!

Марія.

Братецъ внѣ себя отъ радости.

Вейслингенъ.

Между тѣмъ не больше меня.

Гецъ.

Ты будешь весело жить.

Марія.

Франконія благословенная страна.

Вейслингенъ.

И я могу сказать, что мой замокъ находится въ самой благословенной ея части, на самомъ веселомъ мѣстѣ.

Гецъ.

Точно можете, и я подтверждаю. Здѣсь протекаетъ Майнъ; надъ нимъ покато воз-

вышаешся гора, покрытая пажитями и виноградниками, — на вершинѣ замокъ, — рѣка оборачивается подъ утесомъ около него — окна въ большой залѣ находятся прямо надъ водою. Видъ — на нѣсколько миль.

Елизавета *(входитъ)*.

Что у насъ дѣлается?

Гецъ.

Подавай руку и говори: Богъ да благословитъ насъ! — предъ тобой женихъ съ невѣстой.

Елизавета.

Такъ скоро?

Гецъ.

Но не совсѣмъ нечаянно!

Елизавета.

Дай Богъ, чтобы вы всегда такъ ее любили, какъ теперь! И потомъ: дай Богъ, чтобъ такъ были счастливы, какъ она любитъ васъ!

Вейслингенъ.

Аминь! Я не принимаю счастія иначе, какъ подъ симъ условіемъ.

Гецъ.

Женихъ отправляется въ путь, Елизавета, и за большою перемѣною слѣдуютъ всегда малыя; онъ удалится сперва отъ Епископскаго двора, чтобъ охладить поне-

многу дружество; потомъ отниметъ свои помѣстья изъ рукъ корыстолюбивыхъ наемщиковъ, и . . . Но пойдемъ, сестра, пойдемъ Елизавета! оставимъ его одного. Рейтаръ вѣрно привезъ къ нему тайныя извѣстія.

Вейслингенъ.

Отъ васъ нѣтъ ничего тайнаго.

Гецъ.

На что намъ это? — Франконія и Швабія! вы породнились близко. Какъ посмѣемся мы теперь надъ всѣми Имперскими чинами! *(Уходятъ.)*

Вейслингенъ.

Боже милосердый! мнѣ недостойному низпослалъ Ты такое благополучіе! Этого слишкомъ много для моего сердца. Въ какомъ ослѣпленіи блуждалъ я доселѣ; я зависѣлъ отъ сихъ мѣлкихъ, ничтожныхъ людей, надъ которыми думалъ властвовать; во взорахъ Епископа, въ поклонахъ его свиты я искалъ своихъ наслажденій. Гецъ, любезный Гецъ! ты возвратилъ мнѣ меня самаго, а ты, Марія, ты довершаешь перемѣну въ образѣ моихъ мыслей. Мнѣ свободно, какъ на чистомъ воздухѣ. Я не хочу болѣе видѣть Бамберга, я прерву всѣ постыдныя связи, меня унижавшія! Сердце мое расширяется: здѣсь нѣтъ мучительныхъ порывовъ преступнаго честолюбія. Только тотъ великъ и счастливъ, кому не нужно ни повелѣвать, ни повино-

ваться, для того, чтобъ жить на свѣтѣ съ удовольствіемъ.

Францъ (входитъ).

Рыцарь, здравствуйте! Я столько привезъ вамъ поклоновъ, что не знаю, съ котораго начинать. Бамбергъ и всѣ мѣста на десять миль въ окружности вамъ кланяются.

Вейслингенъ.

Хорошо, Францъ! Что еще привёзъ ты мнѣ?

Францъ.

Дворъ такъ воспоминаетъ объ васъ, что и описать не льзя.

Вейслингенъ.

Это продолжится не долго.

Францъ.

Покамѣстъ вы живы; а по смерти вашей будетъ сіять ярче мѣдныхъ буквъ на надгробномъ памятникѣ. Какъ сожалѣютъ о вашемъ несчастіи! —

Вейслингенъ.

Что сказалъ Епископъ?

Францъ.

Загонялъ меня вопросами такъ, что я не имѣлъ времени отвѣчать ему. Онъ зналъ уже о нашемъ похожденіи: Ферберъ, спасшійся подъ Гаслахомъ, принесъ ему извѣстіе прежде меня; но онъ хотѣлъ знать всѣ подробности. Съ какимъ безпокойствомъ спра-

шивалъ онъ, не ранены ли вы? Я отвѣчалъ, что вы цѣлы съ головы до ногъ.

Вейслингенъ.

Что сказалъ онъ о предложеніяхъ?

Францъ.

Онъ согласился выдать человѣка и заплатить деньги, лишь бы освободить васъ. Услышавъ же, что васъ отпустятъ и безъ этого, и что одно ваше слово остается у Геца залогомъ, онъ вздумалъ отсрочить. Потомъ сдѣлалъ онъ мнѣ тысячу порученій къ вамъ — но я позабылъ ихъ всѣ. Это была длинная проповѣдь на тему: я не могу обойтись безъ Вейслингена.

Вейслингенъ.

Привыкнетъ.

Францъ.

Что это значитъ? Онъ велѣлъ мнѣ торопить васъ: за вами остановка.

Вейслингенъ.

Пусть подождутъ. Я не ѣду ко двору.

Францъ.

Не ѣдете ко двору, Рыцарь? Что съ вами сдѣлалось? Если бы вы знали, что я знаю. Если бы вы хоть во снѣ увидѣли то, что я видѣлъ на яву.

Вейслингенъ.

Что такое?

Францъ.

Отъ одного воспоминанія я выхожу изъ себя. Бамбергъ уже не Бамбергъ, а преддверіе рая: Ангелъ въ образѣ женщины озаряетъ его своимъ присутствіемъ.

Вейслингенъ.

Только?

Францъ.

Я готовъ постричься, если вы не выдете изъ себя, увидя ее.

Вейслингенъ.

Кто же это такая?

Францъ.

Адельгейда фонъ Вальдорфъ.

Вейслингенъ.

Она! Я слышалъ много о ея красотѣ.

Францъ.

Вы слышали! Что вы говорите? Развѣ можно видѣть музыку? Можно ли словами выразить одну черту изъ ея прелестей, когда глазами ихъ обозрѣть невозможно?

Вейслингенъ.

Ты не въ полномъ умѣ.

Францъ.

Можетъ быть. Видя ее въ послѣдній разъ, я былъ безъ памяти, какъ пьяный, — я былъ въ неописанномъ восторгѣ; всѣ чувства мои были сильнѣе, возвышеннѣе, совершеннѣе, но безъ дѣйствія.

Вейсдингенъ.

Чудеса!

Францъ.

Она сидѣла у Епископа во время моей аудіенціи. Они играли въ шахматъ. Епископъ былъ очень милостивъ, далъ мнѣ поцѣловать свою руку и говорилъ много, однакожъ я не понималъ ничего. Я смотрѣлъ на его сосѣдку; она устремила все свое вниманіе на доску, какъ-бы обдумывая рѣшительный ударъ. Тонкая хитрость была видна во всѣхъ чертахъ ея. Какъ желалъ я быть шахматнымъ Королемъ! Какое благородство, какая привѣтливость во взорахъ! Ослѣпительная бѣлизна лица и груди возвышались еще болѣе темными волосами.

Вейсдингенъ.

Ты сдѣлался отъ нея поэтомъ.

Францъ.

И такъ я знаю теперь, что̀ творитъ поэтовъ; полное, полное однимъ чувствованіемъ сердце. Когда Епископъ кончилъ и я поклонился, она взглянула на меня и сказала: „Поклонъ и отъ меня, отъ незнакомки! Скажи ему, чтобъ онъ пріѣзжалъ скорѣе; новые друзья дожидаются его. Онъ не долженъ пренебрегать ими, хотя и имѣетъ много старыхъ.“ Я хотѣлъ отвѣчать, но между сердцемъ и языкомъ не было уже сообщенія, — я поклонился! Между тѣмъ, какъ я стоялъ такимъ образомъ, Епископъ уронилъ пѣшку; я бросился поднимать ее и

коснулся ея платья; огонь пробѣжалъ по всѣмъ моимъ членамъ и я не помню, какъ очутился за дверью.

Вейслингенъ.

Мужъ ея при дворѣ?

Францъ.

Четыре мѣсяца уже она овдовѣла. Для разсѣянія теперь живетъ въ Бамбергѣ. Вы увидите: взглядъ ея озаряетъ, какъ весеннее солнце.

Вейслингенъ.

На меня не произведетъ онъ никакого дѣйствія.

Францъ.

У васъ былъ сговоръ, я слышалъ.

Вейслингенъ.

Я желаю, чтобъ ужъ былъ онъ! Моя милая Марія! отъ нея зависитъ счастіе моей жизни. Кроткая душа ея изображается въ голубыхъ глазахъ. Какъ Ангелъ небесный, сотворенный изъ любви и невинности, доставитъ она моему сердцу спокойствіе и блаженство. Укладывайся, и потомъ въ мой замокъ. Я не хочу видѣть Бамберга, хотя бы самъ Святый Вейтъ звалъ меня туда своею особою. *(Уходитъ.)*

Францъ.

Сохрани Боже! будемъ надѣяться лучшаго? Марія прекрасна, любезна. Плѣни-

никъ и больной могъ влюбиться въ нее: въ глазахъ ея столько утѣшенія, столько томности дружелюбной. Но въ тебѣ, Адельгейдъ, все жизнь, огонь, духъ — я бы. . . . Я дуракъ, одинъ взглядъ ея свелъ меня съ ума. Мой Рыцарь долженъ ѣхать туда! Я долженъ ѣхать туда. Тамъ я или образумлюсь, или совсѣмъ сойду съ ума. —

М. Погодинъ.

НЕСЧАСТІЕ ОТЪ ФРАНЦУЗСКОЙ КАДРИЛИ.

Провинціальный анекдотъ.

Чертоги пышные не веселятъ меня;
И въ скромной хижинѣ съ друзьями счастливъ я.

Недавно получилъ я отъ одного изъ моихъ пріятелей, отставнаго Капитанъ-Лейтенанта Г***, предлинное посланіе, въ которомъ онъ, между прочимъ, описываетъ довольно забавное, но притомъ весьма непріятное для него происшествіе: главная причина всей бѣды есть *Французская кадриль.* Прошу извинить меня, почтенные любители и любительницы этого прекраснаго танца. Знаю, что многіе изъ васъ будутъ мною недовольны и что упреки посыплются на меня со всѣхъ сторонъ; но письмо бывшаго моего сослуживца показалось мнѣ въ своемъ родѣ такъ оригинальнымъ, что я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи его напечатать.

,,Сколько неосновательныхъ причинъ (пишетъ мой пріятель) доводятъ иногда людей до совершенной глупости, происходящей отъ того, что многіе, рабски подражая модѣ, вовсе не думаютъ о томъ, что это подражаніе, до котораго они достигаютъ съ большимъ трудомъ, легко можетъ повредитъ ихъ семейственному благополу-

чію. — Надобно безпрекословно повиноваться модѣ, — говорятъ они, и упрямыя ихъ головы ни за что не хотятъ отступить отъ ея правилъ. Какъ часто и какъ несправедливо прекрасныхъ молодыхъ людей, съ хорошими дарованіями, а что еще болѣе, съ превосходнымъ сердцемъ, называютъ невѣждами, людьми безъ всякаго воспитанія, только потому, что они не знаютъ науки, входя въ горницу, шаркать ногами, ловко, почти по воздуху, подлетѣть къ хозяйкѣ дома и мастерски раскланяться съ обществомъ; это причиною, что ихъ почти не замѣчаютъ въ блестящей толпѣ молодыхъ повѣсъ, которые, разодѣвшись въ пухъ и весьма забавно выступая какъ Индѣйскіе пѣтухи, воображаютъ себѣ, что они очень важные люди. Затвердивъ нѣсколько эпиграммъ и экспромтовъ, они бдительнымъ окомъ разсматриваютъ окружающихъ, мысленно готовятъ выученные стишки и съ жадностью ловятъ случай сказать ихъ кстати, чтобы блеснуть мишурною ученостью и прослыть остракомъ въ свѣтѣ.

„Какая противоположность въ кругу дружескомъ! Тамъ этихъ самыхъ людей, которыхъ столь не благосклонно принимаютъ въ такъ называемомъ *хорошемъ* обществѣ, любятъ и цѣнятъ гораздо выше всѣхъ образованнѣйшихъ свѣтскихъ франтовъ. Не смотря на то, многіе, желая узнать людей по наружности, судятъ объ нихъ съ перваго взгляда, и почти всегда ошибаясь, не

смотря на то, остаюсь при томъ же мнѣніи.

„Много случалось мнѣ видѣть подобныхъ странностей; я не замѣчалъ или, лучше сказать, не хотѣлъ замѣчать ихъ, потому что онѣ до меня не касались. Но недавно нѣкоторые изъ моихъ сосѣдей такъ сильно оскорбили мое самолюбіе своими глупостями, что я рѣшился, помѣстивъ это небольшое вступленіе, описать тебѣ бывшій со мной случай.

„Тебѣ извѣстно, любезный другъ, что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ я не имѣлъ склонности къ танцамъ и, посвятивъ себя изученію морскихъ наукъ, вовсе не занимался тѣмъ, что танцовальный нашъ учитель Г-нъ де Розье очень часто, поставя насъ въ рядъ, громогласно повторялъ: *держись прямо — присѣдай ниже — правой ногой впередъ — начинай*, и протяжно приговаривая *разъ-два-три*, при окончательномъ удареніи каждаго слова поднималъ и опускалъ руку, забавно подражая движеніямъ своихъ учениковъ. Не обращая на это особеннаго вниманія, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца скучныхъ уроковъ. Но за всѣмъ тѣмъ противъ воли выучили меня ходить польской, вальсировать подъ музыку и изрядно прыгать экосезъ. О прочемъ мало заботились, и я былъ очень доволенъ, когда освободился отъ несноснаго учителя, который заставлялъ меня стоять по нѣскольку часовъ за стуломъ, наблюдая притомъ очень строго за моими носками, чтобы

они непремѣнно находились въ прямой линіи. Никогда не забуду того, съ какимъ удовольствіемъ уходилъ я изъ класса, когда по окончаніи онаго меня выпускали на свободу, вовсе не думая, что эти проклятые танцы будутъ въ послѣдствіи имѣть такое важное вліяніе на судьбу мою.

Смерть родителей моихъ и разстроенное имѣніе заставили меня выдти въ отставку. По пріѣздѣ въ свою деревню, будучи занятъ домашними дѣлами, я не имѣлъ еще времени посѣтить всѣхъ моихъ сосѣдей, какъ вдругъ случай довольно странной познакомилъ меня съ Баронессою *Книксъ*, живущею въ своемъ помѣстьи *Рухтичь*, въ семи верстахъ отъ моей усадьбы. Будучи страстною обожательницею танцовъ, она въ особенности любитъ вальсъ; но какъ въ деревнѣ, гдѣ праздныхъ людей очень мало и гдѣ всякой имѣетъ свои хлопоты, не всегда можно составить партію, то Г-жа Книксъ въ утѣшеніе себѣ кружится одна въ огромномъ залѣ по нѣскольку часовъ сряду, между тѣмъ какъ внучка ея, дѣвица Аделаида Л***, принужденно играетъ на разстроенныхъ клавикордахъ. Всякой имѣетъ свои слабости, и я вовсе не намѣренъ охуждать почтенную Баронессу въ ея невинной забавѣ, которая, не причиняя никому вреда, доставляла еще пользу молодой ея внучкѣ. Посвящая большую часть времени въ угодность своей бабушки, она совершенно разъигрываетъ всѣ вальсы камейдокустикона, составленіе которыхъ

обыкновенно принимаешъ на себя сама. Г-жа Книксъ, будучи весьма благодарна за легкое средство издателю сего музыкальнаго упражненія. Къ несчастію моему, кому-то вздумалось жестоко подшутить надо мною, увѣривъ ее, что я большой охотникъ вальсировать. Надежда блеснула въ глазахъ старушки, и она, узнавъ о близкомъ сосѣдствѣ, не замедлила пригласить меня къ себѣ откушать въ первое воскресенье.

„Не зная странностей Боронессы Книксъ я будучи благодаренъ за оказанную мнѣ съ ея стороны вѣжливость, я тотчасъ рѣшился сдѣлать ето новое знакомство, и ровно въ двѣнадцать часовъ санки мои остановились у подъѣзда огромныхъ хоромъ Готической архитектуры; двое дюжихъ распудренныхъ слугъ, въ ливреяхъ старинного покроя, почтительно встрѣтили меня у входа передней: одинъ изъ нихъ принялъ мою шубу, а другой проводилъ меня до гостиной, увѣдомляя притомъ, что Боронесса еще не выходила. Пожалѣвъ, что такъ рано пріѣхалъ, я началъ разсматривать естампы въ золотыхъ рамахъ, развѣшанные надъ большимъ диваномъ. „Какъ прикажете доложить объ васъ?" важно спросилъ меня вошедшій въ комнату человѣкъ кубической фигуры въ синемъ фракѣ, въ красныхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ мѣдными пряжками. Маленькое лице этого чудака едва выглядывало изъ за высокаго галстуха, завязаннаго впереди пышнымъ бантомъ. — Посмѣявшись глупому наряду господина камердинера, я приказалъ

сказать, что пріѣхалъ отставной Капитанъ-Лейтенантъ Г***, сосѣдъ Баронессы, лично засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Наконецъ двери настежъ растворились. Попугай, стоявшій въ углу горницы, явственно прокричалъ: *Bon jour Madame!* и Г-жа Киксъ въ сопровожденіи трехъ маленькихъ собаченокъ, которыя ворчали забавное тріо, явилась въ полномъ нарядѣ восемнадцатилѣтней дѣвушки, исключая огромнаго чепца, прикрывавшаго ея сѣдые волосы. „Извините меня" сказала она присѣдая, „за мою неловкость, что на первой разъ нашего знакомства я заставила васъ такъ долго дожидаться." Учтивой отвѣтъ мой ее успокоилъ; она сѣла на Вольтеровскія кресла, а злыя шавки, продолжая ворчать, расположились полукружіемъ у толстыхъ ногъ своей повелительницы. Мы занялись разговоромъ о вещахъ по хозяйственной части, чѣмъ я былъ очень доволенъ, полагая, что проведу съ пользою время; но вскорѣ замѣтилъ, что Баронесса не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о сельскомъ домоводствѣ. Въ три часа доложили, что кушанье поставлено; я подалъ руку хозяйкѣ, и мы отправились въ столовую, гдѣ встрѣтила насъ прелестная дѣвица. „Это моя родственница Аделаида Л***" скоро сказала Г-жа Никсъ, желая избавиться отъ несноснаго названія бабушки. . . . Въ продолженіе стола разговаривая съ Баронессою, я часто посматривалъ на дѣвицу Л***, и признаюсь, что она меня обворожила. Въ восемь часовъ, при

взаимныхъ учтивостяхъ, мы разстались, и я далъ честное слово въ непродолжительномъ времени опять посѣтить почтенную сосѣдку. Не постигаю, какъ эта старая охотница до шанцовъ могла воздержаться, чтобы не упомянуть во весь вечеръ о любимомъ вальсѣ, и какъ она имѣла терпѣніе просидѣть почти на одномъ мѣстѣ все время, которое я у ней пробылъ.

„Если наружность милой дѣвицы Л*** не обманчива, говорилъ я самому себѣ, пуская густой дымъ изъ пѣнковой трубки въ своемъ кабинетѣ, то она вѣрно составитъ счастіе того, кто соединитъ съ нею судьбу свою. — Почемужъ не испытать и тебѣ — шепнула надежда — и я рѣшился сдѣлаться строгимъ наблюдателемъ Аделаиды. Сердце мое меня не обмануло: я совершенно узналъ прелестную и внутренно поклялся въ вѣчной къ ней любви. Вообрази, милой другъ, дѣвушку въ семнадцать лѣтъ, прекрасную какъ ангелъ, съ образованнымъ умомъ, съ отличными дарованіями и съ добрымъ сердцемъ. Не могу ничего сказать болѣе. . . . Крупныя слезы льются по суровому лицу мореходца при воспоминаніи пріятныхъ минутъ моей жизни, которыя для меня навсегда исчезли.

„Но обратимся къ Г-жѣ Книксъ. Зная, что Аделаида, какъ единственная ея наслѣдница, вполнѣ отъ нея зависитъ, я употребилъ всѣ старанія, чтобы попасть въ милость къ причудливой старушкѣ; и къ счастію моему или лучше на бѣду успѣлъ

въ томъ: она очень меня полюбила. Правда, что угождая Баронессѣ, я почти ежедневно обязанъ былъ вальсировать съ нею по нѣскольку круговъ, иногда подъ нестройной звукъ клавикордовъ, а временемъ подъ напѣвъ пронзительнаго ея голоса, и обыкновенно по вечерамъ читать въ слухъ страшныя сочиненія Г-жи Радклифъ; но увѣренный въ томъ, что она властительница моего жребія, я терпѣливо переносилъ все, рисуя въ воображеніи будущія удовольствія и притомъ бывъ щедро награждаемъ пріятными часами, въ которые я оставался одинъ съ Аделаидою, между тѣмъ какъ Г-жа Книксъ находилась въ своей уборной, гдѣ, по сдѣланной съ молодыхъ лѣтъ привычкѣ, просиживала большую половину дня для приведенія въ порядокъ давно поблекшихъ прелестей.

„Ласковое обхожденіе Баронессы и очаровательные взоры дѣвицы Л*** невольно влекли меня въ роковыя сѣти, и я такъ часто посѣщалъ любезныхъ сосѣдокъ, что даже лошади мои, какъ будто раздѣляя нетерпѣніе своего господина, неслись во весь духъ прямо въ *Рухтичь* и сами останавливались у подъѣзда.

„Такимъ образомъ быстро пролетѣли одиннадцать мѣсяцовъ; наконецъ я рѣшился объясниться съ Аделаидой, и въ незабвенной день, навѣки запечатлѣнный въ моей памяти, въ имянины прелестной, получилъ ея согласіе. Все зависѣло отъ одного только позволенія Баронессы. Она не противилась

нашему счастію, мнѣ обѣщана рука моей возлюбленной и день моего благополучія былъ назначенъ. Приготовлялись къ свадьбѣ; — но *Французская кадриль* разрушила всѣ мои надежды.

„Графъ Б***, устарѣлый холостякъ, достойный племянникъ Баронессы, отъѣзжая за границу, вздумалъ вызвать къ себѣ почтенную тетушку на прощальный балъ. Можешь смѣло быть увѣренъ, что старуха не отказалась, но она непремѣнно хотѣла, чтобы я былъ съ нею. Повинуясь ея прихоти, признаюсь, противъ моего желанія, какъ бы предчувствуя пагубныя слѣдствія этой поѣздки, я съ трудомъ согласился, и мы всѣ трое, въ старинномъ возкѣ, запряженномъ шестеркою пожилыхъ лошадей, отправились въ городъ. Графъ Б***, у котораго въ домѣ мы остановились, принялъ насъ со всевозможною учтивостію и отвелъ намъ лучшіе у себя покои.

„Наконецъ наступилъ день праздника. Г-жа Книксъ, въ богатомъ шелковомъ платьѣ, обремененномъ множествомъ накладокъ и бантовъ, въ высокой головной наколкѣ, обсаженной перьями и цвѣтами, торжественно усѣлась на первомъ мѣстѣ въ гостиной, внѣ себя отъ удовольствія быть на этотъ разъ хозяйкою дома и представлять главное лице. Подлѣ нея сидѣла дѣвица Л***, одѣтая также пышно по приказанію Баронессы; но милая скромность Аделаиды затмѣвала всѣ ея уборы. Великолѣпныя люстры и лампы разливали по всѣмъ горницамъ яркій

свѣтъ. Люди бѣгали взадъ и впередъ, разставляя карточные столики по распоряженію самаго Графа, который, въ ожиданіи гостей, важно расхаживалъ по гладкому паркету, упоенный надеждою блеснуть въ городѣ своимъ баломъ. Въ девять часовъ начали съѣзжаться экипажи одинъ за другимъ, останавливались у подъѣзда, освѣщеннаго плошками, и длинный рядъ каретъ выстроился противъ окошекъ. Все находилось въ движеніи, шумъ примѣтно возрасталъ. — Вдругъ загремѣла музыка, волненіе стихло и плавный Польскій потянулся изъ гостиной.

„Сначала все шло своимъ порядкомъ, продолжали танцовать, и я также принималъ участіе въ общихъ веселостяхъ; но на мою бѣду кому-то вздумалось предложить *Французскую кадриль.* — „Прекрасный танецъ“ вскричали многіе. Музыка заиграла, и старики, оставя бостонъ, высыпали смотрѣть любимую пляску Парижскихъ жителей. Къ несчастію моему, не доставало пары, и Г-жа Книксъ представила меня какъ отличнаго мастера этаго дѣла. Всѣ приступили ко мнѣ; я отговаривался, просьбы увеличились и наконецъ я на отрѣзъ сказалъ этимъ господамъ, что не имѣлъ даже случая никогда видѣть этаго превосходнаго, по словамъ ихъ, танца. Громкой хохотъ раздался во всей залѣ; Баронесса вспыхнула отъ досады; старухи, нахмурившись, отправились на свои мѣста . . . Почти всѣ были недовольны . . . . Аделаида потупила глаза, чтобы не ви-

дать насмѣшливыхъ взглядовъ молодыхъ франтовъ, которые, разсердившись за то, что имъ не удалось пощеголять своимъ искуствомъ, язвительно посматривали на меня, какъ бы желая сказать: „этотъ неучь разстроилъ все наше веселье!" Въ изумленіи и досадѣ на участь свою, мысленно посылалъ я въ преисподнюю Г-на де Розье, бывшаго моего танцмейстера, за то, что онъ противъ воли выучилъ меня вальсировать. Если бы я не зналъ этаго танца, думалъ я, не познакомился бы съ Баронессою, не влюбился бы въ прелестную Л***, не имѣлъ бы никогда надежды получить ея руку и не былъ бы посмѣшищемъ блистательнаго общества у Графа Б***.

„Когда всѣ разъѣхались, то Г-жа Книксъ, позвавъ меня въ свою горницу, очень сухо сказала мнѣ: „сегоднишній вашъ поступокъ нанесъ мнѣ чрезвычайное огорченіе; но вы, какъ мнѣ кажется, ни мало не безпокоитесь. Совѣтую вамъ перемѣнить свой характеръ и въ непродолжительномъ времени выучиться танцовать *Французскую кадриль*; въ противномъ случаѣ я запрещаю вамъ ѣздить ко мнѣ въ домъ и беру назадъ мое позволеніе на бракъ вашъ." Такая внезапная перемѣна въ обращеніи Баронессы меня смутила, и я съ нѣкоторымъ огорченіемъ отвѣчалъ ей: „со всѣмъ удовольствіемъ готовъ бы исполнить ваше желаніе; но согласитесь сами, что тому, кто прослужилъ пятнадцать лѣтъ во флотѣ, подвергая нѣсколько разъ добровольно жизнь свою бурной стихіи, чтобы

честно носитъ имя хорошаго офицера, кто въ продолженіе цѣлой службы равнодушно смотрѣлъ на всѣ опасности, трудно отстать отъ своего хладнокровія, а еще труднѣе принудить себя снова учиться танцовать.“ Презрительный взглядъ былъ отвѣтомъ Г-жи Книксъ. Въ отчаяніи, я становлюсь на колѣни, прошу, умоляю; но жестокая старуха непреклонна: каменное сердце ея не трогается моимъ положеніемъ, и она рѣшительно приказываетъ мнѣ тотчасъ удалиться, даже не позволивъ сказать последнее прости милой Аделаидѣ.

„Поблагодаривъ Графа Б*** за гостепріимство, я взялъ почтовыхъ лошадей и съ растерзанною душою уѣхалъ въ свою деревню. Дорогою плакалъ я какъ ребенокъ, въ большой досадѣ на странности Г-жи Книксъ, которая забрала себѣ въ голову, что для супружескаго счастія необходимо быть вертопрахомъ и отлично танцовать бѣдственную *кадриль*.

„Можетъ быть, придетъ время, когда Г-жа Книксъ раскается въ неосновательномъ своемъ поступкѣ и снова будетъ вызывать меня для своихъ вальсовъ; но уже поздно: пускай старая плясунья кружится одна, сколько ей угодно, а я далъ себѣ слово не танцовать никогда въ моей жизни.“

Такъ оканчивается письмо моего друга. Оправдывая его съ моей стороны, сознаюсь, что приговоръ мой можетъ быть пристрастенъ, а потому предоставляю это дѣло на судъ почтенныхъ и опытныхъ лю-

дей, прибавя къ тому, что конечно не скоро можно встрѣтить въ свѣтѣ другую, подобную Баронессѣ женщину, которая изъ одной только прихоти и упрямства рѣшилась бы разрушить счастіе своей внучки или дочери.

Андрей де Шаплетъ.

С. П. Б.
1825 года.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Новой Журналъ въ Франціи.

Во Франціи давно уже издается Журналъ подъ названіемъ: *Всеобщій журналъ Французской Литтературы*, въ которомъ разсматриваются всѣ вновь выходящія литтературныя творенія во Франціи. — Но теперь недавно явился тамъ новый Журналъ, подъ названіемъ *Всеобщаго журнала Иностранной Литтературы*, который составленъ по образцу вышеупомянутаго и служитъ ему какъ бы дополненіемъ. Въ немъ подробно разбираются всѣ произведенія, являющіяся у другихъ народовъ. Сіи два Журнала вмѣстѣ составляютъ всеобщую библіографію Европы. — Всякая книжка выходитъ черезъ мѣсяцъ.

Содержаніе числа учащихся къ народонаселенію въ Государствахъ Европейскихъ.

Государства.	Народонаселеніе.	Число учениковъ.	Отношеніе числа учениковъ къ народонаселенію.
Франція (1820) -	30,435,000	1,070,500.	1 на 30.
Парижъ - - - -	714,000	34,000.	1 — 21.
Англія - - - -	10,488,000	644,282.	1 — 16.
Шотландія - - -	1,865,000	176,303.	1 — 10.
Ирландія - - -	6,801,000	374,813.	1 — 18.
Голландія (1812) - -	„	„	1 — 12.
Австрія (Эрцгерцогство)	1,810,797.	134,909.	1 — 13.
Стирія - - - - - -	765,050.	41,042.	1 — 18.
Богемія - - - - -	3,236,142	284,821.	1 — 11.
Моравія и Силезія	1,733,319.	149,782.	1 — 12.
Округъ Глацъ - - -	286,000.	32,000.	1 — 9.
Пруссія (провинція)	1,401,000.	80 000.	1 — 18.
Португаллія - -	3,130,000.	39,000.	1 — 80.
Польша - - - -	3,585,804.	45,920.	1 — 78.
Россійская Имперія	40,067,000.	42,712.	1 - 954 (*)
Новый Іоркъ - - - - -	„	„	1 — 4.

Сія таблица составлена по документамъ, почерпнутымъ изъ различныхъ источниковъ, — изъ коихъ нѣкоторые за 7 и даже 12 лѣтъ.

(*) Сіе извѣстіе о Россіи невѣрно: смотри Московскій Вѣстникъ 1827 года No 14 и Библіографическіе листы Г-на Кеппена 1825 года.

ИЗЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

1. *Заглавный листъ.*

Представляемъ предметы, входящіе въ составъ Русскаго Зрителя. Здѣсь читатель видитъ бранные доспѣхи, памятники Исторіи и Древностей нашего Отечества и Эмблемы литтературныя. Съ правой стороны прислоненъ къ дубу *бердышъ*, тутъ же *копье желѣзное* (съ гробницы Князя Изяслава, умершаго въ 1185 году), *щитъ* (снятый съ Новогородской печати 1317 го) и *шишакъ* (изъ письма Оленина о Тмутороканскомъ камнѣ). — Съ лѣвой стороны, у березы *знамя* Спасителя Отечества *Пожарскаго*, которое теперь въ Мастерской и Оружейной Палатѣ; *кольчуга*, закрывающая грудной *панцырь*, временъ Царя Алексѣя Михайловича. Тутъ же лежитъ *сѣкира*, по рисунку 1567 года. Между панцыремъ и щитомъ положены: золотая Черниговская *Васильева икона* и серебряная *медаль Ярослава Перваго*. — Памятники нашихъ древностей положены на навѣстномъ, 1068 года, *Тмутороканскомъ камнѣ*. Къ нему приставленъ *крестъ Рогвольда, Князя Полоцкаго*, 1171 года; вправо видѣнъ *свитокъ*, на коемъ начертано *сказаніе Кирилла, Епископа Туровскаго*. У камня Тмутороканскаго на землѣ лежатъ свитки: *Іоанна, Экзарха Болгарскаго*, и *Нестора лѣтописца*. Тутъ видите *изображеніе*, 1073 года, *лица* Великаго Князя *Святослава* и одного изъ его сыновей. Тутъ же *гербъ Кракова*, взятый изъ древнѣйшей книги, напечатанной въ семъ городѣ по-Словенски, Кирилловскими буквами, 1491 года. Здѣсь видѣнъ и *наручникъ* нашихъ витязей, взятый изъ книги временъ Царя Алексѣя Михайловича: *Ученіе и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей*. — На двухъ родныхъ деревьяхъ, дубѣ и березѣ, висятъ: *лира*, *Панова свирѣль* и *урна*. Твердый пень дуба обвиваетъ повилика.

Заглавный листъ расположенъ по подлинникамъ и точнѣйшимъ рисункамъ Г. Адъюнктомъ Галлеромъ, награвированъ Г. Флоровымъ.

2. *Надгробный памятникъ Мареы, будтобы посадницы Новогородской.*

Литографированъ Г. Жеренемъ съ рисунка протоіерея Петрова.

3. *Тушинскій лагерь втораго Самозванца.*

Планъ мѣстъ снятъ Издателемъ, начерченъ Г. Померанцовымъ, литографированъ Г. Жеренемъ.

4. *Сергѣй Леонтьевичъ Бухвостовъ, — первый солдатъ Россійскій.*

Портретъ награвированъ Г. Флоровымъ съ оригинала Ландкартнаго мастера при Академіи Наукъ, Махаева, кото-

рый лично зналъ Бухвостова. Подлинникъ хранится въ селѣ Кусковѣ въ числѣ драгоцѣнностей. Бухвостовъ изображенъ въ Маіорскомъ Лейбгвардіи Преображенскомъ мундирѣ; самый мундиръ долженъ быть зеленый, отвороты, обшлага и жилетъ красные. Портретъ Бухвостова прежде былъ награвированъ, лѣтъ за 17, Кирилою Анисимовымъ, и весьма дурно; былъ также приложенъ къ тетради *Собранія портретовъ Россіянъ знаменитыхъ* Г. Бекетова. Подъ симъ портретомъ находится слѣдующая надпись.

Первый Россійскій солдатъ Сергѣй Леонтьевъ сынъ Бухвостовъ.

Изъ придворныхъ служителей, 1683 году Ноября 30 дня, при началѣ военно-потѣшной службѣ первѣйшимъ въ оную самохотно предсталъ потому Государь Петръ Великій тогда же симъ первенствомъ почтить его соизволилъ. Служа потомъ въ Лейбгвардіи Преображенскомъ полку въ Бомбандерской ротѣ до Оберъ-Офицера былъ въ разныхъ баталіяхъ и многократно раненъ. По кончину служилъ Артиллеріи Маіоромъ. Хотя Его Величество во многихъ случаяхъ изволилъ оказывать къ дальному его повышенію Свое Монаршее благоволеніе; но онъ по своей набожной кротости всячески убѣгалъ излишняго славолюбія. Родился 1642, скончался 1728 г. Ноября 30 дня. Жилъ больше 86 ти лѣтъ, былъ росту средняго, силенъ, твердъ, скроменъ и весьма воздерженъ. А по конецъ жизни и самой его кончины свидѣтелемъ былъ Акад. Наукъ Ландкарт. грав. и въ перспективѣ М. Михайла Махаевъ.

Serge Léontiew Boukvostow 1 soldat Russe.

Naquit l'an 1612; du service de la cour, il entra volontairement dans la compagnie que l'on forma pour l'amusement de Pierre le Grand. Ce Prince voulut bien dater delà son ancienneté dans service, il servit dans la compagnie des Bombardiers du regiment de Préobragenski jusquâu grade d'officier. il s'est trouvé a plusieurs batailles où il a été plusieurs fois blessé et est mort Major d' Artillerie le 30 Oct 1728. M. M. Makaiew grav. des Cart. et Maitre de l' Academie des Sciences a été temoin des dernieres annés de sa vie et de sa mort.

5. *Тимоѳей Михайловъ, унтеръ-офицеръ Владимірскаго пѣхотнаго полка.*

Портретъ снятъ съ натуры Г. Поповымъ. Подъ портретомъ представленъ Михайловъ стоящимъ на часахъ въ ту минуту, когда чугунная плита раздробила ему ногу. См. No 3. и 4. Литографированъ подъ надзоромъ Г. Галлера.

Гравированныя доски отпечатываются у Г. Флорова; съ камней снимаются оттиски въ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета подъ надзоромъ Г. Галлера и Дирингá.

ОДОЛЖЕНІЕ 15 ЛѢТЪ.

ра-	Изящныя Искусства.	Различн. предметы, Альманахи.	Итого за каждый годъ.
826	162,525	1,886,869	18,451,719
904	1,218,496	2,072,629	72,080,642
626	1,090,548	8,162,882	62,627,111
920	773,099	3,600,648	45,675,039
363	688,813	2,042,510	55,549,143
269	916,226	2,629,493	66,852,883
321	1,494,318	2,970,707	71,218,803
338	1,162,193	3,047,062	79,525,612
860	1,944,679	2,562,882	73,425,199
303	1,202,599	2,121,251	80,921,302
405	1,345,766	3,424,067	87,998,326
669	1,567,674	3,302,376	36,255,851
686	1,975,699	3,555,303	98,993,455
615	2,054,340	3,944,240	114,709,675
158	2,937,301	3,886,973	128,010,483
769	20,537,316	56,215,692	1,152,295,237 Листовъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ III и IV.

ДОНЕСЕНІЕ
ИМПЕРАТОРУ ЛЕОПОЛЬДУ
ЦЕСАРСКИХЪ ПОСЛАННИКОВЪ,
АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА
И
ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛВУЦІЯ,
БЫВШИХЪ ВЪ МОСКВѢ,

съ 17 Февраля 1661 до 22 го Фев. 1662 года.

Ваше Императорское Величество,

Государь Всемилостивѣйшій!

Донося неоднократно Вашему Императорскому Величеству, въ слѣдствіе милостиво данной намъ инструкціи, о всемъ примѣчанія достойномъ до 22 го Февраля, настоящаго 1661 го, теперь обязанностію поставляемъ, повѣривъ достовѣрнѣе, соединить все отъ означеннаго дня до сего времени случившееся, и представить Вашему Императорскому Величеству вкратцѣ со всевозможною истиною для пользы нашихъ преемниковъ.

И такъ, въ слѣдствіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, изъ Вѣны 17 го Февраля 1661 мы отправились въ Москву и

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ III и IV.

ДОНЕСЕНІЕ
ИМПЕРАТОРУ ЛЕОПОЛЬДУ
ЦЕСАРСКИХЪ ПОСЛАННИКОВЪ,
АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА
и
ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛВУЦІЯ,
бывшихъ въ москвѣ,

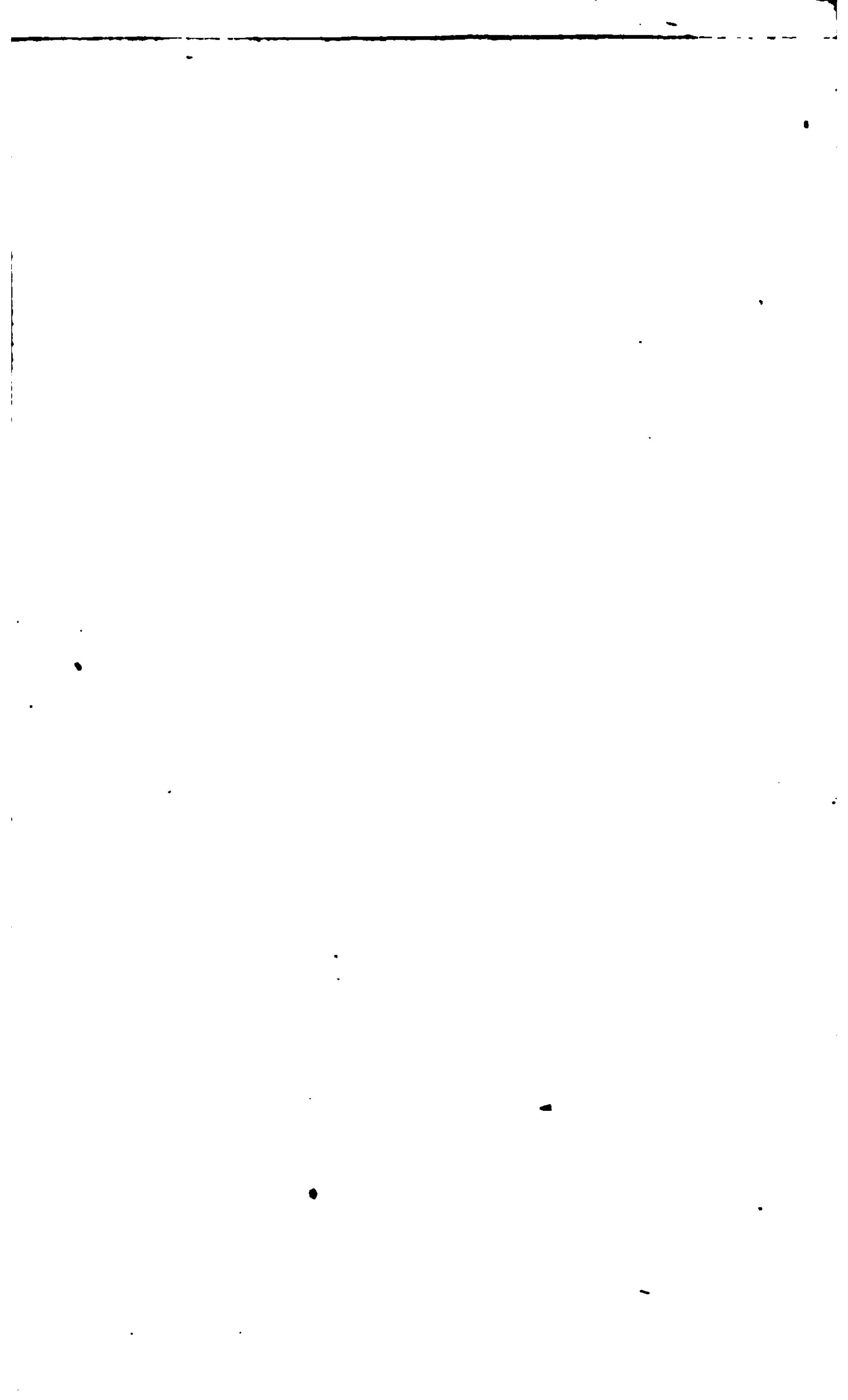
съ 17 Февраля 1661 до 22 го Фев. 1662 года.

Ваше Императорское Величество,

Государь Всемилостивѣйшій!

Донося неоднократно Вашему Императорскому Величеству, въ слѣдствіе милостиво данной намъ инструкціи, о всемъ примѣчанія достойномъ до 22 го Февраля, настоящаго 1661 го, теперь обязанностію поставляемъ, повѣривъ достовѣрное, соединить все отъ означеннаго дня до сего времени случившееся, и представить Вашему Императорскому Величеству вкратцѣ со всевозможною истинною для пользы нашихъ преемниковъ.

И такъ, въ слѣдствіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, изъ Вѣны 17 го Февраля 1661 мы отправились въ Москву и

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ III и IV.

ДОНЕСЕНІЕ
ИМПЕРАТОРУ ЛЕОПОЛЬДУ
ЦЕСАРСКИХЪ ПОСЛАННИКОВЪ,
АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА
И
ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛВУЦІЯ,
БЫВШИХЪ ВЪ МОСКВѢ,

съ 17 Февраля 1661 до 22 го Фев. 1662 года.

Ваше Императорское Величество,

Государь Всемилостивѣйшій!

Донося неоднократно Вашему Императорскому Величеству, въ слѣдствіе милостиво данной намъ инструкціи, о всемъ примѣчанія достойномъ до 22 го Февраля, настоящаго 1661 го, теперь обязанностію поставляемъ, повѣривъ достовѣрнѣе, соединить все отъ означеннаго дня до сего времени случившееся, и представить Вашему Императорскому Величеству вкратцѣ со всевозможною истинною для пользы нашихъ преемниковъ.

И такъ, въ слѣдствіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, изъ Вѣны 17 го Февраля 1661 мы отправились въ Москву и

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ III и IV.

ДОНЕСЕНІЕ
ИМПЕРАТОРУ ЛЕОПОЛЬДУ
ЦЕСАРСКИХЪ ПОСЛАННИКОВЪ,
АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА
И
ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛВУЦІЯ,
БЫВШИХЪ ВЪ МОСКВѢ,

съ 17 Февраля 1661 до 22го Фев. 1662 года.

Ваше Императорское Величество,

Государь Всемилостивѣйшій!

Донося неоднократно Вашему Императорскому Величеству, въ слѣдствіе милостиво данной намъ инструкціи, о всемъ примѣчанія достойномъ до 22го Февраля, настоящаго 1661го, теперь обязанностію поставляемъ, повѣривъ достовѣрные, соединить все отъ означеннаго дня до сего времени случившееся, и представить Вашему Императорскому Величеству вкратцѣ со всевозможною истиною для пользы нашихъ преемниковъ.

И такъ, въ слѣдствіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, изъ Вѣны 17го Февраля 1661 мы отправились въ Москву и

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ III и IV.

ДОНЕСЕНІЕ
ИМПЕРАТОРУ ЛЕОПОЛЬДУ
ЦЕСАРСКИХЪ ПОСЛАННИКОВЪ,
АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА
И
ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛВУЦІЯ,
БЫВШИХЪ ВЪ МОСКВѢ,

съ 17 Февраля 1661 до 22 го Фев. 1662 года.

Ваше Императорское Величество,

Государь Всемилостивѣйшій!

Донося неоднократно Вашему Императорскому Величеству, въ слѣдствіе милостиво данной намъ инструкціи, о всемъ примѣчанія достойномъ до 22 го Февраля, настоящаго 1661 го, теперь обязанностію поставляемъ, повѣривъ достовѣрнѣе, соединить все отъ означеннаго дня до сего времени случившееся, и представить Вашему Императорскому Величеству вкратцѣ со всевозможною истиною для пользы нашихъ преемниковъ.

И такъ, въ слѣдствіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, изъ Вѣны 17 го Февраля 1661 мы отправились въ Москву и

прибыли 27го въ Бреславль, въ коемъ лично посѣтили насъ двое чиновниковъ и снабдили для почести виномъ.

Выѣхавъ въ тотъже день на масляницѣ, прибыли 12го Марта въ Данцигъ, гдѣ градское общество, изъ уваженія къ Вашему Императорскому Величеству, равномѣрно почтило насъ услугами.

17го Выѣхали мы оттуда и 30го достигли Гробина, Резиденціи Герцога Курляндскаго. На границахъ области приняли насъ, по его приказанію, нѣсколько дворянъ въ трехъ каретахъ; по приближеніи же на половину мили къ городу встрѣчены были начальникомъ провинціи со многими дворянами въ четырехъ. Привѣтствуя именемъ своего Государя, онъ предложилъ намъ свою карету, въ которой ѣхали до зàмка; выходя, приняты были у крыльца самимъ Герцогомъ, и препровождены въ назначенныя намъ комнаты. Во время трехдневнаго пребыванія угощаемы были сѡ всевозможною ласкою и знаками преданности къ Вашему Императорскому Величеству.

Послѣдняго числа Марта мы исполнили обязанности, предписанныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ отношеніи Его и Свѣтлѣйшей Его Супруги, и обоимъ вручили письма отъ Вашего Императорскаго Величества. По отъѣздѣ изъ Гробина 2го Апрѣля прибыли въ *Цеццен*ъ и послали извѣстить о семъ Московскаго Воеводу въ Кокенгузенъ.

На другой день из дворянъ Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій, приставъ Царскій, для нашего препровожденія въ Москву, объявилъ чрезъ сотника, что онъ готовъ принять насъ по повелѣнію своего Государя и препровождать; но проситъ извѣстить его о рангѣ и именахъ особъ нашей свиты, и отправить обозъ впередъ.

По исполненіи сего, 18го Апрѣля прибыли мы къ берегамъ Двины, гдѣ встрѣтилъ насъ Московскій переводчикъ Лазарь Циммерманъ, которой именемъ того пристава говорилъ; „Зная, изъ бумагъ и списка нашей свиты, сотникомъ доставленныхъ ему, что мы называемся Вашего Императорскаго Величества посланниками, а какъ онъ имѣетъ повелѣніе принять и препровождать пословъ, то проситъ изъяснить, въ какомъ характерѣ прибыли. Мы отвѣчали, что ѣдемъ къ его Государю въ качествѣ просто посланниковъ Его Императорскаго Величества, что уже извѣстно ему изъ бумагъ; но удивляемся, что ежели въ такомъ качествѣ не позволено принимать насъ, то не нужнобы было и отправлять нашего обоза въ Кокенгузенъ, а потому или долженъ принять насъ, или отправить обратно обозъ, и мы возвратимся къ своему Всемилостивѣйшему Государю; чрезъ что и онъ выполнитъ повелѣніе своего Царя. Выслушавъ сіе, онъ возвратился и объявилъ, что пріемлетъ насъ, подъ какимъбы-то именемъ ни было. Утвердившись въ грубыхъ обычаяхъ Россіянъ при

принятія посланниковъ и для отвращенія подобныхъ препятствій, сказали переводчику, чтобъ онъ передалъ приставу, что Маіернъ бывалъ не одинъ разъ въ посольствахъ и знаетъ всѣ приличія оныхъ; а потому и проситъ, чтобъ его избавили отъ пустыхъ обрядовъ, принятыхъ его націею, кои онъ не намѣренъ выполнять.

Переѣзжая рѣку, примѣтили мы его карету, изъ которой выходилъ и спѣшилъ къ берегу. Остановясь около осьми шаговъ, ожидалъ прибытія судна, и когда первый изъ нашихъ началъ сходить, онъ приближился на равное между имъ и нами разстояніе. Первый открылъ голову, что и мы сдѣлали, и онъ началъ говорить: Великій Государь, Царь (говорилъ весь титулъ по памяти) прислалъ меня къ вамъ посланникамъ друга и любезнѣйшаго брата его Леопольда (читалъ по бумагѣ весь титулъ Вашего Императорскаго Величества) для принятія и препровожденія къ моему Царю, что онъ выполняетъ съ удовольствіемъ. Мы отвѣчали согласно сему, повторивъ въ началѣ титулъ Вашего Императорскаго Величества, а потомъ его Государя. Взявъ каждаго чиновника нашей свиты за руку, разспрашивалъ о нашемъ здоровьѣ и путешествіи; потомъ сѣли на лошадей и отправились на квартиры за городъ.

Впереди шли три полка съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ. Замѣтивъ нашего пристава на правой сторонѣ Маіерна верхомъ, позвали къ себѣ подъ

предложенія разговора, а болѣе для прекращенія споровъ переводчика Лазаря, который былъ на лѣвой сторонѣ отъ Калвуція, и такимъ образомъ продолжали путь.

На слѣдующій день у Русскихъ недостало провіанта, и мы остановились. Путеводитель жаловался на Генерала Польскаго Пасція (*), съ коимъ Генералъ Нащокинъ заключилъ перемиріе до 23го сего Апрѣля, и который, не уважив сего, осаждалъ городокъ въ Лишнѣ, и убѣдительно просилъ насъ воздержать его отъ сего поступка. Мы отвѣчали, что отъ Министра Вашего Императорскаго Величества о перемиріи не извѣщены, и посредничества нашего на перемиріе не было, а потому и ходатайства отъ имени Вашего Императорскаго Величества употребить не можемъ; ибо намъ неизвѣстенъ ни Генералъ Пасцій, ни иной какой Литовецъ или Полякъ, и мы дружества съ ними никогда не имѣли. О семъ еще просилъ Полковникъ Василій Антоновичъ Волынскій, начальникъ въ Коконгузѣ, отъ коего отдѣлались такимъ же отвѣтомъ.

20 го Апрѣля по выѣздѣ изъ Кокенгузена, прибыли 23 го въ Маріенбургъ. Тогда же прибылъ изъ Дерпта Московскій Генералъ Лео-

---

(*) Вѣроятно *Потоцкій*, Генералъ Аншефъ, который принудилъ Василія Шереметева подписать капитуляцію 10 Октября 1660 въ лагерѣ при Чудновѣ. Но въ Латинскомъ договорѣ 6 Мая 1686 означ. *Potocki*.

Прим. пер.

несій Лаврентьевичь Ордынъ-Нащокинъ, Думный Дворянинъ и Воевода Ливонскій, присылалъ своего чиновника поздравить насъ съ пріѣздомъ, а на другой день въ Свѣтлое Воскресеніе встрѣтилъ насъ еще на лошадяхъ, съ величайшею вѣжливостію приглашалъ на всѣ праздники и провожалъ на тысячу шаговъ.

Во время пирушекъ съ одинакимъ жаромъ всѣ жаловались на Генерала Пасція, а мы отвѣчали одно и то же. Думаемъ, что Московитяне изъ осторожности и недовѣрчивости желали вывѣдать, принято ли Польшею посредничество Вашего Императорскаго Величества, и съ любопытствомъ разспрашивали, какимъ путемъ прибыли; и узнавъ съ удивленіемъ о нашемъ объѣздѣ, спросили: для чего не избрали кратчайшаго и прямаго пути чрезъ Польшу и Литву въ Москву, и принято ли Королемъ посредничество Вашего Императорскаго Величества? Мы отвѣчали, что по причинѣ разоренныхъ областей войною и отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ оная дорога сдѣлалась непроѣздною; а Ваше Императорское Величество не занимался еще посредничествомъ, и намъ до сего дѣла нѣтъ, ибо въ надлежащее время Ваше Императорское Величество назначитъ другаго Министра.

27 го Апрѣля, въ тысячѣ шагахъ отъ Пскова, усмотрѣли мы на открытомъ мѣстѣ триста всадниковъ, большею частію чиновниковъ, въ богатомъ убранствѣ и на коняхъ, покрытыхъ чепраками. Главный, какъ казалось, изъ нихъ объявилъ намъ сидящимъ въ

карешѣ, чрезъ переводчика, что онъ присланъ Бояриномъ и Главнымъ Воеводою Псковскимъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ для принятія насъ, по повелѣнію Царя. Мы, поблагодаривъ, спѣшили къ городу, а они ѣхали передъ нами до самой рѣки Великой, обтекающей съ полуденной стороны городскія стѣны. Садясь на суда, начальники пожимали намъ руки и поздравляли съ щасшливымъ пріѣздомъ. На прошивоположномъ берегу расположено было конное и пѣшее войско, съ пятидесятью знаменами, и стояло въ два ряда на улицахъ, коими ѣхали до мѣста. На почетномъ караулѣ стояло у насъ пятьдесятъ стрѣльцовъ. Хованской отъ себя никого не присылалъ насъ поздравить и съѣстныхъ припасовъ не давалъ. Полагаемъ, что онъ сдѣлалъ сіе изъ ненависти къ Генералу Нащокину, примѣромъ коего онъ гнушался. Послѣ узнали, что онъ изъ любопытства былъ скрытно между всадниками за городомъ, а въ городѣ, переодѣвшись крестьяниномъ, поддерживалъ нашу карету, по выбоинамъ городскихъ улицъ шатавшуюся. По отъѣздѣ изъ Пскова 28 го Апрѣля, прибыли мы 1 го Маія въ село Сольцы, въ 22 миляхъ на рѣкѣ Шелонѣ, гдѣ сѣвъ на суда, отправились къ озеру Ильменю, и переплывъ 14 миль около берега, хорошо населеннаго, пристали 3 го Маія къ Великому Новгороду. Не дождавшись, по причинѣ начинающаго идти дождя, высланныхъ отъ Губернатора лошадей, прошли мы между рядами солдатъ, разставленныхъ съ тридцатью пятью зна-

менами по обѣимъ сторонамъ улицъ отъ берега до гостинницы, намъ приготовленной.

На другой день, для обѣда прислалъ онъ 18 блюдъ и 12 бутылокъ разныхъ напитковъ. Принявъ оное, сѣли въ карету, и съ тою же почестію возвратились къ судамъ. Остановясь у монастыря Понедѣлья и переложивъ чемоданы въ телеги, продолжали путь далѣе, и проѣхавъ 60 миль лѣсомъ, прибыли 12 Маія въ Торжокъ, въ коемъ граждане встрѣчали насъ вмѣсто солдатъ съ топорами и пиками. Въ семъ мѣстѣ сѣли снова на суда и плыли Тверцою 16ть миль, мѣстами судоходною, а индѣ наполненною камней и отмѣлей, къ Волгѣ; и въ двое сутокъ прибыли въ Тверь. Встрѣчи не было, гражданъ мало, а солдатъ совсѣмъ нѣтъ.

16го Мая продолжали путь. Приставъ, старавшійся, по прозьбѣ нашей, о скоромъ окончаніи онаго, получивъ Царское повелѣніе о прибытіи не прежде какъ къ 22му числу въ село Черную Грязь, въ пяти миляхъ отъ Москвы, былъ принужденъ въ 6 дней по хорошей дорогѣ переѣхать менѣе 30ти миль. Причиною сему поставлялъ благорасположеніе своего Государя, который, заботясь о нашемъ здоровьѣ, разстроившемся отъ безпрерывныхъ безпокойствъ въ толь дальней и трудной дорогѣ, желаетъ поправить его отдохновеніемъ. А въ самомъ дѣлѣ удерживали насъ для того, чтобы дать время къ 25му съѣхаться дворянамъ изъ провинцій въ Москву.

24 го Прибыли къ Никольской церкви, въ двухъ безъ малаго миляхъ отъ Москвы, гдѣ Государь приказалъ разбить двѣ палатки, предполагая, что жаркія Руcкія избы ни въ какое время пріятными быть не могутъ,

Въ тотъ же день прислано было 6 лошадей съ конюхами для кареты и нѣсколько иноходцевъ для чиновниковъ свиты нашей. Странная почесть высылать оныя посламъ за нѣсколько шаговъ отъ города.

На другой день, около 11 часовъ по полуночи, двинулись мы къ Москвѣ. Приставъ въ первый разъ сѣлъ въ нашей каретѣ. Свита ѣхала впереди верхами, а дорожныя коляски и обозъ слѣдовали позади. За двѣ тысячи шаговъ до города поставлено было по обѣимъ сторонамъ дороги шесть тысячъ пѣхоты, по сотнямъ, съ сорока знаменами; а далѣе въ томъ же порядкѣ до городскихъ предмѣстій стояло десять тысячъ конницы съ значками; барабанный бой и музыка изъявляли радость. По приближеніи на 50 шаговъ явился посланный отъ Стольника и Боярина Якова Семеновича Волынскаго; да Дьяка или Секретаря Григорья Карповича Богданова, назначенныхъ Царемъ для нашего принятія въ Москвѣ, и снабдить всѣмъ нужнымъ, и отъ имени ихъ объявилъ, что они прибыли съ Царскою каретою и просятъ занять оную, на что мы и согласились.

Услышавъ сіе, Переводчикъ ихъ Вибергъ, Дьякъ и приставъ скочили съ лошадей. Не-

обыкновенная сія вѣжливость Московская заставила и насъ сіе немедленно исполнить. Первый сошелъ Калвуцій, а за нимъ Маіернъ. Тогда прибывшіе приставы съ Переводчикомъ изъ вѣжливости открыли головы и привѣтствовали насъ именемъ своего Государя. Ясельничій Великаго Князя говорилъ чрезъ Переводчика, что кареты и нѣсколько лошадей для нашей свиты готовы. Послѣ сего сѣли мы въ оныя попарно. Первый приставъ, Дьякъ и Переводчикъ также сѣли. Послѣ самой тихой ѣзды остановились мы у заставы, пока конное и пѣшее войско прошло и заняло улицы, коими слѣдовало ѣхать на квартиру. Послѣ несносныхъ трехъ часовъ остановки и проливнаго дождя, не прежде 7 часовъ вечера достигли, среди многочисленнаго стеченія народа и войска, до пристанища. Трубачи безпрестанно играли на трубахъ. Такое было стеченіе народа и войска, что казалось, вся Москва вышла намъ на встрѣчу. Военачальники, Дѣти Боярскіе, всѣ Постельничіе Великаго Князя и Георгій Ивановичь Ромодановскій въ богатомъ убранствѣ величественно предшествовали нашей каретѣ отъ самыхъ предмѣстій. Остановившись предъ домомъ, говорили: Проводивъ васъ, мы исполнили съ удовольствіемъ волю своего Государя, никому еще неоказанную. За что мы принесли должную благодарность. Государь давалъ симъ знать, что для изъявленія братскаго расположенія къ Вашему Императорскому Величеству оказаны были намъ безпримѣрныя почести.

Покои намъ отведенные были довольно обширны и (что довольно рѣдко въ Москвѣ) каменные; въ нихъ стояли прежде Аллегретъ и Лорбахъ. Двери, столы и скамьи накрыты были краснымъ сукномъ.

27-го Приставы объявили намъ, что мы узримъ завтрашній день пресвѣтлыя очи Великаго Князя. И спросили именемъ Канцлера: есть ли у насъ дары отъ Вашего Императорскаго Величества? Мы отвѣчали, что у насъ нѣтъ сего обыкновенія; впрочемъ мы можемъ принести малые дары отъ себя, которые и показали.

Дьякъ, нашъ приставъ, пришелъ на другой день и объявилъ, чтобъ мы приготовлялись на аудіенцію. Около 10 ти часовъ утра прибыли на дворъ лошади для свиты и карета Царская. Приставы, одѣвшись на сей случай въ платье, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями украшенное, провожали насъ до кареты, и давъ почетныя мѣста, сѣли оба съ Переводчикомъ. Верщники наши слѣдовали по сторонамъ.

20 Всадниковъ и трубачи отправились впередъ; а на трубахъ не играли, во время шествія къ Царю; по словамъ приставовъ сего не употреблялось; но послѣ 10 мѣсяцовъ оказалось сіе несправедливымъ. Трубачи пословъ Шведскихъ не переставали играть до самаго Царскаго крыльца. За нами слѣдовала свита, за оной несли дары, а далѣе ѣхалъ верхомъ Секретарь съ грамотою Вашего Императорскаго Величества. Хотя приставы совѣтовали завер-

куть ее въ какую нибудь шелковую материю; но мы разсудили, что ежели бы сіе было угодно Вашему Императорскому Величеству, то бы мы въ такомъ видѣ и получили ее, а для того извинились неимѣніемъ матеріи, праздничнымъ днемъ и скоростію времени.

Свита наша и мы были безъ оружія, ибо вооруженнымъ къ Царю входить не позволяли; оружіе же обыкновенно оставлялось при дверяхъ дворца. Всѣ любопытствовали видѣть его; а потому и разсудили лучше оное не брать, чѣмъ оставлять за дверьми.

Отъ нашего мѣстопребыванія до дворца разставлено было войско многочисленное, хорошо вооруженное и одѣтое прекрасно въ разноцвѣтное платье для отличія полковъ. Вышли у крыльца предъ начальниками и вступили въ первый покой, гдѣ встрѣчены были Стольникомъ Андреемъ Ивановичемъ Хилковымъ, да Дьякомъ Өедоромъ Михайловымъ, которые чрезъ толмача объявили намъ, что они принимаютъ насъ здѣсь по повелѣнію Великаго Князя. Поблагодаривши, шли далѣе, и прежде вступленія въ палату, гдѣ находился Великій Князь, привѣтствованы были также чрезъ толмача Стольникомъ Василіемъ Ивановымъ Хилковымъ, да Дьякомъ Никитою Головинымъ, по изъявленіи коимъ благодарности, допущены были къ Царю.

Дворецъ былъ довольно обширенъ; но большой столбъ, поддерживавшій сводъ, очень

много занималъ мѣста, полъ покрытъ разными коврами, стѣны расписаны древнею живописью, а между оконъ находились серебряныя канделябры. Около стѣнъ лавки съ четырмя ступенями, покрытыя коврами. По правую и по лѣвую сторону Царя сидѣли многіе Бояре и Окольничіе и Думные Дворяне, Тайные Совѣтники Царскіе, которые при входѣ и по выходѣ не привѣтствовали насъ даже и наклоненіемъ головы; самъ Царь, сидя на престолѣ серебряномъ, позолоченомъ, въ лѣвомъ углу, а не посрединѣ, между двумя окошками, держалъ въ правой рукѣ Скипетръ и едва примѣтенъ былъ. Оный престолъ съ тремя ступенями находился наравнѣ съ лавками Сенаторовъ, и столь близко къ онымъ, что мѣстоположеніе и темнота помрачали весь блескъ и скрывали величіе. Посрединѣ онаго надъ головою Царя былъ образъ Божіей Матери. Съ лѣвой стороны стояли часы наподобіе башни, по правую серебряная пирамида, поддерживавшая золотой шаръ, далѣе къ колоннамъ на срединѣ находились два изображенія святыхъ для поклоненія. На краю лавки, по правую сторону Царя, стоялъ серебряный умывальникъ съ кружкою и полотенцомъ для того, чтобъ послѣ прикосновенія нашего къ Царю, по обычаю, онъ могъ очиститься и измыться отъ скверны языческихъ (такъ говорятъ Москвитяне объ Латынцахъ). На головѣ его была золотая шапочка опушенная соболемъ съ золотою короною, едва касавшеюся мѣха, и оканчива-

лась вверху крестомъ. На правой стороне стоялъ Военачальникъ и Бояринъ Яковъ Куденетовичь Черкаской, изъ рода Князей Кавказскихъ, при морѣ Хвалынскомъ; а на лѣвой Бояринъ и тесть Илья Даниловичь Милославскій. Царскому трону предстояли четверо оруженосцевъ, сыновей Боярскихъ въ бѣломъ одѣяніи.

Приставы поставили насъ отъ Царя въ десяти шагахъ. По обычаю нашему, мы пригнувъ съ пристойностію колѣна, поклонились; свита же находилась за нами въ нѣкоторомъ разстояніи. Тогда посольскій Думный Дьякъ или Канцлеръ Алмазъ Ивановъ, привставъ съ лавки, съ лѣвой стороны отъ Великаго Князя находившейся, и остановясь въ равномъ разстояніи отъ него съ нами, говорилъ: Пришли послы отъ Великаго Римскаго Цесаря и бьютъ челомъ, то есть кланяются. Великій Князь далъ ему знать для обьявленія намъ, чтобъ мы предлагали, чего желаемъ.

Выслушавъ сіе, Калвуцій прочелъ по памяти первое предложеніе въ слѣдствіе предписанія Вашего Императорскаго Величества. Толмачь, остановя его, переводилъ на Словенскій языкъ.

По окончаніи сего, Великій Князь привставъ съ своего престола, спросилъ, здоровъ ли любезнѣйшій братъ мой Римскій Цесарь Леопольдъ? и тотчасъ сѣлъ. Мы отвѣчали, что по выѣздѣ нашемъ изъ Вѣны, благодаря Бога, оставили Ваше Императорское Величество въ добромъ здоровьѣ.

Потомъ Канцлеръ сказалъ, чтобы мы представили кредитивныя Вашего Императорскаго Величества бумаги Великому Князю. Де Маіернъ, взявъ оныя у Секретаря нашего, вручилъ ему съ товарищемъ и возвратился на прежнее мѣсто, а онъ немедленно ихъ вручилъ Князю Черкаскому.

После чего Канцлеръ объявилъ намъ милость Великаго Князя, что мы допущены къ рукѣ. Приближась къ нему, онъ переложилъ Скипетръ изъ правой руки въ лѣвую и протянулъ ее; Черкасскій поддерживалъ, а зять Илья Даниловичь наблюдалъ пристально, чтобы кто не коснулся ее неприличнымъ образомъ.

Исполнивъ сіе, Канцлеръ объявилъ, чтобъ мы продолжали излагать остальное, и потомъ сказалъ, что Великій Князь милостиво позволяетъ намъ сѣсть. Тотчасъ принесена была длинная скамья безъ задника, какъ обыкновенно бываетъ у Россіянъ, покрытая Персидскимъ ковромъ, на которой мы сидѣли до тѣхъ поръ, пока всѣ изъ нашей свиты были допущены къ рукѣ.

Тогда Канцлеръ сказалъ, чтобъ мы встали. Великій Князь спросилъ: здоровы ли вы? Мы отвѣчали, что по милости Божіей и его благоволенію здоровы, за каковую милость и благодарили.

Сказано было, чтобъ мы сѣли. Иванъ Михайловичь Милославскій, подошедъ со стороны Канцлера, докладывалъ Великому Князю, что мы принесли отъ себя дары. Когда слуги несли оные, мы по совѣту

Канцлера присшади и наклоненіемъ привѣтствовали Великаго Князя по обычаю Рускихъ, къ сему привычныхъ.

Царь повелѣлъ Канцлеру извѣстить насъ, что онъ назначаетъ нѣсколько Совѣтниковъ, и мы можемъ представить имъ все, чего еще сдѣлать не успѣли. Въ сей день приглашены были къ столу. Откланявшись, пошли и со встрѣчавшимися съ нами также раскланялись.

Спустя часъ по возвращеніи съ тою же церемоніею домой, прибылъ для изготовленія намъ Царскаго обѣда Бояринъ Алексѣй Ивановичь Буйносовъ-Ростовскій, коего мы встрѣтили у лѣстницы.

Столъ изготовленъ былъ скоро. На простой скатерти стояла солонка, два судка съ уксусомъ и масломъ, ложка и ножъ чистаго золота съ вилками положены были на первой сторонѣ для почетнѣйшаго гостя. Сѣли за столъ съ неумытыми руками и безъ салфетокъ, разложили калачи и безпорядочно разставили серебряныя блюда, кубки и стаканы, посадивъ почетнѣйшихъ на приличныя мѣста съ лѣвой стороны до Маіерна, Ростовскій сѣлъ почти внѣ стола, который былъ не великъ. Очень часто подавали кушанья на серебряныхъ блюдахъ, коихъ числомъ было до ста пятидесяти.

Разставленное для однихъ глазъ на столѣ манило только вкусъ. Оставшееся отдано было для сохраненія нашему дворецкому. Кушанье хотя носили чрезъ доволь-

но большое разстояніе отъ дворцовой кухни до нашего дома, но было хорошо изготовлено и развѣ не понравилось бы одному сластолюбцу. Вина были старыя, Малвазійское, Испанское, Французское и различной медъ. Пиво стояло въ пятнадцати ведрахъ частію серебряныхъ, частію оловянныхъ, весьма полно отъ безпримѣрной щедрости налитыхъ. Въ пятомъ часу угощатель пригласилъ насъ встать изъ за стола и подалъ де Маіерну кубокъ лучшаго вина Французскаго выпить за здоровье своего Царя (а самъ налилъ себѣ послабѣе), и говорилъ весь титулъ его. Потомъ опять сѣли, и по прошествіи добраго часа онъ пригласилъ еще встать, и выпивъ самъ, поднесъ другой кубокъ за здоровье Вашего Императорскаго Величества и читалъ по бумагѣ титулъ. Спустя немного времени, въ третій разъ пригласилъ выпить де Маіерна за здравіе Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, что выполнили стоя. Тогда, исполнивъ, какъ бы со славою, свою должность, вышелъ онъ, одаренный нами за скорое избавленіе отъ скуки вызолоченнымъ серебрянымъ кубкомъ хорошей работы. Предъ послѣднимъ днемъ Мая приставы объявили намъ, что въ слѣдующій день допущены будемъ къ Великому Князю; и кто изъ нашей свиты пожелаетъ, можетъ быть представленъ. Требовали отъ имени Канцлера копіи съ сдѣланнаго нами предложенія Царю, которую мы и отдали.

Въ послѣдній день, около девяти часовъ, поѣхали мы къ Царю съ тою же церемоніею и процессіею, какъ и прежде, и тѣми же были встрѣчаемы, которые прежде сіе исполняли. Великій Князь находился въ другомъ тѣснѣе прежняго покоѣ и на другомъ тронѣ, между двумя окошками въ правой сторонѣ покоя. Онъ былъ въ коронѣ со скипетромъ и въ одеждѣ Царской; надъ главой блистала икона Божіей Матери; на правой сторонѣ на серебряной пирамидѣ лежала держава (золотой шаръ), гдѣ стоялъ тесть Царскій Илья Даниловичь; а на лѣвой Ѳедоръ Михайловичь Ртищевъ, Дворецкій и любимецъ Царскій; впереди были оруженосцы; по обѣимъ сторонамъ Боярскіе дѣти въ бѣломъ одѣяніи; на лѣвой и наискось, немного повыше лавокъ, на возвышеніи двухъ ступеней сидѣли нѣкоторые Совѣтники, впереди коихъ стоялъ со многими Канцлеръ. Тогда примѣтили мы, что Рускіе почитаютъ углы за мѣста почетнѣйшія. Престолу Великаго Князя приличнѣе было бы стоять на срединѣ покоя; но у Рускихъ и самые образа, почти обоготворяемые и поставляемые даже надъ постелями, находятся по угламъ.

Когда мы поклонились Великому Князю, онъ спросилъ насъ о здоровьѣ. Мы отвѣчали по обыкновенію и благодарили за щедрой обѣдъ, сдѣланный намъ приставомъ.

Тутъ Канцлеръ сказалъ, что Великій Князь читалъ въ переводѣ письма Вашего Императорскаго Величества и знаетъ, что

мы присланы для постановленій общественнаго блага; на что онъ соглашается и самъ того желаетъ. Между тѣмъ для выслушанія насъ опредѣляетъ Боярина и Намѣстника Казанскаго Алексѣя Николаевича Трубецкаго, Боярина и Намѣстника Суздальскаго Юрья Алексѣевича Долгорукова, Окольничаго, Оружейничаго и Намѣстника Ржевскаго Богдана Матвѣевича Хитровô, да Посольскаго Думнаго Дьяка Алмаза Иванова.

Послѣ сего принесли намъ скамью; мы, присѣвъ, скоро встали. Отправляясь на мѣсто переговоровъ, сдѣлали обыкновенный знакъ уваженія Великому Князю. Отпущены были съ честію отъ Бояръ и Дьяковъ, принимавшихъ насъ именемъ Великаго Князя. При выходѣ Царскіе Совѣтники немного привстали, а мы отвѣчали имъ наклоненіемъ головы.

И такъ пришли на мѣсто переговоровъ, состоящее изъ трехъ комнатъ съ однимъ входомъ. Въ первой встрѣтилъ насъ Алмазъ Ивановъ, во второй прочіе. Здѣсь противъ двери къ правому углу стоялъ столъ, по обычаю Рускому, длинной и узкой, во всю комнату. Пригласили насъ сѣсть на лавкѣ, а на другой рядомъ сѣли депутаты. Канцлеръ сидѣлъ одинъ противъ Калвуція на принесенной скамьѣ; переводчикъ Баушъ и Выбергъ съ нашимъ Секретаремъ и тремя писцами Рускими стояли. Первое мѣсто, судя по нашимъ замѣчаніямъ о Рускомъ обычаѣ во все время пребыванія нашего въ Россіи, занималъ Трубецкой, второе де Маіернъ,

третье Долгорукой, а четвертое Калвуцій; ибо Рускіе почитаютъ уголъ первымъ мѣстомъ, къ коему касается край стола, а вторымъ тотъ уголъ, къ коему примыкаетъ другой конецъ стола. Послѣ сего замѣчанія пристойно ли было размѣщеніе наше, сіе предоставляемъ на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Первый депутатъ всталъ, и начавъ именемъ Святой Троицы, читалъ полный титулъ своего Царя и нашего; а потомъ сказалъ, что Великій Князь выслушалъ первое наше предложеніе, и повелѣлъ перевести на свой языкъ кредитивные наши акты.

Долгорукой, по окончаніи сей церемоніи, сокративъ титулы, сказалъ, что Государь со вниманіемъ прочелъ означенныя бумаги и извѣстился о нашемъ общеполезномъ предложеніи; а Хитрово, повторивъ также титулы, прибавилъ: Въ бумагахъ содержится, чтобъ намъ въ предложеніяхъ вѣрить. И сіе исполнить они готовы.

Послѣ сего Канцлеръ объявилъ, что они назначены выслушать наше предложеніе, а потому и предлагаютъ намъ излагать оныя.

Тогда всѣ встали. Мы прочитали полной титулъ сперва Вашего Императорскаго Величества, а потомъ Царя, и опять сѣли. Калвуцій началъ читать другое предложеніе въ слѣдствіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, а Баушъ переводилъ оное отъ слова до слова по періодамъ. Выслушавъ содержаніе онаго, потребовали они того письменно, что и было исполнено.

Потомъ спрашивали, чрезъ Польшу ли мы ѣхали? Имѣетъ ли Ваше Императорское Величество Министра при Королѣ? Мы отвѣчали на первой вопросъ отрицательно, а на другой утвердительно.

Въ продолженіе сихъ вопросовъ замѣтили, что переводчикъ, которой до сего времени называлъ Ваше Императорское Величество приличнымъ титуломъ, началъ употреблять титло Королевское *Великомочіе*. Мы совѣтовали ему не употреблять сего неприличнаго названія. Депутаты отвѣчали, что ежели вы первые называете такимъ образомъ Царя нашего, то и мы поступать иначе не можемъ. Ежели почтете Царя нашего титуломъ Величества по примѣру Аллегретта и Лорбахія, то и мы поступимъ одинаково. На сіе мы отвѣчали: Римской Императоръ выше всѣхъ царствующихъ особъ Христіанскихъ, и всѣ отдаютъ безспорно приличной титулъ Императору. Что же касается до Аллегретта и Лорбахія, то они совсѣмъ противное утверждаютъ въ письмахъ своихъ къ Императору Фердинанду III, отъ 18го Генваря 1656 года изъ Москвы въ Вѣну пущенныхъ. Сіе неудовольствіе, случившееся съ Канцлеромъ, произошло отъ того, что въ бумагѣ, на Латинскомъ языкѣ сообщенной Московскимъ Депутатамъ, при наименованіи Царя предъ титуломъ Вашей Свѣтлости и въ другой таковагожъ содержанія на Нѣмецкомъ, употребляли только титулъ *Великомочія*; почему и требовали они, чтобы на Латин-

скомъ предъ титуломъ Вашей Свѣтлости, было слово Царское и таковое же на Нѣмецкомъ вмѣсто титула *Великомочіе*. Канцлеръ очень былъ доволенъ, когда сіе выполнили; но чтобъ болѣе ихъ увѣрить, прочли отъ слова до слова въ семъ мѣстѣ означенное донесеніе Аллегретта и Лорбахія, и просили изъяснить, по какому праву требуютъ Царю титулъ Величества, по древнему, или по новому? Ежели по древнему, то опровергаемъ сіе означеннымъ донесеніемъ; ежели же по новому, то размыслилибъ, что сего сдѣлать безъ позволенія нашего Государя не можемъ. — Они утверждали, что Аллегреттъ вездѣ и во всѣхъ случаяхъ давалъ Царю титулъ Величества. — Мы на сіе отвѣчали, что если Аллегреттъ говорилъ сіе одинъ, то до насъ не касается; а когда представятъ бумагу, гдѣ оба посланника называютъ Царя титуломъ Величества, тогда послѣдуемъ ихъ примѣру.

Они жаловались также, что Ваше Императорское Величество употребили въ письмахъ своихъ простой титулъ *Великомочія*, вопреки своимъ предшественникамъ, которые Великихъ Князей Московскихъ величали Могущественнѣйшими. Отвѣчали, что письмо Вашего Императорскаго Величества къ Царю было писано въ Императорской Придворной канцеляріи, которая не знаетъ (такъ говорили): чтобы какой-либо Великій Императоръ называлъ Великаго Князя или Царя Московскаго Могущественнѣйшимъ. Впрочемъ, ежели докажутъ противное, то

доведемъ сіе до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Полагаемъ, что сего доказать не могутъ.

Намъ извѣстно, говорили мы, изъ донесенія Аллегретта, что на первой аудіенціи Великій Князь, спрашивая о здоровьѣ Фердинанда III го, слагалъ съ головы корону, а при насъ, вопрошая о здоровьѣ Вашего Императорскаго Величества, сего не дѣлалъ. Просили дружески изъяснить намъ сію разницу, намъ непонятную, для чего она употреблена одною и тою же особою, то есть Царемъ, между отцемъ и сыномъ Императорами. Всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ, что Аллегреттъ донесъ ложно и Царь никогда не снималъ и не снимаетъ короны, хотя бы то было въ Вербное воскресеніе, или во время пріобщенія святыхъ таинъ. — Отвѣчали, что вѣримъ Аллегретту во первыхъ потому, что Министръ о вещи незначительной не можетъ донести ложно своему Государю; во вторыхъ оправдываетъ его самое обыкновеніе Христіанскихъ Государей, которые спрашиваютъ другъ друга о здоровьѣ съ головою непокровенною. Но они рѣшительно утверждали, что донесеніе Аллегретта въ семъ мѣстѣ ложно; ибо Царь сего никогда не дѣлалъ; одобряли также обыкновеніе Христіанскихъ Государей тѣмъ, что они принимаютъ пословъ не въ коронѣ, а въ шапкѣ, и потому снимаютъ ее; Царь слѣдуетъ также сему обычаю, и будучи съ Аллегреттомъ, когда пивалъ за здоровье Фердинанда III го, снималъ съ головы шапку.

Въ продолженіе сего спора Переводчикъ называлъ Царя вмѣсто Великомочія титломъ Величества. Мы объявили, что ежели сего не перемѣнитъ, то уйдемъ и болѣе не возвратимся. Канцлеръ, услышавъ сіе, сказалъ, что на сей разъ препятствій сихъ прекратить не льзя, и дѣло оставляетъ на прежнемъ основаніи, пока права ихъ доказаны будутъ законнымъ порядкомъ. Переводчикъ началъ употреблять титулъ Вашего Императорскаго Величества, Депутаты отправились докладывать Царю. Послѣ четвертаго часа Канцлеръ сообщилъ, что доносилъ о всѣхъ предложеніяхъ Государю; но отвѣта не воспослѣдовало, почему можемъ возвратиться домой. И мы возвратились съ тѣми же почестями.

Августѣйшій Императоръ! касательно неснятія Царемъ короны при вопросѣ о здоровьѣ Вашего Императорскаго Величества принимаемъ въ соображеніе: первое, что четыре Депутата, нимало не замѣшавшись, скоро и единогласно опровергнули донесеніе Аллегретта, хотя Москвитяне и умѣютъ притворяться, но не возможно, чтобы они въ семъ случаѣ говорили неправду. Второе, въ донесеніи Аллегретта и Лорбахія изъ Москвы 18 го Генваря 1656 года не упомянуто ни о подобномъ случившемся съ нами поступкѣ, ни о снятіи короны, а говорится просто, что Царь всталъ съ престола. Изъ чего заключаемъ, какъ Аллегреттъ писалъ съ товарищемъ

своимъ въ Вѣну второе донесеніе, спустя цѣлой годъ послѣ перваго, то могъ ошибиться какъ человѣкъ, или забыть какъ старикъ. Впрочемъ утвержденіе Депутатовъ не совсѣмъ было справедливо; ибо удостовѣрились мы, что Царь снимаетъ съ головы корону, когда прикладывается къ образамъ, во время чтенія Евангелія; на великомъ выходѣ; въ Вербное воскресеніе на всенощномъ, и когда Митрополитъ (Патріарха не было) подносилъ къ нему образъ, тесть его Илья Даниловичь снималъ предъ нимъ корону и надѣвалъ ее. Свидѣтельства Лорбаха, Гондола, Лаврентія Курелиха и другихъ не заслуживаютъ вѣроятія.

Въ концѣ Маія приставъ нашъ Дьякъ объявилъ съ притворнопечальнымъ лицемъ, что приставъ занемогъ опасно и на мѣсто его опредѣленъ первый нашъ дорожный Приставъ Иванъ Аѳанасьевичь Желябужскій, которой дни за два предъ симъ сказывалъ о семъ нашему Священнику, а больнаго видѣли послѣ шести часовъ въ добромъ здоровьѣ разъѣзжающаго въ городѣ; сего довольно было для открытія Московской хитрости. Въ дорогѣ замѣтили мы по разнымъ разговорамъ способности и здравый разсудокъ означеннаго Желябужскаго. Полагая, что онъ, имѣя частую переписку съ Канцлеромъ, находится подъ покровительствомъ онаго и дойдетъ до почести придворнаго: обдумавъ и представя себѣ, что въ Москвѣ, по скрытности Рускихъ и совершенному уединенію, сообразному съ грубымъ обычаемъ ихъ, не

возможно намъ будетъ дать почувствовать Министрамъ того, что предписано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, хотя бы въ видѣ откровенности, и имѣя между тѣмъ основательное опасеніе, чтобъ въ продолженіи путешествія въ Москву не было принято Французское посредничество, мы иногда, какъ бы увлекаясь разговоромъ или довѣренностію, за столомъ мало помалу открывали Желябужскому то то, то другое, что намъ и удалось; ибо не сомнѣваемся, что тайны, вывѣданныя имъ у насъ, какъ бы отъ болтливости, доведены были до свѣдѣнія Канцлера. Отъ сего произошло, какъ мы сказали, что послѣ первой аудіенціи или конференціи Царю было угодно его снова дать намъ приставомъ, какъ человѣка приверженнаго и уже искуснаго вывѣдывать всѣ наши помышленія.

Перваго Іюля расположились войска отъ нашего дома до дворца и многіе нижніе служители Царскіе уже толпились въ сѣняхъ для препровожденія нашего, какъ прибыли приставы съ извиненіемъ, что по ихъ календарю въ праздникъ Вознесенія Господня отлагается конференція и назначается послѣ двухъ дней. Не почитая сіе извиненіе важнымъ, ибо въ большой праздникъ войско не собралось бы для нашего церемоніала и его отъ утренней зари до полудня не держали бы въ дождь на улицахъ; но не имѣя возможности перемѣнить сего, согласились на отсрочку и сказали, что мы готовы взять терпѣніе въ семъ дѣлѣ; но жалѣемъ,

что проходитъ время, а съ нимъ и способъ дѣйствовать. Курьеръ съ ихъ рѣшеніемъ можетъ не застать Сейма въ Варшавѣ, которой, полагаютъ они, начался уже съ 2аго Маія, и тогда-то опасаться должно, чтобъ Поляки, подстрекаемые людьми безпокойными, не продолжали войны съ большими силами и дѣятельностію.

На слѣдующій день узнали мы отъ преданнаго намъ человѣка, что они разсуждали, допускать ли насъ къ дальнѣйшимъ конференціямъ; и мы замѣтили, что ни одинъ изъ приставовъ не былъ у насъ, и никого не видали, кто бы имѣлъ о насъ попеченіе.

Третьяго Іюня, около десятаго часа по полуночи, отправились на вторую конференцію съ обыкновенною церемоніею. При дверяхъ дворца встрѣтили насъ два Дьяка отъ имени Депутатовъ и столько же во дворцѣ предъ комнатами конференціи. Въ первой комнатѣ принялъ Канцлеръ, а во второй прочіе приставы, которые, уступивъ намъ переднее мѣсто, сѣли, какъ и мы, на своихъ мѣстахъ.

Содержаніе довольно продолжительной конференціи было слѣдующее: во первыхъ объявили они, что не могутъ, не согласившись въ титулахъ, приступить къ дѣлу; не соглашаются же въ двухъ статьяхъ: первое, въ титулѣ Могущественнѣйшаго, второе, въ титулѣ Величества: то и другое они требуютъ, представляя въ доказательство справедливости подлинные отвѣты, по по-

велѣнію Вашего Императорскаго Величества данные въ Вѣнѣ 17 го Ноября 1658 года Якову Лихареву, посыланному отъ Царя къ Вашему Императорскому Величеству, и три подлинныя письма на пергаминѣ отъ Императора Рудольфа II го отъ 17 го Іюля 1594 года изъ Регенсбурга, 23 го Маія 1600 Пильзена и 27 го Генваря 1607 го, изъ Брандебурга къ Великому Московскому Князю отправленныя съ титуломъ Могущественнѣйшаго; и говорили: Вашъ Императоръ обѣщалъ Царю чрезъ вышеозначеннаго посла титуловать его по обыкновенію своихъ предшественниковъ. А какъ Императоръ Рудольфъ Великаго Князя Московскаго называлъ Могущественнѣйшимъ въ разныхъ актахъ, слѣдовательно, и проч. Вразсужденіи же Величества, продолжали они, мы видѣли изъ параграфа вышеозначеннаго отвѣта, что Ваше Императорское Величество остались недовольнымъ на Трагстенія, что онъ не хотѣлъ Царя титуловатъ Величествомъ, почему и не вѣрятъ, чтобы Ваше Императорское Величество такъ скоро забыли свое слово и не позволяли давать Царю Величества! Очевидно, что затрудненія происходятъ отъ насъ, примѣръ Трагстенія предъ глазами, которой по своей жесткости испортивъ дѣло, возвратился безъ успѣха. Съ нами можетъ случиться тоже, ежели будемъ долѣе настаивать, да и безразсудно было бы посредничество принять отъ тѣхъ Министровъ, которые, не бывъ допущены, произвели у

Царя такое къ себѣ предубѣжденіе. Если недостаетъ средствъ къ возстановленію мира безъ посредника, то, имѣя нужду, могутъ пригласить другаго. Между тѣмъ оставили дѣло безъ продолженія.

Выслушавъ ихъ рѣшеніе и размысливъ о послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ непринятія посредничества Вашего Императорскаго Величества, публично предложеннаго, или принятаго, а послѣ отвергнутаго, и разсуждая, что хотя Ваше Императорское Величество никого не называетъ Величествомъ; но ваши послы или даже посланники величаютъ того Царя Величествомъ, при коемъ находятся, освѣдомившись въ Москвѣ, что всѣ иностранные посланники титулуютъ Царя Величествомъ, и что самъ Аллегреттъ поступалъ такимъ образомъ, исключая первое предложеніе, сдѣланное чрезъ Лорбаха; припомнивъ также, что Ваше Императорское Величество позволили Трагстенію давать означенный титулъ, ежели онъ можетъ предвидѣть отъ сего успѣхъ въ дѣлахъ, и что его обвиняли за противный сему поступокъ, разсудили, что хотя ясно намъ о семъ не сказано, но и не запрещено. И такъ изъ двухъ золъ, избѣгая того, которое приноситъ вредъ невозвратно и слѣдовательно большій; а другое, которое можетъ исправлено быть волею и благорасположеніемъ Вашего Императорскаго Величества, и слѣдовательно меньшій, принуждены были подъ условіемъ на сіе согласиться. О титулѣ же Могущественнѣй-

шаго отвѣчали, что мы сами рѣшить не можемъ, а напишемъ къ Вашему Императорскому Величеству, отъ коего и получимъ разрѣшеніе; о томъ, что зависитъ отъ насъ, также будемъ писать; но соглашаемся до полученія разрѣшенія, для уничтоженія спора, несовмѣстнаго съ продолженіемъ мира, и для истребленія мнѣній предосудительныхъ, титуловать Царя Величествомъ.

Предложеніе же, на письмѣ врученное ему, перемѣнить не могли; ибо оное получено нами отъ Вашего Императорскаго Величества. И такимъ образомъ дѣло кончилось.

О семъ предметѣ всеподданнѣйше доносимъ, что послы предшественниковъ Вашего Императорскаго Величества, отправляемые въ Москву съ письмами, вручали оныя, съ титуломъ Великомочіе, не заботясь впрочемъ, какимъ образомъ переводчикъ Руской толковалъ сіе слово; а онъ изъяснялъ его обыкновенно чрезъ слово Величество. Русскіе же симъ были довольны, и въ особенности Аллегреттомъ, которой, говоря на Славянскомъ языкѣ, титуловалъ Царя Величествомъ; когда въ бытность Трагстенія переводчикъ Баушъ, которой намъ о семъ сказывалъ, изъяснялъ титулъ Großmächtigkeit чрезъ слово Величество, то посланникъ, зная хорошо языкъ, жаловался на неправильность сего перевода и требовалъ, чтобы сіе слово, согласно съ силою Нѣмецкаго языка, переведено было *Великомочіемъ*. Сіе примѣтили Русскіе и

занелц, споры, которые имѣли съ самимъ Трагстеніемъ и съ нами, и которые, изъ уваженія къ ихъ тщеславію, едва могли окончить. И такъ по прекращеніи сего Канцлеръ сказалъ, что Царь съ удовольствіемъ принялъ желаніе Вашего Императорскаго Величества пребыть съ нимъ въ добромъ дружествѣ, которое онъ взаимными услугами поддержать желаетъ. А потомъ благодарилъ за братское благорасположеніе въ предложеніи мирнаго посредничества между имъ, Королемъ и *Царствомъ* Польскимъ, которое онъ охотно пріемлетъ; желаетъ однакоже знать, по просьбѣ ли Короля Ваше Императорское Величество оное предлагаете? извѣстны ли Вашему Императорскому Величеству его мирныя условія? Мы или другіе посланники Вашего Императорскаго Величества будутъ при переговорахъ? Ежели мы, то имѣемъ ли на сіе полномочіе заключить перемиріе или трактовать о мирѣ?

Поблагодаря сначала за принятое Царемъ посредничество, отвѣчали, что Ваше Императорское Величество не по просьбѣ Короля Польскаго, а единственно изъ Христіанскаго человѣколюбія, пощадить кровь вѣрныхъ, предлагаете себя посредникомъ, а потому и не знаете о условіяхъ Короля. Въ надлежащее время онъ милостиво повелѣлъ намъ принять должность сію, и для того снабдилъ насъ должнымъ полномочіемъ. Заключать перемиріе мы права не имѣемъ; а сіе зависитъ отъ воли воюющихъ Дер-

жавъ; и мы въ семъ случаѣ намѣренія Поляковъ не знаемъ.

Къ сему прибавили, что должно согласиться немедленно о мѣстѣ и времени переговоровъ, и просили не длить болѣе онаго, ибо примѣчаемъ, что курьеръ едва ли пріѣдетъ, по желанію нашему, въ Варшаву прежде закрытія Сейма. При семъ сообщили за тайну, что надлежало дать знать по инструкціи и тайному плану относительно Французовъ, Польской Королевы и Шведскихъ предпріятій. Принято сіе съ благодарностію.

Послѣ сего Канцлеръ спросилъ насъ, что по измѣненіи, имѣющемъ быть въ Царствѣ Польскомъ, Ваше Императорское Величество для себя или для Свѣтлѣйшаго Великаго Герцога Леопольда Вильгельма оную корону, какъ слухъ носится, получить желаете? и многія ли изъ дому Австрійскаго особы живутъ въ Германіи? — Мы отвѣчали, что Ваше Императорское Величество онаго престола не желаете, при чемъ и сообщили причины, изъясненныя намъ въ предписаніи и наставленіи, а равно, что Леопольдъ Вильгельмъ теперь Епископомъ; изъ фамиліи же Свѣтлѣйшей живутъ трое Великихъ Герцоговъ, Король и два брата Тирольскіе. Потомъ прибавили съ усмѣшкою: а ежелибъ кого и выбрали изъ Августѣйшаго дома на Царство Польское, то примете ли его охотно? Отвѣчали: почемужъ не такъ. Австрійскій домъ находился съ нами всегда въ дружествѣ, а намъ всег-

да пріятенъ тотъ Король Польскій, который живетъ съ нами мирно. Владѣй симъ Царствомъ, кто хочетъ, нашъ Царь не заботится о томъ, хотя по документамъ и имѣетъ право на выборъ.

Здѣсь пришло намъ на мысль исключить безъ шуму отъ посредничества Французовъ, сказавъ: оставьте лучше всѣ обряды и скажите откровенно, на какихъ условіяхъ миритесь съ Польшею; такимъ образомъ мы вмѣстѣ съ посланникомъ нашимъ Барономъ де Лизолою, при Королѣ Польскомъ, удобнѣе и въ короткое время все кончимъ. О чемъ размыслите, что они и записали.

Спросили ихъ: Имѣютъ ли они другаго посредника кромѣ Вашего Императорскаго Величества? Канцлеръ отвѣчалъ, что Французскій Посланникъ Деломбръ въ Ноябрѣ 1660 писалъ къ Генералу Нащекину, что онъ посланъ отъ своего Государя въ Польшу для возстановленія мира между Царемъ и Королемъ, и что онъ предлагаетъ свои услуги Царю, ежели ему будетъ угодно. Русскіе же отвѣчали Послу, что ежели онъ пришлетъ письмо отъ своего Государя къ Царю, тогда онъ дастъ свое рѣшеніе; но писемъ до сихъ поръ ни отъ Царя, ни отъ Посланника не было.

Канцлеръ спросилъ насъ, не имѣемъ ли мы еще чего сообщить по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества? отвѣчали, что отъ Вашего Императорскаго Величества посланы единственно для предложенія посредничества, а что говорили по

довѣренности, то сіе не по предписанію, а по дружеству; на сіе сказалъ онъ: Царь нашъ истинно долженъ быть признателенъ Вашему Императорскому Величеству за таковое доброжелательство.

Послѣ сего просили Депутатовъ, чтобъ поспѣшили рѣшеніемъ. Домой отправились съ обыкновенною церемоніею.

4го Іюня имѣли мы третью конференцію. О многомъ разсуждали; но главное было слѣдующаго содержанія: Царю пріятно было предложеніе вести переговоры частно черезъ насъ и Барона де Лизола; но напередъ желалъ знать условія Польскаго Короля. На отвѣтъ, что мы не знаемъ, Депутаты не рѣшились объявить своихъ, отговариваясь, что де Царь, не зная, принято ли ихъ посредничество Королемъ Польскимъ, не можетъ открыть своихъ намѣреній, и когда послѣ многихъ причинъ, нами приведенныхъ, они остались при своемъ мнѣніи, то принуждены были дѣло пустить обыкновеннымъ порядкомъ.

Потомъ спрашивали: что можемъ написать вѣрнаго къ Вашему Императорскому Величеству о Французскомъ посредничествѣ? Отвѣчали, ежели отъ Французскаго Короля получатъ письмо, то будутъ отвѣчать, что Цесарскіе Послы уже предупредили ихъ, и что намъ не нужно много посредниковъ. Говорили даже, что Царь на письмо означеннаго Короля, предлагавшаго свое посредничество, не отвѣчалъ (вѣроятно потому, что не даны желаемые ти-

шулы), а приказалъ только Нащекину писать Посланнику Деломбру, что письма его Государя пришли послѣ принятія Царемъ достаточной для возстановленія мира медіаціи.

Съ ихъ согласія послали курьера къ Вашему Императорскому Величеству. На требованіе нашего полномочія представили слѣдующее: Объявивъ, что по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества де Маіернъ долженъ отправиться на мѣсто переговоровъ, а Колвуцій оставаться въ Москвѣ. На сіе они согласились, ни въ чемъ не споря.

Спросили мы: въ какомъ отношеніи они находятся со Шведами? Отвѣчали, что надѣются скораго мира, особеннаго же ничего не сказали, почему посредничество Вашего Императорскаго Величества казалось намъ не во время; а особливо послѣ нѣкоторыхъ дней обнаружилось, что они навѣрное полагались на миръ. Желая возвысить доброе намѣреніе ваше, говорили Желябужскому съ обыкновенною откровенностію, что ежели случатся какія трудности при договорахъ, которыя потребуютъ посредника, то Ваше Императорское Величество для спокойствія всѣхъ Христіанъ быть онымъ не отречется. Выслушавъ сіе охотно, истребовалъ отъ насъ позволеніе доложить Царю. 20 Іюня 1661 года увѣдомились мы, что между Шведами и Русскими переговоры кончились, осталось ихъ только написать на бумагѣ. 8 го

Іюля объявилъ намъ съ другимъ приставомъ именемъ своего Царя о мирѣ съ Шведами. Когда мы спрашивали объ условіяхъ, они отговаривались незнаніемъ.

Мѣстомъ будущаго конгресса назначилъ Царь Полоцкъ, самимъ Королемъ Польскимъ за годъ предъ симъ избранной, при берегахъ Двины, въ мѣстахъ не столько опустошенныхъ и обоюдно удобныхъ, а время для начатія переговоровъ предоставлено Полякамъ для того, чтобы, узнавъ въ Москвѣ, могъ выслать туда своихъ Полномочныхъ.

Подозрѣвая вѣроятно насъ въ томъ, что мы будемъ писать о титулахъ, Царь приказалъ рѣшительно, не взирая на наши представленія, ѣхать съ курьеромъ нашимъ Дьяку Ефиму Прокофьеву.

8го Іюля около 11 часа ночи, когда мы уже ложились, пришелъ Дьякъ Деменшій Башмаковъ, любимецъ Царскій, въ сопровожденіи придворныхъ служителей, и объявилъ отъ имени своего Государя намъ, любезнѣйшаго брата Леопольда, Римскаго Императора, посланникамъ о рожденіи сына, который названъ Царевичемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ; мы отвѣчали какъ должно было и для изъявленія радости нашей подарили вѣстника большимъ вызолоченнымъ серебрянымъ храфиномъ.

19го Числа тогоже мѣсяца Царь, празднуя рожденіе своего сына, сообщилъ намъ оную радость въ честь Вашего Императорскаго Величества и давалъ столъ въ нашемъ

домъ. Приставомъ былъ тотъ же Стольникъ Ростовскій, тѣ же были обряды, съ прибавленіемъ четвертаго кубка за здоровье маленькаго Өеодора.

30 го Іюля Царь ѣздилъ съ нами въ церковь Святаго Іліи, присдавъ вышеозначеннаго своего любимца Дементія спросить сперва о здоровьѣ Вашего Императорскаго Величества, его любезнѣйшаго брата, а потомъ о нашемъ.

21 го Сентября пріѣхалъ къ намъ вышеупомянутый Канцлеръ съ какимъ-то Стольникомъ, которой возвратился изъ Польши, будучи за нѣсколько мѣсяцовъ предъ симъ посланъ къ Королю Польскому. Съ самаго начала спросили насъ: Знаемъ ли мы, гдѣ находится корона, коею вѣнчаются Короли Польскіе? ибо объявлено было на бывшемъ Сеймѣ Варшавскомъ, что какіе-то вельможи Польскіе увезли ее въ Вѣну къ Фердинанду III, родственнику Вашего Императорскаго Величества, когда просили вспомогательнаго войска у него противъ Швеціи. Мы отвѣчали, что сего конечно не знаемъ. Стольникъ сказалъ, что по повелѣнію Короля, Баронъ де Лизола содержится подъ крѣпкою стражею въ Варшавѣ, и даже вся его свита разсажена по одиначкѣ, и что онъ тщетно просилъ Поляковъ о позволеніи предъ отъѣздомъ своимъ поговорить съ ними; при семъ Канцлеръ спросилъ: знаемъ ли мы настоящую сему причину? Отвѣчали, что можетъ быть Г. Посланникъ, который въ Варшавѣ не могъ выходить изъ

своего дома, былъ обманутъ отъ желавшихъ его обмануть, или отъ обманутыхъ; а намъ невѣроятно, чтобы означенной Баронъ былъ подъ стражею, можетъ быть, по неудовольствію Короля по дѣламъ Сейма, особливо за избраніе наслѣдника ему, не допущаютъ его на нѣкоторое время во дворецъ. Они подтвердили, что находится подъ стражею, и что въ семъ нѣтъ никакого сомнѣнія; причиною же полагаютъ удержаніе означенной короны.

Говорили, что курьеръ, отправленный нами изъ Москвы къ Барону и къ Вашему Императорскому Величеству, вмѣстѣ съ Дьякомъ Ефиміемъ Прокофьевымъ, посланнымъ отъ Царя съ письмами къ Вашему Императорскому Величеству, 3 го Августа прибыли въ Варшаву, въ то самое время, какъ Стольникъ выѣзжалъ оттуда. Провожатые и ихъ конвой не допустили его говорить съ нами; слуга донесъ ему послѣ, что Дьякъ дорогою тайно на иностранномъ языкѣ сказалъ, что всѣ ихъ письма отобрали и Королю доставлены. Каждаго держатъ особо подъ стражею, а Министры посланные въ Литву для войны и мира вызваны Королемъ. Здѣсь Канцлеръ увеличивалъ поступокъ Короля Польскаго, называя сіе нарушеніемъ права народнаго, и увѣрялъ, что Царь чрезвычайно сему дивился.

Отвѣчали, что мы сами удивляемся и не вѣримъ, чтобы Король, находясь въ дружествѣ, поступилъ какъ непріятель съ на-

шимъ курьеромъ. Трубачи, курьеры и Посланники однажды принятые почитаются всѣми особами священными. Письма открывать посольскія позволяетъ только одна явная война, и потому мы не можемъ вѣрить ни задержанію курьера, ни открытію писемъ. Впрочемъ Король Польскій узнаетъ изъ оныхъ только то, что уже доносилъ ему Баронъ де Лизола, то есть, желаніе Вашего Императорскаго Величества, прекративъ раздоры между имъ и Царемъ, пощадить кровь Христіанскую, готовность нашу выполнить повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, и склонность Царскую къ миру съ допущеніемъ посредничества Вашего Императорскаго Величества, нами предложеннаго. Сожалѣли о Дьякѣ, который не подвергся бы сей участи, ежели бы они приняли нашъ совѣтъ, или дали ему письма Царскія къ Королю Польскому.

Канцлеръ винилъ насъ въ томъ, что Дьякъ посланъ былъ Царемъ по удостовѣренію нашему на конференціи. На вопросъ: вѣрно ли знаемъ, что Поляки примутъ посредничество Вашего Императорскаго Величества? мы тогда отвѣчали, что Ваше Императорское Величество удостовѣрены, что Поляки онаго не отвергнутъ. Но мы доказывали, что они изъ благоразумія не должны принимать дѣло, могущее только исполниться, уже за исполнившееся. Вѣроятно, что по случаю посредничества и его принятія были переговоры между Королемъ Польскимъ и де-Лизолою, а сіе

подало поводъ неприяшной молвѣ о взятіи его подъ стражу.

Къ сему прибавилъ Стольникъ, что онъ привезъ отвѣтъ на письма Царскія, имъ доставленныя Королю Польскому, которой изъявлялъ согласіе на мирные переговоры и на назначеніе своихъ Посланниковъ; но о посредничествѣ Цесарскомъ не упоминалъ, ниже онъ самъ отъ кого-либо о семъ во время бытности его въ Варшавѣ слышалъ. Изъ чего ясно видно, что Король не знаетъ, или не принялъ онаго. — Отвѣчали, чтобы онъ не зналъ, сего не можетъ быть, когда мы явнымъ образомъ для сего отправлялись въ Москву; что онъ отвергнулъ, сего не льзя заключить, потому что онъ не упоминаетъ ни Посланнику, ни въ письмахъ къ Царю; да и курьеръ нашъ не успѣлъ еще пріѣхать въ Варшаву съ извѣстіемъ о принятіи онаго Царемъ, по словамъ Посла, а потому и не было еще времени Королю объявить своего намѣренія; а когда узнаетъ изъ открытыхъ писемъ (чему мы не вѣримъ), или, что правдоподобнѣе, изъ донесенія Барона де Лизола согласіе Царя, то не сомнѣваемся по здравому предположенію, чтобы оное не было принято. Болѣе въ семъ удостовѣрились, когда услышали, что онъ тотчасъ послѣ прибытія нашего курьера вызвалъ Посланниковъ своихъ, изъ Литвы уже отправленныхъ, предполагая, что онъ намѣревался ихъ извѣстить о новомъ семъ случаѣ. Оставалось ожидать возвращенія курьера.

Канцлеръ говорилъ: Поляки хотятъ заключить миръ безъ посредника, а мы спросили его: что о семъ думаетъ Царь? Хочетъ ли выполнить обѣщаніе, объявленное Депутатами въ конференціи и Вашему Императорскому Величеству объясненное? онъ отвѣчалъ, что донесетъ Государю, мнѣніе его объявитъ намъ чрезъ пристава Желябужскаго, чего однакожъ не выполнилъ.

Жаловался очень много на Поляковъ, что они жестоко содержатъ Русскихъ плѣнниковъ и людей отличныхъ заставляютъ копать и пахать землю, давая немного воды и хлѣба, въ ихъ горести и нещастіи, размѣны не хотятъ, за Русскихъ надѣются получить *Litkrum*, а своихъ не искупаютъ. Просилъ, чтобъ мы сообщили о семъ Вашему Императорскому Величеству.

Въ тотъ же день послѣ обѣда посѣтилъ насъ означенный Желябужскій, который говорилъ о задержаніи курьера и открытіи писемъ, стараясь насъ увѣрить, что то произошло отъ задержанія Польской короны; потомъ о нашемъ, того и другаго, какъ бы скоромъ отъѣздѣ изъ Москвы. И такъ мы должны были повторить, что по предписанію Вашего Императорскаго Величества по обѣщанію Депутатовъ, де-Маіернъ одинъ отправится на мѣсто переговоровъ, а Колвуцій во время оныхъ останется при Царѣ. Просили, чтобы онъ напомнилъ Канцлеру и объявилъ отъ имени нашего, что не можемъ иначе располагать своею особою, а особливо какъ Депутаты изъя-

вили на сіе свое согласіе, о чемъ мы донесли уже Вашему Императорскому Величеству. Онъ отвѣчалъ, что лучше сдѣлаемъ, ежели отправимся оба присланные отъ Вашего Императорскаго Величества для услуги Царской; а услуга сія требуетъ, чтобы мы ѣхали оба, а Царь извинится самъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ письменно. Правда, возразили мы, что присланы для услуги Царской; но какимъ образомъ выполнять ее, намъ предписано; а намъ не прилично изъяснять наставленія своего Государя, или отступать отъ нихъ, еще менѣе, дожидаться новыхъ предписаній. — Онъ сказалъ, что донесетъ о семъ Канцлеру и дастъ на слѣдующій день отвѣтъ, чего однако не выполнилъ до 28 го Сентября, ссылаясь, что Царь не пошлетъ своихъ Пословъ прежде прибытія курьера изъ Польши въ Москву, и тогда можемъ располагаться своимъ отъѣздомъ. Исполнено ли было сіе ложное обѣщаніе, время показало.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября Царь отправился въ славный Троицкій монастырь въ 12 миляхъ отъ Москвы, близь Переславля, гдѣ покоятся мощи Святыхъ Сергія и Никона, чудесами прославленныя, и прислалъ къ намъ Стольника Ростовскаго, которой насъ о семъ извѣстилъ и спросилъ о здоровьѣ. Поблагодаривъ униженно, мы пожелали Царю исполненія его желаній и при добромъ здоровьѣ возвращенія.

Царь, проѣзжая и замѣтивъ нѣкоторыхъ изъ нашей свиты, кои съ почтенiемъ кланялись, подославъ спросить, отъ насъ ли они? а потомъ его именемъ спросили, здоровы ли мы? и возвратились къ своему Государю съ отвѣтомъ и благодарностiю.

20 го Октября означенный Желябужскiй отъ имени Царя объявилъ намъ, что на другой день поѣдетъ курьеръ въ Варшаву съ письмами къ Королю Польскому, коими онъ извѣщаетъ, что время для переговоровъ назначается 1 го Генваря по старому стилю; а мѣсто не далеко отъ Смоленска; и полагая, что съ обѣихъ сторонъ Послы съѣхаться не замедлятъ, увѣдомляетъ что давно живущiе въ Москвѣ Послы Его Императорскаго Величества также отправляются для посредничества, предложеннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и имъ принятаго.

19 го Декабря обыкновеннымъ образомъ прибыли мы во дворецъ для разсужденiя съ Депутатами, которые сперва читали съ гордостiю первые наши переговоры, потомъ старались толковатъ заключенiе довольно длиннаго письма отъ Короля Польскаго къ Царю изъ Лемберга 19 го Ноября 1661 года, коимъ отвѣчалъ Король, что онъ уважаетъ дружественное предложенiе Вашего Императорскаго Величества, и что ежели будутъ разсуждать съ посредниками о мирѣ, то не только Вашего Императорскаго Величества медiацiя, но и самаго малаго Князя не можетъ быть отвергну-

ша; однакожъ, зная по опыту, что посредничество продолжаетъ только время для выгоды посредниковъ, и что слѣдуя правилахъ своихъ предковъ, онъ посредничества не пріемлетъ, почему и проситъ Царя не отправлять оныхъ; а ежели желаетъ скораго мира, то прислалъ бы однихъ своихъ коммисаровъ, въ противномъ же случаѣ онъ сумнѣвается въ его къ тому расположеніи. По прочтеніи сего они спросили насъ, что надобно дѣлать Царю и намъ? Мы отвѣчали, что давать законы должны побѣдители, побѣжденные же принимать оные. Пусть поступаютъ сообразно съ тѣмъ, кого они почитаютъ побѣдителемъ, Короля ли Польскаго или себя, и ежели не такъ, то да уступятъ необходимости. Мы были посланы для предложенія Царю посредничества, по исполненіи чего мы оставались какъ будущіе его Министры, кои не имѣютъ права судить, какъ должно поступить съ нами, а выполняютъ только волю того, къ коему посланы. Ежели бы обстоятельства зависѣли отъ насъ, мы бы остались въ Москвѣ до пріѣзда нашего трубача, въ надеждѣ узнать вѣрнѣе о дѣлѣ и о способѣ дѣйствовать, увѣрены, что Ваше Императорское Величество писать изволили уже къ Царю Польскому, и что онъ уже принялъ медіацію. Между тѣмъ просили копіи съ письма Царскаго. О чемъ хотѣли донести Царю.

Прежде 40 дней получили мы милостивыя Вашего Императорскаго Величества

предписанія изъ Вѣны отъ 16 го Августа, касательно распечатанія пакета, врученнаго намъ предъ отъѣздомъ изъ Вѣны съ повелѣніемъ, не открывать онаго до дальнѣйшаго приказанія. Прочитавъ содержаніе онаго, мы требовали конференціи у Царя. За отсутствіемъ двухъ Депутатовъ присланъ былъ 14 го Ноября для выслушанія нашего Канцлеръ, коему изложивъ все по предписанію, требовали совѣта и помощи Царской противъ Турковъ и по его желанію вручили оное ему на бумагѣ, тщетно нѣсколько разъ просили отвѣта. Почему на сей конференціи снова требовали онаго, и Канцлеръ немедленно прочелъ сей отвѣтъ, а переводчикъ изъяснилъ намъ смыслъ онаго такъ: Царь имѣетъ двухв сильныхъ враговъ, Поляковъ и Крымскихъ Татаръ, противу коихъ во многихъ мѣстахъ расположено сильное войско, а потому не находитъ благоразумнымъ вооружать противъ себя третьяго гораздо сильнѣйшаго, коему при союзѣ его съ другими не имѣетъ достаточныхъ силъ противопоставить. Ежели примиримся съ Польшею, то можемъ помогать Вашему Императорскому Величеству, а между тѣмъ совѣтуемъ Вашему Императорскому Величеству требовать помощи у сосѣдственныхъ Христіанскихъ Государей, въ мирѣ пребывающихъ. На сіе не опустили представить Ваше Христіанское сердоболіе къ дѣйствіямъ войны кровопролитной и долговременной Русскихъ съ Поляками, и показавъ мѣстное положеніе Государей Гер-

манія, убѣждали сильными доказательствами подать помощь на общаго врага, а на Крымскихъ Татаръ послать войско изъ Калмыкъ, Черкесъ и Донскихъ козаковъ въ Крымъ, въ случаѣ заключенія мира съ Польшею просили объявить, какую они окажутъ намъ помощь, для того, чтобы Ваше Императорское Величество приняли должныя мѣры; но опредѣлительнаго отвѣта не получили, почему просили онаго на бумагѣ. Они сего сдѣлать не хотѣли, подъ предлогомъ, что согласно вѣрющимъ письмамъ, они уже на два предложенія наши отвѣчали письменно; а на сіе, какъ дѣло постороннее, сдѣлать сего не могутъ, предоставляли мы, что всѣ переговоры производятся отъ имени Вашего Императорскаго Величества, а не частно, почему какъ послѣднее, такъ и первыя представлены на бумагѣ по предписанію Вашего Императорскаго Величества, на кои они могутъ отвѣчать также одинаково. О семъ хотѣли донести Царю. 22 го Декабря просили пристава Желябужскаго получить отъ имени нашего у Канцлера копію съ письма Польскаго Короля и Царскаго опредѣленія относительно насъ. 30 го Получили отвѣтъ, что Царь согласно съ нами полагаетъ нужнымъ ожидать возвращенія трубача въ Москву, и предъ отъѣздомъ нашимъ послѣдуетъ удовлетворительное рѣшеніе и на все прочее. Мы объявили согласіе наше на ожиданіе въ Москвѣ, но на прочее требовали скорѣйшаго рѣшенія для донесенія Вашему Императорскому Величеству.

17 го Ноября прибылъ военачальникъ Царскій, бывшій въ плѣну у Поляковъ, и разсказывалъ, что продолжая путь отъ Варшавы съ Степаномъ Бѣлько, Шведскимъ Посланникомъ, вскорѣ послѣ Сейма, до Данцига допрашиваемъ имъ былъ, не желаетъ ли изъ преданности къ своему настоящему Государю развѣдать, что мы дѣлаемъ въ Москвѣ, и о семъ его увѣдомитъ; ибо извѣстно было, что мы посланы были Вашимъ Императорскимъ Величествомъ для заключенія союза съ Царемъ ко вреду Польши и для раздѣленія оной. Противъ сего предположили составить союзъ наступательный и оборонительный, каковой и заключенъ съ Польшею. Означенный военачальникъ все сіе подтвердилъ намъ съ позволенія Ильи Даниловича; по изъявленіи благодарности, показали вмѣсто отвѣта письма Вашего Императорскаго Величества къ Королю Шведскому намъ ввѣренныя съ повелѣніемъ предложить посредничество, когда будетъ нужно, что и исполненобъ было, ежели бы они не заключили мира сами собою.

Узнавъ, что 8 го Генваря 1662 приготовлялся обѣдъ торжественный для нашего отпуска, старались по возможности отдалить его, въ какомъ намѣреніи сообщили свое мнѣніе Канцлеру чрезъ пристава Желябужскаго.

Желаніе видѣться съ родственниками влекло насъ въ отечество, а особливо, когда настала глубокая осень, неблагопріят-

ное время на Сѣверѣ путешественнику; но общественное благо и должность поставили насъ выше частныхъ выгодъ и привязанностей, и потому просили мы объ отсрочкѣ нашего отъѣзда. Полезнѣе было ожидать пріѣзда Дьяка Прокофьева и нашего курьера, въ той увѣренности, что Всемилостивѣйшій нашъ Государь имѣетъ сношеніе о медіаціи съ Королемъ Польскимъ, и въ надеждѣ успѣха желаетъ извѣстить насъ о принятіи оной чрезъ Дьяка, котораго нарочно удерживаетъ въ Вѣнѣ, а въ противномъ случаѣ дѣла могутъ разстроиться и много пройдетъ времени, ежели мы Министры должны будемъ возвращаться съ дальней дороги по полученіи извѣстія. И такъ рѣшились ожидать и немедленно отправить отвѣтъ въ Вѣну на послѣднее предложеніе о Туркахъ. Будутъ другіе переговоры, время безполезно не пройдетъ, а ежели нѣтъ, то Цесарь приметъ новыя мѣры. Просили принять въ уваженіе сіи разсужденія и нашъ отъѣздъ отложить.

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ.)

Нѣчто о церкви Св. Николая Чудотворца, что въ Котлахъ.

(Письмо.)

Мимоѣздомъ я взглянулъ на церковь Св. Николая въ селеніи Котлы, въ коей, по мнѣнію Карамзина, находился въ заточеніи Архіепископъ Іоаннъ, ходатай за права Новогородскія при Великомъ Князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, (*) и послѣ, въ то же государствованіе (1425), облачался Митрополитъ Кипріанъ при въѣздѣ своемъ въ Москву (**), съ коей соединены и еще нѣкоторыя, неважныя впрочемъ, Историческія воспоминанія (***). Къ сожалѣнію, я не могу сказать вамъ о ней ничего, достойнаго вашего вниманія. Древняя церковь, о коей упоминается въ Исторіи, не существуетъ

(*) „См. Кар. V, пр. 194 въ Троицк. лѣт.: а былъ (Архіеп. Іоаннъ) во изниманьи 3 лѣта и 6 мѣсяцъ, а сѣдѣлъ въ монастырѣ у *Св. Николы у стараго.*“ На Перервѣ по мнѣнію Митрополита Платона; но сей Никола Старый находился между Котлами и Москвою.

(**) См. Кар. V, пр. 232: въ Никон. лѣт.: „И срѣте (Митрополита) самъ Вел. Князь съ матеріею своею Евдокіею и съ братіею и съ бояры на Котлѣхъ . . . и облечеся во Святительской санъ Кипріанъ у Николы у Стараго и пойде въ градъ Москву“.

(***) Въ эту же церковь удалился Филиппъ Митрополитъ во время пожара Московскаго въ 1473 г. при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ (См. Кар. VI, пр. 101). — Никольской Игуменъ Стараго Давидъ постригалъ въ монахини несчастную супругу Василія Іоанновича, Соломонію, оставленную имъ за неплодіе. — Св. Филиппъ Митрополитъ по отрѣшеніи его Грознымъ отъ Митрополіи былъ перевезенъ въ обитель

болѣе; даже мѣсто, гдѣ находилась она, неизвѣстно, и ни по какимъ признакамъ судить о томъ не льзя. Не только Антикварія, но даже искатели кладовъ, между коими издавна ведется молва, что близъ старой церкви зарыты несмѣтныя сокровища, тщетно искали (въ 1804 и 1806 годахъ) слѣдовъ ея, изглаженныхъ временемъ; преданія совершенно противорѣчатъ себѣ взаимно: одно говоритъ, что церковь была на противной сторонѣ рѣчки Котловки, другое — близъ нынѣшней церкви. Когда построена сія послѣдняя, также не знаютъ; церковныхъ записокъ никакихъ не осталось; старожилы ничего не слыхали о томъ отъ отцевъ своихъ; есть только темной слухъ, что она существуетъ лѣтъ триста. По Архитектурѣ едва ли судить можно, ибо церковь часто была перестроиваема — прежде она имѣла пять главъ и множество пристроенныхъ придѣловъ. Прончищевъ, при Петрѣ Великомъ отправленный куда-то Посланникомъ, на морѣ былъ застиженъ бурею, и сдѣлалъ обѣтъ, въ случаѣ избавленія построить церковь во имя Св. Николая. Мгновенно утишилась буря, и образъ Св. Угодника подплылъ къ нему по водѣ. Прончищевъ взялъ его, и возвратясь въ отечество, въ исполненіе своего обѣта только обновилъ и украсилъ церковь Св. Николая. Образъ сей показы-

---

Св. Николая Стараго, на берегу Москвы рѣки, куда и прежде, по извѣстію Архив. Новогород. Лѣт. Малинов., переѣхалъ онъ жить, начавъ ссориться съ Іоанномъ. (См. Кар. IX. с. 108, пр. 195.)

вается въ церкви. — Прончищевъ сломалъ и пять главъ съ церкви и сдѣлалъ верхъ шпилёмъ, который уничтоженъ уже недавно. Окона, оставшіяся неприкосновенными во время сихъ перестроекъ, весьма малы и узки; древняя живопись иконостаса нынѣшнимъ священникомъ, который сообщилъ мнѣ нѣсколько изъ сихъ свѣдѣній, лѣтъ 30 тому назадъ обновлена, ибо прежняя, какъ сказывалъ онъ, до того слиняла, что не льзя было различать ликовъ. Сей иконостасъ замѣчателенъ по своей формѣ: оба придѣла стоятъ рядомъ; образа въ нихъ, находящіеся надъ мѣстными до потолка, расположены не по прямымъ линіямъ, какъ обыкновенно бываетъ въ нашихъ церквахъ, но по дугамъ, сходящимися къ промежутку между придѣлами, который замѣщенъ образами Спасителя, Божіей Матери и проч. Въ прочихъ церквахъ подобные образа бываютъ надъ царскими дверьми. Іоаннъ Богословъ въ иконостасѣ представленъ несущимъ чашу съ Евхаристіею. Въ таковомъ видѣ не случалось мнѣ видѣть нигдѣ сего Апостола и Евангелиста. Странно, что о существованіи монастыря здѣсь вовсе нѣтъ никакого слуха! Есть, говорятъ, еще другая церковь Николы Стараго, въ 45 верстахъ отъ Москвы, между Боровской и Калужской дорогами, которая именно стоитъ на мѣстѣ монастыря. Но вотъ что еще страннѣе: жители позабыли даже о сожженіи здѣсь труповъ Димитрія Самозванца и двухъ его сообщниковъ. Недавно только возобновленъ

между ними этотъ слухъ наѣзжими знатоками. На право отъ большой дороги, за церковью, по другую сторону рѣчки, на лугу, находится рядомъ семь весьма высокихъ кургановъ, насыпанныхъ вѣроятно на этомъ достопамятномъ мѣстѣ. Въ народѣ говорятъ, что здѣсь погребены великаны, потому что когда-то были вырыты огромныя человѣческія лядвеи. Въ окрестностяхъ есть еще нѣсколько меньшихъ кургановъ. — Помѣстье къ рѣкѣ съ сѣверной и восточной стороны окружено низенькою, немного отъ земли поднимающеюся, насыпью, къ югу оканчивается рѣкою, къ западу рвомъ: не найдутъ ли здѣсь слѣдовъ городища проницательные взоры Зоріана Яковлевича (*). — Съ горы близь рѣки — прекраснѣйшій видъ на Москву. — Котлы называются еще — Знаменское, Никольское, Разсшаванье, Прончищево.

1830. М. П.

(*) Ходаковскаго, къ сожалѣнію похищеннаго смертію до совершенія своихъ трудовъ въ пользу Россійской Исторіи. Бумаги его пріобрѣтены Г-мъ Полевымъ и можетъ быть будутъ изданы.

Сими справками я обязанъ Указателю, составленному П. М. Строевымъ. Письмо было у меня написано лѣтъ 8 тому назадъ и оставалось въ бумагахъ; теперь, вздумавши напечатать его, я не нашелъ прежнихъ своихъ замѣтокъ въ Исторіи Карамзина, и долженъ бы былъ порыться за этою бездѣлицею нѣсколько дней, безъ Указателя, который помогъ сдѣлать все дѣло въ двѣ минуты. — Когда-то и какъ напечатается это драгоцѣнное пособіе для всеобщаго употребленія! Какъ не вспомнить о Графѣ Н. П. Румянцовѣ?

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Стихотворенія.

ДОСТОПАМЯТНАЯ ПОРУКА.

(*Истинное происшествіе.*)

„О чемъ, механикъ мой, старикъ мой добрый *Гансъ*,
О чемъ задумался? ... Проходишь ли науки,
Иль хочешь гдѣ-нибудь уравнивать балансъ? ...“
Ахъ, Государь! у всякаго свои есть скуки:
Не до наукъ, когда терзаютъ душу муки! —
„Что значитъ? ... говори!“ — Не приберу ума:
До завтра срокъ! „Ищи!“ — мнѣ судъ сказалъ: — „поруки!“ —
До завтра не найду — тюрьма!
А дѣтямъ и женѣ — сума!
Ну, такъ, что и домой идти ужъ нѣтъ отваги ... —
„Перо!
Подайте листъ бумаги!
Поспѣшность — гдѣ творить добро!“
Велѣлъ — и подали ... и написалъ два слова:
„*Ручаюсь за такова!*...“
И въ подпись онъ не санъ, а имя подписалъ:
„Бѣги!“ и добрый Гансъ бѣжитъ — и въ судъ вбѣжалъ.
„Что? — есть порука?“ — Есть! —
„Посмотримъ, кто такой сыскался,
Чтобъ въ судъ за бѣдняка свою представить честь?
Давай!“ — И судьямъ листъ безсмертный сей достался.
Прочли — и трепетъ, страхъ!
И въ мигъ затѣйныя претензіи всѣ въ прахъ!
И Ганса бѣднаго, какъ ложечку обмыли,
И спать домой спокойно отпустили.
И старецъ побѣжалъ съ молитвой и въ слезахъ.

Такъ сдѣлалъ Государь, сынъ Россіи Минервы,
И Государь сей былъ — нашъ *Павелъ Первый!*

Ѳ. Глинка.

ВРЕМЯ ГРѢХА.

Гремитъ на ясномъ небѣ громъ
И хлынулъ въ міръ развратъ, какъ воды,
И, мнится, воздухъ сталъ грѣхомъ!
Почто смущаются народы? —
Искать блаженства гдѣ и въ чемъ?
Повсюду пламеннымъ мечемъ
Сѣчетъ обиженная совѣсть
И тлѣютъ, заживо, сердца;
Ни въ чемъ желаннаго конца!
Все недосказанная повѣсть! . . . . . .
Чтожъ мнѣ? . . . . . Подъ ласкою руки
Давно ланита не горѣла:
И въ тусклыхъ сумеркахъ тоски
Младая жизнь моя созрѣла.

Ѳ. Глинка.

КЪ . . .

Не кудри я твои люблю,
Не взоръ очей твоихъ огнистыхъ,
Не станъ твой гибкій я хвалю,
Не замѣчаю, въ думахъ чистыхъ,
Твоихъ ни персей, ни ланитъ . . .
Но чтожъ влечетъ, но чтожъ манитъ,

Когда къ тебѣ любовью дышу? —
Въ тебѣ твою я душу слышу!

Ѳ. Глинка.

О - МУ.

Я не любимецъ Музъ и Грацій;
Но написалъ тебѣ отвѣтъ,
Мой милый юноша - поэтъ,
Такъ называемый Горацій.
Храни любовь къ твоимъ друзьямъ,
Въ стихахъ острись безъ принужденья,
Служи въ минуту вдохновенья
Миѳологическимъ богамъ:
Кто знаетъ ихъ, тотъ знаетъ счастье;
При нихъ увидишь міръ другой,
И съ идеальной красотой
Узришь любовь и сладострастье;
Тамъ Аполлонъ съ вѣнцомъ златымъ,
Тамъ Вакхъ, какъ мудрая Паллада,
Съ благоговѣніемъ святымъ.
Жметъ алый сокъ изъ винограда —
Елей поклонникамъ своимъ.

Въ полутатарскомъ балахонѣ,
Въ Болгарскихъ мягкихъ сапогахъ,
Какъ Аполлонъ на Геликонѣ,
Такъ я высокъ въ моихъ мечтахъ;
Венеры бюстъ та prima Donna,
Стереотипы на столахъ,
И за стекломъ портретъ Байрона
Мои и Музы и друзья;

При нихъ душа моя смѣлѣе,
При нихъ свободенъ, веселъ я,
При нихъ казармы мнѣ милѣе. . . .

Живя одинъ на чердакѣ,
Я болѣ сблизился съ мечтами,
Любуюсь лунными ночами,
Гляжу, какъ мостъ съ его цѣпями
И берегъ съ лодками, съ домами
Дрожатъ, чернѣютъ на рѣкѣ;
Я видѣлъ болѣ, чѣмъ мнѣ надо,
И можетъ большебъ увидалъ,
Когдабъ глупцовъ не убѣгалъ,
Какъ отвратительнаго яда;
Ахъ! разглядѣлъ я, милый мой,
Людей съ ослиными ушами
И журавлиными ногами,
И съ лошадиной головой!
Мнѣ надоѣли ихъ сужденья,
Душа устала, гаснетъ умъ;
И полонъ новыхъ, тайныхъ думъ,
Я весь умру въ уединеньи. . . .

Золотой Рожокъ.

Послѣдніе стихи Лорда Байрона, писанные имъ въ Миссолунги 1824 года Іюля $\frac{22}{10}$ дня.

Пора недвижнымъ сердцу быть:
Оно ужъ двигать перестало;
Давно любви не возбуждало,
Но хочетъ все любить.

Мои уже поблекли дни; —
И въ душу скорби червь вгнѣздился;
Онъ подточилъ въ ней цвѣтъ любви,
И нѣжный цвѣтъ свалился.

И какъ волканъ среди морей,
Такъ пышетъ огнь въ груди моей.
Свѣтильникъ гдѣ имъ воспаленный?
Надъ гробомъ — свѣточь блѣдный!

Надежда, ревности терзанья,
Страхъ, доля адскаго страданья,
Любови мощь — не льзя дѣлить!
Я долженъ цѣпь влачить.

Симъ мыслямъ здѣсь ли духъ смущать,
Гдѣ лавръ чело твое вѣнчаетъ,
Герой, а гробъ твой отличаетъ
Безсмертія печать?

Еллада, слава! мы за васъ
Мечемъ, хоругвью ополчены.
Спартанецъ, на щитѣ рожденный,
Не былъ свободнѣй насъ!

Не спитъ Еллада; духъ, проснись!
Помысли: въ океанъ родной
Какъ жизнь втечетъ; и въ безднѣ той
Тогда ты погрузись!

Попралъ возникши страсти я.
О человѣкъ! къ улыбкѣ ты
Почто не хладенъ красоты
И къ хладности ея!

Жалѣть о юности — страданье!
Завидной смерти здѣсь страна.
На брань, на смерть! ужъ ждетъ она
Принять твое дыханье!

Могилы воина ищи.
Что лучше? не искавъ ее
Находятъ. Избери свое
Ты мѣсто — и засни!

В. М.

Для любопытныхъ сообщается здѣсь и подлинникъ сихъ стиховъ на Англ. языкѣ:

Lord Byron's Latest verses. Messolunghi, Jan. 22, 1824.

„On this day j complete my thirty-sixth year.“

Tis time this heart should be unmoved,
Since others it has ceased to move;
Yet though I cannot be beloved,
Still let me love.
My days are in the yellow leaf,
The flowers and fruits of love are gone,
The worm, the canker, and the grief,
Are mine alone.
The fire that in my bosom preys,
Is like to some volcanic isle,
No torch is kindled at its blaze; —
A funeral pile.
The hope, the fears, the jealous care,
Th'exalted portion of the pain,
And power of love, I cannot share,
But wear the chain.
But'tis not here, it is not here —

Such thoughts should shake my soul; nor now
Where glory seals the hero's bier,
Or binds his brow.
The sword, the banner, and the field,
Glory and Greece around us see;
The Spartan borne upon his shield
Was not more free.
Awake! not Greece — she is awake! —
Awake, my spirit, — think through whom
My life blood tastes its parent lake —
And then strike home!
I tread reviving passions down,
Unworthy Manhood — unto thee
Indifferent should the smile or frown
Of beauty be.
If thou regret thy youth, — why live? —
The land of honourable death
Is here — up to the field, and give
Away thy breath!
Seek out — less often sought than found —
A soldier's grave, for thee the best,
Then look around, and choose thy ground,
And take thy rest.

Изъ книги Miscellaneous Poems of his domestik and other circumstances by Lord Byron. *London*, 1825.

ПРИСТУПЪ КЪ КОНСТАНТИНОПОЛЮ МОГАММЕДА II.

(Изъ Исторіи Греческой Имперіи Ройю.)

Константинъ, желая укрѣпиться на тронѣ союзомъ, который при случаѣ могъ бы быть ему полезенъ, послалъ Францеса на Востокъ чрезъ Понтъ Евксинскій, съ многочисленною свитою изъ дворянъ, нищенствующихъ монаховъ, стихотворцевъ, врачей, комедіантовъ, танцовщиковъ, музыкантовъ. Послу дано было право избрать супругу Константину или во дворѣ Трапезундскомъ, или въ Иверскомъ. Францесъ сообщилъ свои замѣчанія, и была предпочтена дочь Монарха Иверскаго. Два года протекли въ переговорахъ, и когда Принцесса вступила въ Императорскій городъ, то увидѣла жителей его объятыхъ ужасомъ. Народъ былъ уже пораженъ горестными предчувствіями. Онъ оплакивалъ потерю неприятеля, который пощадилъ его, и содрогался при мысли о несчастіяхъ, которыми явно угрожалъ ему наслѣдникъ: Амуратъ умеръ въ началѣ 1451 года и оставилъ корону старшему своему сыну Могаммеду II.

Сей новый Султанъ имѣлъ матерью христіанскую невольницу. Въ молодости онъ былъ ревностный Мусульманинъ. Просвѣщенный лѣтами, говорятъ, онъ въ искреннихъ бесѣдахъ называлъ великаго пророка разбойникомъ и лицемѣромъ. Впрочемъ это не совсѣмъ достовѣрно, и въ обществѣ онъ всегда оказывалъ большое уваженіе къ Алкорану. Учившись у искусныхъ наставниковъ, оказалъ быстрые успѣхи; увѣряютъ, что онъ говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, на Греческомъ, Латинскомъ, Халдейскомъ или Еврейскомъ, Арабскомъ и Персидскомъ. Зналъ Исторію, Географію, и почиталъ себя знатокомъ Астрологіи, что предполагаетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя свѣдѣнія въ Мате-

машикѣ и особенно Астрономіи. Чтеніе жизнеописаній великихъ мужей древности воспламенило его мужество. Оружіемъ его покорены были двѣ Имперіи, двѣнадцать Царствъ и болѣе двухъ сотъ городовъ. Въ немъ добродѣтели были смѣшаны съ гнусными пороками. Въ угожденіе своимъ низкимъ прихотямъ, онъ часто безчестилъ благороднѣйшихъ изъ своихъ плѣнныхъ. Самыя маловажныя причины заставляли его проливать потоки крови во дворцѣ и на войнѣ. Однакожь нѣкоторые сомнѣваются въ истинѣ анекдота о четырнадцати пажахъ, которымъ онъ велѣлъ вскрыть животъ, чтобы узнать, кто изъ нихъ съѣлъ дыню, похищенную изъ сада, который онъ самъ обработывалъ; они также не вѣрятъ повѣствованію объ одной женщинѣ, называвшейся Ириною, которой будто онъ отрубилъ голову собственною рукою, чтобы доказать своему войску, упрекавшему его въ излишней привязанности къ сей любовницѣ, что нѣтъ ни одной, которая могла бы покорить его. Они почитаютъ невѣроятнымъ и то, что будто-бы онъ велѣлъ обезглавить одного невольника, для того чтобъ показать знаменитому живописцу Джентилли Беллино, вызванному изъ Венеціи, движеніе мускуловъ и кожи на шеѣ, отдѣленной отъ туловища. Особенно Вольтеръ, и послѣ него Гиббонъ, вопіяли противъ достовѣрности сихъ поступковъ, конечно весьма необыкновенныхъ, но возможныхъ для деспота и завоевателя, котораго сіи же самые писатели признаютъ жестокимъ и кровожаднымъ. По крайней мѣрѣ въ томъ всѣ соглашаются, что онъ началъ царствованіе убіеніемъ единственнаго законнаго брата, которому было только восемь мѣсяцевъ, по свидѣтельству Дуки. На другой день, если вѣрить словамъ того же автора, онъ вздумалъ отвратить отъ себя подозрѣніе въ семъ злодѣяніи, предавши смерти перваго янычара, который удушилъ сего несчастнаго младенца. Не видно причины такого гнуснаго и вѣроломнаго лицемѣрія.

Невѣроятно, чтобы Императоры Оттоманскіе имѣли помышленіе объ оправданіи себя въ преступленіи, которое при ихъ дворѣ сдѣлалось обыкновеннымъ, и чтобы Могаммедъ почиталъ возможнымъ увѣрить народъ, что убіеніе его брата совершено безъ его воли.

Получивши извѣстіе о смерти Амурата, Константинъ отправилъ пословъ къ Могаммеду для возобновленія союза, заключеннаго съ отцомъ его. Мусульманинъ принялъ ихъ дружелюбно и обѣщалъ во всю жизнь сохранять миръ съ Греками. Въ этомъ клялся онъ именемъ Бога, его пророка, ангеловъ и Алкораномъ. Даже согласился выдавать ежегодную сумму для Оркана (сына Могаммеда I), бывшаго въ Константинополѣ, и сія-то статья договора послужила поводомъ распри, которую онъ вскорѣ началъ съ Греками.

И дѣйствительно, когда Императоръ послалъ къ нему представленіе, что обѣщанная сумма не платится, и началъ угрожать, что вышлетъ Оркана, если будутъ еще медлить въ выдачѣ оной; тогда Великій Визирь Али-Басса, которому поручено было отвѣтствовать, обратился къ нимъ съ негодованіемъ, хотя втайнѣ былъ другъ Грековъ, отъ которыхъ часто былъ щедро одаряемъ; но увидѣлъ себя принужденнымъ говорить согласно съ рѣшеніемъ, принятымъ касательно сего въ Диванѣ. „Глупые и ничтожные Римляне!" сказалъ онъ, „вы не видите опасности, въ которой находитесь. Нѣтъ уже совѣстливаго Амурата; его преемникъ — юноша (*), котораго никакой договоръ, никакое препятствіе не остановитъ. Если Константинополь избѣгнетъ меча его, то благодарите одно Небо. Вы думаете устрашить насъ пустыми угрозами! Выпустите Оркана, объявите его Султаномъ Ро-

(*) Онъ былъ двадцати одного года.

манія, призовите Венгерцовъ, и вѣрьте, что все это только приблизитъ и ускоритъ вашу погибель." Вмѣсто удовлетвореній Константину, Могаммедъ приготовился къ сооруженію крѣпости въ одномъ селеніи, около двухъ миль отъ Константинополя, со стороны Европы, противъ той, которую предокъ его воздвигъ на Азіатскомъ берегѣ. Первыя вѣсти о семъ намѣреніи навели страхъ на Константинополь и его окрестности. Константинъ велѣлъ ему представить, что онъ симъ явно, среди полнаго мира, обнаруживаетъ намѣреніе запереть Латинцамъ входъ въ Черное море, лишить столицу всякой торговли и даже утомить ее голодомъ. Онъ предложилъ, для отвращенія такой опасности, платежъ дани, какую угодно наложить Могаммеду. Сей Государь отвѣчалъ посланнымъ отъ Константина: „Я Константинополя не касаюсь, потому что его стѣны служатъ теперь предѣломъ его Имперіи. Турки занимаютъ весь Востокъ, и имъ-же принадлежатъ западныя земли съ того времени, какъ Греки не могутъ тамъ жить безопасно. Вы забыли, до какой крайности доведенъ былъ отецъ мой, когда вы соединились съ Венгерцами, а они достигли до предѣловъ Ѳракіи, между тѣмъ какъ Латинскія галеры покрывали Геллеспонтъ? Избѣгнувъ опасности, отецъ мой поклялся построить на Западѣ крѣпость противъ той, которая на восточномъ берегѣ. Я долженъ исполнить обѣтъ его. По какому праву вы сему воспротивитесь? Развѣ не въ моей волѣ дѣлать на своей землѣ что мнѣ нужно? Скажите вашему Царю, что нынѣшній Султанъ не таковъ, какъ его предшественники; что онъ безъ труда совершитъ то, чего они предпринять не дерзали, и что онъ съ того кожу сдеретъ, кто осмѣлится еще придти къ нему съ подобною вѣстью."

Сей отвѣтъ сковалъ ужасомъ весь городъ. На улицахъ, на площадяхъ кричали: „Вотъ кто разрушитъ

наши стѣны и поведетъ насъ плѣнниками!" Грозная крѣпость была выстроена. Могаммедъ ввелъ въ нее четыреста человѣкъ съ пушками, и велѣлъ брать пошлину со всѣхъ кораблей, не выключая Греческихъ и Турецкихъ, которые пройдутъ на выстрѣлъ отъ батерей ея. Во время ея сооруженія, одинъ знаменитый литейщикъ, которому Греческій Императоръ давалъ весьма умѣренную пенсію и притомъ худо платилъ ее, предложилъ свои услуги Туркамъ. Могаммедъ принялъ его съ радостію, привязалъ къ себѣ щедростію и велѣлъ ему отлить сколько возможно ужаснѣйшую пушку. Сей литейщикъ, Венгерецъ или Датчанинъ, именемъ Урбенъ, окончилъ въ три мѣсяца въ Адріанополѣ грозное орудіе, которое отъ него требовали, и представилъ бронзовую пушку, бросавшую далѣе мили каменное ядро болѣе шести сотъ фунтовъ вѣсомъ, которое при паденіи углублялось въ землю на шесть футовъ. Нужно было 60 воловъ и 2 мѣсяца времени для перевезенія сей огромной машины черезъ 50 миль. Вольтеръ, который почиталъ себя обладателемъ всѣхъ наукъ, и который, въ своей литтературной гордости, говоритъ Гиббонъ, часто толкуетъ объ Астрономіи, Химіи и пр., — Вольтеръ смѣялся надъ легковѣріемъ Грековъ въ этомъ случаѣ; онъ утверждалъ, что выбросить такое огромное ядро можетъ только большое количество пороха, а такъ какъ это количество вдругъ воспламениться не можетъ, то выстрѣлъ происходилъ прежде, нежели сгарала пятнадцатая его доля, и потому ядро не имѣло большаго дѣйствія. Гиббонъ отвѣчалъ фактомъ на это ученое хвастовство: „Турецкая пушка," говоритъ онъ „огромнѣе Могаммедовой, теперь еще охраняетъ входъ въ Дарданеллы, и хотя употреблять ее не удобно, но недавняя проба доказала, что она дѣйствуетъ чрезвычайно сильно. Тремя стами фунтовъ пороха было выброшено ядро въ одиннадцать центнеровъ (1100

фунтовъ) на разстояніе 600 тоазовъ. Оно раздробилось на три части; сіи отломки перелетѣли черезъ каналъ, поднялись рикошетомъ на противоположную гору, и оставили поверхность моря пѣнистою на всей ширинѣ канала." Одинъ Венеціанской корабль первый испыталъ дѣйствіе ужасной машины Могаммедовой, проходя мимо новой крѣпости; онъ не хотѣлъ опустить флага, и за то былъ разбитъ и потопленъ. Лоцманъ и тридцать матросовъ бросились въ шлюпку; ихъ взяли. Могаммедъ велѣлъ перваго посадить на колъ, а прочимъ отсѣчь головы.

Константинъ, который зналъ честолюбивый характеръ Могаммеда и отъ котораго не могло быть скрыто, что завоеваніе Константинополя положено въ Диванѣ, извѣстилъ объ угрожавшей ему опасности Николая V, преемника Папы Евгенія. Первосвященникъ исходатайствовалъ для Грековъ денежныя пособія отъ Германіи, Польши и Ливоніи. Онъ увѣдомилъ о томъ Императора; между тѣмъ, увѣщавалъ Грековъ присоединиться къ Флорентинскому собору, и предсказывалъ имъ словами Свящ. Писанія, что если смоковница не принесетъ плода чрезъ три года, то будетъ съ корнемъ исторгнута. Состояніе Имперіи позволяло говорить такія пророчества почти навѣрное. Николай ошибся только однимъ годомъ. По просьбѣ Императора, онъ отправилъ къ нему Кардинала, Русскаго Архіерея, для заключенія союза. Государь весьма хорошо его принялъ и согласился (равно какъ часть его придворныхъ и нѣсколько священниковъ) на установленія собора; но никто не сдѣлалъ сего доброхотно, по свидѣтельству Францеса, подписывавшаго договоръ; онъ не выключаетъ даже себя и Государя. Остальная часть Грековъ явно стояла за свое исповѣданіе: священники, монахи, міряне предали про-

клятію всѣхъ, кто согласился на постановленія Флорентинскаго собора. Чернь доходила до послѣдней крайности. Она разсѣялась по кабакамъ, гдѣ осыпала ругательствами всѣхъ приверженцевъ Папы и пила въ честь одной иконы Богоматери, слывшей чудотворною, умоляя ее принять городъ подъ свое покровительство и защищать отъ Могаммеда, какъ уже нѣсколько разъ защищала его въ подобныхъ случаяхъ — прибавляя къ тому, что не нужно ни помощи, ни союза Латинцевъ,

Пока народъ занимался преніями о происхожденіи Святаго Духа и объ опрѣснокахъ, Могаммедъ обезоруживалъ Константинополь, опустошая единственную страну, отъ которой сей городъ могъ ожидать нѣкоторой помощи. Изъ множества провинцій и Государствъ, которыми владѣли Римляне въ первые четыре вѣка Имперіи, у нихъ оставался, кромѣ нѣсколькихъ городовъ въ сосѣдствѣ столицы, одинъ Пелопоннесъ или Морея; да и тамъ многія значительныя мѣста были заняты Венеціянами. Могаммедъ, желая уничтожить даже имя Римлянъ или Грековъ, началъ похищеніемъ у нихъ сего послѣдняго прибѣжища. Онъ отправилъ многочисленное войско въ Пелопонессъ, съ повелѣніемъ совершенно опустошить его. Турки, вступивъ чрезъ Коринескій перешеекъ, взяли и обратили въ пепелъ всѣ города, на которые нападали. При первомъ слухѣ о ихъ приближеніи бѣжали всѣ жители, и Христіане и Могаммедане. Турки, встрѣчая ихъ въ полѣ безъ обороны, объятыхъ ужасомъ, утомленныхъ голодомъ, не удостоивали даже плѣномъ, а умерщвляли безчеловѣчно. Они проникли до древней Мессины, предавая все огню и мечу. Спаслась одна Спарта, будучи ограждена крѣпкими стѣнами. Съ другой стороны, Турки овладѣли на берегахъ Понта - Евксинскаго мѣстами, еще принадлежавшими Императору. Потомъ

приближившись къ Константинополю, они взяли приступомъ замокъ, называвшійся башнею Св. Стефана, а гарнизонъ его весь истребили. Селиврея удерживала ихъ нѣсколько времени; ея жители защищались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Не смотря на то, ихъ городъ былъ взятъ силою, и раздраженный побѣдитель всѣхъ ихъ до послѣдняго предалъ мечу.

Константинъ, ожидая скораго пришествія Турковъ подъ стѣны столицы, не упустилъ ничего для снабженія оной съѣстными припасами и для приведенія ея въ оборонительное состояніе. Онъ созвалъ въ нее всѣхъ поселянъ; но сіе скопище людей безъ дисциплины было слишкомъ слабо передъ безчисленными и пріученными къ брани войсками Могаммеда. Сей Государь велѣлъ всѣмъ своимъ восточнымъ и западнымъ войскамъ собраться къ Марту мѣсяцу въ приморскіе города Геллеспонта, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Сверхъ того нанялъ внѣ Имперіи солдатъ, между Греками, Латинцами, Нѣмцами, Паннонцами, Поляками и Віотянами. Многіе Историки утверждаютъ, что число воиновъ, соединившихся на осаду Константинополя, простиралось до трехъ или четырехъ сотъ тысячь; Францесъ, бывшій очевидцемъ дѣла, уменьшаетъ сіе число до двухъ сотъ пятидесяти осьми тысячь, но и это еще много; ибо издавна замѣчено, что Турецкія войска бываютъ гораздо малочисленнѣе, нежели какъ съ вида кажется (*). Морская сила осаждавшихъ была не такъ ужасна. Между ста двадцатью кораблями, покрывавшими Пропонтиду, было не болѣе осьмнадцати военныхъ. Столица имѣла тогда болѣе ста тысячь жителей, но мало воиновъ. Страхъ заставилъ многихъ удалиться изъ оной. Францесъ, которому Императоръ поручилъ разыскать, сколько

(*) Такъ бываетъ даже и теперь.

гражданъ и монаховъ могутъ или желаютъ поднять оружіе на общую защиту, объявилъ ему, что можно надѣяться только на четыре тысячи девять сотъ семьдесятъ Римлянъ. Государь и Министръ хранили сію печальную тайну. Они вызвали къ себѣ двухъ-тысячный корпусъ иностранцевъ изъ владѣній Генуезскихъ и Венеціанскихъ, подъ начальствомъ Джюстиніани, благороднаго Генуезца. Такимъ образомъ столица, въ тринадцать или даже шестнадцать миль окружностію, противопоставляла всѣмъ силамъ Оттоманской Имперіи только гарнизонъ изъ семи или много осьми тысячь человѣкъ. Безразсудная жадность богачей заставила ихъ отказать Императору и сохранить для Турокъ сокровища, которыми можно бы было пріобрѣсти войска вспомогательныя. Церковныя пренія не охладѣли съ приближеніемъ осады, и даже во время оной; но это не воспрепятствовало Грекамъ, какъ увидятъ, сражаться съ отчаяніемъ. Жители не хотѣли приближаться къ храму Святой Софіи, съ того времени какъ тамъ заключили союзъ съ Римомъ. Фанатизмъ Патріарха простирался до того, что онъ говорилъ, будто желаетъ лучше видѣть въ Константинополѣ тюрбанъ Могаммеда, нежели тіару Папы.

Когда все было изготовлено къ осадѣ, Султанъ явился на мѣсто битвы. Приступъ начался 6 го *Апрѣля*. Чтобы описаніе его сдѣлать болѣе полезнымъ, должно снова представить глазамъ читателя положеніе Константинополя. Мы уже сказали, что сей городъ образовалъ родъ треугольника, обращеннаго основаніемъ къ западу. Вершина его была остроконечная. Въ семъ мѣстѣ находится теперь сераль, открытый на Босфоръ Ѳракійскій. Южная сторона была смежна съ Пропонтидой, а сѣверная омывалась большимъ заливомъ, изъ котораго природа и искуство образовали пристань и великолѣпный водоемъ. Сторона, примы-

кавшая къ материку, была ограждена двойною стѣной, со рвомъ, наполненнымъ водою, которая сообщалась съ Пропонтидою и съ пристанью.

Съ сей-то стороны Могаммедъ велѣлъ раскинуть свою палатку. Онъ расположилъ свои пушки въ четырнадцать батерей, чтобы день и ночь бить въ укрѣпленія на обширномъ пространствѣ, съ юга до сѣвера, отъ позлащенныхъ до деревянныхъ воротъ. Восемь дней сряду осажденные выдерживали ужаснѣйшій огонь. Но артиллерія была еще въ младенческомъ состояніи. Хотя нетерпѣливый Могаммедъ всегда присутствовалъ на батереяхъ, но огромная пушка могла палить только семь разъ въ день. Не смотря на то, раскаленный металлъ разорвало и, говорятъ, убило вылившаго сіе ужасное орудіе истребленія. Замѣчательною особенностію при осадѣ Константинополя служитъ то, что тутъ была соединена новая артиллерія съ древнею; ядра и тараны били одну и ту же стѣну. Жители почитали свой городъ уже назначеннымъ въ жертву жестокому побѣдителю. Императоръ не забывалъ ничего для ободренія ихъ какъ словами, такъ и собственнымъ примѣромъ, трудясь вмѣстѣ съ ними надъ задѣлываніемъ брешей, которыя непріятель открывалъ со всѣхъ сторонъ. Въ помощь себѣ на такую утомительную оборону избралъ онъ Джюстиніани, который предводительствовалъ Генуезцами и Венеціанами и превосходилъ ихъ всѣхъ храбростію и воинскимъ искуствомъ; сдѣлалъ его главнымъ начальникомъ гарнизона, и мѣстомъ дѣйствія назначилъ ему часть стѣны, ближайшую къ дворцу и наиболѣе терпѣвшую отъ непріятеля; онъ послалъ ему грамоту, которою утверждалось за нимъ владѣніе Хіосомъ, въ случаѣ если успѣетъ принудить Турокъ къ снятію осады. Надежда на такую блистательную награду заставила мужественнаго Джюстиніани оказать чудеса храбрости. Осаж-

денные, одушевившись примѣрами Венеціанъ и Генуезцовъ, ободрились, и, имъ предводительствуемые, не страшились никакой опасности. Они сдѣлали нѣсколько удачныхъ вылазокъ, сожгли машины осаждающихъ, открыли ихъ мины, при помощи одного дѣятельнаго Нѣмецкаго инженера, находившагося при Джюстиніанѣ; наконецъ своимъ упорствомъ и смѣлостію удивили Мусульманъ. Но не смотря на то, что Греки брали верхъ во всѣхъ почти мѣлкихъ стибкахъ, сіи самые успѣхи чувствительно ослабляли ихъ, и они скоро увидѣли, что при ихъ малочисленности лучше сохранить одного Христіанина, нежели убить двадцать Турокъ. Посему они ограничились бросаніемъ стрѣлъ съ высоты укрѣпленія. Пушки ихъ, съ которыми обращались искусно, пускали по десяти ядеръ, въ фунтъ вѣсомъ, проникавшихъ сквозь щиты и латы и наносившихъ страшный вредъ осаждающимъ, которые прибѣгали толпами и въ безпорядкѣ ко рву (*). Тѣхъ, которые покушались влѣзть на стѣну въ мѣстахъ, разбитыхъ пушками, осыпали стрѣлами, свергали съ лѣстницъ и потомъ давили огромными камнями. Такія битвы оканчивались только съ наступленіемъ ночи, въ продолженіи которой осажденные трудились надъ закладываніемъ брешей, сдѣланныхъ въ ихъ стѣнахъ. Могаммедъ не могъ понять, какъ возможно такія огромныя работы производить въ такое короткое время.

Скоро новый предметъ возбудилъ его удивленіе. Пять большихъ кораблей, снаряженные въ Хіосѣ, одинъ на счетъ Императора, прочіе иждивеніемъ Генуезцовъ, приблизились къ Константинополю; Могам-

---

(*) Замѣчательно, что пушекъ извѣстнаго калибра не смѣли ставить на стѣны, опасаясь, чтобы сіи послѣднія, по ветхости, не потряслись или не обрушились отъ пальбы.

медъ велѣлъ привести ихъ къ себѣ на берегъ, и отправился туда съ большею частію своей конницы. Весь его флотъ, одушевленный его присутствіемъ, соединился для исполненія его приказанія; но у него было только осьмнадцать крѣпкихъ галеръ, и корабли христіанскіе, еще прочнѣе выстроенные, безъ труда потопили множество мелкихъ судовъ, составлявшихъ остальную часть Турецкаго флота. Это зрѣлище привело Султана въ бѣшенство. Съ пѣною у рта, съ воплями ярости, и самъ не понимая, что дѣлаетъ, онъ погналъ лошадь свою въ море, чтобы удержать бѣгущія галеры, и едва не утонулъ. Христіанскіе пять кораблей, послѣ продолжительной битвы, вошли по благопріятному вѣтру въ гавань, при восклицаніяхъ города, который весь сбѣжался на стѣны во время сего невѣроятнаго дѣла. Могаммедъ, распаленный гнѣвомъ, наполняетъ воздухъ воплями и проклятіями, рветъ на себѣ волосы, призываетъ своего Адмирала, котораго четыре невольника кладутъ на землю и даютъ ему сто ударовъ золотымъ прутомъ, въ пять фунтовъ вѣсомъ, который служилъ ему жезломъ: тутъ бы и умеръ онъ, еслибъ вельможи не умолили Султана, чтобы оставилъ ему жизнь. Могаммедъ, даровавъ ему оную, отнялъ все имущество и отдалъ янычарамъ. Сего Адмирала ненавидѣли матросы, которые, по его скупости, лишались удѣла въ добычѣ. Одинъ изъ нихъ пустилъ ему камень въ голову и вышибъ глазъ.

Потеря, понесенная Султаномъ и простиравшаяся, говорятъ, до 12 тыс. человѣкъ (что, кажется, слишкомъ много), не была единственною причиною его негодованія. Всѣ проломы, сдѣланные въ стѣнахъ его артиллеріею, были безполезны, по дѣятельности осажденныхъ: на слѣдующій день не оставалось уже слѣдовъ ихъ. Другое препятствіе досадовало его еще болѣе: онъ разсудилъ, что не льзя иначе взять го-

родъ, какъ напавши на него съ моря въ то же время какъ и съ суши; и однакожь корабли его не могли войти въ гавань, куда входъ для нихъ былъ заперть двумя огромными цѣпями. Желаніе преодолѣть сіе препятствіе, казавшееся непреоборимымъ, внушило ему предпріятіе очень смѣлое, но не новое, какъ говорятъ нѣкоторые Историки. Онъ началъ проводить дорогу между горами, отъ берега Босфорскаго до конца залива, или до гавани; на пространствѣ полумили гористую почву покрыли еловыми досками, вымазанными саломъ и жиромъ: надлежало обойти предмѣстіе Галату, занятое Генуезцами. Сіи алчные купцы, не надѣясь, что изъ снисхожденія станутъ ихъ тревожить послѣднихъ и даже пощадятъ послѣ истребленія Грековъ, или подвигнутые слѣпымъ желаніемъ одной корысти, не помѣшали работамъ ихъ, между тѣмъ какъ могли бы имъ воспрепятствовать. Въ теченіе одной только ночи сто пятьдесятъ судовъ, разной величины перешли, по свидѣтельству однихъ, двѣ мили, а по другимъ, восемь или даже десять, при помощи многихъ машинъ, изобрѣтенныхъ однимъ ренегатомъ: два лоцмана находились на носу и на кормѣ каждаго корабля; парусы были распущены; барабанные звуки и пѣсни увеселяли работающихъ. Сей флотъ, сначала взобравшись на холмъ, потомъ перешедши равнину, спустился въ гавань, и изумленные Греки не знали, увидѣвъ его тамъ на другой день, вѣрить ли собственнымъ глазамъ своимъ: устрашенный такимъ смѣлымъ поступкомъ народъ хотѣлъ сдаться немедленно, надѣясь тронуть побѣдителя своею покорностію. Твердость Константина воспрепятствовала исполненію сего намѣренія. Его старанія, дѣятельность, рѣчи возставили упадшій духъ ихъ. Всякой желалъ быть назначенъ въ дѣйствіе на мѣстахъ опаснѣйшихъ.

Переправивши флотъ въ гавань, Могаммедъ тотчасъ устроилъ на самомъ тѣсномъ мѣстѣ деревянную

плошину, шириною въ 20 локшей, длиною во 100, и поставилъ на сей пловучей батереѣ одну изъ огромнѣйшихъ своихъ пушекъ, между шѣмъ какъ корабли его приближались къ мѣсшу наиболѣе приступному, съ которaго нѣкогда нападали Лашинцы. Вольшеръ упрекаешъ Христіанъ, за чѣмъ они не воспрепятствовали симъ рабошамъ; покушались на это, отвѣчаетъ Гиббонъ, но батереи Христіанскія сильнѣйшимъ огнемъ непріяшеля принуждены были замолкнуть. Они столько чувствовали свою опасность отъ занятаго Турками положенія, что одинъ храбрый Венеціанинъ предпринялъ намѣреніе сжечь плошину и флотъ Оттоманскій. Сорокъ молодыхъ людей вызвались раздѣлишь съ нимъ славу его предпріятія; они согласились идти на трехъ галерахъ и въ ночномъ мракѣ бросить зажженные факелы въ корабли непріяшельскіе. Одинъ несчастный слуга, Генуезецъ, бывшій свидѣтелемъ предпринятыхъ мѣръ, извѣстилъ о томъ Султана, и три галеры были захвачены въ ту минуту, какъ онѣ приближались къ Турецкому флоту. На другой день, находившіеся на оныхъ были зарѣзаны у городоваго рва. Императоръ, въ отплату имъ, велѣлъ повѣсить на стѣнахъ 260 плѣнныхъ Турокъ.

Окончаніе впредь.

ОБНАРУЖЕННАЯ КЛЕВЕТА.

Китайская сказка (*).

ГЛАВА I.

Добродѣтель — награждена, порокъ — наказанъ:
Вотъ и обнаружилось правосудіе Неба!
Желая вредить другому,
Мы сами себѣ вредимъ.

При нынѣшней династіи Минговъ, въ небольшомъ городкѣ Іунгъ-Кіа, что въ уѣздѣ Вен-чеу, въ области Че-Кіангъ, жилъ

(*) Въ прошедшемъ году, извѣстный Оріенталистъ Абель Ремюза издалъ въ Парижѣ Китайскія сказки, переведенныя на Французской языкъ: онѣ обратили на себя шумное любопытство журналистовъ, книгопродавцевъ, любителей чтенія, — и какъ въ Парижѣ, по старой привычкѣ, отъ всего занимательнаго для публики, въ политикѣ ли, въ изящныхъ ли искусствахъ, или въ чемъ бы ни было, — зараждаются моды: то и Кит. сказки произвели на свѣтъ множество чепцовъ, башмачковъ, браслетъ, подъ титломъ à la Chinoise. — Для насъ Рускихъ сіе изданіе Ремюзы занимательно совсѣмъ по другому отношенію: Кит. сказки имѣютъ большое сходство съ нашими простонародными сказками: та же непринужденность въ слогѣ, та же охота къ подробностямъ и повтореніямъ, такое же лукавство и язвительное простодушіе разскащика. Все это можно неоспоримо доказать, — но неиначе, какъ переводомъ всѣхъ сказокъ изд. Ремюзою: а для такого труда, хотя и благонадежнаго, нѣтъ у меня времени, за многими насущными занятіями. — Впрочемъ нѣкоторымъ доказательствомъ этому можетъ послужить и сказка, предлагаемая теперь читателямъ. Т.

одинъ ученый, по имени Ванъ, по прозванію Кіеи, а чиномъ Вен-гао. — Жена его называлась Ліеу, и пользовалась полною его довѣренностію. Отъ нее имѣлъ онъ дочь, которой не было еще и двухъ лѣтъ въ то время, про которое я хочу говорить. И такъ все семейство состояло изъ ихъ троихъ, да изъ нѣсколькихъ слугъ, или невольниковъ.

Хотя онъ не былъ богатъ, но жилъ-таки порядочно. Однѣ только науки его занимали, и хотѣлось ему поскорѣе дойти до ученой степени, для чего и проводилъ онъ все время въ уединеніи, за книгами, и если оставлялъ работу, такъ развѣ за тѣмъ, чтобъ посѣтить добрыхъ пріятелей, которыхъ было у него немного и съ которыми свелъ онъ знакомство по роду занятій.

Что до госпожи Ліеу, она была образцомъ добродѣтели: умна, расторопна, расчетлива и трудолюбива. Такимъ супругамъ, двумъ скромникамъ, нетрудно было ужиться въ добромъ согласіи и безъ всякихъ споровъ.

Разъ какъ-то послѣ обѣда, — въ исходѣ весны, когда небо совершенно чисто, — два, три пріятеля оторвали господина Ванга отъ его занятій и зазвали прогуляться за городомъ.

Дни мрачные и дождливые, передъ тѣмъ стоявшіе, придавали новый блескъ солнцу, скрывавшемуся уже нѣсколько дней.

Тысячи различныхъ птицъ оживляли и разнообразили рощи.

Множество бабочекъ, кружась надъ головами, увѣнчанными персиковыми листьями, — которые отъ такого зефира колыхались, — довершали украшеніе.

Цвѣты, навязанные на вѣтви, — не успѣвъ еще завянуть, повсюду испещряли сады.

Наконецъ, вся городская молодежь разбрелась по селенію, составляла прекрасное зрѣлище.

Каждый былъ въ радости и предавался ей посреди пировъ.

Вангъ, подъ вліяніемъ весенняго воздуха, также думалъ о томъ, чтобъ повеселиться; сложился онъ деньгами съ товарищами, и всѣ вмѣстѣ осушили по нѣскольку стакановъ вина. Напослѣдокъ они разстались.

Вмигъ, подходя къ своему дому, увидалъ, что у воротъ двое его слугъ сильно спорятъ съ какимъ-то человѣкомъ, у котораго въ рукахъ — корзина съ продажнымъ инбиремъ. Это былъ уроженецъ города Ху-чеу, по имени Лію. Слуги шумѣли на него за то, что дорого проситъ онъ съ нихъ за взятой у него инбирь; разнощикъ съ своей стороны кричалъ, что его обижаютъ. Вангъ, узнавши причину ссоры, обратился къ разнощику: „Тебѣ заплатили сколько надо," сказалъ онъ, „ступай же и не шуми у моихъ воротъ."

Разнощикъ, малой простой и откровенной, отвѣчалъ тотчасъ же: — Намъ ма-

денькимъ людямъ не льзя терпѣть убытку; вамъ должно быть снисходительнымъ и великодушнымъ, и стыдно бы обижать напрасно бѣднаго человѣка. —

При этихъ словахъ Вангъ ужасно разсердился: въ головѣ у него немного шумѣло. „Бездѣльникъ!“ закричалъ онъ, „смѣешь ли ты говорить со мною такъ дерзко? ... и не посмотрѣвъ на то, что разнощикъ человѣкъ старой, Вангъ толкнулъ его со всей силы и сбилъ съ ногъ. Несчастный, — видно, онъ больно былъ ушибенъ — катился по землѣ безъ памяти и безъ чувства.

Человѣкъ исчезаетъ въ мірѣ скорѣй, чѣмъ луна прячется за горы при восходѣ солнца.

Жизнь подобна лампадѣ: — какъ только выгоритъ все масло, тотчасъ погаснетъ.

Не должно никогда сердиться, особенно на людей, которые промышляютъ кой-какой продажей; два или три деньера не стоютъ, чтобъ за нихъ ябедничать. А у насъ, напротивъ, весьма часто видишь слугъ, которые, пользуясь чиномъ и могуществомъ своихъ господъ, оскорбляютъ простой народъ и дѣлаютъ ему притѣсненія, — и тѣмъ они вредятъ чести своихъ же господъ: они впутываютъ ихъ въ дурныя исторіи. Есть однако люди хорошей нравственности, которые строго запрещаютъ это своимъ домашнимъ, и тѣмъ избѣгаютъ подобныхъ непріятностей.

Разумѣется, Вангъ долженъ былъ остеречься, онъ далъ большой промахъ въ этомъ случаѣ; но ужь слишкомъ большое наказаніе потерпѣлъ онъ, какъ узнаете въ послѣдствіи. Какъ только увидѣлъ онъ, что незнакомецъ упалъ къ ногамъ его, — онъ страшно испугался и винные пары тотчасъ изъ головы его вылетѣли. Кинулся онъ въ хлопоты и звалъ на помощь. Мигомъ подоспѣли слуги и отнесли того человѣка, полумертваго, въ залу. Въ немъ не было никакого признака жизни; попробовали влить ему въ ротъ чашку теплаго чаю, — и мало помалу сталъ онъ приходить въ память.

Тогда Вангъ, разсыпаясь передъ нимъ въ учтивыхъ извиненіяхъ, сталъ угощать его самымъ лучшимъ виномъ, и подносилъ ему кушанья для подкрѣпленія силы; а потомъ подарилъ ему цѣлый кусокъ тафты, отъ котораго могъ онъ нажить изрядный барышъ.

Эти ласки тотчасъ обратили старика отъ сердцовъ къ радости, — и онъ извинился, какъ только могъ; послѣ того онъ разпростился и пошелъ поскорѣй до берега рѣки, чтобъ переправиться чрезъ нее, пока ночь его не застигла.

Еслибъ Вангъ предвидѣлъ будущее, онъ удержалъ бы этаго незнакомца и кормилъ бы у себя въ домѣ по крайней мѣрѣ мѣсяца два: такое гостепріимство предохранило бы его отъ бѣды, которая потомъ, какъ мы увидимъ, на него нагрянула. Поступокъ его

даетъ намъ урокъ, выражаемый этой пословицею: *выпустилъ изъ рукъ клубокъ золотыхъ нитокъ, — глядишь! горе тутъ!*

Вангъ лишь только выпроводилъ старика, вошелъ опять въ комнаты, и, вмѣстѣ съ женою, сталъ радоваться, что такъ легко избавились они отъ напасти.

Какъ наступила уже ночь, Госпожа Ліеу назвала слугъ и приказала имъ поскорѣй давать ужинъ. Прежде всего она заставила мужа выпить препорядочный стаканъ подогрѣтаго вина — для разсѣянія страха. Уже онъ немного оправился и отлегло у него отъ сердца, какъ вдругъ послышался стукъ въ двери.

Новымъ страхомъ его обдало. Онъ беретъ лампу и идетъ посмотрѣть, что за причина етой стукотни. У дверей находитъ онъ Чеу-се, хозяина лодки, на которой переправлялись черезъ рѣку: въ рукахъ у него кусокъ тафты и корзина разнощика.

Только лишь увидалъ онъ Ванга, какъ и началъ говорить ему съ видомъ смущеннымъ: „Какое страшное дѣло вы сдѣлали! вы пропадете! Какъ можно ученому человѣку убить разнощика!" Сіи слова были громовымъ ударомъ для бѣднаго Ванга. — Что вы хотите сказать? — спросилъ онъ со трепетомъ. „Развѣ вы не понимаете?" возразилъ Чеу-се; „или вы не узнаете этой тафты и корзины!...." — Очень знаю, — отвѣчалъ Вангъ, — разнощикъ инбиря изъ города Хутчеу приходилъ ко мнѣ сего дня, эту тафту я подарилъ ему; а въ этой корзинѣ

былъ у него товаръ; но какъ вещи сіи попали въ ваши руки? —

„Ужъ была ночь на дворѣ," сказалъ Чеусе, „когда этотъ человѣкъ изъ города Ху-чеу, по имени Ліу, пришелъ къ берегу и просилъ меня перевезти его на другую сторону рѣки. Успѣлъ лишь онъ войти въ лодку, какъ схватила его такая страшная боль въ груди, что онъ доходилъ до отчаянія: тутъ, разсказавши мнѣ, что этому причиной были ваши побои, онъ мнѣ отдалъ и кусокъ тафты и корзину. Они будутъ доказательствомъ," сказалъ онъ, „когда вы, о чемъ я васъ заклинаю! начнете дѣло мое изслѣдывать помощію правосудія; вы немедля отправьтесь въ Ху-чеу увѣдомить моихъ родственниковъ и просить ихъ, чтобъ смерть мою отомстили смертію виновника. Окончивъ сіи слова, онъ . . . тѣло его и теперь еще лежитъ въ лодкѣ, которую я нарочно привелъ поближе къ вашему дому. Вы можете сами во всемъ увѣриться, если хотите принять мѣры для своего спасенія."

Отъ этаго разсказа Вангъ такъ струсилъ, что не въ силахъ былъ сказать ни полслова. Сердце въ немъ билось, какъ въ молодомъ фазанѣ, который, будучи пойманъ въ сѣти, мечется и туда и сюда, не находитъ нигдѣ выхода.

Наконецъ, придя немного въ себя и стараясь скрыть свое смущеніе, — все что вы говорите, правда, — произнесъ онъ съ смѣлымъ видомъ, и тотчасъ же при-

казалъ одному слугѣ своему сбѣгать до лодки и увѣриться въ истинѣ. Слуга какъ не льзя скорѣе вернулся назадъ, и клялся, что мертвое тѣло точно лежитъ въ лодкѣ.

Ванъ былъ человѣкъ не слишкомъ дальновидный. Тотчасъ пошелъ, онъ въ свои комнаты и разсказалъ женѣ все, что слышалъ. „Дѣло кончено,“ говорилъ онъ, „я человѣкъ погибшій! буря надъ моей головою, и одно только средство избѣгнуть несчастія: надо подкупить перевощика, чтобъ бросилъ тѣло куда подальше: вотъ это одно можетъ спасти меня отъ суда!“

Тутъ же досталъ онъ кошелекъ съ серебряными деньгами, въ которомъ было около двадцати таельсовъ, и не мѣшкавъ вышелъ къ перевощику. „Другъ мой!“ сказалъ онъ „я надѣюсь, что вы сохраните мою тайну и все разскажу вамъ откровенно. Дѣйствительно, я замѣшался въ это дурное дѣло; но, по совѣсти признаться, здѣсь больше неблагоразумія, чѣмъ злости; мы съ вами оба изъ Вен-чеу, и я льщу себя надеждой, что навсегда останемся добрыми земляками. Уже ли вы погубите меня за иногородца? Что вамъ пользы? Не лучше ли замять это дѣло? Благодарность моя будетъ равна вашему одолженію. Возьмите, бросьте трупъ куда-нибудь въ отдаленное мѣсто, ночь благопріятствуетъ нашему намѣренію, никто о томъ и не узнаетъ!“

— Да какое же мѣсто мнѣ выбрать? — возразилъ перевощикъ: — можетъ случиться, что завтра же кто нибудь откроетъ нашу тай-

ну и какъ станутъ дѣлать законныя розыски, меня причислятъ сообщникомъ убійства, и я за услугу вамъ самъ также попадусь въ это нехорошее дѣло. —

„Вы знаете," отвѣчалъ Вангъ, „что гробница моего отца отсюда недалеко и что это мѣсто почти никѣмъ не посѣщается. Теперь же ночь чрезвычайно темна, и ни одна душа не встрѣтится намъ на дорогѣ. Потрудитесь перевезти туда тѣло на вашей лодкѣ."

— Мысль хороша! — воскликнулъ перевощикъ; — но чѣмъ вознаградите вы эту услугу? — Тогда Вангъ вынулъ кошелекъ съ деньгами и отдалъ его перевощику. — Какъ можно! — возразилъ сей послѣдній съ видомъ презрѣнія: — дѣло идетъ объ убитомъ человѣкѣ, а вы хотите раздѣлаться такою умѣренной платою? Это мое счастіе, что разнощикъ умеръ въ моей лодкѣ: Небу угодно было доставить мнѣ случай улучшить мое состояніе, — а вы даете мнѣ такъ мало! Воля ваша, вы должны дать мнѣ по крайней мѣрѣ 100 таелъсовъ. —

Вангъ отъ всей души желалъ избѣгнуть суда и побоялся противорѣчить перевощику. Онъ, кивнувъ ему головою, изъявилъ согласіе и въ ту же минуту ушелъ къ себѣ въ комнаты, собралъ тамъ остальныя кой-какія деньги, захватилъ также платья, жемчужныя головныя повязки и другія подобныя вещи и ни мало не мѣшкавъ, возвратился къ перевощику и всячески упрашивалъ его взять все это, увѣряя, что все это стоитъ

около 60 таельсовъ; и что бѣдность не позволяетъ ему дать болѣе.

Чеу-се въ самомъ дѣлѣ, казалось, сталъ снисходительнѣе. — Я не хочу сдѣлать васъ несчастными, — сказалъ онъ, — но надѣюсь, что, такъ какъ вы человѣкъ ученый, то не забудете послѣ хорошенько со мной сквитаться. —

Тутъ только началъ Ванъ дышать свободнѣе. Нѣсколько успокоившись, угостилъ онъ перевощика закуской и въ то же время велѣлъ двумъ слугамъ своимъ приготовить лопаты и кайки. Одинъ изъ нихъ назывался Гу: это былъ настоящій звѣрь; почему его и прозвали тигромъ (Гу); — всѣ они отправились немедленно, и причаливъ къ берегу, на которомъ было кладбище, выбрали мѣсто самое рыхлое. Вырыли яму и закопали туда тѣло. Потомъ тѣмъ же путемъ поплыли они проворно домой.

Эта работа заняла ихъ почти всю ночь и вернулись они ужъ на разсвѣтѣ. Для перевощика былъ приготовленъ завтракъ, послѣ котораго онъ скоро разпрощался. Ванъ отпустилъ слугъ спать, а самъ пошелъ въ комнаты жены раздѣлить съ нею свою кручину. „Возможно ли!" воскликнулъ онъ, „участь человѣка ученаго и старинной фамиліи должна зависѣть отъ негодяя?" Тутъ залился онъ горючими слезами.

Жена старалась утѣшить его въ горести. „За чѣмъ печалиться," говорила она „ужъ таковъ нашъ жребій, уже судьбою было опредѣлено, намъ потерпѣть горе и заплатить

за него такъ дорого. Чѣмъ роптать, благодарите лучше Небо, что Оно спасло насъ отъ совершеннаго несчастія. Думайте о томъ, какъ бы успокоиться послѣ такихъ трудовъ и безпокойствъ, какія перенесли вы цѣлую ночь, — вамъ это нужно!" — Вангъ послушался жены и легъ въ постелю.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Вангъ увидѣлъ, что дѣло совершенно забыто, и накупивъ жертвоприношеній, принесъ ихъ богамъ и своимъ предкамъ.

А перевозчикъ продалъ свою лодку и, на деньги ученаго завёдя лавку, пустился въ торговлю.

Стало быть, этотъ ученой не такой большой смышлености; засыпавъ деньгами ротъ перевозчику, — чтобъ бы ему накласть въ лодку побольше сухаго хворосту, да и сжечь вмѣстѣ съ трупомъ! Не осталось бы никакихъ слѣдовъ и были бы предупреждены всѣ розыски. Вмѣсто того, онъ затѣялъ похороны. Онъ сдѣлалъ не лучше, какъ еслибъ, скашивая въ огородѣ негодныя растѣнія, не тревожилъ ихъ корень: съ весною они опять пойдутъ въ ростъ и надѣлаютъ тѣ же хлопоты; хорошій хозяинъ вырываетъ ихъ вонъ съ корнемъ; и тогда стоитъ только прибить ихъ первому утреннику, тамъ они ужь вѣкъ не разростутся.

Весьма справедливо говорится: *счастье ходитъ пѣшкомъ, несчастье мчится на почтовыхъ*. Дочери Ванга, о которой я упоминалъ ужь, пошелъ третій годъ, какъ

вдругъ напала на нее самая злая оспа. О здравіи ея и молитвы творили, и ворожили, и совѣтовались съ лучшими лѣкарями: все было понапрасну. Отецъ и мать цѣлые дни проводили въ слезахъ у постели малютки; наконецъ дошелъ до нихъ слухъ, что есть въ городѣ нѣкто Синъ, врачь весьма искусный на подобныя болѣзни — и вылѣчивалъ онъ даже и такихъ дѣтей, въ жизни которыхъ ужъ отчаялись. Вангъ написалъ къ нему пригласительное письмо самое вѣжливое, и отдавъ его слугѣ своему Гу, приказалъ отнести какъ можно проворнѣе. Ожидая лѣкаря, онъ считалъ каждую минуту. Между тѣмъ малюткѣ все дѣлалось хуже, да хуже, кой-какъ продышала она до третьяго дня, — тутъ дыханіе сдѣлалось труднѣе, и она отдала послѣдній вздохъ среди слезъ и стоновъ своихъ отчаянныхъ родителей.. . . . .

Гу вернулся домой, ужь на другой день по полудни, и принесъ онъ въ отвѣтъ, что врача не засталъ дома, и прождалъ его цѣлыя сутки по пустому. При такомъ отвѣтѣ горесть растроганнаго отца увеличилась. „Такъ вотъ судьба моей дочери!" воскликнулъ онъ: „я лишенъ счастія пособить ей искусствомъ такого славнаго врача!" — и говоря сіи слава, горько онъ плакалъ.

Спустя нѣсколько дней, обнаружилось, черезъ разговоры слугъ, что Гу, вмѣсто того, чтобъ исполнить свое порученіе, прогулялъ все время въ питейномъ домѣ, и будучи на веселѣ, потерялъ письмо къ лѣка-

рю, а все, что разсказалъ онъ, возвратясь домой, выдумалъ, отрезвившись, въ свое оправданіе.

Узнавъ объ этомъ, Вангъ въ страшномъ гнѣвѣ зоветъ другихъ слугъ, „Скорѣй" кричитъ онъ „возмите этаго бездѣльника, разложите на землю и задайте ему пятьдесятъ палокъ самыхъ горячихъ!" — Послѣ наказанія, произведеннаго въ его присутствіи, ушелъ онъ въ свои покои съ сердцемъ, стѣсненнымъ горестію.

Слуга едва поднялся и, весь избитый, черезъ силу дотащился до своей комнаты. Тамъ, въ бѣшенствѣ, стучалъ себя въ грудь кулакомъ, какъ отчаянный, и вопіялъ: „Варваръ! твоя жестокость дорого тебѣ обойдется! не уйдешь ты отъ моего мщенія!" — Потомъ, подумавъ съ минуту, „мнѣ недалеко искать случая," продолжалъ бѣснующійся, „онъ у меня въ рукахъ и не увернется; дай только поджить моимъ ранамъ, ты увидишь, что я могу сдѣлать, ты узнаешь, какъ говоритъ пословица: колодезь ли ходитъ въ бадью, или бадья въ колодезь!"

Вангъ между тѣмъ былъ неутѣшенъ и вполнѣ предавался своей горести. Наконецъ родные и друзья приступали къ нему, за чѣмъ онъ ихъ не посѣщаетъ; — и мало помалу осушили его слезы и разсѣяли печаль.

Въ одинъ день, возвратясь домой, прохаживался онъ по залѣ; вдругъ отворяетъ двери толпа полицейскихъ; они прямо под-

ходятъ къ нему и накидываютъ ему веревку на шею. „Что это значитъ?“ вскричалъ испуганный и изумленный Вангъ: „какъ вы не знаете, что я ученый? Я изъ числа ученыхъ! обходятся ли такъ съ людьми моего званія! и что за причина?...“

Полицейскіе насмѣшливо отвѣчали: — Хорошъ ученый! Мандаринъ докажетъ, идетъ ли ученому душегубничать! — Въ ту же минуту потащили его въ судилище, гдѣ сей чиновникъ чинилъ судъ и расправу. Едва только уставили его на колѣна, какъ въ недальнемъ разстояніи отъ себя примѣтилъ онъ слугу своего Гу, на лицѣ котораго замѣтна была тайная радость при видѣ господина въ униженіи и замѣшательствѣ. Тутъ догадался Вангъ, что обвинялъ его собственной рабъ въ отмщеніе за понесенное имъ наказаніе.

Мандаринъ началъ свой допросъ: „Васъ обвиняютъ въ убійствѣ разнощика изъ города Ху-чеу; что вы на это скажете?“ — Ахъ, милостивѣйшій судья! — отвѣчалъ Вангъ: — вы для насъ правосудное Небо! не вѣрьте клеветѣ этаго негодяя. Возьмите въ соображеніе, можно ли ученаго и притомъ такого, какъ я, робкаго и слабаго, подозрѣвать въ дракѣ и въ убійствѣ человѣка! Меня обвиняетъ мой собственной слуга, котораго я наказалъ по праву господина за тяжкую вину его; онъ рѣшился погубить меня; но я надѣюсь на ваше безпристрастіе, на вашу прозорливость: вы

не принеше донеса слуги на господина и обнаружише его коварство. —

Гу, ударившись лбомъ объ полъ, возразилъ: „Милостивѣйшій судья! вы для насъ правосудное Небо! Я васъ заклинаю, не вѣрьте тому, что говоритъ этотъ ученый: онъ великій мастеръ притворяться. Если слуга провинится и его за то накажутъ,— тутъ ничего нѣтъ необыкновеннаго, и ни видано, ни слыхано, чтобъ такой слуга сталъ выдумывать уголовное обвиненіе. Но вы можете удостовѣриться. Трупъ убитаго разнощика схороненъ на кладбищѣ: прикажите его вырыть; коли онъ точно найдется тамъ, значитъ, что я говорю правду; коли не найдется, — я буду ябедникомъ, и тогда прикажите наказать меня какъ не льзя строже по законамъ."

Мандаринъ въ самомъ дѣлѣ на это согласился. По приказанію его, стража отправилась на кладбище, въ сопровожденіи слуги, который, какъ не льзя тверже, запомнилъ мѣсто, гдѣ положенъ трупъ. Выкопали его: — это былъ ужь почти остовъ, — и понесли на носилкахъ въ судилище. Мандаринъ, приподнявшись со стула и посмотря на трупъ, сказалъ: „Въ преступленіи нѣчего сомнѣваться." — Ванга ужь повели было къ пыткѣ, какъ началъ онъ просить, чтобъ выслушали его хоть одну минуту.

„Это мертвое тѣло," говорилъ онъ, „почти все истлѣло и стало ужь остовомъ: это одно доказываетъ, что убійство сдѣлано не недавно. Положимъ, еслибъ я былъ

виноватъ въ убійствѣ, за чѣмъ же мой обвинитель ждалъ именно нынѣшняго дня для своего доноса? Развѣ не можетъ статься, что Гу сыскалъ этотъ остовъ, кто знаетъ гдѣ, для подтвержденія своей клеветы и чтобъ ужь погубить меня, такъ сказать, громовымъ ударомъ?"

— И то можетъ статься! — промолвилъ Мандаринъ. Но Гу возразилъ тотчасъ же: „Не спорю, что передъ вами трупъ человѣка, убитаго назадъ тому годъ. Привязанность къ господину удерживала доселѣ слугу, — и трудно слугѣ быть обвинителемъ! Сказать по правдѣ, я и не думалъ быть обвинителемъ, но рѣшился причинить вредъ моему господину, которому я преданъ былъ сердечно. Все надѣялся я, что авось со временемъ перемѣнитъ онъ свою вспыльчивость и горячность. Но какъ началъ онъ становиться день ото дня злѣе, я и сталъ бояться, увлечетъ онъ когда-нибудь меня съ собою въ погибель: это-то вынудило меня объявить все суду, — хоть бы надобно было сдѣлать то гораздо прежде. Но коли вы и теперь еще сомнѣваетесь, — такъ призовите сюда сосѣдей и спросите ихъ: всякой изъ нихъ объявитъ, что въ прошедшемъ году, такого-то мѣсяца, такого-то числа, Вангъ точно убилъ человѣка. Ужь это самое лучшее средство узнать, кто изъ насъ двоихъ говоритъ правду."

— И это очень дѣльно! — замѣтилъ Мандаринъ: — скорѣй созовите сюда сосѣдей Ван-

га. — Они собрались, и сдѣланъ былъ имъ вопросъ: знаютъ ли они объ убійствѣ, о которомъ идетъ дѣло. „Точно, отвѣчали сосѣди: въ прошедшемъ году, такого-то мѣсяца, такого-то числа, Вангъ сильно поколотилъ одного разнощика инбиря; были слухи, что онъ умеръ чрезъ нѣсколько времени, но потомъ онъ опять явился, и мы не знаемъ, что съ нимъ послѣ того было!" — При такомъ свидѣтельствѣ сосѣдей Вангъ поблѣднѣлъ замѣтнымъ образомъ и сталъ въ своихъ отвѣтахъ то противорѣчить, то путаться.

— Не къ чему больше дѣлать расспросовъ, — заключилъ наконецъ Мандаринъ; — вы обличены въ убійствѣ, но никогда не сознаетесь, если не употребимъ мѣръ строгихъ. — И приказалъ онъ дать Вангу палокъ.

Въ ту же минуту два сторожа судилища, громко прокашливаясь въ знакъ своей поспѣшности, схватили ученаго, разложили его на землю и весьма усердно отсчитали ему двадцать ударовъ палками. Это было слишкомъ много для ученаго, здоровьемъ слабаго и нѣжнаго. Отъ страха, чтобъ не наказали его жесточе, онъ, не запинаясь, объявилъ все, чего отъ него хотѣли.

Мандаринъ, составляя протоколъ, — „хоть и нѣтъ сомнѣнія," говорилъ, „что ты заслуживаешь смерть, но поелику родственниковъ убитаго въ судѣ не оказалось и казнію твоею спѣшить не для чего, то подождемъ, пока кто-нибудь признаетъ убитаго своимъ родственникомъ, — тогда я опредѣлю тебѣ родъ наказанія."

Ванга отвели въ тюрьму, а остовъ опять закопали въ прежнюю могилу, строго запретивъ жечь его, дабы можно было показать и отдать его родственникамъ, въ случаѣ, если бы они явились просить правосудія.

Присутствіе кончилось, и Мандаринъ ушелъ домой. Гу былъ очень доволенъ успѣхомъ своего доноса и не могъ душою нарадоваться, вспоминая, какъ отсчитывали удары его господину. — Другіе слуги Ванга, будучи женою его присланы въ судилище, побѣжали увѣдомить ее обо всемъ, что видѣли.

При такой новости она упала въ обморокъ и долго оставалась въ этомъ положеніи, словно всѣ три души изъ нея вонъ! Потомъ, опамятовавшись немного, она весь кварталъ заглушила стонами и воплемъ, которые сопровождались притомъ ужасными судорогами. Насилу пришла она въ чувство, при помощи служанокъ. *Любезный супругъ!* закричала она, — и болѣе ничего не могла выговорить. Крикъ и стенанія начались снова и продолжались около двухъ часовъ.

Какъ прошелъ этотъ припадокъ горести, она собрала кой-какія деньги и переодѣлась. Потомъ, приказавши одной служанкѣ идти за нею; а другой впереди ея, перешла черезъ весь городъ, и очутилась у воротъ тюрьмы. Какъ увидали другъ друга мужъ и жена, — оба изумились такъ, что не могли произнести ни слова.

Наконецъ Вангъ опомнился, и заливаясь слезами говорилъ: „Любезная супруга! извергъ Гу ввергнулъ меня въ эту пропасть несчастія!" Госпожа Ліеу пустилась осыпать проклятіями етаго злодѣя; потомъ вынула деньги и отдала ихъ мужу. — Вотъ вамъ, — сказала она, на подарки привратнику и часовымъ, чтобъ они обходились съ вами милостивѣе. — . . . . . Ночь заставила ихъ разстаться.

Госпожа Ліеу пошла въ глубокой горести, и не легко было у ней на сердцѣ. Вангъ не замедлилъ одарить привратника и часовыхъ, и потому онъ былъ избавленъ отъ плетей и палокъ, которыя обыкновенно достаются арестантамъ; но чрезвычайно мучился онъ тѣмъ, что былъ окруженъ разнаго сорта бездѣльниками и что долженъ умереть смертію ужасною и позорною.

Ужь мѣсяцовъ пять велъ онъ горькую жизнь въ тюрьмѣ, — какъ вдругъ сдѣлался онъ жестоко боленъ. Искусство лѣкарей и лѣкарства ни чего ему не помогали, и самъ онъ видѣлъ, что жить ему не долго. Въ тотъ день, какъ ужь совсѣмъ отчаялись въ его жизни, — пришелъ навѣдаться о немъ слуга его. Лишь только примѣтилъ Вангъ слугу, „вернись проворнѣе домой," сказалъ онъ ему, „скажи твоей госпожѣ, что я умираю и пусть поспѣшитъ она, если хочетъ, видѣться со мною въ послѣдній разъ."

Не успѣлъ еще слуга всего пересказать госпожѣ Ліеу, какъ она уже въ отчаяніи вышла изъ дому и явилась въ тюрьмѣ, гдѣ

при взгляде на жалкое состоянiе мужа залилась горючими слезами. Тогда Ванг, сколько могъ, собрался съ силами. „Любезная супруга! судьбѣ угодно, чтобъ бѣдный мужъ твой впалъ въ такое несчастiе и чтобъ покрылъ стыдомъ свою мудрую и добродѣтельную супругу. Болѣзнь моя ежеминутно усиливается! Но я тебя вижу, другъ мой! и умираю спокойно. Только объ одномъ прошу, — чтобъ клеветникъ — слуга твой, не остался безъ наказанiя; изъ того свѣта я буду заклинать тебя о мщенiи!“

Госпожа Лiеу удерживалась отъ слезъ, чтобъ еще больше не опечалить мужа. — Оставьте, — говорила она — эти рѣчи; думайте только о своемъ спокойствiи и о лѣкарствахъ, которыя бы могли помочь вамъ. До сихъ поръ не явилось никого, кто бы принялъ участiе въ дѣлѣ, за которое вы страдаете въ тюрьмѣ; и я рѣшаюсь продать всѣ наши земли, нашъ домъ и все, что имѣемъ, чтобъ только освободить васъ и жить потомъ долгое время вмѣстѣ. А невѣрнаго раба вашего праведное Небо накажетъ: вы непремѣнно будете отомщены безъ всякихъ вашихъ о томъ старанiй. —

Вангъ отвѣчалъ: „Видя таковую заботливость обо мнѣ супруги, я считаю остатокъ дней моихъ драгоцѣннымъ даромъ Неба!“ . . . Онъ хотѣлъ продолжать; но супругу его попросили удалиться, потому что уже приближалась ночь.

Тушъ-то обнаруживалась горесть, до того ею скрываемая. Вся въ слезахъ, она пришла домой и засѣла одна въ комнату размышлять о несчастіи и печальномъ положеніи своего мужа. Тѣмъ временемъ слуги сидѣли въ передней и толковали между собой о всякой всячинѣ; вдругъ входитъ къ нимъ человѣкъ, ужъ пожилой, съ узломъ въ рукѣ, и спрашиваетъ, дома ли господинъ ихъ.

Лишь только взглянули они на этаго незнакомца, какъ всѣ въ голосъ закричали: *МертвецЪ! МертвецЪ!* и пустились бѣжать, куда попало. Они узнали въ немъ разнощика имбиря, уроженца изъ города Ху-чеу, по имени Ліу. Онъ, видя такой страшной испугъ служителей, поймалъ одного за руку. „Съ ума вы сошли, что ли?“ сказалъ онъ: „я пришелъ съ подарками къ вашему господину, а вы принимаете меня за усопшаго.“

Госпожа Ліеу, услышавъ шумъ въ передней, выходитъ посмотрѣть, что̀ сдѣлалось. Доброй старикъ кланяется ей весьма учтивымъ образомъ.

„Сударыня!“ говоритъ онъ, „вы конечно не забыли старика Ліу, торгаша имбиремъ изъ города Ху-чеу. Я-то онъ и есть; я еще помню объ угощеніи вашего супруга и о бѣлой тафтѣ, что̀ ему угодно было подарить мнѣ. Оставивъ васъ, я возвратился въ Ху-чеу. Вотъ уже года полтора, какъ по промыслу моему все разъѣзжалъ я по разнымъ мѣстамъ; наконецъ теперь опять въ вашемъ благородномъ городѣ, и привезъ

изъ своей родины чей-ланихъ безделушекъ, которыя осмѣливаюсь поднесть вамъ въ подарокъ. Не понимаю, почему слуги ваши принимаютъ меня за пришлеца съ того свѣта.“ Одинъ слуга, прижавшійся къ углу залы, закричалъ тотчасъ: — „Сударыня! не слушайте его; видно, онъ знаетъ, что вы старались освободить господина изъ тюрьмы, и пришелъ въ человѣческомъ образѣ, чтобъ запутать дѣло и погубить всѣхъ насъ. —

Госпожа Ліеу велѣла слугѣ замолчать и обратила рѣчь къ нежданному гостю: „По всему, что вижу, и по словамъ вашимъ я увѣрена, что вы не пришлецъ съ того свѣта; но знаете ли, что супругъ мой въ несчастіи и страдаетъ именно отъ васъ.“

Доброй Ліу былъ изумленъ такимъ отвѣтомъ. — Какъ возможно — сказалъ онъ, — чтобъ противъ моей воли я могъ причинить хотя малѣйшее зло такому честному человѣку! — Тогда госпожа Ліеу разсказала ему все, что сдѣлалъ перевощикъ Чеу-се. „Онъ подъѣхалъ на лодкѣ къ самому нашему дому,“ говорила она, „и въ лодкѣ лежало у него мертвое тѣло; вашу корзинку и шапку, что вы отъ насъ получили, принесъ онъ къ намъ и увѣрялъ, будто вы, умирая, отдали ему для доказательства, что васъ убилъ мой мужъ. Мы задарили деньгами этаго перевощика, чтобъ утаилъ онъ убійство, перевезъ тѣло и похоронилъ. Ужъ спустя годъ, Гу пошелъ донести судьѣ на своего господина. Стали мужа моего пытать, и онъ во всемъ признался; наконецъ взяли

его въ тюрьму, гдѣ онъ [illegible] уже пятой мѣсяцъ страдаетъ. . . . . .

Ліу сильно билъ себя въ грудь. — Ахъ, сударыня, — кричалъ онъ — тяжкая грусть мной овладѣла! Есть же подъ небомъ люди, способные на такое черное дѣло! Когда я распрощался съ вами въ прошедшемъ году, я пошелъ прямо къ лодкѣ, чтобъ переправиться черезъ рѣку. Перевощикъ, видя на мою бѣлую шапку, спросилъ, откуда я получилъ ее. Я нимало не подозрѣвалъ его въ дурномъ намѣреніи, и разсказалъ ему откровенно, какъ былъ избитъ вашимъ супругомъ, какъ нѣсколько времени держалъ онъ меня въ безпамятствѣ, какъ наконецъ онъ обласкалъ меня и подарилъ шапкою. Перевощикъ сталъ торговать у меня шапку — и я продалъ; и бамбуковую корзину выпросилъ онъ у меня за перевозъ черезъ рѣку. Можно ли было подумать, что онъ употребитъ это все на такую хитрость! — „Еслибъ вы не пришли сюда, другъ мой!" отвѣчала госпожа Ліеу, „я сама бы до сей поры не была увѣрена, что доносъ на моего супруга есть клевета. Но гдѣ же могъ онъ достать это мертвое тѣло, которое сочли вашимъ?" Ліу задумался на минуту. — Помню! — сказалъ онъ, — какъ я былъ на лодкѣ и разсказывалъ перевощику мою исторію, не вдалекѣ у берега рѣки, я замѣтилъ, плыло мертвое тѣло. Я посмотрѣлъ на него пристально, и подумалъ: вѣрно это тѣло утонувшаго по неосторожности. Кому бы пришло въ голову, что перевощикъ

замышлялъ въ то время такое дьявольское дѣло. Гнусное чудовище! . . . Но, сударыня, намъ времени терять не надобно: примите отъ меня, сдѣлайте одолженіе, этотъ небольшой подарокъ и теперь же пойдемте вмѣстѣ къ Мандарину; я удостовѣрю его въ клеветѣ; я выручу вашего супруга. Опоздаемъ, такъ тогда уже будетъ это труднѣе. — Госпожа Ліеу приняла подарокъ и приказала дать пообѣдать доброму старику Ліу.

Между тѣмъ въ это время она сама написала челобитную: она была родомъ изъ фамиліи ученыхъ, такъ и писала очень бѣгло. Послѣ того, приказавъ подать носилки, она отправилась въ домъ Мандарина, — съ нѣсколькими слугами и въ сопровожденіи старика.

Лишь только сей судья возсѣлъ на свой судейской стулъ, — и тотъ и другая закричали: „Невинность обвинена клеветою!" и въ тужъ минуту госпожа Ліеу представила свою челобитную. Мандаринъ, прочитавши, подозвалъ госпожу къ себѣ и сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ; она изъяснила, какъ не льзя подробнѣе, всю исторію своего мужа и кончила тѣмъ, что вотъ нынѣшній день, по случаю благополучнаго прибытія разнощика въ городъ, она увѣрилась въ ужасной клеветѣ, и проситъ въ челобитной своей правосудія.

Мандаринъ, выслушавъ ее внимательно, подозвалъ къ себѣ Ліу для допроса въ его очередь. Этотъ разсказалъ начало и конецъ

ссоры, въ которой онъ былъ побитъ, изъяснилъ, какимъ образомъ продалъ онъ шапку и отвѣчалъ на всѣ заданные ему вопросы. „Но," воскликнулъ Мандаринъ, „не деньгами ли подкупили васъ, чтобъ явиться въ судъ съ этимъ свидѣтельствомъ?" Ліу, стукнувшись лбомъ въ землю, отвѣчалъ: — Такое притворство не возможно; я купецъ изъ Ху-чеу, торгую въ етомъ городѣ многіе годы, меня знаетъ большая часть жителей. Какъ мнѣ можно солгать? Еслибъ была правда, что я умеръ, какъ разсказываютъ, уже либъ, чувствуя себя при смерти, не попросилъ я перевощика сходить позвать ко мнѣ моихъ знакомыхъ и не поручилъ бы имъ отыскать правосудія? Статочное ли дѣло, чтобъ я далъ ето порученіе незнакомому человѣку? Да еслибъ я въ самомъ дѣлѣ умеръ, у меня въ городѣ Ху-чеу есть родные; увидѣвъ, что я такъ долго не возвращаюсь къ нимъ, они вѣрно бы пріѣхали сюда разпознать, что со мною сдѣлалось? Былъ бы я убитъ, — развѣ не они бы стали жаловаться вамъ? Какъ же сдѣлалось, что въ цѣлой годъ ни кто не явился, и вмѣсто моихъ родственниковъ, чужой слуга принесъ обвиненіе на своего господина? Я только сего дня возвратился въ вашъ городъ и потому не могъ прежде знать объ етой гнусной клеветѣ. Я и не желалъ ни сколько зла этому несчастному ученому; но какъ онъ терпитъ за меня, такъ мнѣ и не льзя равнодушно смотрѣть на обвиненіе его понапрасну: и одна эта

причина привела меня къ ногамъ вашимъ. Покорнѣйше прошу, прикажите сдѣлать слѣдствіе обо всемъ, что до меня касается: это очень не трудно. —

„Такъ вы извѣстны здѣсь многимъ,“ сказалъ Мандаринъ; „назовите мнѣ кого нибудь, кого бы я могъ допросить.“ — Ліу назвалъ человѣкъ десять. Мандаринъ записалъ имя каждаго изъ нихъ, но выбралъ только четырехъ послѣднихъ и тотчасъ послалъ за ними.

Когда вошли они въ залу, всѣ замѣтили, что они, лишь увидѣвъ старика Ліу, заговорили между собою: „Смотрите-ка, вѣдь это нашъ старой пріятель Ліу, изъ города Ху-чеу; стало быть онъ не умеръ, какъ говорили.“ — Мандаринъ подозвалъ ихъ къ себѣ поближе, чтобъ лучше могли они всмотрѣться въ Ліу. „Обморочили намъ глаза, что ли?“ вскричали они; „нѣтъ! это онъ самый! именно тотъ самый продавецъ инбиря, про котораго пронесся слухъ, будто убитъ онъ ученымъ Вангомъ.“

Мандаринъ началъ увѣряться въ истинѣ и сталъ требовать отъ нихъ показаній законнымъ образомъ. Послѣ того приказалъ онъ имъ удалиться, запретивъ, подъ опасеніемъ быть больно высѣченными, ни съ кѣмъ не заговариваться о томъ, что видѣли. Они дали слово молчать и вышли вонъ изъ судилища.

Не теряя времени, Мандаринъ отдалъ приказъ кой-кому изъ своихъ подчиненныхъ,

чтобъ они тайкомъ освѣдомились о мѣстѣ жительства перевощика Чеу-се и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ заманили бы его въ судилище, и такъ притомъ искусно, чтобъ онъ ни чуть не заподозрѣлъ о настоящей нуждѣ въ немъ, и слугу Гу, который первый завелъ доносъ, также бы отыскали, и ихъ обоихъ привели бы въ судилище въ полдень. Чиновники крикнули въ знакъ поспѣшнаго повиновенія и тотчасъ же разошлись по разнымъ частямъ города.

Между тѣмъ Госпожа Ліеу, которой также, вмѣстѣ со старикомъ Ліу, приказано было явиться къ тому времени въ судилище, пошла въ тюрьму и разсказала мужу все, что случилось. Тотъ восхитился отъ радости: можно было подумать, что ему налили на голову самой лучшей цѣлительной бальзамъ, или что самой сладкой росою брызнули ему на сердце, и куда болѣзнь его дѣвалась! . . . .

„Я сердитъ только на моего подлаго слугу," говоритъ онъ; „это настоящее чудовище! человѣка злѣе его не найдете! Но перевощикъ и его чернѣе душою. Можно ли до такой степени простирать подлость! Не явись этотъ добрый старикъ, я бы умеръ, и не подозрѣвая, что умираю за подложное преступленіе. Да истина выйдетъ наружу."

ГЛАВА II.

Госпожа Ліеу не замедлила предстать въ судилище вмѣстѣ съ старикомъ Ліу, котораго передъ тѣмъ славно угостила въ сво-

емъ домѣ. Привели туда и перевощика Чеу-се: онъ, позабывъ о своей лодкѣ, торговалъ ужь въ лавкѣ полотнами. Чиновники увѣрили его, что начальникъ ихъ хочетъ купить у него большой запасъ полотна: такъ онъ и пришелъ съ видомъ, какъ не льзя довольнѣе. Но правосудіе Неба готово было обнаружиться.

Въ то время, когда менѣе всего ожидалъ онъ чего и посматривалъ на обѣ стороны такими умильными глазами, вдругъ увидалъ онъ старика Ліу. — Въ ту жь минуту отъ дѣйствія совѣсти, котораго преодолѣть онъ былъ не властенъ, — уши его налились кровью. Старикъ Ліу сказалъ ему громкимъ голосомъ: „Что, господинъ перевощикъ! хорошо ли поживаете съ тѣхъ поръ, какъ я продалъ вамъ кусокъ бѣлой тафты и корзинку бамбуковую? Каково идетъ вашъ промыселъ?"

При этихъ вопросахъ Чеу-се потупилъ голову и не отвѣчалъ ни слова: лице его вдругъ измѣнилось и походило на кору засохшаго дерева. Въ то же время привели Гу. Этотъ несчастный послѣ того, какъ измѣнилъ господину и думалъ не возвращаться въ домъ Ванга, жилъ гдѣ-то на сторонѣ такъ, какъ будто ужь не былъ болѣе слугою. Въ этотъ самый день онъ пришелъ въ городъ, чтобъ повидаться съ своею роднею. Полицейскіе лишь его встрѣтили „мы ищемъ тебя," сказали ему „сегодня будутъ судить твоего господина; родственники убитаго настаиваютъ скорѣй

окончить дѣло: и такъ какъ ты обвинитель, — только одного тебя и ждутъ, чтобъ приговорить ученаго къ казни — онъ ее и стоитъ за свое преступленіе!“ Гу самъ себя не помнилъ отъ радости, пошелъ съ полицейскими въ судилище и сталъ на колѣни у Мандаринова стула. Мандаринъ, увидавши его, спросилъ: „Знаешь ли ты этаго человѣка?“ и показалъ ему пальцомъ на старика Ліу. Гу, посмотрѣвъ на него, пришелъ въ такое удивленіе и такъ смутился, что не могъ и пикнуть.

Мандаринъ, видя замѣшательство и смущеніе сихъ двухъ бездѣльниковъ, позадумался минуты на двѣ; потомъ, размахивая рукою, обратился къ преступному Гу. „Рабская собака!“ сказалъ онъ, „что тебѣ сдѣлалъ господинъ твой, что погубить его ты сговорился съ этимъ перевощикомъ, и выдумали оба такую черную клевету?“ —

— Ничего нѣтъ справедливѣе — возразилъ рабъ — господинъ мой убилъ человѣка, я не взводилъ на него напраслины. — „Какъ!“ вскричалъ Мандаринъ: „онъ еще и запирается. Возмите этаго бездѣльника! въ пытку его, пока не сознается въ преступленіи.“ — Подъ пыткою Гу кричалъ изъ всей силы: ахъ, милостивѣйшій судья, если вы обвиняете меня въ томъ, что я смертельно ненавидѣлъ моего господина и донесъ на него: — сознаюсь, виноватъ въ этомъ. Но, хотя убейте меня, я ни съ кѣмъ не замышлялъ никакой клеветы; право, господинъ мой имѣлъ ссору съ Ліу, и такъ

сильно прибилъ его, что тотъ упалъ въ обморокъ, а онъ привелъ его въ память, давши ему проглотить не знаю какого-то питья; потомъ онъ угощалъ его ужиномъ и подарилъ кускомъ бѣлой тафты. Ліу пошелъ отъ насъ къ перевозу рѣки; въ туже ночь, около втораго бдѣнія, перевощикъ привезъ въ лодкѣ къ самымъ воротамъ нашимъ мертвое тѣло, и чтобъ увѣрить, что это было тѣло Ліу, онъ показывалъ и кусокъ тафты и корзину бамбуковую. Ни одинъ изъ слугъ не сомнѣвался. Деньгами и подарками господинъ мой затянулъ ротъ перевощику и онъ обѣщалъ скрыть убійство. Я самъ вмѣстѣ съ другими помогалъ ему закопать тѣло въ землю. А потомъ, какъ сталъ господинъ обходиться со мною сурово, я задумалъ, какъ бы отомстить ему, и донесъ на него вамъ. Что касается до того убитаго, — клянусь, мнѣ ни чего неизвѣстно; и еслибъ не увидать мнѣ здѣсь старика Ліу, не приходило бы мнѣ и въ голову, что на господина моего всклепали убійство. Но чей это былъ трупъ и откуда его взяли, право я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Развѣ перевощикъ можетъ сказать это." —

Мандаринъ, выслушавъ все это признаніе, подозвалъ къ себѣ Чеу-се, чтобъ допытать и его въ очередь. Этотъ сначала всячески ухищрялся скрыть свое преступленіе; но Ліу, который стоялъ тутъ же, обнаруживалъ всѣ его увертки. Нако-

нецъ Мандринъ подвергнулъ его пыткѣ и скоро заставилъ говоришь истину.

„Каюсь!“ произнесъ онъ „прошлаго года, шакого-що мѣсяца, въ шакой-що день, Ліу просилъ меня перевезши его черезъ рѣку, и былъ у него въ рукахъ кусокъ бѣлой шафшы. Я шакъ, не думавши, спросилъ, кто подарилъ ему эшо; онъ сталъ мнѣ разсказывашь всю исшорію, — между шѣмъ я завидѣлъ, что къ берегу шеченіемъ воды прибило какое-що мершвое шѣло, — и шушъ пришла мнѣ мысль, возьму, обману эшимъ шѣломъ Ванга. Вошъ я и купилъ кусокъ шафшы и бамбуковую корзину. Ліу вышелъ на присшань, я вышащилъ изъ воды мершвое шѣло, положилъ его въ лодку и причалилъ къ дому Ванга. Онъ спросшу повѣрилъ, что я привезъ шрупъ Ліу, и далъ мнѣ довольно денегъ, чшобъ не разглашашь объ эшомъ. Схоронишь шрупъ помогли мнѣ его же слуги, — положившись на мое слово, что эшо шочно былъ шрупъ сшарика Ліу. Все, что шеперь я сказалъ, есшь сущая правда, и измучьше меня, какъ вамъ угодно, если шушъ окажешся хошь сколько нибудь лжи.“

— Все эшо, — сказалъ Мандаринъ, — согласуешся съ шѣмъ, что я уже знаю. Одно шолько невѣроящно, и надъ чѣмъ я особенно зашрудняюсь: вопервыхъ, шочно ли справедливо, что въ оное время находилось у берега мершвое шѣло? а пошомъ, — было ли сходсшво между Ліу и симъ шрупомъ? Гораздо вѣроятнѣе, что шы самъ убилъ ко-

го нибудь и что намѣревался приписать Вангу это убійство. —

„Ахъ, милостивый судья!“ воскликнулъ Чеу-се, „если бы я имѣлъ намѣреніе убить кого-нибудь, я бы убилъ скорѣе Ліу, чѣмъ посторонняго. Увидѣвши трупъ на водѣ, я думалъ, легко мнѣ будетъ обмануть имѣ Ванга, — и это заставило меня купить и шафту и корзину. Всего больше удостовѣряло то въ удачѣ, что я зналъ Ванга за человѣка простаго и легковѣрнаго, — зналъ, что видѣлъ онъ Ліу только разъ въ жизни, что все это случилось ночью, при лампадѣ; у меня былъ и кусокъ шафты и бамбуковая корзина, которые тотчасъ могли припомнить ему разнощика инбиря. Вотъ это-то обнадежило меня, что я успѣю въ моей хитрости и Вангъ впадетъ въ мои сѣти; но клянусь, я не знаю, чье было то мертвое тѣло: можетъ статься, человѣкъ оступился на берегу, упалъ въ воду и утонулъ: — на счетъ этаго, я не могу сказать ничего рѣшительнаго.“

Тогда Ліу сталъ на колѣни и сказалъ: — Совершенная правда! Когда перевозилъ онъ меня черезъ рѣку, я также замѣтилъ, что у берега плавало мертвое тѣло. — Мандаринъ принялъ всѣ сіи показанія и въ порядкѣ положилъ ихъ на бумагу.

Чеу-се, заливаясь слезами, говорилъ въ то время: „Будьте сострадательны къ несчастному, который лежитъ у ногъ вашихъ; я ничего другаго не имѣлъ въ виду, какъ только выманить денегъ у этаго

ученаго, но я не хотѣлъ погубить его. Смягчите наказаніе, умоляю васъ! . . . "

Мандаринъ возвысилъ голосъ: — Какъ, бездѣльникъ! ты смѣешь еще просить о пощадѣ! Не чрезъ твое ли корыстолюбіе этотъ человѣкъ былъ уже на два пальца отъ погибели. Въ такихъ плутняхъ ты конечно не первоученикъ: нѣтъ сомнѣнія, что и многихъ другихъ ты сгубилъ подобными хитростями. Надобно избавить мой городъ отъ эдакой заразы. Что касается до этаго изверга слуги, который, забывъ благодѣянія своего господина, вовлекъ его въ несчастіе, — онъ также заслуживаетъ строгаго наказанія. —

Мандаринъ тутъ же приказалъ исполнителямъ правосудія разложить обоихъ негодяевъ: Гу задать сорокъ ударовъ палками, а Чеу-се бить до смерти.

Никто не зналъ, что Гу лишь только передъ этимъ выздоровѣлъ и что онъ не былъ въ состояніи перенести такого наказанія; но справедливости Неба не угодно было щадить сего невѣрнаго слуги. Онъ умеръ на полу судилища прежде, чѣмъ отсчитали ему 40 ударовъ; Чеу-се пересталъ дышать послѣ семидесяти.

Послѣ сей казни Мандаринъ призвалъ изъ тюрьмы Ванга и въ полномъ собраніи объявилъ его невиннымъ и возвратилъ ему свободу. Потомъ приказалъ онъ, чтобъ все полотно, какое только найдется въ лавкѣ Чеу-се, такъ какъ оно пріобрѣтено на деньги Ванга, — ему и было бы отдано. Ка-

пипгаль сей лавки простирался до 100 таельсовъ.

„По обряду судопроизводства," сказалъ Мандаринъ, „надлежало бы все это взять въ казну; но бѣдный Вангъ пострадалъ много и я принимаю участіе въ его положеніи. Пусть все, что̀ будетъ найдено у похитителя, возвратится тому, у кого похищено." Это была особая милость со стороны Мандарина.

По его также приказанію отрыли мертвое тѣло, и тутъ усмотрѣли, что у него оставался еще песокъ за ногтями обѣихъ рукъ: — это доказывало, что несчастный, упавши въ рѣку и утопая, силился вскарапкаться на берегъ. Какъ не было извѣстно ни одного его родственника, — Мандаринъ приказалъ похоронить его на общественномъ кладбищѣ убогихъ.

Вангъ, его жена и старикъ Ліу, поблагодаривъ Мандарина самымъ почтительнымъ образомъ, возвратились домой, гдѣ этотъ честный старикъ, которой такъ усердно старался обнаружить клевету, былъ осыпанъ отъ Ванга и жены его всѣми ласками, всѣми знаками дружбы, какіе только можетъ излить самая искренняя признательность.

Съ того времени Вангъ научился умѣрять свою природную вспыльчивость и владѣть собою; встрѣчался ли ему бѣдный, который бы просилъ помощи или услуги, — онъ принималъ его съ видомъ ласковымъ и старался сдѣлать ему добро. Наконецъ онъ

рѣшился совершенно посвятить себя наукамъ, чтобы скорѣе достигнуть ученыхъ степеней и заставить позабыть униженіе, въ коемъ онъ находился. Онъ безпрестанно занимался чтеніемъ и ни съ кѣмъ не сводилъ знакомства: такимъ образомъ онъ провелъ шесть лѣтъ, и былъ потомъ возведенъ въ званіе лѣкаря.

Ужь какъ это справедливо говорится, что судьи и блюстители правосудія не должны считать жизнь человѣка жизнію какого нибудь растенія, и что сами они преступники, если не захотятъ поломать головы надъ дѣломъ: вѣдь судное дѣло не то, что драка ребятишекъ за бирюльки. Спѣшить никакъ не должно. Вотъ, на примѣръ, по дѣлу Ванга, прежде всего надлежало бы вывести наружу хитрости и тайныя сплетни перевощика. Не приди разнощикъ инбиря въ городъ Венчеу, поспѣшите исполнить приговоръ, не дождавшись его прихода — и слуга, который донесъ на господина, не зналъ бы, что оклеветалъ его, — и жена не воображала бы, что мужъ ея не виноватъ въ убійствѣ, и самому обвиненному не пришло бы въ догадку, что терпитъ онъ наказаніе безвинно. А судья и подавно оставался бы въ невѣдѣніи! Благіе блюстители правосудія! вы должны быть родительскимъ сердцемъ народа, — узнайте изъ сего разсказа, какъ надлежитъ вамъ вести себя!

66. —

О ТЮРЬМАХЪ ВЪ ЛОЗАНѢ И ЖЕНЕВѢ.

Что дѣлать съ преступниками? — Покидая галеры, тотчасъ принимаются они за прежнее ремесло свое. Иные говорятъ: сошлите ихъ куда нибудь; другіе твердятъ: исправьте ихъ, содѣлайте ихъ добрыми, ежели только это возможно. Не стану изыскивать здѣсь средствъ къ прекращенію зла, но представлю только нѣкоторыя замѣчанія мои о тюрьмахъ, находящихся теперь въ Лозанѣ и Женевѣ. Не прошло еще двухъ лѣтъ, какъ существуютъ заведенія сіи и уже безошибочно почти можно судить о дѣйствіи, которое произведутъ онѣ. Я разсматривалъ ихъ не какъ публицистъ или Юрисконсультъ, но просто какъ человѣкъ, желающій видѣть все новое. Не осудите, если не будетъ строгой системы въ разсказѣ моемъ. Мнѣ желательно только съ точностію передать то, что слышалъ и видѣлъ. Тюрьма Лозанская стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ. Въ виду ея Лозана, Женевское озеро, Альпы, однимъ словомъ, самыя очаровательныя мѣста Швейцаріи. Зданіе представляетъ видъ продолговатаго четвероугольника и находится среди обширнаго двора. Внутри сего зданія сдѣлана большая лѣстница, которая раздѣляетъ его на два отдѣленія: одно назначено для преступниковъ, приговоренныхъ къ тѣлеснымъ и позорнымъ наказаніямъ (Prisonniers de la force); другое — для преступ-

никовъ, приговоренныхъ къ наказаніямъ исправительнымъ (Prisonniers de la correction). Первые изъ сихъ преступниковъ не имѣюшъ никакого сообщенія съ послѣдними. Въ самой церкви даже совершенно ошдѣлены одни ошъ другихъ досчатой перегородкой. Во всякомъ изъ сихъ ошдѣленій находишся по двѣ масшерскія комнашы: одна для шкачей и сапожниковъ, другая для сшоляровъ. Доселѣ преступниковъ обучали однимъ шолько симъ ремесламъ; но шеперь начинаюшъ вводишь еще шокарное и карешное.

Женщины же обыкновенно занимаюшся пряжею. Всѣ рабочія комнашы весьма обширны и чисшы. Онѣ освѣщаюшся сверху, Въ сшѣнахъ же сдѣланы маленькія ошверзшія, чрезъ кошорыя Дирекшоръ все можешъ видѣшь, не бывъ примѣченъ. Лозанская шюрьма посшроена однакоже не по панапшическому плану Г-на Беншама, ошъ чего и присмошръ за преступниками не сшоль удобенъ. Г-нъ Беншамъ хочешъ, чшобъ зданіе было кругообразно, дабы смошришель, находящійся внушри онаго, все могъ видѣшь и не былъ ни кѣмъ примѣченъ. Но въ Лозанѣ, шакъ какъ и въ Англіи, при сшроеніи зданій не слѣдовали шаковому плану; въ Женевѣ же сшарались хошя нѣсколько приблизишься къ оному.

Въ каждой рабочей есшь надзирашель, кошорый смошришъ за порядкомъ. Преступники рабошаюшъ въ шишинѣ и молчаніи; имъ сшрого воспрещено разговаривашь между собою, даже за сшоломъ; въ часы

отдохновенія только могутъ они сообщаться между собою. Нѣтъ ничего гибельнѣе для таковыхъ людей, какъ возможность свободно разговаривать: закоренѣлые преступники пріобрѣтаютъ чрезъ то способы распространять на другихъ вредное вліяніе свое; но когда они отдѣлены одни отъ другихъ, тогда есть надежда, что могутъ еще раскаяться въ прежнихъ поступкахъ своихъ и исправиться.

Ежели бы строго слѣдовать исправительной системѣ (système pénitentiaire), то должно бы всякаго преступника, по мѣрѣ его исправленія, переводить въ другое отдѣленіе, гдѣ уже, находясь съ людьми менѣе порочными, онъ могъ бы совершенно раскаяться. Но въ Лозанѣ совсѣмъ иначе. Вѣроятно надѣялись тамъ, и надежда сія похвальна, что примѣръ добра также можетъ имѣть на другихъ свое вліяніе. Преступникъ, который исправляется, можетъ и другихъ еще возвратить на путь истинный; переведите же его въ другое отдѣленіе, — вы спасете только одного, но за то сколько другихъ останутся при прежнемъ своемъ заблужденіи. И къ тому же, что дѣлать съ одними бездѣльниками? Какъ управлять таковыми людьми? Оставьте же тамъ нѣсколько раскаявшихся, вы увидите, что и другіе послѣдуютъ ихъ примѣру, и такимъ образомъ тишина водворится въ жилищѣ буйства. Къ чему опять посредствомъ искусства стараться достигать исправленія преступниковъ: по освобожденіи своемъ

они принуждены же будутъ жить посреди людей порочныхъ, ибо посрамленіе, которому подвержены были, заставитъ ихъ всегда удаляться отъ честныхъ гражданъ и изыскивать общества злыхъ: тамъ могутъ они сокрыть стыдъ свой. И такъ надобно стараться, чтобъ преступники пріучались въ самой еще тюрьмѣ оставаться добрыми посреди злыхъ, дабы по выходѣ изъ оной дурные примѣры не могли совратить ихъ съ истиннаго пути.

Мы выше сказали, что невольниковъ должно принуждать къ работѣ. Но не въ этомъ еще состоитъ все искусство: надобно поселить въ нихъ охоту къ оной. Достигнуть до сего не иначе можно, какъ слѣдующимъ способомъ: все, что ни вырабатываютъ они, должно имъ принадлежать, исключая развѣ весьма незначительную часть. Въ Женевѣ содержащіеся получаютъ только половину вырабатываемыхъ ими денегъ; другая же половина идетъ на содержаніе заведеній. — Но въ Лозанѣ осужденные знаютъ, что они работаютъ только для себя, и это побуждаетъ ихъ къ необыкновенной дѣятельности: все, что ни вырабатываютъ они, записывается въ книгу, которая у нихъ находится, и всякой ведетъ свой особой счетъ. Деньги сохраняются въ общей кассѣ до времени ихъ освобожденія, а тутъ уже со всякимъ расчитываются. Есть еще другія средства для внушенія имъ любви къ порядку и экономіи. Всякому изъ нихъ идетъ по полтора фунта

хлѣба въ день; и такъ какъ многіе не съѣдаютъ своей части, то сберегаютъ оную и потомъ продаютъ. Но это еще не все: каждый изъ нихъ имѣетъ на дворѣ маленькой участокъ земли, которымъ распоряжаетъ по своему произволу; тотъ, кто сажаетъ въ ономъ овощи, можетъ со временемъ продать ихъ, что также составитъ не малый доходъ. Вообще все записывается въ книгу и сберегается: отсюда происходятъ безконечные счеты; но чрезъ сіе заключенные привыкаютъ къ порядку, къ экономіи и къ умѣренности.

Ежели бы сличить, чего стоитъ содержаніе преступника, сосланнаго на галеру и заключеннаго въ тюрьмѣ, тогда увидѣли бы, что сумма денегъ, истраченная на перваго, гораздо значительнѣе, и надобно прибавить еще, что послѣдній гораздо скорѣе можетъ возвратиться на путь истинный, нежели какой нибудь каторжный.

На галерахъ одинъ страхъ содержитъ въ повиновеніи преступниковъ, а здѣсь надежда. Пусть философы скажутъ, какое изъ сихъ двухъ ощущеній болѣе дѣйствуетъ на сердце человѣческое! Въ Лозанѣ особенная Коммисія завѣдываетъ исправившимися преступниками: ежели какой-нибудь заключенный ведетъ себя отлично хорошо, то Коммисія сія можетъ сократить время его содержанія. Поступки каждаго записываются въ книгу, нарочно для сего назначенную: неповиновеніе, ропотъ, нерадѣніе — все вносится туда.

Такимъ образомъ преступники знаютъ, что безпрестанно присматриваютъ за ихъ поведеніемъ, — и это не мало побуждаетъ ихъ къ исправленію.

Пищу же даютъ имъ сытную и здоровую: ежедневно найдете вы у нихъ три блюда, изъ разныхъ овощей изготовленныя, супъ и мясо, которое дается два раза въ недѣлю преступникамъ, подверженнымъ исправительному наказанію (prisonniers de la correction), и одинъ разъ только въ недѣлю тѣмъ, которые приговорены къ поноснымъ наказаніямъ (prisonniers de la force). Таковой родъ жизни, чистота и свѣжій воздухъ поддерживаютъ ихъ здоровье и доставляютъ имъ душевное спокойствіе. И вотъ почему въ тюрьмѣ не видать ни скудости, ни унынія; а всюду напротивъ того примѣтно какое-то спокойствіе и довольство. Но нѣкоторымъ не нравится таковое содержаніе заключенныхъ: это слишкомъ хорошо для нихъ, говорятъ они. Я даже слышалъ, что одинъ Лозанскій бѣдный мѣщанинъ, сидя за столомъ, сказалъ съ негодованіемъ: „Нынѣ бездѣльники лучше ѣдятъ, нежели честные люди."

Все это такъ; — но Лозанскій мѣщанинъ забылъ, что къ кушаньямъ преступниковъ недоставало одной приправы — свободы.

Возразятъ можетъ быть: что значитъ потеря свободы для таковыхъ людей? На свободѣ они часто погибаютъ съ голоду, негдѣ пригрѣться, негдѣ пріютиться имъ;

въ неволѣ же они сыты, обуты и одѣты. Что же теряютъ они, находясь въ тюрьмѣ? — Все такъ; но кому же мила тюрьма!

Сколько есть нищихъ, которые, не смотря ни на вьюгу, ни на холодъ, лучше желаютъ всюду скитаться, нежели жить въ богадѣльняхъ!

Опять — уже ли кому-либо пріятнымъ покажется жить въ тюрьмѣ и работать тамъ съ утра до ночи, не смѣя ни съ кѣмъ промолвить слова? Что можетъ быть несноснѣе сего положенія, особливо для людей, привыкшихъ къ буйной и бездѣйственной жизни? Одинъ заключенный сказалъ: „Во многихъ бывалъ я тюрьмахъ, но ни въ одной не бывало такой скуки, какъ здѣсь. Не приведи Богъ попасть опять сюда!" Когда тюрьма несносна заключенному, когда страшится онъ въ другой разъ войти въ нее, то она соотвѣтствуетъ своему предназначенію; ибо при заведеніи тюрьмы всегда надобно имѣть въ виду Бентамово правило *устрашенія* (le principe d'intimidation). Всякое наказаніе должно устрашать, но лучшее есть безъ сомнѣнія то, которое устрашаетъ преступника, не унижая его. И въ этомъ-то состоитъ главное достоинство тюремныхъ замковъ, гдѣ чрезъ заточеніе и чрезъ безмолвную работу достигаютъ желаемаго дѣйствія. Къ симъ исправительнымъ средствамъ присоединить должно благочестивыя наставленія, порядокъ и экономію, чистоту строго наблюдаемую, уединенныя кельи, воздержаніе, которое ни-

18 *

когда не остается безъ награжденія, однимъ словомъ все, что только можетъ способствовать къ обращенію виновныхъ на путь истинный. Есть люди, которые считаютъ излишними всѣ таковыя распоряженія: къ чему, говорятъ они, столько пещись о бездѣльникахъ? Дабы уменьшить число ихъ. Можно ли достигнуть сего? Можно ли исправить ихъ? Но это суть ничто иное какъ пустыя восклицанія. Положимъ, что нѣкоторые изъ преступниковъ неисправимы; но большая часть оныхъ можетъ всегда придти въ раскаяніе и содѣлаться еще честными людьми. Сколько изъ нихъ есть такихъ, которые учинили преступленіе единственно отъ бѣдности или увлеченные первыми порывами раздраженнаго сердца! Для чего же не содѣйствовать къ ихъ раскаянію и исправленію? Въ прежнихъ тюрьмахъ всѣ преступники смѣшаны были безъ всякаго разбора. Съ утра до ночи находились они въ праздности, занимались одними беззаконіями, научались другъ отъ друга всему вредному, всѣмъ порокамъ и безпутствамъ; закоренѣлые злодѣи развращали неопытныхъ еще преступниковъ. Однимъ словомъ, это было жилище разврата и всѣхъ мерзостей. Въ нынѣшнихъ же тюрьмахъ невольники безпрестанно заняты, всегда подъ надзоромъ, во время ночи въ уединеніи. Ежели въ душѣ ихъ остается хотя одно сѣмя добродѣтели, то оно не поростетъ терніемъ и гласъ совѣсти еще пробудится въ нихъ. По крайней мѣрѣ ни-

кто не развратится тут, — и этаго уже довольно. —

Недавно въ Невшательскомъ кантонѣ случилось происшествіе, о которомъ кстати упомянуть здѣсь. Одинъ крестьянинъ укралъ лошадь. Родственники его узнали о семъ, и видя, что безчестіе падетъ на цѣлую фамилію, ежели откроютъ сіе дѣло, рѣшились сами наказать виновнаго: старѣйшіе въ семействѣ собрались и приговорили преступника къ лишенію жизни; приговоръ сей и былъ приведенъ въ исполненіе. Но вскорѣ узнали о семъ происшествіи и довели да свѣдѣнія начальства. Несчастные, приговорившіе къ смерти преступнаго родственника ихъ, сосланы были за таковое самоуправство въ крѣпостныя работы. Вотъ люди, которые виновны предъ лицемъ закона и достойны наказанія. Но что вовлекло ихъ въ подобное беззаконіе? — Опасеніе подвергнуть посрамленію все свое семейство: жалкій предразсудокъ былъ единственною причиною ужаснаго ихъ предпріятія. Заключите же теперь преступниковъ сихъ въ какой нибудь острогъ, сошлите на галеру! Конечно въ скоромъ времени найдете вы въ нихъ совершенную перемѣну: они покинутъ прежніе предразсудки, не будутъ столько дорожить своею честію. — Я привелъ здѣсь одинъ примѣръ; но сколько есть подобныхъ сему приключеній! Для таковыхъ-то несчастныхъ преступниковъ въ особенности назначены тюремные замки; тутъ могутъ они раскаяться въ по-

ступкахъ своихъ и исправиться. Но за чѣмъ всѣхъ почитать злодѣями. Пусть останутся злодѣями только тѣ, которые отъ природы созданы таковыми! Мы удивимся ихъ малому количеству.

Теперь обратимся къ тюрьмѣ, въ Женевѣ находящейся. Тюрьма сія снаружи не походитъ на Лозанскую: она не имѣетъ столь привлекательнаго вида; но чрезъ то болѣе соотвѣтствуетъ предназначенію своему. Невольники, заключенные въ оную, не имѣютъ тѣхъ выгодъ, которыми пользуются въ Лозанской. Вмѣсто одного фунта съ половиною хлѣба, всякому идетъ только по двадцати одной унціи. И такъ отъ хлѣба они уже не получаютъ никакой выгоды. Не имѣютъ также никакихъ садовъ и посему овощей продавать не могутъ. Даже изъ вырабатываемыхъ ими денегъ идетъ имъ только половина, которая еще дѣлится на двѣ части: одна прямо поступаетъ въ ихъ распоряженіе и составляетъ не болѣе двухъ копѣекъ (sous) на день; другая же сберегается и возрастаетъ ежегодно до двухъ луидоровъ, вручается же имъ при выходѣ изъ тюрьмы. Въ Женевѣ впрочемъ во всемъ наблюдается почти тотъ же порядокъ, какъ и въ Лозанѣ, и преступникамъ также предписывается молчаніе. Самыя наказанія совершенно сходны: непокорствующихся сажаютъ на хлѣбъ и на воду и запираютъ иногда въ мрачныя кельи; бунтующихъ же даже сажаютъ въ желѣза. Но на хлѣбѣ и на водѣ ихъ продерживаютъ

не более трехъ дней сряду; въ четвертый даютъ имъ ту же пищу какъ и всѣмъ прочимъ заключеннымъ; въ пятой же день — опять хлѣбъ и воду. Такимъ образомъ провинившіеся имѣютъ всегда чрезъ три дни въ четвертый маленькій отдыхъ, ибо въ самыхъ даже наказаніяхъ пекутся о ихъ здоровьѣ. Въ мрачныхъ кельяхъ они также не могутъ оставаться долѣе шести дней сряду; въ седьмой же ихъ всегда выпускаютъ.

И такъ между Женевскою и Лозанскою тюрьмою существуетъ большое сходство; но есть однако между ними нѣкоторое и различіе. Въ Лозанѣ, какъ кажется, слишкомъ увлекаются духомъ филантропіи. Надобно, чтобъ тюремное заточеніе вмѣнялось преступнику въ наказаніе, но чтобъ ни мало не служило ему убѣжищемъ отъ нищеты и голода. Предоставлять преступнику все выработанное имъ, не значитъ ли со всѣхъ сторонъ почти обезпечить его? Но нѣсколько есть ремесленниковъ и мастеровыхъ, которые лишены всѣхъ удобствъ снхъ, которые не имѣютъ ни пристанища, ни покрова, и съ трудомъ даже могутъ прокормить себя. Кто знаетъ, можетъ быть несчастные сіи лучше согласятся быть въ заточеніи, нежели на волѣ вести жизнь, преисполненную забогъ и горестей! Можетъ быть даже покусятся на какое нибудь беззаконіе и пожертвуютъ честію своею, дабы тѣмъ проложить себѣ путь въ жилище беззаботныхъ невольни-

ковъ. Таковыя-то покушенія должно стараться всячески предупреждать. Пусть видитъ народъ, что всякой честный гражданинъ, живущій на свободѣ, гораздо болѣе пріобрѣтаетъ трудами своими, нежели какой нибудь заключенный, и что тюремное заточеніе не есть ремесло, но истинное наказаніе. Бѣда, ежели на преступниковъ будутъ смотрѣть, какъ на ремесленниковъ: тогда люди, занимающіеся какими-либо мастерствами, почтутъ себя униженными, а осужденные вовсе почти ненаказанными.

По всѣмъ симъ причинамъ гораздо благоразумнѣе предоставлять колодникамъ половину только вырабатываемыхъ ими денегъ. Въ Англіи сначала во всѣхъ торьмахъ платили колодникамъ за труды ихъ; но вскорѣ почувствовали всю неосновательность таковаго снисхожденія: тюрьмы превратились нѣкоторымъ образомъ въ фабрики; колодники, занимавшіеся тканьемъ или другимъ какимъ-либо рукодѣліемъ, и получавшіе хорошую за то плату, были уже похожи болѣе на ремесленниковъ, нежели на преступниковъ. Хотѣли поправить это, и впали въ другую крайность: за чѣмъ, думали, платить колодникамъ за труды ихъ; не лучше ли выдумать такое занятіе, которое не приносило бы имъ ни малѣйшей выгоды? Преступникъ почувствуетъ тогда всю точность наказанія и все униженіе свое; ибо что можетъ быть несноснѣе, какъ трудиться и работать безъ всякаго воздаянія?

Всѣ таковыя сужденія были причиною новыхъ распоряженій: прежнія работы были отмѣнены и выдумали для колодниковъ исправительную мѣльницу (moulin de discipline, thetread-mill). Сей родъ наказанія имѣетъ большое достоинство въ глазахъ тюремщиковъ и стражей: для сего не требуется никакого искусства, никакого предварительнаго ученія, къ тому же тутъ никто уже не можетъ отгуливать отъ работы ни хитростью, ни лѣностью; не нужно никакого почти присмотра: все идетъ своимъ порядкомъ; человѣкъ дѣлается тутъ совершенною машиною, и только двигаетъ ногами своими; однимъ словомъ, всею тюрьмою можно управлять безъ малѣйшаго затрудненія. — Но теперь слѣдуетъ вопросъ: таковая мѣльница, tread-mill, устращаетъ ли злоумышленниковъ? Сперва она производила нѣкоторое дѣйствіе, и преступленія по видимому уменьшались. Но впрочемъ это обыкновенный ходъ всякаго вновь изобрѣтеннаго наказанія: сначала оно приводитъ въ трепетъ всѣхъ бездѣльниковъ, а потомъ привыкаютъ, и впечатлѣніе, произведенное онымъ, мало помалу исчезаетъ. Въ Лондонѣ есть молодцы, которые уже раза три побывали въ тюрьмѣ, не смотря на tread-mill. — И такъ наказаніе сіе ни сколько не служитъ къ уменьшенію преступленій и къ водворенію нравственности. Къ тому же, оно вовсе не такъ мучительно, какъ нѣкоторые воображаютъ себѣ: въ два или въ три дня невольникъ пріобрѣтаетъ тако

проворство въ движеніи, что работа сія производится машинально, безъ всякаго вниманія и усилія. Но кромѣ того, что мѣльница сія ни мало не устрашаетъ злоумышленниковъ, она имѣетъ еще самыя пагубныя послѣдствія: невольники, производившіе въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ работу сію, при выходѣ изъ тюрьмы не имѣютъ никакого занятія и лишены всѣхъ почти средствъ къ пропитанію. Ежели бы во время пребыванія ихъ въ тюрьмѣ они занимались тканьемъ или другимъ какимъ-либо ремесломъ, то въ послѣдствіи времени безъ всякаго затрудненія могли бы прокормить себя; но *tread-mill* не приноситъ имъ ни малѣйшей пользы и ничему не научаетъ. И можно ли ожидать послѣ сего, чтобъ вышедшіе изъ тюрьмы содѣлались честными людьми? Не могши жить трудами своими, они по неволѣ принуждены будутъ прибѣгнуть къ прежнимъ своимъ мошенничествамъ.

Гдѣ же тутъ предупрежденіе преступленій? — Надобно еще замѣтить, что въ Англіи сему наказанію подвергаются тѣ только преступники, которые заключаются въ тюрьму на два или много уже на три года, ибо преступленія болѣе важныя наказываются смертію или ссылкою. По нашимъ же уголовнымъ законамъ, какъ извѣстно, къ крѣпостнымъ работамъ и къ тюремному заточенію можно приговорить на десять лѣтъ, на двадцать, на тридцать и даже на цѣлую жизнь. Возможно ли же те-

перь заставить какого нибудь несчастнаго тридцать лѣтъ вертѣть колесо? Вѣчное мученіе сіе могло бы привести человѣка въ отчаяніе и даже въ ожесточеніе. Tread-mill на цѣлую жизнь!

Въ Женевѣ преступниковъ учатъ читать, писать и Ариѳметикѣ; — и не льзя не одобрить сего, ибо образованіе, какое бы оно ни было, всегда служитъ къ улучшенію человѣка: вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ разума и душа становится чище, непорочнѣе. Уроки, которые сначала кажутся имъ несносными, превращаются послѣ въ забаву. Въ неволѣ это служитъ развлеченіемъ; къ тому же всякое пріобрѣтеніе въ семъ родѣ облагороживаетъ человѣка и возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ его: оно нѣкоторымъ образомъ заглаживаетъ даже самый проступокъ его, и когда невольникъ уже на свободѣ находится, то воспоминаніе о прежнемъ заточеніи ему не столь тягостно, не столь поносительно; онъ съ пріятностію воспоминаетъ, что пріобрѣлъ тамъ новыя познанія.

Уроки сіи, которые даются невольникамъ всякаго возраста, старымъ и малымъ, кромѣ того, что приносятъ большую пользу, имѣютъ еще другія послѣдствія: они служатъ любопытнымъ испытаніемъ для исторіи ума человѣческаго. Доселѣ сомнѣвались еще, чтобъ возмужалые люди могли чему-либо выучиться; находили тысячу примѣровъ, которые подтверждали, что послѣ извѣстнаго возраста человѣкъ уже не

способенъ ни къ какому обученію. Не смотря на сіе, однако сдѣлали опытъ. Въ Портсмутѣ въ одной тюрьмѣ завели школу для содержащихся въ оной, и изъ 450 заключенныхъ 200 выучились читать и писать правильно въ восемь или въ десять мѣсяцовъ. Въ нашихъ полкахъ есть солдаты, которые уже въ извѣстномъ возрастѣ выучиваются однако читать безъ большихъ затрудненій. Я слышалъ даже отъ одного Полковника, что у него былъ старый служивый, который находился во всѣхъ кампаніяхъ съ начала революціи до низверженія Наполеона. Ветеранъ сей не умѣлъ ни читать, ни писать; но въ нѣсколько мѣсяцовъ совершенно обучился грамотѣ, и тогда онъ сожалѣлъ только объ одномъ: что столь долгое время лишенъ былъ возможности читать самъ записки великой арміи (les bulletins de la grande armée).

Наконецъ въ сей тюрьмѣ отстраняется все, что можетъ подвергнуть заключеннаго искушенію и совратить съ пути истиннаго: карточныя и азартныя игры строго воспрещены, никогда не даютъ имъ крѣпкихъ напитковъ, развѣ только въ необыкновенныхъ случаяхъ, по приказанію доктора; всякой заемъ денегъ между невольниками также запрещенъ. Всѣ оіи неутомимыя попеченія начинаютъ уже увѣнчаваться полнымъ успѣхомъ; я читалъ въ одномъ рапортѣ, что въ Ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1826 года въ тюрьмѣ было сорокъ пять преступниковъ; изъ сего числа де-

сять добрымъ своимъ поведенiемъ и раскаянiемъ удостоились быть переведены въ особенное отдѣленiе (quartier d'exception).

Любопытно было бы также обозначить, сколько въ Женевской тюрьмѣ ежегодно бываетъ преступниковъ, вторично попадающихъ туда за какiе-либо новые проступки (récidives). Тогда можно бы показать различiе между теперешними тюрьмами и прежними. Къ сожалѣнiю, не льзя представить здѣсь сихъ выводовъ, ибо новыя тюрьмы недавно еще построены. Но дабы совершенно убѣдиться въ превосходствѣ оныхъ, стоитъ только обратиться къ Соединеннымъ Штатамъ. Въ Филадельфiи, при прежней системѣ, въ продолженiе какихъ нибудь шести мѣсяцовъ, болѣе трехъ четвертей освобожденныхъ преступниковъ снова попадались въ руки правосудiя и возвращались въ прежнее ихъ мѣстопребыванiе; теперь же изо ста человѣкъ попадается не болѣе пяти. Въ Нью-Iоркѣ въ продолженiе пяти лѣтъ изъ 349 освобожденныхъ преступниковъ 29 только вновь провинились, и изъ сихъ 29-ти было 16 иностранцевъ. Въ Женевѣ также большая часть преступниковъ состоитъ изъ иностранцевъ: главная причина тому — сосѣдство Савойи.

Въ сихъ тюрьмахъ неслыханное дѣло; чтобъ осужденный предался когда нибудь отчаянiю; все, напротивъ того, содѣйствуетъ къ ободренiю его: мысль объ освобожденiи, которая никогда не покидаетъ его, ремесло, которому научается, деньги, ко-

торыя накапливаетъ, надежда посредствомъ раскаянія и добраго поведенія сократить время содержанія своего, — все, однимъ словомъ, поддерживаетъ и успокоиваетъ его. Въ Лозанѣ особенная Коммисія имѣетъ право сокращать время заточенія преступниковъ, но только не можетъ сбавлять болѣе одного мѣсяца съ каждаго года. Посему преступники, осужденные на 10 лѣтъ въ тюремное заточеніе, при всемъ ихъ раскаяніи и исправленіи, только десятью мѣсяцами скорѣе выдутъ изъ неволи. Въ Женевѣ же такъ называемая *Исковая Коммисія* (Commission de recours) есть настоящее судилище, облеченное обширною властію. Осужденные на годъ и болѣе имѣютъ право, по истеченіи восьми мѣсяцевъ, подавать въ Исковую Коммиссію прошеніе объ освобожденіи своемъ.

Тогда Коммисія, которая въ самой тюрьмѣ имѣетъ засѣданіе свое, разсматриваетъ прошеніе, дѣлаетъ справки о поведеніи содержащагося, смотритъ въ книгу, гдѣ записаны проступки и заслуги каждаго, выслушиваетъ мнѣнія всѣхъ смотрителей и надзирателей, и потомъ уже произноситъ рѣшительный свой приговоръ: преступникъ или немедленно освобождается, или остается въ тюрьмѣ.

Приговоръ сей читается потомъ во всѣхъ отдѣленіяхъ тюремнаго замка: — онъ напоминаетъ всякому, чего надѣяться можно и чего страшиться. У насъ осужденные всю надежду свою полагаютъ на помилова-

ніе: они во всякое время могутъ прибѣгать къ Монаршему милосердію. Но что же происходитъ отъ сего? Всѣ надежды умоляющаго о пощадѣ неосновательны, невѣрны; онъ безпрестанно находится въ ожиданіи и въ неизвѣстности, простятъ ли его, отвергнутъ ли моленія его. Мысли сіи не даютъ ему ни малѣйшаго отдохновенія. Еже-ли бы имѣлъ я ходатаевъ и покровителей, думаетъ онъ. Но какъ пріобрѣсть ихъ? какими средствами? Все безпокоитъ его. Ему уже нѣкогда пристально заниматься работою. Онъ будетъ повиноваться, будетъ покоренъ, зная, что буйства могутъ служить препятствіемъ къ помилованію его; но уже не будетъ въ немъ сего терпѣнія, сего внутренняго спокойствія, безъ коихъ никогда ничему не научится, никогда не исправится; онъ будетъ находиться въ томъ же положеніи, въ какомъ игрокъ, который все ожидаетъ отъ одной карты: — панъ или пропалъ. Но въ Женевѣ совсѣмъ другое. Осужденный знаетъ, чего ожидать можно: ему стоитъ только вести себя хорошо и онъ не останется безъ вознагражденія. Нѣтъ для него неизвѣстности; онъ во всемъ увѣренъ, и увѣренность сія побуждаетъ его съ большею тщательностію заниматься тѣмъ, что́ ему предписано. Все, что́ содѣлываетъ наказаніе непостояннымъ, измѣняемымъ — гибельно; наказаніе, которое ничего не имѣетъ положительнаго, которое ввергаетъ преступника въ неизвѣстность, не соотвѣтствуетъ своей цѣли: оно вре-

дитъ преступнику, вредитъ самому закону, который чрезъ то теряетъ всю непоколебимость, всю святость свою. — Но вотъ еще другая невыгода нашихъ помилованій: ничего нѣтъ тутъ публичнаго, ничего торжественнаго, все производится въ кабинетѣ. Отъ того-то и происходитъ ропотъ всѣхъ тѣхъ, которые не удостоились прощенія. Ежели кто нибудь помилованъ, то говорятъ: это по чьему нибудь ходатайству и заступленію. Когда же особенное судилище завѣдываетъ симъ, тогда нѣтъ никакихъ подозрѣній, никакихъ толковъ. Я вовсе не утверждаю симъ, чтобы право милованія противно было общественному благоденствію; я совершенно убѣжденъ въ томъ, что оно есть лучшее достояніе верховной власти; хочу только сказать, что гораздо было бы благоразумнѣе дозволить преступникамъ прибѣгать къ милосердію Монарха и умолять его о пощадѣ своей только въ продолженіе одного мѣсяца, начиная съ произнесенія надъ ними приговора. По истеченіи же сего срока не было бы для нихъ неизвѣстности, не о чемъ бы безпокоиться имъ; они знали бы участь свою. Для преступниковъ же раскаявшихся пусть будетъ особенная Коммисія, которая воздастъ всякому по дѣламъ его. Безъ сего воздаянія тщетно будутъ ожидать отъ преступниковъ исправленія и раскаянія: вся исправительная система тогда ни во что.

Сократимъ теперь все вышесказанное. Истинный характеръ системы исправительной — есть наказаніе вмѣстѣ съ исправленіемъ: работа, молчаніе, воздержаніе, запрещеніе карточныхъ и азартныхъ игръ — суть лишенія, которыя наказываютъ преступника и вмѣстѣ служатъ къ его исправленію. Все должно быть направлено къ достиженію сей двоякой цѣли.

(Изъ J. d. d.) А.

ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ Г. ГУЛЬЯНОВА.

Недавно чрезъ здѣшнюю столицу проѣхалъ извѣстнѣйшій Оріенталистъ, нашъ соотечественникъ, Г. Гульяновъ, котораго труды и успѣхи въ наукѣ Древностей и Филологіи, по всей справедливости, заслуживаютъ наше вниманіе и уваженіе. О достоинствахъ сего отлично ученаго Археолога было упомянуто въ одномъ изъ Русскихъ Журналовъ, по поводу разбора его *Археологическихъ Опытовъ*. Мы, съ своей стороны, пользуясь даннымъ намъ правомъ, можемъ сообщить здѣсь читателямъ нашимъ нѣкоторыя замѣчанія и извѣстія о Г. Гульяновѣ. — Соперникъ знаменитаго Шампольона, котораго мнѣнія были до сихъ поръ обще принятыми большею частію Европы, началъ упражняться въ изученіи свойства и состава языковъ Европейскихъ и Восточныхъ, въ разныя времена бытности его при миссіяхъ въ Царьградѣ и Сициліи, Мальтѣ, Италіи и другихъ земляхъ иностранныхъ. Но постояннымъ занятіямъ своимъ онъ предался въ концѣ 1821 года, когда, назначенный состоять при Россійской миссіи въ Гагѣ, отправленъ былъ въ Парижъ,

съ довольствіемъ занимаеться шамъ своими изслѣдованіями, которыхъ плоды представилъ онъ въ Россійскую Академію, по возвращеніи своемъ въ Отечество.

Многосложныя сочиненія Г. Гульянова должны составить полный кругъ преподаванія филологическихъ и философическихъ предметовъ, принадлежащихъ различнымъ способностямъ человѣка.

Въ 1824 году онъ *увѣдомилъ* ученый свѣтъ общимъ предначертаніемъ о шаковыхъ предметахъ, подъ заглавіемъ: *Etude de l'homme dans la manifestation des ses facultés*; а какъ сочиненія Гульянова по сущности своей подлежатъ не частному разсмотрѣнію одной Россійской Академіи, но совокупному сужденію всѣхъ Академій и ученыхъ обществъ Европы: то Россійская Академія и признала за необходимое издавать его сочиненія на Французскомъ языкѣ, какъ общеупотребительномъ. Она поручила ему перевесть на Французскій языкъ читанную имъ при вступленіи рѣчь, *о образованіи и разумѣ языковъ*, которую препроводила въ Парижской Академіи, а сія отозвалась о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „*Le courage d'éxecuter le plan indiqué annonce au litterateur aussi habile que versé dans la haute science grammaticale.*"

Сочиненія Г. Гульянова по части Археологическихъ изслѣдованій и Филологіи весьма разнообразны и многочисленны. Въ надеждѣ, что читателямъ будетъ весьма пріятно слышать и знать объ *учености Европейской* ихъ соотечественника, мы постараемся привести здѣсь его сочиненія, которыя Г. Гульяновъ, по природной ему скромности, предлагаетъ въ видѣ *опытовъ*.

1. Coup d'oeil sur les alphabets anciens et sur les élemens primitifs.

2. Résumé des loix organiques du langage.

3. Essai sur la formation du langage considéré dans son principe phisiologique.

4. Achéographie Universelle.

5. Essai sur l'ésprit de langues et la filiation des idées.

6. Grammaire générale.

7. Grammaire générale appliquée a la langue Slavo-Russe.

8. Essai sur la langue et l'écriture Egyptiennes.

9. Essai sur les hieroglyphes d'Horapollon.

10. Analyse des revelations hieroglyphiques.

11. Melanges Archéologiques.

12. Essai sur la langue et l'écriture Chinoises.

13. Essai sur les divers genres d'écritures considérès dans leurs rapports avec les langues qu'ils représentent.

14. Alphabet universal.

15. Essai sur l'ésprit de connoissances humaines.

16. Etude de l'homme dans la manifestation de ses facultés.

17. Essai sur les origines des dialectes Slavo-Russes.

Вотъ сочиненія Г. Гульянова, раскрывающія и объясняющія различныя истины и положенія въ области древностей Востока и Филологіи. — Всѣ сіи извѣстія заимствованы нами изъ Высочайше разсмотрѣнной программы порученій, возлагаемыхъ на Г. Гульянова по случаю отъѣзда его въ Дрезденъ, гдѣ онъ намѣренъ основать главное свое пребываніе. — Вотъ Русскій, которымъ смѣло можемъ мы гордиться предъ ученою Европою.

РУССКОЙ АНЕКДОТЪ.

Русскимъ пріятно слышать все хорошее о своихъ соотечественникахъ, и вѣрно читатели наши узнаютъ не безъ удовольствія о человѣколюбивомъ поступкѣ Русскаго гренадера Васильева.

Сводной дивизіи 5 го пѣхотнаго корпуса, Владимірскаго пѣхотнаго полка (1) рядовый Алексѣй Васильевъ, будучи въ Штабъ-квартирѣ, Рязанской Губерніи въ городѣ Егорьевскѣ, и находясь на рѣкѣ для бѣленія парусины, увидѣлъ однажды поутру, что два крестьянина бросились въ воду, желая спасти трехъ утопающихъ женщинъ. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ уже тонулъ. Васильевъ, видя, что не кому помочь, тотчасъ снимаетъ съ себя шинель, бросается въ воду и, съ помощію поданной ему съ берега веревки, вытаскиваетъ со дна утопшаго, которому, при стараніи собравшагося къ рѣкѣ народа, возвращена была жизнь.

О таковой примѣрной неустрашимости и рѣшительной готовности спасти жизнь ближняго, подвер-

---

(1) Полкъ сей (котораго нынѣ полковымъ командиромъ Г. Поплавскій), давнѣшнимъ походомъ, получилъ названіе свое по иконѣ Божія Матери Владимірскія, находящейся въ церкви сего полка. На сей иконѣ начертана слѣдующая надпись: *Лѣта* АѰЅ іо *Февраля въ Д день* вмѣстроены сіи створы въ полкъ Полуполковника Василья Ивановича Порошина по обѣщанію всего полку строилъ сію работу серебреникъ Ѳедосей Т. Сему полку, за отличіе его въ послѣднюю кампанію 1812 года, пожалованы Всемилостивѣйше *Георгіевскія трубы* съ надписью: *Владимірскаго пѣхотнаго полка за сраженіе подъ Городечномъ въ Силезіи, подъ Бріенъ Лешато и при селеніи Ларотьеръ.*

гая явной опасности свою собственную, было сдѣлано представленіе Государю Императору, и по Высочайшему повелѣнію, неустрашимый Васильевъ награжденъ серебряною медалью на Владимірской лентѣ съ надписью: *За спасеніе человѣчества.* Сверхъ того Государь Императоръ изволилъ пожаловать ему единовременно сто рублей.

Честь Русскимъ, хранящимъ свято добродѣтель въ сердцахъ своихъ! — Слава Великому Монарху, умѣющему цѣнить и награждать заслуги добродѣтели!

Ш.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ.

I.

Сергѣй Леонтьевичъ Бухвостовъ, первый Солдатъ Россійскій.

Къ напечатанному о немъ въ 1 и 2 No Русскаго Зрителя присовокупляется еще слѣдующее, найденное въ бумагахъ К. Ѳ. Калайдовича:

Бухвостовъ постоянно пользовался отличною милостію Государя Петра Великаго, который, для изъявленія своего особеннаго къ нему благоволенія, приказалъ, находившемуся тогда въ Петербургѣ, извѣстному Италіянскому художнику Графу Растрелли, вылить изъ бронзы бюстъ его въ натуральную величину. Сей бюстъ отданъ потомъ для храненія въ Кунсткамеру Императорской Академіи Наукъ.

Сіе извѣстіе взято изъ книги: *Собраніе портретовъ Россіянъ знаменитыхъ* (1). Издатель которой говоритъ далѣе, что, кромѣ извѣстій, помѣщенныхъ

въ С. Петербургскихъ Газетахъ, другихъ болѣе не находящоя.

Г. Венетовъ замѣчаетъ нѣкоторое несходство между ними. На прим., въ *Вѣдомостяхъ* сказано, что Бухвостовъ вступилъ въ военную службу въ 1674 г. на 15 году своего возраста, — а это явно противорѣчитъ съ годомъ его рожденія, выставленнымъ на портретѣ. Въ *Вѣдомостяхъ* упомянуто, что Петръ I учредилъ Преображенскій полкъ въ 1695; между тѣмъ какъ изъ Исторіи сего Государя видно, что оный существовалъ еще 1694 года.

Мы, съ своей стороны, также замѣтимъ разность сего извѣстія, повтореннаго въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, издававшихся въ то время на Нѣмецкомъ языкѣ (2). Кромѣ того, что въ нихъ не означено самаго года рожденія Бухвостова, — сказано, что онъ вступилъ въ службу не въ 1683, но въ 1674 году! — По словамъ издателя сихъ Вѣдомостей Сергѣй Леонтьевичь жилъ только 86 лѣтъ. — Здѣсь, мимоходомъ замѣтимъ, что въ нихъ и самое имя художника, которому Петръ повелѣлъ сдѣлать личное изображеніе Бухвостова, измѣнено: онъ здѣсь названъ Графомъ *Астрелли*.

Время и мѣсто не позволяютъ сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній вразсужденіи извѣстій о Бухвостовѣ, и мы, помѣщая ихъ въ примѣчаніяхъ, предоставляемъ самимъ читателямъ сравнивать оныя и выводить заключеніе (3).

Соображая всѣ обстоятельства изъ жизни Сергія Леонтьевича, мы видимъ, что онъ былъ человѣкъ, рѣдкій въ свое время; что онъ заслуживаетъ все вниманіе нашихъ соотечественниковъ, какъ образецъ набожной скромности и умѣренности, какъ *первый воинъ* Великаго Монарха, какъ ревностный, усердный слуга Престолу и Отечеству.

II.

Гренадеръ Михайловъ.

Сводной дивизіи, 5го пѣхотнаго Корпуса, Владимірскаго пѣхотнаго полка 3й гренадерской роты, рядовой Тимоѳей Михайловъ въ 1823 году, находясь въ Москвѣ въ караулѣ, стоялъ на часахъ въ погорѣломъ Тверскомъ казенномъ домѣ. Большая чугунная плита, приставленная къ стѣнѣ, какъ-то опрокинулась, упала на правую ногу часоваго и переломила ее. — Гренадеръ, не взирая на сильную боль, взялъ ружье съ плеча и, облокотясь на оное, оставался на своемъ посту болѣе получаса, не подавъ голоса и, только тогда, когда въ обыкновенное время пришла къ нему смѣна, онъ уже объявилъ о чувствуемой имъ боли.

Вотъ истинно разительный примѣръ твердости, терпѣнія, совершенной точности въ исполненіи порядка и правилъ воинской дисциплины, — которыми всегда отличались воины наши въ царствованіе *Благословеннаго* и отличаются нынѣ при достойномъ Наслѣдникѣ Его Престола и добродѣтелей — мудромъ НИКОЛАѢ! —

За таковый поступокъ Михайловъ корпуснымъ Командиромъ, Генераломъ отъ Инфантеріи Графомъ Толстымъ, произведенъ въ унтеръ-офицеры и, по представленію сего же Генерала, удостоился отъ Государя Императора щедрой награды — 500 рублей единовременно.

Примѣчанія.

1. Собраніе портретовъ Россіянъ знаменитыхъ. Изд. П. Бекетовымъ. Ч. I, стр. 291, 292.

2. St. Petersburgische Zeitung No 99. Dienstags den 10 Decemb. 1728. — Allhier ist vor einigen Tagen der Artillerie Major Serge Lewontiz Buchwostow mit Tode abgegangen. Es hat der selbe bereits 1674 im 15 Jahr seines Alters unter Sr. jetzt regirenden Kayserl. Majest. Herrn. Aelter-Vater glorwürdigen gedaechtnisses Czaaren

Alexie Michaïlowitz zu dienen angefangen, und wie der glorwürdige Kayser Petrus der I. 1695 die Preobrashenskische Leib-guarde als die erste regulirte und mondirte Militz des Russischen Reichs aufgerichtet, so ist dieser Serge der erste gewesen, welcher bey dem Bombardier corpo derselben enrolliret worden. Er hat sich nachgehends durch alle classen bis zum Unter-Lieutenant aufgedienet, und von Sr. Hochseel. Kayserl. Maiest. Petro dem I viele Gnade genossen, welche ihn anno 1715 wegen seines Wohlverhaltens zum Major von der Artillerie ernennet, und sein Bildniss zum ewigen Andenken in Lebens-groesse durch den Graf Astrelli in Metall giessen lassen. Sein ganzes Leben hat er gebracht auf 69 Jahr.

3. Издатель, по волѣ Его Сіятельства Графа Дмитрія Николаевича Шереметева, имѣлъ удовольствіе получить находящійся въ Кусковѣ оригинальный портретъ Бухвостова, гравированный Махаевымъ. См. No 1 и 2.

4. Плита сія замѣчательна по слѣдующей на ней надписи: Преображенскаго полку солдатъ дву человѣкъ Петра Головкова, да Петра Погорѣльскаго и, правда Творецъ Господь, обратилъ тое болѣзнь на главы ихъ, когда отдали пытать вышепомянутаго Алешку Сучкова, которой тотчасъ повинился и сказалъ, что затѣялъ напрасно и оговорилъ Афанасьева полку Стюбарова трехъ человѣкъ: Максимку Сорокина, Ивашку Троицкаго, Ларку Недосѣкина, которые такъ же и иные съ пытокъ, а иные безъ пытокъ повинились и сказали что они всѣ семдесятъ три человѣка, которые сидѣли въ томъ Новоспасскомъ монастырѣ въ томъ богозорищѣ; а когда ихъ спрашивали: для чего они въ бѣду себя большую затѣваютъ? противъ чего они сказали, что говорилъ имъ стрѣлецъ же Ивашка Колокольцовъ: ни де одни пропадаемъ, и потѣшные останутся въ радости; пусть же де и они враги наши пропадутъ, лучше де намъ не однѣмъ умереть. Тѣмъ послѣдуя они отцу своему сатанѣ, которой хотя вѣдаетъ, что мучится, однакожъ людей къ себѣ прельщаетъ: хотѣли они чистыхъ опоганить, вышепомянутыхъ уже блазъ пытки довели." — Эта надпись съ одного изъ листовъ *копіи съ Указа* Петра I го, о которой подробно можно читать въ *Запискахъ Туманскаго* Ч. V; стр. 501.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, 12 Мая, 1828.

Ценсоръ, Владиміръ Измайловъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, АРХЕОЛОГІИ, СЛОВЕСНОСТИ

И

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество; *желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила Мудраго* Самодержавія *и* Святой Вѣры *болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія . . . по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!*

Карамзинъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1828.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи Узаконеній. Москва, 26 Мая, 1828.

Цензоръ, Владиміръ Измайловъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ V и VI.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ДОНЕСЕНІЕ
ИМПЕРАТОРУ ЛЕОПОЛЬДУ
ЦЕСАРСКИХЪ ПОСЛАННИКОВЪ,
АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА
И
ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛВУЦІЯ,
БЫВШИХЪ ВЪ МОСКВѢ,

съ 17 Февраля 1661 до 22 го Фев. 1662 года.

(Окончаніе.)

На сіе скоро получили отвѣтъ. Царемъ одобрено мнѣніе наше; но на бумагѣ его не сообщили, и на требованіе копіи никакого отвѣта намъ не дали.

Генералъ Гозіевскій, съ которымъ мы переписывались тайно, увѣдомилъ насъ, что Долгорукой и Царскаго Двора начальникъ спрашивали его, можетъ ли Царь употребить посредникомъ Курфирста Бранденбургскаго и Герцога Курляндскаго, на что онъ отвѣчалъ, что сего сдѣлать не льзя

безъ исключенія Вашего Императорскаго Величества. Принявъ однажды его посредничество, лучше предоставить волю избирать другой сторонѣ. Спрашивали еще о способѣ окончить дѣло сіе скорѣе. Отвѣчалъ, что одинъ способъ — снестись съ нами. Скрывая сіе, искали случая съ нимъ переговорить въ присутствіи одного его и нашихъ приставовъ. Содержаніе сего разговора было слѣдующее:

1662 Марта 8го, въ Москвѣ.

Спрашивали Посланники Цесарскіе Генерала Гозіевскаго. Первое, не извѣстно ли ему, почему посредничество Цесарское не принято Поляками; второе, примутъ ли оное и какимъ образомъ?

На первое отвѣчалъ: Будучи четыре года плѣннымъ, совершенно не знаю состоянія дѣлъ при Дворѣ Польскомъ, и полагаю, что оное не принято по двумъ причинамъ: первое, Поляки думаютъ, что Русскіе подъ видомъ посредничества стараются продлить переговоры для собственной пользы, а объ окончаніи дѣла не помышляютъ; второе, они приняли посредничество, предлагаемое Королемъ Французскимъ, чрезъ Посланника Антонія де Ломбръ, Генералу Нащокину посредствомъ Герцога Курляндскаго; и Поляки оное приняли, а потому и отступить не могутъ.

На второе отвѣчалъ: Не сомнѣваюсь въ принятіи онаго, когда препятствіе уничтожится. Предлагалъ Цесарскимъ Послан-

нимая доказать, что Руские непритворно желают мира, въ намѣреніи пощадить кровь Христіанскую и доставить спокойствіе обоимъ Государствамъ; а потомъ необходимость принять посредничество Короля Французскаго вмѣстѣ съ Цесарскимъ, для чего совѣтуетъ Цесарскимъ Посланникамъ отправиться якобы къ своему Государю чрезъ Литву и Польшу. Дорогою успѣютъ склонить Короля Польскаго, и всѣ препятствія уничтожатся. Надѣемся, что сіе возымѣетъ счастливый успѣхъ, о чемъ обѣщаетъ стараться, или по приближеніи къ границамъ Литовскимъ, снесясь съ приставами Польскими о принятіи посредничества Цесарскаго, ожидали бы успѣховъ отъ его переговоровъ съ Королемъ, между тѣмъ какъ друзья могутъ стараться о мирѣ, перемиріи и размѣнѣ плѣнныхъ.

Отправясь къ границамъ Литовскимъ, Посланникъ Цесаря употребитъ всевозможное стараніе для пользы общественной, не сомнѣваясь, что Гозіевскій произведетъ одинъ переговоры съ Королемъ Польскимъ въ Варшавѣ; Русскимъ же нужно отправить чиновника къ нему съ должнымъ предписаніемъ и полномочіемъ на все вышеозначенное.

Кромѣ того Посланники, доведя до свѣдѣнія Генерала Гозіевскаго, что Дьякъ Ефимій Прокофьевъ, прошедшимъ лѣтомъ съ трубачемъ отправленный къ Цесарю, задержанъ въ Варшавѣ и письма у него отняты,

просили, чтобъ онъ самъ послѣ его арестованія и доставленія ихъ трубачу ѣхалъ съ одными въ Польшу и пропущенъ былъ Шкловскимъ начальникомъ далѣе для переговоровъ съ Королемъ Польскимъ о своей свободѣ съ прочими, а потомъ въ Вѣну или сюда. Гозіевскій обѣщался о семъ постараться.

Все сіе исполнено было по желанію Царя, который 23го Февраля извѣстилъ насъ о вышеозначенномъ чрезъ данныхъ намъ приставовъ.

Послѣ сего разговора Царь повелѣлъ Гозіевскому ѣхать прямо къ Королю съ Генераломъ Нащокинымъ; почему просили позволенія имѣть съ нимъ въ другой разъ разговоръ, коего содержаніе сообщено такъ:

1662 го Марта 8 въ Москвѣ. Посланники Цесарскіе желали видѣть Гозіевскаго до отъѣзда его; сіе имъ позволено, за что и благодарятъ. Содержаніе разговоровъ о мирѣ, которые они имѣли, есть слѣдующее: первое, на прошеніе означенныхъ Пословъ Гозіевскій согласился стараться, чтобъ Польскіе Послы, назначенные для переговоровъ о мирѣ, допустили вначалѣ Посланниковъ Цесарскихъ, ежели не въ характерѣ Посланниковъ, то какъ друзей; второе, постараться о томъ, чтобъ Поляки приняли посредничество Цесарское; третіе, онъ извѣститъ объ успѣхѣ изъ Шклова, ежели тамъ встрѣтится съ Польскими Послами, съ дороги или изъ самаго дворца; четвертое, желаетъ имѣть свѣдѣніе о инструкціи Гене-

рала Нащокина для соображенія по оной своихъ плановъ при Дворѣ Польскомъ.

Послы Цесарскіе, сображая, что приставы Польскіе извѣстились о мирныхъ переговорахъ, а приставы Русскіе приближаются къ Смоленску и скоро всѣ съѣдутся въ Шкловъ, и будучи увѣрены, что при началѣ всегда встрѣчаются трудности, для прекращенія коихъ дружеское посредничество нужно, полагаютъ отбытіе свое въ Смоленскъ необходимымъ. Будучи на мѣстѣ, они всегда подадутъ во время нужную помощь, а въ Москвѣ сего сдѣлать не могутъ, и ежели Гозіевскій успѣетъ согласить приставовъ Польскихъ, допустить ихъ какъ друзей, то имъ не откажутъ и какъ Посламъ заключить миръ.

Посланники Цесарскіе предлагали назначить мѣсто для переговоровъ, удаленное отъ театра войны, а производить оные во время перемирія, ибо удачное сраженіе заставляетъ каждую сторону мѣнять свои условія и слѣдовательно лишаетъ возможности заключить миръ. Пребываніе свое на границахъ почитаютъ полезнымъ въ томъ отношеніи, что друзьямъ позволяется разсуждать и предлагать свои мнѣнія. Могутъ же они ѣхать какъ бы къ своему Государю и остановиться въ Смоленскѣ подъ видомъ болѣзни одного изъ нихъ.

Замѣчая въ Гозіевскомъ самую большую наклонность къ миру, предлагаютъ Нащокину сообщить содержаніе своей инструк-

ціи, сколько нужно для посредниковъ, дабы онъ могъ принять лучшія мѣры, и просишъ приказашь пограничнымъ начальникамъ доставляшь немедленно имъ письма, кои по прочшеніи сообщашся.

Находя все сіе полезнымъ для блага общаго, увѣряюшъ въ своей гошовносши повиноващься полезнѣйшему, поставляя закономъ желаніе своего Государя заключишь миръ — въ чемъ ежели при помощи Божіей успѣюшъ, сочшушъ себя наисчасшливѣйшими, когда пошоки крови Хрисшіанской наконецъ изсякнушъ. Послѣ предсшавленія бумаги позваны были 15 го Маршa въ конференцію, на коей заключено, ошправишь насъ въ Смоленскъ и шамъ ожидашь конца переговоровъ какъ Гозіевскаго, шакъ и Нащокина.

Депушашы на сей конференціи объявили намъ ошъ Царя, чшо начальникъ Динабурга получилъ ошъ Курляндскаго Герцога въ прошедшемъ Ноябрѣ письма Вашего Императорскаго Величесшва къ намъ, кои задержаны были по причинѣ набѣговъ Лишовскихъ до Декабря, и ошправлены уже имъ по удобной и безопасной дорогѣ. Мы думали, чшо сіи писвма ошъ 27 го Авгусша 1661 распечашаны Москвишянами, и коихъ дупликашы 18 го Марша 1662 съ оригиналомъ ошъ 21 го Окшября 1661 получены, но мы захошѣли пришвориться, дабы безъ позволенія Вашего Императорскаго Величесшва не называшь Царя Величесшвомъ.

По исполненіи всѣхъ милостивыхъ вашихъ предписаній, пригласили мы бумагою Депутатовъ и Царскихъ Министровъ на конференцію.

1662, 19 Марта, Москва.

Посланники Цесарскіе изъ бумаги своего Государя отъ 21 прошедшаго Октября извѣстились, что трубачь пріѣхалъ въ Варшаву, а Король Польскій былъ не доволенъ Посланникомъ нашимъ де Лизолою отъ несправедливыхъ навѣтовъ на него въ томъ, что якобы на прошедшемъ Сеймѣ онъ имѣлъ предосудительныя сужденія съ Государственными Чинами, за что пріѣздъ во дворецъ ему возпрещенъ; а трубача посадили подъ стражу, котораго послѣ освободили, но посредничества не приняли и Еѳимія Прокоѳьева не пропустили. Послѣ оправданія де Лизолы въ выдуманномъ на него преступленіи, дружеотвенныя сношенія начались снова между Императоромъ и Королемъ, и согласіе еще болѣе водворилось. Цесарь, желая доставить Христіанскимъ Государямъ миръ, неоднократно приглашалъ его къ сему, а онъ назначилъ своихъ приставовъ для переговоровъ о мирѣ. Между тѣмъ столько говорили о принятіи Цесарской медіаціи, что половина Польши объявила, что ежели не возможно заключить мира безъ посредниковъ, то примутъ медіацію Цесарскую; почему Императоръ повелѣваетъ своимъ Посланникамъ, де Майерну ѣхать на мѣсто и ожидать окончанія, а Малвуцію остаться въ Москвѣ посредни-

комъ, будетъ ли миръ, или нѣтъ по постановленію на конференціяхъ съ Депутатами и объявлять бумаги касательно мира отъ Цесаря и Посланниковъ де Майерна и де Лизолы.

Посланникъ де Лизола старался у Короля объ освобожденіи означеннаго Дьяка, которой объявилъ, что онъ освобожденъ. Полагаютъ, что его содержатъ не по приказу Короля. По пріѣздѣ Гозіевскаго въ Варшаву надѣются, что его освободятъ, а между тѣмъ просятъ отправить де Майерна немедленно въ Смоленскъ.

На сіе отвѣчали не словесно, а самымъ дѣломъ. Отъѣздъ, положенный на конференціи, отмѣненъ, и Гозіевскій еще за четыре дня до полученія писемъ Вашего Императорскаго Величества уѣхалъ. 10го Апрѣля, на другой день Пасхи, одинъ изъ приставовъ посѣтилъ насъ и на прошеніе де Майерна объ отъѣздѣ своемъ въ Смоленскъ отвѣчалъ: тамъ жить нехорошо, для чего разставаться съ товарищами безъ причины? лучше ѣхать въ отечество. Царское обѣщаніе принять посредничество не сбылось, да и Дьякъ съ Царскими письмами о семъ дѣлѣ не допущенъ былъ до Вашего Императорскаго Величества. Король оное отвергнулъ, а намъ остается возвратиться въ отечество, но не чрезъ Польшу, гдѣ въ наше отсутствіе причинены оскорбленія Королемъ Вашему Императорскому Величеству. Присутствіе можетъ подать причи-

ну новымъ неудовольствіямъ. Наконецъ жаловался на Аллегрета и сожалѣлъ, что онъ, будучи посредникомъ, не заботился о пользѣ Россіи.

Мы отвѣчали, что употребимъ всевозможное стараніе отдалить опасности, и чрезъ два дня представили Царю слѣдующую бумагу:

1662 Апрѣля 12го, Москва.

Бумагою, отъ 19го числа прошедшаго Марта, приставу Григорію Дьяку врученною, Посланники Цесарскіе объяснили по повелѣнію своего Государя, что частію Польшѣ объявлено: ежели мира не можетъ быть безъ посредника, то допускается одно только Цесарское, и сообщили о новомъ повелѣніи, подтверждающемъ прежнее.

Ежели о мирѣ разсуждаемо будетъ безъ посредника, или съ посредникомъ, то въ томъ и другомъ случаѣ де Майерну отправиться на мѣсто переговоровъ и тамъ ожидать окончанія, а Кальвуцію быть въ Москвѣ по положенію Депутатовъ на конференціи. И просили отправить де Майерна немедленно въ Смоленскъ; но сего исполнено не было подъ предлогомъ наступленія праздничныхъ дней, по прошествіи которыхъ, какъ случается, наступаютъ новые, а они между тѣмъ останутся виновными предъ своимъ милостивымъ Государемъ за медленное исполненіе повелѣній его. Изъ писемъ 12го Іюня, представленныхъ трубачемъ изъ Вѣны отъ 16го Августа, ему из-

вѣстно уже, что на третьей конференціи намъ объявлено было Депутатами Царское и ихъ согласіе на отъѣздъ де Майерна и пребываніе Кальвуція въ Москвѣ. Какимъ образомъ Государь приметъ и повѣритъ, чтобы благоразумное и приличное размѣщеніе его Посланниковъ, одному оставаться при производствѣ, другому отдалять затрудненія, встрѣчающіяся при исполненіи, съ содѣйствіемъ третьяго въ Варшавѣ при Королѣ Польскомъ и Москвѣ отвергалось нынѣ Рускими, для пользы и чести коихъ сіе дѣлается, противъ прежняго ихъ согласія и надежды какого-либо успѣха; ибо Кольвуція невольно безъ дѣла и повелѣнія Государя отсылаютъ на мѣсто переговоровъ? Посланники Цесарскіе льстятъ себя надеждою, что примутъ въ уваженіе строгую покорность, наблюдаемую къ Царямъ и Монархамъ ихъ Посланниками, которые наказываются примѣрно за нарушеніе оной, и позволятъ имъ для блага и славы Россіи располагать по волѣ ихъ Государя собою, и тѣмъ отдалить, въ воздаяніе за тяжкіе труды въ семъ важномъ порученіи, за долговременное томленіе въ домахъ и за разстройку здоровья, негодованіе ихъ Государя. Въ надеждѣ и увѣренности снова прибѣгаютъ съ покорнѣйшею прозьбою оставить Кальвуція здѣсь, а де Майерна немедленно отправить въ Смоленскъ, какъ не могущаго быть полезнымъ въ Москвѣ, для того что Польскіе приставы, возвратясь съ Сейма, прибыли вѣроятно на границы и ожидаютъ начатія

переговоровъ; на сію бумагу просятъ, какъ слѣдуетъ, письменнаго отвѣта.

Сіе исполнено было настоящимъ образомъ, о чемъ скажемъ ниже.

28го Февраля Послы Шведскіе, изъ коихъ первый Бенедиктъ Горній, пріѣхали въ Москву съ многочисленною (около 250 человѣкъ) знаменитою свитою и прислугою, приняты съ меньшею пышностію. За городомъ пѣхотнаго войска не было, а отправлены были только низшіе придворные на встрѣчу.

6го Марта ѣхали они на первую аудіенцію, при играніи трубъ до дворца Царскаго, но Маршалу посольства не позволили войти съ серебрянымъ жезломъ въ залу аудіенціи, о чемъ Горній тщетно просилъ.

Дары, поднесенные Царю, состояли изъ серебряныхъ вызолоченныхъ штукъ числомъ 39. Въ разговорахъ его называли *Величествомъ*. На аудіенцію входили съ накрытою головою и только за 8 шаговъ отъ Царя открыли ее; послѣ привѣтствія и цѣлованія руки, по обыкновенію, сѣли, накрылись и откланивались Царю еще въ глазахъ его; при выходѣ то же сдѣлали.

Просили Царскаго позволенія письменно послать прежде къ нимъ, а потомъ ѣхать. Первое было позволено; исполнивъ оное, получили равномѣрно вѣжливой отвѣтъ.

16 Дня утвержденъ миръ Царемъ, и Послы для извѣщенія насъ прислали придвор-

наго чиновника и приглашали насъ ѣхать въ обратный путь чрезъ Лифонію.

Предлагаемое ими посредничество не было принято, и даже объявлено Царемъ, что медіація Вашего Императорскаго Величества была достаточна. По прибытіи курьера 2 Апрѣля изъ Стокгольма, начались тайные переговоры между ними и Царскими Министрами и все было обнародовано, исключая двухъ спорныхъ пунктовъ, по желанію Шведовъ; чтожъ касается до посредничества, узнали мы слѣдующее:

Посланникъ Горнъ присылалъ изъ вѣжливости часто Италіянца, повѣреннаго своего, которой происходилъ отъ благородной Медіоланской фамиліи Тогнановъ, былъ Кавалеромъ Мальтійскимъ, и женившись на Католичкѣ, перемѣнилъ свою религію. Какойто сотникъ подошелъ къ нашему Священнику 12 Апрѣля и просилъ его, не имѣя съ нимъ никакого знакомства, предостеречь насъ отъ Тогнана богоотступника. Будучи Католикомъ и родившись въ Римской Имперіи, онъ, по словамъ его, почиталъ обязанностію объявить о семъ Лютеранинѣ свиты Шведской Цесарскимъ и Католическимъ Посланникамъ.

16 Тогнанъ пришелъ и, по изъявленіи своей любви къ отечеству, объявилъ за великую тайну, что Бенедиктъ Горнъ выѣхалъ 13 изъ Москвы въ Царской каретѣ подъ видомъ прогулки, а на самомъ дѣлѣ, согласившись съ Царемъ, поѣхалъ въ загородной домъ; приближенный же его полу-

чилъ повелѣніе Царское ѣхать въ домъ Князя Долгорукаго для разсужденія съ дворецкимъ о томъ, чтобы, исключивъ Ваше Императорское Величество, принять посредникомъ Короля Шведскаго. При переговорахъ Министромъ будетъ Горнъ. И при двухъ особахъ будетъ имѣть свиданіе съ Царемъ для окончанія сего дѣла.

За извѣстіе поблагодаривъ Тогнана, сказали, что Ваше Императорское Величество не думаетъ препятствовать принятію многихъ посредниковъ и не вѣритъ, чтобы по принятіи медіаціи можно было ее отвергнуть по истеченіи года; да и самъ Царь не откажется отъ своего обѣщанія, повтореннаго неоднократно въ письмахъ къ Вашему Императорскому Величеству, Королямъ Польскому и Французскому, тѣмъ болѣе, что половина Польши объявила о принятіи посредничества его одного, ежели мира безъ сего будетъ заключить не льзя.

20 Пришелъ онъ по должности своей отъ Посла поздравить насъ и, по обыкновенной привѣтливости, увѣрялъ, что все исполнилось, и мы скоро возвратимся въ отечество чрезъ Ливонію.

При отъѣздѣ Горна вручили ему отъ Царя, кромѣ обыкновенныхъ даровъ, 44 мѣха дорогихъ собольихъ, двѣ Персидскія колашки, пару лошадей и двѣ тысячи червонныхъ.

Сообщенныя выше извѣстія отъ сотника и Тогнана показались подозрительными, и мы не могли понять, для чего одинъ то-

му, другой Горну, подъ покровительствомъ коего находился и служилъ, измѣняли безъ всякой причины; но по соображеніи многихъ доказательствъ убѣдились, что сіе было сдѣлано по повелѣнію Горна, дабы непріятнымъ и преждевременнымъ симъ извѣстіемъ скорѣе заставить насъ выѣхать изъ Россіи и оставить праздное мѣсто для него. Не имѣя причины жаловаться на Королей Польскаго, Шведскаго и на Царя, мы скрыли сіе извѣстіе отъ Русскихъ, и положили, настоятельно требовать отъѣзда де Майерна въ Смоленскъ, въ намѣреніи говорить о семъ послѣ втораго отвѣта.

Да позволено намъ будетъ немного отступить и разсказать, что 27 Марта, въ день тезоименитства, Царь, празднуя Святому Алексѣю, давалъ намъ обыкновенный обѣдъ въ нашемъ домѣ, а Шведамъ въ ихъ, и что 2 Апрѣля, послѣ церемоніи, пригласилъ всѣхъ къ себѣ, исключая Горна, которой тогда былъ болѣнъ. Мѣсто, гдѣ мы стояли, было ближе къ Царю. Онъ послалъ спросить въ одно время насъ и Шведовъ о здоровьѣ, съ тою только разницею, что къ намъ посланъ былъ Секретарь Лопухинъ, а къ нимъ простой Дьякъ, можетъ быть потому, что Горна не было.

20 го Дня прибылъ къ намъ извѣстный Желябужскій, въ первый разъ послѣ 9 прошедшаго Генваря, по причинѣ посольства его и между прочимъ своимъ многоглаголаніемъ сказалъ, что Дьякъ Ефимій находится въ

плѣну у Короля Польскаго и содержится между Варшавою и Вильною, прибавивъ, какъ бы съ желаніемъ, чтобъ Король отправилъ скорѣе письма въ Вѣну къ Вашему Императорскому Величеству, а мы разсуждая, что сіе клонится для отдаленія принятаго посредничества, отвѣчали тотчасъ: не сомнѣваемся, что онъ ихъ доставилъ; наши письма были одинаковаго содержанія и курьеръ съ оными проѣхалъ свободно. Потомъ говорилъ: Французы хотятъ, какъ видно, посадить на престолъ Польскій кого-либо изъ своихъ и набираютъ войско. Но какимъ образомъ достигнуть имъ Польши? Ежели будетъ согласіе между Царемъ и вашимъ Государемъ, то вѣрно ни одинъ Французъ не увидитъ ее. Какимъ образомъ поступятъ они тогда, когда Его Императорское Величество пожелаетъ или себѣ, или любезнѣйшему брату Царство Польское? Царь употребитъ для сего свое стараніе въ надеждѣ, что и вашъ Императоръ исполнитъ сіе. И тогда, ежели Богъ поможетъ, вы не послѣдуете Аллегрету, который противорѣчилъ во всемъ Царю.

Мы отвѣчали: не вѣроятно, чтобъ Французы могли завладѣть вооруженною рукою свободнымъ престоломъ Королевства Польскаго. Имъ извѣстно, какія потребны усилія для покоренія народа, совершенно различнаго съ ними нравами. Моремъ Балтійскимъ могутъ прибыть въ Польшу; но сего сдѣлать нельзя безъ согласія Поляковъ;

въ противномъ случаѣ послѣдствія покажутъ ихъ успѣхи. Ваше Императорское Величество не желаетъ онаго ни себѣ, ни брату своему: себѣ потому, что престолы Императорскій и Королевскій не могутъ быть соединены; а брату потому, что онъ ожидаетъ лучшій. Думаемъ, что желанію Царя быть избраннымъ, Ваше Императорское Величество препятствовать не будете, и представляли на сіе причины, въ Латинскомъ наставленіи изложенныя, которыя на второй аудіенціи при подобномъ вопросѣ сообщены были Депутатамъ.

Майернъ просилъ о исходатайствованіи его именемъ у Царя позволенія, ѣхать ему въ Смоленскъ. — Онъ отвѣчалъ, что когда де извѣстно, что Польскій Король не принялъ посредничества Вашего Императорскаго Величества, то Царь не оказалъ бы братскаго расположенія Вашему Императорскому Величеству, подвергая васъ новымъ обидамъ. Безопаснѣе ѣхать вамъ чрезъ Ливонію съ письмами его, въ коихъ ясно означится необходимость отъѣзда вашего. — Де Майернъ отвѣчалъ: Благодарю Царя за его вниманіе и уваженіе къ Вашему Императорскому Величеству, но обидъ новыхъ не опасаюсь; ибо Польша объявила уже, что допускаетъ въ необходимости одно посредничество Вашего Императорскаго Величества. Царь, желая избавить насъ отъ явныхъ обидъ, оскорбляетъ отсылкою домой противъ нашей воли, повелѣнія Государя и обѣщанія, неоднократно повтореннаго, при-

нять нашу медіацію, а теперь, какъ кажется, желаетъ насъ отъ сего устранить. Де Майернъ объявилъ, что не противится Царю и дѣлать сего не желаетъ; но убѣдительнѣйше проситъ, позволить выполнять волю своего Государя и донести о семъ Царю.

Извѣстясь, что Августинъ де Майернъ знакомъ былъ съ Аббатомъ Марше̃ттомъ, Статсъ-Секретаремъ Герцога Этрурскаго, къ коему скоро намѣренъ былъ отправиться, просилъ дружески дать ему рекомендательныя письма, для полученія коихъ приходилъ и возобновлялъ прошедшій разговоръ; но отвѣтъ былъ тотъ же.

Де Майернъ повторялъ прозьбу свою, чтобы за всѣ труды, подъятые и будущіе, Царь позволилъ ему оставить товарища своего въ Москвѣ, въ слѣдствіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, а самому отправиться въ Смоленскъ и ожидать тамъ возвращенія курьера, посланнаго къ Вашему Императорскому Величеству.

24 Были на конференціи съ Депутатами. Богданъ Матвѣевичь Хитровъ прибылъ поздо.

Секретарь Лопухинъ читалъ Царское опредѣленіе о нашемъ отъѣздѣ, слѣдующаго содержанія:

По опредѣленію послѣдней конференціи отправляемся въ Смоленскъ. Ежели Поляки примутъ насъ посредниками, то вступить

въ сію должность; ежели же отвергнутъ, возвратиться къ Вашему Императорскому Величеству чрезъ Ливонію и Польшу. Царь, не имѣя достаточной причины, оставлять Колвуція въ Москвѣ, повелѣваетъ отправиться обоимъ и вручить намъ на аудіенціи отвѣтъ на всѣ предложенія. Изъ почтенія къ Вашему Императорскому Величеству, какъ любезнѣйшему его брату, оказываетъ намъ особенную почесть, т. е. вмѣсто стола, къ коему приглашаются обыкновенно Цесарскіе Посланники, допущаетъ насъ къ дружескому разговору въ своихъ покояхъ.

Мы отвѣчали, что повинуемся по необходимости сему объявленію, вопреки всѣмъ просбамъ учиненному; но просимъ позволенія по крайней мѣрѣ поступать въ Смоленскѣ по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, и ежели Поляки не примутъ нашего посредничества, то ожидать слѣдствій незаключенія мира безъ посредника, по обѣщанію Польскому.

За необычайную почесть, коею Царь желаетъ насъ почтить, благодаримъ чрезвычайно и просимъ вмѣсто сихъ необыкновенныхъ почестей, оказываемыхъ Вашему Императорскому Величеству, не отказывать намъ въ обыкновенномъ.

И когда Министры по многимъ вышесказаннымъ разговорамъ не убѣдились, мы потребовали позволенія по пріѣздѣ въ Смоленскъ отправить тотчасъ курьера для извѣщенія о всемъ Вашего Императорскаго

Величества и ожидать дальнѣйшаго повелѣнія; чтожъ касается до обѣда, мы того не требуемъ силою; но о всемъ донесемъ Вашему Императорскому Величеству.

Выслушавъ сіе Долгорукой, пошелъ къ Царю, и скоро возвратясь, сказалъ: Отправленіе курьера и ожиданіе обратнаго его пріѣзда сходствуетъ съ посланнымъ трубачемъ, которой не возвращался. Впрочемъ по истеченіи должнаго времени мы должны ѣхать и Царь не перемѣнитъ своего повелѣнія, при семъ выхвалялъ оказанное намъ благоволеніе и между прочимъ давалъ знать о довѣренности, какую имѣлъ къ намъ.

Пользуясь симъ случаемъ, мы сказали, что за откровенность платимъ тою же откровенностію, и объявили, что слышали, яко бы Шведы приняты посредниками; въ чемъ мы сомнѣваемся, представляя ему на разсужденіе первое: Шведы, съ коими заключенъ миръ на условіяхъ возвратить всѣ занятыя мѣста и размѣняться плѣнными, не убѣдятъ Поляковъ выпить то лѣкарство, котораго они не хотѣли, т. е. уступить хотя одно мѣсто изъ занятыхъ Царемъ. Второе: Шведы и Французы, наподобіе сихъ свѣчь (на столѣ горѣли двѣ восковыя свѣчи съ двумя свѣтильнями, изъ коихъ на одну указали), которыя столь тѣсно соединены, что управляются однѣми страстями, Долгорукой отвѣчалъ, ежели Царь допустилъ Шведовъ къ посредству, то сего бы отъ васъ не скрылъ. И наконецъ послѣ

разговора довольно долгаго утвердительно сказалъ, что сіе несправедливо. Польша предлагала многихъ посредниковъ; но Царь не принялъ.

Во внутренніе покои Царскіе шли по лѣстницѣ и переходамъ, въ коихъ по обѣимъ сторонамъ стояла стража рядами въ богатомъ вооруженіи и все такъ убрано было обоями, что не видно было ни пола, ни стѣнъ, ни печей, ни потолка. А самъ находился во второмъ покоѣ своего пребыванія, освѣщенномъ множествомъ восковыхъ свѣчь, сидя на богатѣйшихъ курульскихъ креслахъ, поставленныхъ въ углу подлѣ окошка; на немъ была шапочка, блистающая жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; въ правой рукѣ держалъ жезлъ изъ слоновой кости съ большими драгоцѣннѣйшими бриліантами, облокотясь на правую руку; съ лѣвой стороны сидѣли нѣкоторые изъ приближенныхъ. Послѣ поклоненія нашего повелѣлъ намъ сѣсть на скамьѣ у стѣны противъ себя, и спросилъ находящагося при насъ Секретаря Лопухина о здоровьѣ нашемъ, и вставъ съ своего сѣдалища, положилъ шапку и жезлъ на скамейку, подлѣ него находящуюся, ступенькою выше престола. Привѣтствовалъ де Майерна, держа въ рукѣ большой хрустальной бокалъ, за здоровье Вашего Императорскаго Величества, любезнѣйшаго его брата, слѣдующими словами: Дай Богъ, чтобы мы съ великимъ Государемъ восторжествовали надъ своими врагами! и потомъ выпилъ однимъ разомъ.

Тогда надѣвъ шапку сѣлъ, и самъ своею рукою поднесъ де Майерну большой серебряной вызолоченой кубокъ, полно налитый, и почти такимъ образомъ поступилъ съ Калвуціемъ и тремя изъ нашей свиты, коихъ позволено было намъ взять съ собою. Когда одинъ послѣ другаго выпили стаканы съ разными напитками, тогда самъ, болѣе не вкушая, предлагалъ тѣмъ же порядкомъ и способомъ намъ пить. Пили мы постепенно за здоровье старшаго сына, младшаго и всей фамиліи, а наконецъ за успѣхъ въ добромъ мирѣ. Выслушавъ послѣднее, онъ сказалъ: Это бы хорошее было дѣло. Исполнивъ сіе, мы пошли, замѣтя, что тѣ, кои подносили кубки намъ отъ Царя и прибирали ихъ, были съ накрытою головою, даже когда и Царю подносили. Вельможи и мы сидѣли съ открытою головою. Многіе изъ первыхъ Бояръ и Царскихъ Постельничихъ въ то время, какъ мы были во внутренниxъ покояхъ, угощали дружественнымъ образомъ свиту нашу во внѣшнихъ, а ветераны нашихъ мальчиковъ.

На слѣдующій день публичная аудіенція была тамъ же и съ обыкновеннымъ церемоніаломъ. Канцлеръ, по прочтеніи о нашемъ отправленіи, сказалъ: Царь, зная о нашихъ предложеніяхъ изъ писемъ Вашего Императорскаго Величества, нами врученныхъ и донесеній своихъ Депутатовъ, отвѣтствуетъ на оныя слѣдующее: Отправляйтесь въ Смоленскъ. Ежели Поляки примутъ ваше посредничество, то вступу-

ните въ должность сію; а ежели нѣтъ, то возвратитесь къ Его Императорскому Величеству. Мы замѣтили ему, что сіе несогласно было съ опредѣленіемъ конференціи, гдѣ говорено объ отправленіи курьера изъ Смоленска и ожиданіи его возвращенія. На сіе Канцлеръ отвѣчалъ: Царь! не перемѣнилъ опредѣленія, но тайныя рѣшенія не объявляются на публичныхъ аудіенціяхъ.

Царь всталъ съ своего мѣста, и придерживая корону на головѣ лѣвою рукою (Аллегреттъ думалъ, что онъ снималъ ее), сказалъ намъ: По пріѣздѣ вашемъ привѣтствуйте Его Императорское Величество дружественнѣйшимъ образомъ. Потомъ, вручивъ письма, допустилъ къ правой рукѣ. Тѣмъ же днемъ данъ былъ обѣдъ намъ съ обыкновеннымъ церемоніаломъ въ нашихъ покояхъ.

Причиною отказа въ обѣдѣ, даваемомъ при отъѣздѣ Посламъ Цесарскимъ и Польскимъ, полагаемъ желаніе, уничтожить древній обычай, пить Посланникамъ за здоровье Императора или Короля съ открытою головою. Такъ не употреблялся уже болѣе обычай приглашать Посланниковъ къ столу послѣ первой аудіенціи, какъ то было при Васильѣ въ бытность Графа Нугарола, Посланника Императора Карла V и Барона Сигизмунда Герберштейна, Посланника Фердинанда I, кои увѣряютъ что они были выслушиваемы съ непокровенною головою.

1 Мая пріѣхали мы къ Князю Долгорукому и приняты были имъ и начальникомъ Царскаго дворца во внутренніе покои. Содержаніе пространныхъ разговоровъ съ нами, какъ друзьями, а не Посланниками, было слѣдующее: Цари Московскіе со временъ Максимиліана I были въ дружескомъ сношеніи съ Римскимъ Императоромъ, которое при нынѣшнемъ Государѣ Алексѣѣ еще болѣе утвердилось. Онъ, изъ уваженія къ тому, что былъ извѣщенъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ по принятіи Римскаго Престола, немедленно принялъ посредничество; потомъ говорилъ, что Польша и Литва находятся въ большой опасности и угрожаются междоусобною войною по причинѣ неимѣнія Королемъ дѣтей и опасенія, чтобы Французы не завладѣли престоломъ. И потому Ваше Императорское Величество не примете ли противъ сего какихъ-либо мѣръ; они не хотятъ Француза допустить до владычества ими и для того пріемлютъ съ удовольствіемъ мѣры, могущія отвратить сіе. Ежели Царь, по предложенію Ливонцевъ, сдѣлаетъ наслѣдникомъ Королю Казимиру котораго-либо изъ своихъ сыновей, то увѣренъ, что Ваше Императорское Величество сему не позавидуетъ, равно и онъ поступитъ, ежели будете выбраны вы или братъ вашъ. Благоразумнѣе ничего не можетъ быть, какъ положивъ твердое основаніе доброму союзу, помогать другъ другу взаимно къ уступленію Польши Вашему Императорскому Величеству, а Литвы Царю.

По окончаніи сего между прочимъ онъ просилъ насъ сообщить свое мнѣніе, которое мы изъяснили такимъ образомъ:

Извѣстно намъ и всѣмъ, что Римскіе Императоры и Цари Московскіе взаимно сохраняли между собою дружество, для поддержанія коего Ваше Императорское Величество посылали сперва письма чрезъ Любекъ, а потомъ отправили прямо къ Царю Посла (какъ мы уже говорили въ первомъ нашемъ предложеніи) для извѣщенія о выборѣ его Римскимъ Императоромъ, точно такъ какъ и всѣхъ Государей, коихъ извѣщать о семъ случаѣ при Дворѣ Императорскомъ издавна было обыкновеніе; наконецъ для вящшаго доказательства братской любви Ваше Императорское Величество отправили снова насъ для доставленія Царю и подданнымъ его мира. Согласны, что Француза не должно допускать до Польскаго престола тѣмъ, кои, разсматривая вообще и частно учрежденіе Франціи, имѣютъ справедливость опасаться сего безпокойнаго и опаснаго сосѣда; думаемъ однакожъ, что большой опасности не настоитъ: ибо многіе дворяне противятся выбору его, а силой достигнуть до сего нѣтъ возможности. Полагаемъ притомъ, что самое вѣрное средство отвратить зло состоитъ въ томъ, чтобъ подкупить нѣкоторые голоса при выборѣ, а другимъ внушить явную ненависть къ Французамъ. Ежели Государь нашъ согласился на Царской выборъ, то думаетъ, что воля его въ семъ случаѣ не из-

мѣнится. За взаимное желаніе Вашему Императорскому Величеству благодарили и приняли оное какъ самой пріятной знакъ братскаго благорасположенія не для какихъ-либо будущихъ выгодъ; ибо мы неоднократно извѣщали, что Ваше Императорское Величество ни для себя, ни для Свѣтлѣйшаго Брата Польскаго престола не желаетъ. Знаемъ, что все Королевство Польское одинаково думаетъ относительно его лица, но не менѣе того, разговаривая, по его увѣренію, не какъ Посланники или Министры, но какъ личные друзья, желаемъ знать откровенно его мнѣніе, какимъ образомъ должно совершиться сіе предполагаемое раздѣленіе, избраніемъ, или мечемъ? и потомъ сіе избраніе наслѣдника будетъ ли при жизни Короля, или послѣ его смерти? Королв, Королева и преданные имъ не допустятъ до выбора никого, кромѣ давно желаемаго Француза, да и самая конституція воспрещаетъ избирать наслѣдника при жизни Короля, на коей основываясь, они всегда могутъ уничтожить актъ наслѣдованія. А во второмъ случаѣ и самое цвѣтущее здоровье Короля обѣщаетъ жизнь долголѣтную, и притомъ, ежели будетъ угодно Богу воззвать Королеву изъ сей жизни, Король можетъ жениться и имѣть отъ другой жены сына, могущаго положить предѣлъ замысламъ честолюбцевъ. Когда тѣмъ и другимъ образомъ достигнуть не возможно, остается одно средство: единогласное избраніе, несовмѣстное однако съ предпо-

лагаемымъ раздѣленіемъ частей, которое они благоразумно стараются отвратить, какъ вредное свободѣ. И потому не понимаемъ, какимъ образомъ можетъ совершиться чрезъ избраніе предполагаемое раздѣленіе?

Ожидали, что возмутъ другую сторону, то есть войну; но любезный Долгорукой говорилъ по своему обыкновенію много и не сказалъ настоящаго, отъ чего и мы замолчали.

Когда онъ говорилъ очень много намъ о пользѣ и даже необходимости предполагаемаго союза, мы кстати сказали, для чего Царь, помышляя о семъ, не обязалъ Вашего Императорскаго Величества какою-либо помощію противу Турокъ; тогда всѣ предпріятія были бы удобнѣе. Онъ отвѣчалъ на сіе намъ, что мы уже сообщили. Удивительно, говорили мы, что Царь, будучи въ войнѣ съ Могаммеданами Крымскими, не заботился о столь могущественномъ союзникѣ. Помирите насъ съ Польшей, сказалъ онъ, и тогда всѣми силами пойдемъ на Крымъ. Сіе обѣщали; но кто повѣритъ Москвитянамъ? Объявилъ намъ, что Царь хочетъ удержать нѣкоторыя мѣста за собою и на семъ условіи только заключитъ миръ.

Сверхъ того о Шведскомъ посредничествѣ сказалъ, что Горнъ предлагалъ Царю съ увѣреніемъ, что Польскій Король говорилъ Степану Біелко, желательно, чтобъ Король Шведскій, исключая всѣхъ, былъ посредникомъ и для того велъ бы съ Царемъ

переговоры, чтобъ, отославъ насъ, принялъ его; но Царь отвергъ оное, объявя съ твердостію о принятіи уже посредничества Вашего Императорскаго Величества, что обязательство письменное важнѣе словеснаго. Съ нами дѣло было на письмѣ, а съ Горномъ на словахъ. Его отпустили къ Королю, а мы отправляемся въ Смоленскъ, подлѣ коего, а не Стокгольма, будутъ ведены переговоры о мирѣ. И такъ мы узнали, кто допущенъ и кому отказано. Но для чего не Царь, а онъ объявилъ намъ, если это правда?

5 Маія получили мы изъ иностранной канцеляріи отъ имени Министровъ, съ коими мы сносились, бумагу на Славянскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія, сокращенно:

1. Касательно Турокъ отвѣчали то, что мы уже писали Вашему Императорскому Величеству и выше изъяснено.

2. Касательно отъѣзда де Майерна къ мѣсту переговоровъ и настоянія о пребываніи въ Москвѣ отвѣчали, что на послѣдней конференціи сообщено было, какъ мы уже донесли, т. е. повелѣно Царемъ ѣхать обоимъ въ Смоленскъ и тамъ, ежели Поляки примутъ наше посредничество, исполнять свою должность; ежели же нѣтъ, то отправиться чрезъ Ливонію и Польшу къ Вашему Императорскому Величеству.

3. Согласились, чтобъ мы отправили курьера изъ Смоленска къ Вашему Императорскому Величеству съ приказаніемъ, воз-

вратиться какъ можно скорѣе, но съ намѣреніемъ умолчено объ ожиданіи его въ Смоленскѣ.

4. Просили, чтобъ мы писали къ Послу де Лизолѣ объ освобожденіи ихъ Дьяка Ефимья Прокофьева.

5. Не хотѣли намъ дать копіи съ статьи письма, въ коемъ посредничество Вашего Императорскаго Величества было отвергнуто Королемъ Польскимъ, представляя, что достаточно его просмотрѣть и нашему Секретарю замѣтить день и мѣсто.

6. Обвиняли Поляковъ за неприсылку Коммисаровъ для переговоровъ о мирѣ, а Царь уже своихъ давно отправилъ въ Смоленскъ.

7. Наконецъ жаловались, что Царь, по прозьбѣ Короля Польскаго освободивъ Генерала Гозіевскаго, надѣялся, что за сіе пожертвованіе онъ освободитъ четырехъ плѣнниковъ Рускихъ, какихъ потребуютъ; но сего онъ не исполнилъ, требуя за каждаго lithrum; моритъ голодомъ, и поступаетъ весьма жестоко съ плѣнниками, разсѣянными по Польскимъ маетностямъ. Почему просили, чтобъ мы, ежели будемъ допущены до посредничества, старались помочь имъ; а ежели нѣтъ, то, проѣзжая Польшу, представили бы о семъ Королю, или по крайней мѣрѣ Вашему Императорскому Величеству.

6 го Мая выѣхали мы изъ Москвы и 19 прибыли въ Смоленскъ. Приняты были отъ Пословъ Царскихъ надлежащимъ образомъ, изъ

коихъ два главные, одинъ послѣ другаго, по обычаю своему, присылали къ намъ кушанье и напитки.

20 го Князь Одоевскій, главный изъ нихъ, доставилъ намъ письмо Гозіевскаго, который извѣщалъ, что хотя онъ и говорилъ съ Посланниками Польскими; но оные не пріемлютъ посредничества Цесарскаго, обѣщалъ старашься о семъ по пріѣздѣ своемъ ко Двору Польскому. Между тѣмъ Государственные Сенаторы неохотно входили въ переписку съ нами, совѣтниками Вашего Императорскаго Величества, а потомъ желали подавать взаимно дружескіе совѣты о томъ, что касается до славы и пользы обоихъ Государствъ.

И такъ, когда 23 го мы имѣли конференцію для переговоровъ о мирѣ съ Царскими Посланниками, съ Княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ, Аѳанасьемъ Лаврентьевичемъ Ордынымъ - Нащекинымъ, Думнымъ Дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, Дьякомъ Ѳедоромъ Михайловымъ, кои еще въ Москвѣ доставили намъ способъ послать курьера къ Вашему Императорскому Величеству, съ коимъ писали и къ означеннымъ Сенаторамъ Польскимъ сими словами:

Великоимянитые господа и друзья знаменитѣйшіе!

Вашимъ Превосходительствамъ давно уже извѣстно, что Его Императорское Величество нашъ Всемилостивѣйшій Государь, по ревности своей къ прекращенію ліющей-

ся Христіанской крови, послалъ насъ прошедшаго года въ Москву для предложенія мирнаго посредничества Царскому Величеству. Въ то же время отправленъ былъ для сего Посолъ знаменитый Баронъ де Лизола къ Королевскому Величеству въ Польшу съ извѣщеніемъ о предложенномъ Цесарскомъ посредничествѣ и о скоромъ принятіи онаго. Царь извѣщалъ Королевское Величество, что оное принялъ, и что мы вскорѣ отправимся для исполненія онаго на границу Ливоніи; на что Его Королевское Величество отвѣтствовалъ, что таковое посредничество важно, но что онъ полагаетъ по многимъ причинамъ обойтися при заключеніи мира безъ посредника, а потому и думаетъ, что посылать насъ на границу излишне. Отъ того мы жили въ Москвѣ, а между тѣмъ Генералъ Гозіевскій освобожденный изъ плѣна предложилъ себя Царскому Величеству для сношенія сперва съ нами, а потомъ съ Королевскимъ Величествомъ для того, чтобы Поляки хотя частію приняли наше посредничество. Спустя четыре дня по отъѣздѣ Гозіевскаго, мы получили письмо отъ своего Государя отъ 21 го Октября прошедшаго года и извѣстились, что Поляками частію уже объявлено, ежели мира безъ посредника заключить будетъ не льзя, то принимается одно только посредничество Цесарское, почему и разсудили, съ позволенія Царскаго Величества пріѣхать сюда для того, ежели обѣ стороны не заключатъ сами собою мира,

но намъ быть въ готовности. — Здѣсь получили мы письма Г. Гозіевскаго, изъ коихъ узнали, что Ваше Превосходительство не допускали насъ быть посредниками, но по его прозьбѣ согласились стараться у Его Королевскаго Величества о допущеніи насъ къ сему вмѣстѣ съ нимъ. Между тѣмъ да не затрудняетесь Сенаторы Царства и Королевскаго Величества, имѣть письменное сношеніе съ нами, совѣтниками Его Императорскаго Величества, о благѣ общественномъ, до того времени, когда Послы съ Послами могутъ имѣть приличныя сношенія. И такъ слагаемъ съ себя сей характеръ, и предлагая свою покорность, просимъ, чтобы сіе смѣлое предпріятіе наше для достиженія блага общественнаго доведено было до свѣдѣнія Генерала Гозіевскаго, Цесарскаго Легата Барона де Лизолы и наконецъ до самаго Государя. Узнавъ, что Русской Дьякъ Ефимъ Прокофьевъ, отправившись изъ Москвы съ нашимъ трубачемъ подъ поручительствомъ нашихъ писемъ къ Государю, и проѣзжая Тигощигны, еще до удостовѣренія Королевскаго въ вышеозначенномъ Послѣ де Лизолѣ, былъ задержанъ и содержится подъ крѣпкою стражею, просимъ покорно Ваше Превосходительство о должномъ освобожденіи его; ибо начальникъ Шклова пропустилъ его, и онъ, проѣхавъ уже большое разстояніе, былъ задержанъ, кажется, по несправедливости. Такъ не поступаютъ и съ простымъ человѣкомъ, и не продолжаютъ

его страданія чтобъ послѣ жестокаго годичнаго заключенія, онъ же исполнялъ волю своего Государя, и пологался на защиту дружественныхъ Пословъ. Русскіе жалуются, что ихъ плѣнные содержатся жестоко своими Господами въ Ливоніи и Польшѣ, почему и просимъ Ваше Превосходительство, чтобы вы изъ любви къ Христіанской религіи и разсудя о непостоянствѣ счастія, приказали обходиться съ ними человѣколюбивѣе и размѣняться ими въ назначенное время.

А между тѣмъ, ежели угодно вамъ будетъ согласиться о мѣстѣ переговоровъ и о прочихъ пріуготовленіяхъ, то мы желаемъ и на сіе готовы.

Вашихъ Превосходительствъ благорасположенные и готовые ко услугамъ друзья Августинъ де Майернъ и Горацій Вильг. Калвуцій.

На той же конференціи спрашивали насъ означенные Царскіе Послы, получили ли мы на письмо, посланное съ трубачемъ еще 27 Августа, отвѣтъ отъ Вашего Императорскаго Величества. — Его перехватили (какъ вы сами говорили, будучи Депутатами въ Москвѣ) Ливонцы, отвѣчали мы. — Они возразили на сіе, что Государи обыкновенно посылаютъ дупликаты Посламъ своимъ. — Это правда, отвѣчали мы, когда только имѣютъ причину опасаться; но письма отъ Вашего Императорскаго Величества чрезъ Курляндскаго Герцога всегда доходили исправно, а пото-

му и не думали о дупликатахъ. Потомъ просили они написать все, что прошедшаго года съ трубачемъ писали, для полученія отвѣта. Два дни спустя, Нащекинъ и Алмазъ пришли къ намъ въ домъ и просили о семъ особенно, объявя притомъ, что они не стерпятъ, чтобъ въ титулахъ Государь ихъ былъ ниже Короля Польскаго.

2 Августа прибылъ въ Смоленскъ курьеръ отъ Короля Польскаго къ Царю и привезъ къ намъ письма Генерала Гозіевскаго отъ 27 Іюня изъ Варшавы, который увѣрялъ, что въ Сенатѣ Поляки разсуждали о принятіи посредничества Вашего Императорскаго Величества, и что Король оное допускаетъ, намѣреніямъ Пословъ Государя, столь человѣколюбиваго, не противорѣчитъ и, какъ кажется, соглашается и не отвергаетъ насъ, готовыхъ раздѣлить съ нимъ труды; но дѣло отложено до пріѣзда Посла Нащокина, согласно съ обѣщаніемъ Царя, дабы яснѣе видѣть ходъ дѣла, и тогда-то, по приличномъ совѣщаніи, дадутъ намъ рѣшительный отвѣтъ. Съ сего письма вручили копію Царскимъ Посланникамъ, которую они отправили съ тѣмъ же Польскимъ курьеромъ къ Царю.

Между тѣмъ 29 го числа получили другое письмо Гозіевскаго отъ 9го сего же мѣсяца изъ Вильны, коимъ извѣщалъ, что Король хотя и объявилъ о непринятіи посредничества, но, какъ примѣтно, и не отказывалъ другой сторонѣ имѣть посредниковъ, а потому Послы Вашего

Императорскаго Величества и могутъ имѣть участіе въ переговорахъ о мирѣ. Съ сего копія также сообщена была Царскимъ Посламъ.

6го Сентября, по повелѣнію своего Государя, они объявили намъ, что Царь видитъ какъ изъ копіи писемъ Гозіевскаго къ намъ и Посламъ своимъ, такъ и изъ писемъ Королевскихъ, доставленныхъ ему курьеромъ, что Польскій Король имѣетъ не большую наклонность къ миру, а еще менѣе къ допущенію посредничества Вашего Императорскаго Величества; почему и повелѣваетъ, чтобъ мы отправились и вручили его письма Вашему Императорскому Величеству. Мы отвѣчали, что отправленіе наше кажется необдумано; ибо изъ содержанія писемъ Гозіевскаго видно, что допущеніе посредничества Вашего Императорскаго Величества предоставлено Царю. Но намъ отвѣчали, что повелѣніе Царское неизмѣнно, а потому и отправлялись бы. Одному Гозіевскому вѣрить предпочтительно не льзя. Ежели Король думаетъ такъ, какъ онъ пишетъ, то сообщилъ бы свое мнѣніе Царю. Почему не отвѣчали намъ Коммисары Польскіе и де Лизола не пишетъ? И такъ согласились на повелѣніе съ тѣмъ, что заѣдемъ въ Вильну къ Гозіевскому. Требовали совѣта, какъ поступать, когда онъ, дѣйствуя основательнымъ образомъ, захочетъ удержать или отправить насъ на границу для исполненія нашей должности. Они отвѣчали, что не знаютъ на сіе соизволенія Царя.

И такъ 10го Сентября мы отправились. Посолъ Одоевскій въ своей каретѣ довезъ насъ до судовъ, безъ всякихъ однако церемоніаловъ, при семъ употребляемыхъ. Замѣчаемъ для будущихъ Посланниковъ въ Москву, что мы Царя всегда называли Величествомъ, но подъ условіемъ ратификаціи, которую отъ нихъ скрывали, а въ бумагахъ никогда, исключая письма, отправленнаго изъ Смоленска къ Коммисарамъ Польскимъ 27го Мая настоящаго года, какъ людьми частными, а не Посланниками. Сіе видно по его формѣ.

Генералъ Александръ Лезлій 96 лѣтъ, изъ преданности къ Вашему Императорскому Величеству, присылалъ намъ очень часто столъ, вина и каждый день прогуливались въ его саду.

Вскорѣ по объявленіи о нашемъ отпускѣ изъ Россіи мы писали съ нарочнымъ Ливонскому начальнику Стешкіевиту въ Оршу, на берегахъ Днѣпра, прося его, чтобъ онъ озаботился, какъ слѣдуетъ, объ экипажахъ нашихъ для дальнѣйшаго пути; но прибывъ туда, мы ничего не нашли кромѣ нашего посланнаго, который сказалъ намъ, что онъ безъ повелѣнія Главнокомандующаго выполнить сего не могъ, а потому и дожидались бы въ Красномъ (чего намъ Русскіе не позволили) дальнѣйшаго отвѣта. Онъ уѣхалъ, а отъ его преемника Козаринскаго никакого гостепріимства не получили и едва на другой день могли выпросить позволенія за большія деньги отправиться.

Городской Консулъ проводилъ на судахъ до Шклова, и заплатили за переѣздъ чрезъ мостъ караульному. Прежде прибытія къ Шклову извѣстили мы начальника городскаго; но не лучше были приняты, и намъ даже не позволили выдти на берегъ. Приставъ къ противному берегу, тщетно просили позволенія нанять лошадей для дальнѣйшаго пути; начальникъ отговорился, что онъ сего не можетъ сдѣлать безъ приказанія Главнокомандующаго, а позволилъ только остановиться у Могилева, подлѣ коего на берегу простоявъ два дни и съ позволенія Начальства нанявъ за дорогую цѣну лошадей, прибыли въ Вильну 1662 13го Октября, въ коемъ, по блистательномъ пріемѣ Палатина Сапеги, Генерала Гозіевскаго и войсковыхъ Депутатовъ, и когда первые два вельможи угостили насъ богатымъ столомъ, то Палатинъ Троцкій Пасцій, братъ Канцлера, воспретилъ имъ сообщеніе съ нами; а между тѣмъ собралъ дома совѣтъ задержать насъ до полученія на сіе распоряженіе Двора, или, можетъ быть, имѣлъ въ виду и другое злѣйшее намѣреніе.

Мы просили Генерала Гозіевскаго объяснить, что должны были писать къ Вашему Императорскому Величеству о посредничествѣ согласно съ мнѣніемъ Короля Польскаго. — Отвѣчалъ, что за четыре дни предъ симъ проѣхалъ чрезъ Вильну обратно Королевскій курьеръ и объявилъ, что Великій Князь, узнавъ о рѣшительномъ намѣ-

нія Короля мириться безъ посредниковъ, отправилъ насъ, по согласію съ нимъ, изъ Москвы, и что по желанію Короля прибудетъ скоро Посолъ Нащокинъ, который пріѣдетъ одинъ и будетъ вести переговоры; послѣ сего не останется никакой надежды просить Короля, а еще менѣе Москвитянъ. Сіе тайное соглашеніе Царя съ Королемъ учинено плѣннымъ Генераломъ Гозіевскимъ для своего освобожденія, о чемъ мы узнали послѣ, какъ это сдѣлалось явнымъ; и когда дошло до союзнаго войска, то сіе много причинило ему вреда. Оно досадовало за гнусное его предательство Французской партіи и за обольщенія Маршала Зеронсція.

Во время пребыванія нашего въ Вильнѣ Совѣтникъ союзнаго войска Наваски пришелъ пьяной къ нашему дому неожиданно, и когда справедливо опасаясь, чтобъ не сдѣлалъ чего предосудительнаго по обычаю своей страны, не пустили его, онъ цѣлый часъ ругалъ всѣхъ насъ. Трижды грозилъ саблею зарубить перваго изъ насъ, котораго онъ встрѣтитъ на улицѣ. На другой день пришли къ намъ два его товарища просить за него прощенія, на которое и согласились, зная, что симъ людямъ въ пьяномъ видѣ все позволено, хотя бы они послѣ сего и наказаны были.

Послѣ окончанія конвента Королевскихъ Коммисаровъ и войска Ливонскаго, пришелъ ночью къ Калвуцію человѣкъ, упоминаемый въ письмѣ къ Вашему Императорскому Величеству изъ Данцига 21 Февраля, кото-

рый, по дружбѣ къ нему, извѣстилъ, что войско говорило много пустаго о насъ и опредѣлило не отсылать насъ явно, но только дѣлать непріятности, дабы мы добровольно сами уѣхали. Сіе извѣстіе подтвердилось многимъ, а особенно нашими друзьями. По перемѣнѣ образа съ нами сношенія увѣрились совершенно и рѣшились заблаговременно предупредить зло; размышляя, ежели онъ поступилъ по чувству истинной дружбы, или изъ принужденной хитрости, то въ томъ и другомъ случаѣ, оставаясь долѣе въ Вильнѣ, мы подвергались опасности оскорбленія Вашему Императорскому Величеству. Ежели онъ говорилъ истину, то оскорбленіе неминуемо было бы отъ тѣхъ, кои хотѣли сего; ежели же ложно, то сіе происходило отъ того, что его такъ научили. И потому отъ Чихановича, начальника войска Ливонскаго, и Проканцлера просили писемъ и команды для препровожденія нашего къ границамъ, что и было обѣщано; но на другой день Проканцлеръ отказалъ. Команды не получили; а письмо далъ другой чиновникъ. 8 го Отправились изъ Вильны, и по проѣздѣ двухъ миль нагналъ насъ воинъ Ливонскій съ двумя слугами и требовалъ, вопреки всякому обычаю, очистить для его проѣзда дорогу. Де Майернъ, ѣхавъ послѣдній, отвѣчалъ ему чрезъ своего слугу, что его прозьбы выполнить не возможно безъ чрезвычайныхъ трудностей; ибо экипажъ состоитъ изъ 30 подводъ; онъ можетъ самъ объѣжать по той

или другой сторонѣ широкой и ровной дороги. Выслушавъ сіе и какъ бы обезумѣвъ, вскочилъ съ обнаженною саблею и съ ругательствами бѣгалъ кругомъ саней за безоружнымъ слугою, находившимся для поддержанія саней де Майерна. Увидѣвъ сіе другой слуга, прибѣжалъ съ саблею для укрощенія безумнаго и поранилъ ему руки, а особливо лѣвую. Третій безъ оружія хотѣлъ вырвать у него саблю изъ рукъ; но получивъ три удара въ голову отъ его слуги, принужденъ былъ удалиться. Между тѣмъ де Майернъ уговаривалъ безумнаго, который, ругая его, прицѣливался и вѣрно бы исполнилъ намѣреніе, еслибъ и старшій слуга его не вступился. Все сіе перенесли мы съ чрезвычайнымъ терпѣніемъ и имѣя возможность, не мстили ему; но бѣшеное животное, употребивъ во зло нашу кротость и снисхожденіе, въ то время, когда хотѣли перевязывать раны, бросился какъ бы укушенный оводомъ съ такимъ звѣрствомъ на насъ въ другой разъ съ саблею, въ присутствіи вооруженныхъ слугъ, готовыхъ отразить силу силою, что изрубилъ бы всѣхъ, ежели бы не приняли нужныхъ мѣръ связать его, что и исполнили. Послѣ сего тотчасъ жаловались письменно какъ Генералу отъ артиллеріи и Генералу отъ кавалеріи Юдиски, такъ и Чехоновичу о нарушеніи права народнаго и объ отказѣ намъ въ командѣ для препровожденія, и скорѣе спѣшили выѣхать изъ Ливоніи. Вѣроятно, что сей былъ изъ числа заговорщиковъ, желавшихъ излить на насъ желчь свою.

Начальство Данцигское никого не выслало къ намъ; но Бреславское почтило гостепріимствомъ. При семъ имѣя счастіе пожелать Вашему Императорскому Величеству всѣхъ благъ и счастія, поручаемъ всепокорнѣйше себя Вашей благосклонности. Вѣна 8 Апрѣля 1661/1662.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданнѣйшіе рабы Августинъ
де Майернъ, Горацій Вилъ. Калвуцій.

Съ Латинскаго С. Доброклонскій.

ПОѢЗДКА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ЕЛЕНЫ ІОАННОВНЫ ВЪ ВИЛЬНУ ДЛЯ БРАКОСОЧЕТАНІЯ СЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ ЛИТОВСКИМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ.

(Изъ Посольскихъ дѣлъ.)

Лѣта 7003 пріѣхала Великая Княжна на Дуброву, ѣдучи къ Вязьмѣ, и туто встрѣтили Великую Княжну Князи Вяземскіе всѣ; а привезли ей поминковъ: семь камокъ Бурскихъ лехкихъ, да за двѣнатцать золотыхъ 300 грошей, по полутретьятцати грошей за золотой, да три золотые. А въ Смоленску встрѣтили Великую Княжну Князь Олександръ отъ Окста, да Юрьи Зиновьевъ, да Юрьи Глѣбовичь Намѣстникъ Смоленскій за пять верстъ до Смоленска, а съ ними всѣ люди Смольнянѣ Боарѣ и мѣсчанѣ, да шедъ съ коней пришли ко Князю къ Семену, и Князь Семенъ вышелъ противъ ихъ изъ са-

ней, да пришедъ съ ними къ шапкамъ, явилъ ихъ Великой Княжнѣ; и они Великой Княжнѣ челомъ ударили. А Янъ встрѣтилъ Великую Княжну у посадовъ, да съ нимъ человѣкъ съ пядесятъ. А какъ поѣхала Великая Княжна въ посады, и дѣти Боарскіе сошли съ коней, да шли у шапканы пѣшы; а какъ пріѣхала къ мосту и Боаре Князь Семенъ и Михайло изъ саней вышли, да шли у шапканы пѣшы и до Пречистые; а Владыка Великую Княжну встрѣтилъ вышедъ изъ Пречистые со крестомъ и со всѣми священники, и благословилъ Великую Княжну крестомъ, и Княжна Великая пошла въ церковь, а Владыка молбенъ началъ пѣти; а какъ отпѣли молбенъ и Великая Княжна пошла въ шапкану и поѣхала къ себѣ на дворъ; а Боарѣ и Пановѣ проводили Великую Княжну до свѣтлицы, и Великая Княжна велѣла Паномъ принести вина въ купкѣхъ, и подавалъ имъ вино отъ Великіе Княжны Князь Семенъ. А на завтрее Великая Княжна у Пречистые слушала обѣдни, а Владыка служылъ обѣдню самъ; а порты были на Великой Княжнѣ по записи. А опослѣ обѣдни, какъ пріѣхала Великая Княжна въ свѣтлицу, ино къ ней Пани пришли челомъ ударити: Юрьева жена Глѣбова съ своею падчерицею, да Ивашкова жена Ношкина Моршалкина; и Княжна Великая велѣла имъ сѣсти на правой сторонѣ въ другой лавкѣ; а поминковъ къ ней не принесли. А Владыка Смоленской ударилъ челомъ Великой Княжнѣ, а принеслъ ей поминки икону золоту съ чепеч

кою Воплощенье Пречистые во цклѣ, да кадку Бурскую въ золотомъ; и Великая Княжна велѣла ему стоити въ той же лавкѣ, въ которой лавкѣ Пани сидятъ, выше Паней отъ себя; и велѣла Великая Княжна вина принести въ купкѣхъ, и подавалъ вино отъ Великіе Княжны Владыкѣ Князь Семенъ, а Паньямъ подавала Великая Княжна сама вино, а къ Великой Княжнѣ вино приносила Княгиня Марья Княжа Семенова. А какъ поѣхала Великая Княжна и Смоленска, и Панъ Юрья Глѣбовъ проводилъ ее за городъ съ версту. А въ Витебску встрѣтилъ Великую Княжну Намѣстникъ Витебской Князь Михайло Княжъ Ивановъ сынъ Юрьевича Ижеславского за двѣ версты отъ Витебска, со всѣми Видбляны, и Князь Семенъ его явилъ Великой Княжнѣ; а въ посадѣхъ пѣти Боярскіе шли у шапканы пѣшы потому же, какъ и въ Смоленску. А какъ пріѣхала къ мосту къ верхнему городку, и Боаре Князь Семенъ и Михайло шли у шапканы пѣшы до Архангела; а у Архангела встрѣтилъ Великую Княжну Архимандритъ со крестомъ и со всѣми Священники, и благословилъ Великую Княжну крестомъ. И Княжна Великая въ церковь не пошла, а пошла въ горницу; а Боаре проводили ее до горницы. А назавтрее слушала Великая Княжна у Архангела молбена и обѣдни, да слушавъ обѣдни тутo хлѣба не ѣла, поѣхала прочь, а Князь Михайло Великую Княжну проводилъ со всѣми Видбляны съ версту за городъ; а Князя Александра и Яна и Юрья

Зиновьева въ Витебску не было: поѣхали впередъ къ Полошску. А въ Полошску Княжну Великую всшрѣшилъ Князь Олександръ отъ Окста, да Панъ Янъ, да Юрьи Зиновьевѣ за полверсты отъ посада со всѣми Полочаны; а въ посадѣхъ шли дѣти Боярскіе у шапканы пѣшы, потому же, какъ и въ Витебску. А какъ пріѣхала Великая Княжна къ мосту, и Бояре Князь Семенъ и Михайло шли у шапканы пѣшы и до Великого Софѣя; а Владыка всшрѣтилъ Великую Княжну передъ церковью со кресты и со всѣми священники, и благословилъ ее Владыка крестомъ, и Великая Княжна пошла въ церковь, а Владыка молбенъ началъ пѣти; а какъ отпѣли молбенъ, и Великая Княжна пошла въ шапкану и поѣхала къ себѣ на дворъ; а Бояре Князь Семенъ и Михайло и Пановѣ Князь Александръ и Янъ и Юрьи проводили Княжну до горници. И Паномъ Великая Княжна велѣла вино подавати; и подавалъ вино Паномъ отъ Великіе Княжны Князь Семенъ. И того же дни пришла къ Великой Княжнѣ Паніи Янова зъ дочерью челомъ ударити; а принесла поминка двѣ камки Бурскіе зъ золотомъ, и Великая Княжна звала ихъ къ себѣ цѣловатися, и ѣсти ихъ къ себѣ звала; а велѣла имъ сѣсти на правой сторонѣ въ другой лавкѣ, и велѣла взяти Великая Княжна вина въ купкѣхъ, и подавала Великая Княжна вино имъ сама, а къ Великой Княжнѣ вино приносила Княгиня Марья Княжа Семенова. А на завтрее слушала Великая Княжна обѣдни у Велико-

говорили добрѣ, что ся ему вѣнчяти въ Греческой церкви а не въ Римской, да того у него не отмолвили. И Панъ Янъ Боаромъ говорилъ, что Великой Княжнѣ въ городъ ѣхати по рану, какъ отъ Великаго Князя къ ней вѣсть будетъ, а до вѣсти ей къ собѣ ѣздити не велѣлъ, а Боаромъ къ себѣ ѣздити до вѣнчянья не велѣлъ же; а какъ прiѣдетъ Великая Княжна въ городъ, и ей первое итти въ Русскую церковь, да и молбена слушати, да потомъ съ ними итти въ Римскую церковь, да тамо и вѣнчятися; а самъ Князь Велики Великую Княжну хочетъ встрѣтити. Да Панъ Янъ Боаромъ говорилъ, что Великой Княжнѣ до вѣсти въ городъ ѣздити не велѣлъ, доколѣва Князь Велики къ ней въ Нѣмежы вѣсть пришлетъ, и ей въ Городъ поѣхати. Да какъ къ ней по рану въ Нѣмежы вѣсть пришла, а велѣно ей въ Городъ ѣхати. А Панъ Янъ къ ней туто въ Нѣмежы прiѣхалъ же; а привезли Великой Княжнѣ отъ Великого Князя топъ же возъ, чтобы Великая Княжна на возъ пошла, и Великая Княжна въ возъ не пошла, а пошла въ шапкану, да въ Городъ и поѣхала. И Князь Велики Великую Княжну встрѣтилъ до города за три версты, да туто на жеребцѣ сталъ, а шапкана стала же; и туто отъ Великого Князя послали къ шапканѣ поставъ сукна черленого, а у шапканы послали по сукну Великого же Князя камку Бурскую зъ золотомъ; и Великая Княжна изъ шапканы на камку вышла, а за нею Боарыни вышли же, а

Князь Велики на сукно съ жеребца сшолъ, да до сукну къ Великой Княжнѣ пошолъ, да Великой Княжнѣ далъ руку, да и къ собѣ ея приналъ, да и о здоровье вспросилъ, да Великой Княжнѣ велѣлъ опять пойти въ шапкану; а Боарынямъ Княгини Марье да Русалкинѣ женѣ руку далъ же; а самъ Князь Велики на жеребецъ пошолъ, да поѣхалъ подлѣ шапкану и до города. А какъ къ городу пріѣзжаетъ, и онъ велѣлъ своимъ Княжатомъ да и Панскимъ дѣтемъ съ коней ссѣсти, да велѣлъ пойти у Великіе Княжны у шапканы съ правую сторону, а Княжницы дѣти Боарскіе пошли съ лѣвую сторону, а самъ Князь Велики поѣхалъ передъ шапканою и до города, да и въ городъ въѣхали вмѣстѣ до Рускіе церкви до Рождества Пречистые, и Великая Княжна пошла къ церкви къ Рождеству Пречистые, а самъ Князь Велики пошолъ въ свою божницу въ Станиславъ; и Великую Княжну шуто передъ церковью встрѣтилъ Архимандритъ Макарей, что взведенъ на Митрополиче мѣсто, со кресты и со священники; да шуто въ Рождествѣ Пречистые и молбенъ пѣли, а обѣдни уже отпѣли. И Великой Княжнѣ шуто Княгини Марья да Русалкина жена, косу росплели и голову чесали и и кику на нее положыли; да и покровомъ покрыли, да и хмѣлемъ осыпали; а попъ Фома молитвы говорилъ; да и крестомъ ее благословилъ. И Великая Княжна изъ церкви пошла къ Великому Князю къ его божницу; а передъ нею шолъ попъ Фома со

крестомъ, да и крестомъ ее благословилъ; а у божницы Великую Княжну встрѣтилъ Бискупъ съ крыжемъ, да крыжемъ ее не благословилъ, да и опять пошолъ въ божницу, да сталъ на своемъ мѣсте; а Князь Велики съ Великою Княжною стали въ божници на своемъ мѣсте; а подо Княжну послали бархатъ, которой было послано у тапканы подъ ноги, да на мѣсто поломныли сорочекъ соболей меньшой. И Бискупъ говорилъ Великому Князю молитвы, а попъ Фома говорилъ Великой Княжнѣ молитвы; а Княгини Марья надъ нею вѣнецъ держала, а Кулешынъ вино держалъ въ сткляницѣ, и попъ Фома Великой Княжнѣ давалъ вино пити, да скляницу и роспоптали. И Бискупъ да и Князь Велики о томъ пobранили накрѣпко, чтобы попъ Фома молитвъ не говорилъ, а Княгини Марьи вѣнца не држала, и Князь Семенъ у нихъ то отговаривалъ, а попъ Фома таки молитвы говорилъ, а Княгини Марья вѣнецъ держала; а Архимандритъ Макарей тутъ же былъ въ божницѣ, да Великой Княжнѣ молитвъ не смѣлъ говорити Великого Князя. И послѣ вѣнчанья Князь Велики пошолъ къ себѣ въ гридню, а Великая Княжна пошла себѣ въ иную горницу зъ Боарынями. И Князь Велики, пришедъ отъ вѣнчанья, да прислалъ по Боаре, а велѣлъ имъ у себя быти съ поминки, да и рѣчь говорити; и Боаре къ Великому Князю пришедъ поминки являли, да и рѣчь говорили, да и ѣли у Великого Князя. А Княжна Великая вѣнчалася

въ своихъ портѣхъ, да и нынѣча уже четвертой день послѣ вѣнчанья, а Великая Княжна также ходитъ въ своихъ портахъ, да и въ кикѣ. А на завтрее Князь Великій Боаромъ велѣлъ собѣ являти крестъ съ чепью да и порты, которыми было ему портомъ быти послѣ вѣнчанья, да и послѣ мыльны; а мыльни у Великого Князя не было, и Боаре ему то и являли, да и рѣчь говорили.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Стихотворенія.

УЗНИКЪ КЪ МОТЫЛЬКУ.

Дитя душистыхъ розъ и поля!
Зачѣмъ сюда ты залетѣлъ?
Здѣсь плѣнъ и скучная неволя:
Я ужъ терпѣньемъ накипѣлъ;
Забылъ о радостяхъ въ природѣ,
О тихомъ счастіи въ лѣсахъ;
А ты сгрустишься по свободѣ
И по родимыхъ небесахъ:
Летижъ на волю — веселися! —
И, въ золотой разсвѣта часъ,
Святому Богу помолися
И будь у счастья гость за насъ!

Ѳ. Глинка.

ЭРОТЪ и КРОНЪ.

Кипридинъ сынъ крылатой,
Замѣтивши когда-то
Красавицу, — она спала —
„Ахъ, какъ мила! ахъ, какъ мила!"
Сказалъ онъ смѣючися,
„Какъ щеки налилися,
Какъ личико округлено!
Постой! забыто здѣсь одно!"
И легкою рукою
Взялъ стрѣлу, и стрѣлою

Повелъ по аленькимъ щекамъ
И врѣзались двѣ ямки тамъ —
Пріютъ улыбки сладкой,
И спящую украдкой
Поцѣловавъ, онъ улетѣлъ.
Кронъ — перстъ къ устамъ, но все смотрѣлъ
И думалъ самъ съ собою:
„Эротъ повелъ стрѣлою
И новой прелестью она
Счастливица надѣлена,
И какъ похорошѣла!
А многоль было дѣла?
Не приложить ли мнѣ труда?
А чтожъ? — мощника не бѣда:
Что да нибудь сострою"
Шли годы чередою,
Красавица межъ тѣмъ цвѣла,
Была въ веснѣ своей мила,
Не одного плѣнила,
Не одного томила.
Своей порой ласкались къ ней
И Купидонъ и Гименей;
Они чередовались;
Межъ тѣмъ какъ годы мчались,
А Кронъ отъ ней не отходилъ
И тихомолкомъ бороздилъ
То гладкой лобъ, то щеки,
То, труженикъ жестокій,
По волосу у ней онъ кралъ,
А остальные осребрялъ.

Пришлажъ ему охоше
Созданіе Эроша
По своему переряжашь!
Какъ будшо шрудъ все можешъ дашь.

1827 Окш. 15. *Ранчъ.*

ЗЕРЦАЛО МУЗЫ.
(*Изъ Гёте.*)

Нарядиться желая, Муза рано однажды гналась
За ручьемъ быстрошечнымъ, найши чшобъ спокойное мѣсто;
Но торопясь и журча, игривой ручей ея образъ
Трепешный все искажалъ; богиня вдругъ удалилась
Въ гнѣвѣ, а въ слѣдъ ей ручей прожурчалъ, насмѣхаясь:
Истину можетъ ли что моего явишь зеркала чище?
Но ужь далеко сшояла она близь шихаго моря —
И въ немъ любуясь собою, вѣнокъ на челѣ поправляла.

В. М.

НА ПЕРЕВОДЪ ОСВОБОЖДЕННАГО ІЕРУСАЛИМА.

Напрасно говорятъ, что Сѣверъ нашъ суровой
Воображенія мертвишъ полетъ,
Гдѣ *Тассъ* разцвѣлъ съ красою новой;
Паренія души препятствія тамъ нѣтъ.
Нѣтъ, *Ранчъ*, не пѣняй на жребій свой безмѣстной:
Кто кистію прелестной
Умѣлъ безсмертнаго изобразить пѣвца,
Повѣрь, — тотъ равнаго достоинъ съ нимъ вѣнца!

20 Февраля 1828 г. Москва. *С. Глинка.*

ПРОЗА.

ОСНОВАНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

(Изъ Гиббона.)

Послѣ пораженія Ликинія и отреченія его отъ престола, побѣдоносный его соперникъ положилъ основаніе городу, предназначенному сдѣлаться нѣкогда владыкою востока и пережить Имперію вмѣстѣ съ вѣрою своего основателя. Политическія причины или надмѣнность, заставившія Діоклетіана, перваго изъ Римскихъ Императоровъ, оставить Римъ и поселиться въ отдаленіи отъ Императорской столицы, въ послѣдствіи стали побудительнѣйшимъ къ тому примѣромъ для его преемниковъ, утвердясь сороколѣтнею привычкою. Римъ нечувствительно сталъ на ряду съ прочими городами покоренныхъ имъ областей, признававшими прежде его владычество; и отечество Кесарей возбуждало одно лишь холодное равнодушіе въ воинственномъ Князѣ, рожденномъ на берегахъ Дуная, возросшемъ при дворахъ или въ воинскомъ станѣ и облеченномъ въ порфиру Британскими легіонами. Италіанцы, почитавшіе Константина своимъ избавителемъ, съ покорностію повиновались указамъ, которые иногда удостоивалъ онъ насылать Сенату или народу Римскому, очень рѣдко пользуясь честію видѣть въ стѣнахъ своихъ своего Государя. Покуда еще крѣпость силъ позволяла Константину, то онъ, сообра-

но съ различными нуждами войны или мира, безпрерывно объѣзжалъ границы обширныхъ своихъ владѣній, иногда путешествуя медленно съ приличною сану его пышностью, или съ грозною быстротою дѣятельнаго властителя, бывъ всегда въ готовности выступить въ поле противъ чужестранныхъ или домашнихъ враговъ своихъ. Подъ конецъ жизни, на верху щастія и въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ принялъ намѣреніе утвердить могущество и величіе престола постояннымъ жилищемъ. Въ выборѣ выгоднѣйшаго мѣстопребыванія своего онъ предпочелъ смежность Европы съ Азіею, чтобы удобнѣе можно было подчинить подъ могущественнымъ своимъ правленіемъ варваровъ, живущихъ между Дунаемъ и Танаисомъ, и для лучшаго наблюденія за Персидскимъ Шахомъ, который съ трудомъ выносилъ предписанный ему постыдный мирный договоръ. Съ тѣми же видами Діоклитіанъ украсилъ избранное имъ жительство въ Никомедіи; память его, по всей справедливости, была ненавистна покровителю Европы, а Константинъ алкалъ славы: онъ хотѣлъ, чтобы основанный имъ городъ увѣковѣчилъ имя своего основателя. Въ послѣднихъ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Лицинія онъ часто имѣлъ случай, какъ полководецъ и Государственный человѣкъ, замѣтить въ своихъ наблюденіяхъ несравненное мѣстоположеніе Византіи, и, сколько природа способствовала, оградивъ ее отъ чужеземныхъ нападеній,

къ распространенію обширной и выгодной торговли. Нѣсколько вѣковъ до Константина, Полибъ, правдивѣйшій изъ древнихъ писателей, изобразилъ выгоды этаго мѣстоположенія, подчинившаго владычество морей слабой колоніи, вышедшей изъ Греціи, и ставшей потомъ независимою, цвѣтущею республикою.

По видимому, сама природа образовала Константинополь быть столицею и средоточіемъ великой Имперіи; лежащій подъ 41 градусомъ долготы, первопрестольный этотъ городъ, съ семи холмовъ своихъ, повелѣвалъ Европою и Азіею. Климатъ въ немъ здоровый и умѣренный, почва земли хлѣбородна, пристань обширна и надежна. Одно лишь мѣсто, подверженное нападенію съ матерой земли, по необширности своей, удобно было къ защищенію. Босфоръ и Геллеспонтъ служатъ, такъ сказать, двумя воротами въ Константинополь; но владѣтель двухъ важныхъ этихъ входовъ легко можетъ, заперевъ ихъ для непріятельскихъ флотовъ, отворить для торговли. Восточныя провинціи, нѣкоторымъ образомъ, обязаны были Константину политическимъ своимъ спасеніемъ.

Евксинскіе варвары, въ предъидущемъ столѣтіи дошедшіе съ флотомъ своимъ до средины Средиземнаго моря, отчаясь прорваться сквозь непреодолимую эту преграду, вскорѣ отказались отъ своихъ грабежей.

Когда входы въ Воспоръ и Геллеспонтъ бывали заперты, то столица нимало отъ того не претерпѣвала. Необходимыя потребности жизни, съ наслажденіями роскоши и пышности, съ избыткомъ изобиловали за обширными его стѣнами. Приморскіе берега Ѳракіи и Виѳиніи, угнетенные подъ игомъ Оттоманскаго деспотства, и теперь еще представляютъ богатые виноградники, цвѣтущіе сады, обработанныя и плодородныя поля; а Пропонтида всегда славилася неистощимымъ приволіемъ вкусныхъ рыбъ, которыя ежегодно, и въ одинакое время года, приплываютъ туда; ихъ можно ловить во множествѣ, просто и почти безъ всякаго труда. Когда входы въ проливы бывали открыты для торговли, то всѣ богатства природы и произведенія искусства съ сѣвера и съ юга черезъ Понтъ Евксинской и Средиземное море появлялись. Нужные и излишніе всѣхъ родовъ грубые припасы, начиная отъ Германскихъ и Скиѳскихъ лѣсовъ, отъ истоковъ Танаиса и Борисѳена, — всѣ художественныя произведенія и издѣлія Европы съ Азіею; хлѣбъ изъ Египта, драгоцѣнные камни и пряные коренья изъ отдаленнѣйшихъ частей Индіи, неслись на парусахъ по вѣтру до самой Константинопольской пристани, привлекавшей нѣсколько столѣтій торговлю стараго свѣта.

Прекрасное мѣстоположеніе, безопасность, богатство, соединенное въ одной

частичекъ земнаго шара, служили достаточнымъ оправданіемъ Константинова выбора. Но какъ во всѣхъ временахъ считали нужнымъ приписывать основаніе большихъ городовъ чудесамъ, чтобы оградить ихъ большимъ величіемъ, то Императоръ захотѣлъ увѣрить, что намѣреніе его происходило не отъ внушенія расчетливой политики зыбкаго ума человѣческаго, но отъ всевышняго Промысла, непреложной Божеской премудрости. Въ одномъ изъ своихъ узаконеній онъ извѣщаетъ потомство, что именнымъ Божескимъ велѣніемъ положилъ онъ незыблемое основаніе Константинополя; и хотя онъ не счелъ нужнымъ разсказывать, какимъ образомъ сообщилось ему небесное это вдохновеніе, но воображеніе писателей послѣдующихъ временъ дополнило умолченное его скромностью. Они подробно передали намъ ночное видѣніе, представившееся уснувшему Константину подъ стѣнами Византіи. Геній, покровительствующій городу, въ видѣ престарѣлой, дряхлой женщины, удрученной подъ бременемъ лѣтъ и болѣзней, вдругъ преобразился въ юную дѣвицу, блестящую красотою и свѣжестью, которую Императоръ самъ облекъ въ висонъ и порфиру со всѣми царскими украшеніями. Монархъ пробудился, истолковалъ таинственный сонъ, повиновался, не колеблясь, волѣ Небесъ. День, въ который основывался какой городъ или селилась колонія, праздновался у Римлянъ съ полнымъ торжествомъ и различными об-

рядами, введенными суевѣріемъ. Спрашиваемъ можетъ, Константинъ исключилъ нѣкоторые изъ нихъ, больше приличествующіе язычеству, но и не пропустилъ ничего могущаго произвесть сильное впечатлѣніе на зрителей, поселяющее въ нихъ надежду и возбуждающее благоговѣніе. Императоръ пѣшій, съ копьемъ въ рукахъ, торжественно предшествовалъ свитѣ своей, проводя черту, долженствовавшую обозначать окружность столицы; онъ такъ долго велъ ее, что зрители изумлялись. Нѣкоторые изъ нихъ, давъ ему замѣтить, что означаемое имъ пространство превосходитъ обширность величайшихъ городовъ, „я буду идти впередъ," отвѣчалъ Константинъ, „покуда невидимый Путеводитель, идущій передо мной, разсудитъ заблаго остановить меня."

Властитель Римской Имперіи, желая соорудить важный памятникъ во славу своего царствованія, могъ употребить на то богатство, труды, и все, что оставалось еще отъ изобрѣтательнаго ума милліоновъ подвластныхъ ему подданныхъ. Можно вообразить себѣ, сколько употреблено было сокровищь, посвященныхъ щедростью Императора на сооруженіе Константинополя, по сдѣланнымъ издержкамъ на построеніе стѣны, портиковъ и водопроводовъ, стоившихъ двадцать милліоновъ рублей. Лѣса, покрывавшіе Евксинскіе берега, и славные каменоломни бѣлаго мрамора, находившіяся на маломъ Проконеcскомъ островѣ, доставляли не-

истощимое количество матеріаловъ, безъ труда перевозимыхъ въ недальнемъ разстояніи моремъ въ Византійскую пристань. Великое множество мастеровыхъ и ремесленниковъ поспѣшали, неутомимыми своими трудами, къ окончанію этаго предпріятія. Но нетерпѣніе Константина вскорѣ послужило ему открытіемъ, что пришедшія въ упадокъ искуства, число и знаніе архитекторовъ не соотвѣтствовали обширнымъ его намѣреніямъ; онъ повелѣлъ правителямъ отдаленнѣйшихъ провинцій учредить школы, производить плату Профессорамъ, и убѣждать обѣщаніемъ наградъ, дарованіемъ преимуществъ, молодыхъ людей, получившихъ отличное воспитаніе, упражняться въ изученіи архитектуры и производствѣ ея. Построеніе новаго города было производимо неискусными мастеровыми, какіе нашлись въ царствованіе Константина; но онъ украшенъ рукою знаменитѣйшихъ художниковъ вѣка Перикла и Александра. Власть Римскаго Императора не простиралась за предѣлы невозможнаго: онъ не въ силахъ былъ воскресить генія Фидіаса и Лисиппа; но безсмертныя произведенія, оставленныя ими потомству, безъ пощады были преданы надмѣнной алчности властителя полвселенной. Его велѣніемъ Греческіе и Азіатскіе города были лишены богатѣйшихъ своихъ украшеній. Трофеи достопамятныхъ войнъ, предметы набожнаго достопочтенія, драгоцѣннѣйшія статуи боговъ и героевъ, мудрецовъ и стихотворцевъ

древности, способствовали къ украшенію великолѣпнаго Константинополя, заставившаго сказать Историка *Кедрена* съ нѣкоторымъ восторгомъ, что городу недоставало только, чтобы оживились души знаменитыхъ людей, изображенныхъ въ неподражаемыхъ своихъ памятникахъ; — но не въ Константинополѣ, не въ Имперіи, клонящейся къ своему паденію, не въ тѣ времена, когда человѣческой умъ изнемогалъ подъ игомъ гражданскаго и духовнаго деспотизма, должно было искать душъ Гомера и Демосоена. — Довольно будетъ сказать, что все, способствующее къ великолѣпію и величію обширной столицы, равно какъ и къ благоденствію, удовольствіямъ многочисленныхъ ея жителей, находилось въ изобиліи въ Константинополѣ. По описанію, сдѣланному черезъ сто лѣтъ спустя по основаніи его, считалось въ немъ: Капитолія, или школа для наукъ, Циркъ, два театра, восемь народныхъ бань и 153 частныхъ, 52 портика, 5 народныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, 8 водопроводовъ, 4 огромныя залы или судилища, гдѣ собирался Сенатъ, 14 церквей и 4,388 домовъ, огромностью и великолѣпіемъ своимъ отличавшихся отъ множества жилищъ простонародныхъ.

Населеніе любимаго этаго города, по основанію его, было главнымъ попеченіемъ его основателя. Увѣряли и полагаютъ, что всѣ Римскія благородныя семейства, Сенатъ и всадники, съ безчисленнымъ мно-

жестокимъ подчиненныхъ своихъ, последова-ли за своимъ Императоромъ на Ѳракійскіе берега, и въ опустѣломъ Римѣ, этой древней столицѣ, остались лишь переселенцы и плебеяне, низшаго сословія люди; и что Италія, съ давнихъ временъ почти вся превращенная ~~въ садъ~~, стала вдругъ безлюдною, а земли ея лежали впустѣ и необработанныя.

Какъ Константинъ съ нетерпѣніемъ ускорялъ построеніе Константинополя, то стѣны, портики, главнѣйшія зданія, докончены были въ нѣсколько лѣтъ, а по словамъ другихъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ. — Покуда еще зданія сохраняли свою крѣпость и свѣжесть, то Императоръ готовился торжествовать посвященіе новаго своего города. Легко можно себѣ представить игры и милости, повершившія великолѣпіе достопамятнаго этаго празднества. — Но странный обрядъ, перешедшій въ потомство, заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе. Каждый годъ, въ соименитый день основанія города, Константиново изваяніе, сдѣланное по его приказанію изъ золоченаго дерева, держащее въ правой рукѣ небольшое изображеніе Генія города, возили въ торжественной колесницѣ. Тѣлохранители, въ богатѣйшемъ убранствѣ, неся факелы изъ бѣлаго воска, сопровождали торжественный этотъ ходъ черезъ Гиподромъ. Когда они приближались къ трону, тогда царствующій Императоръ вставалъ, покло-

ницы, съ почтеніемъ и благодарностью лику своего предшественника въ честь и память его.

(Сообщено.)

ВЗЯТІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ.

(Изъ Ройю.)

(Окончаніе.)

Неудачность предпріятія имѣла слѣдствія еще болѣе вредныя, нежели потерю нѣсколькихъ храбрыхъ воиновъ, хотя и она, въ тогдашнемъ положеніи Грековъ, была для нихъ истиннымъ несчастіемъ. Возникъ раздоръ между Венеціанами и Генуезцами, которые давно смотрѣли другъ на друга какъ на враговъ. Послѣдніе обвиняли первыхъ въ замышленіи дерзскаго предпріятія и въ неумѣньи исполнить оное. Венеціане, напротивъ, упрекали ихъ въ измѣнѣ одного изъ ихъ соотечественниковъ, которая была причиною неудачи. Съ другой стороны Греческій Адмиралъ, управлявшій морскою силою, вступилъ въ ссору съ Жюстиніани, который начальствовалъ гарнизономъ. Греки и Генуезцы едва не кончили распри междоусобною войною внутри Константинополя. Императоръ успѣлъ утишить умы, убѣдивъ ихъ, что такая ссора предастъ ихъ всѣхъ общему врагу. Хотя непріятельскія дѣйствія съ нѣкотораго времени затихли, но чернь, начинавшая чувствовать голодъ, явно роптала. Императоръ, говорила она, изъ личной только выгоды упрямствуетъ въ противоборствѣ съ судьбою; а разсудокъ повелѣ-

ваетъ сдать мѣсто, которое удержать не возможно. Тѣмъ болѣе Государь безпокоился, что не льзя было наказать ни одного изъ мятежниковъ, не возбудивъ всеобщаго возмущенія. Чтобы заглушить голосъ негодованія, онъ сначала приказалъ въ изобиліи раздать жизненные припасы тѣмъ, которые жаловались на ихъ недостатокъ; потомъ послалъ къ Могаммеду просить мира, соглашаясь заплатить пеню, какую онъ ни наложитъ, съ однимъ только условіемъ, чтобы снялъ осаду. Султанъ отвѣчалъ ему: „Отступить не могу; или возьму городъ, или городъ меня возьметъ. Если согласитесь немедленно изъ него выйти, то я вамъ отдамъ Морею; собратія ваши получатъ другія провинціи, а мы останемся въ дружбѣ. Еслижъ отниму городъ силою, то вы и всѣ знатные граждане падутъ подъ остріемъ меча, городъ будетъ разграбленъ и всѣ его жители взяты плѣнниками.“ Константинъ рѣшился удержать за собою столицу или умереть подъ ея развалинами. Такая великодушная рѣшимость едва не увѣнчалась достойнымъ успѣхомъ. Въ половинѣ Мая разсѣялся слухъ между Турками, что многочисленный флотъ отъ Христіанскихъ Государей и ужасное войско Венгерское и Нѣмецкое, подъ предводительствомъ знаменитаго Гуніада, идутъ на нихъ, чтобы ударить соединенными силами. Сверхъ сего, утомленные столькими приступами, которые давали напрасно, они объялись ужасомъ и начали просить, чтобы немедленно снята была осада. Они возстали на Магоммеда, который, по словамъ ихъ, былъ имъ такой же врагъ, какъ и Христіане. Твердость сего Государя, не знавшаго дотолѣ, что такое страхъ, поколебалась; онъ началъ опасаться открытаго возмущенія. Великій Визирь, подкупленный, какъ выше было сказано, Христіанами, утверждалъ его въ сихъ опасеніяхъ, и совѣтовалъ принять предлагаемую дань, утверждая, что отступленіе не причтется ему

въ слабость, потому что будетъ выкуплено пенею (1). Но Саганъ, военачальникъ неустрашимый, ревностный Мусульманинъ и завистникъ Визиря, поддержалъ и оживилъ мужество Султана. Хотѣли устрашить Государя нѣкоторыми, будто худыми предвѣстіями; но Саганъ осмѣлился сказать ему: „Не болѣе какъ свѣтовое явленіе, три дня видимое надъ осажденнымъ городомъ, и причиною котораго одно расположеніе свѣтилъ, а ничего сверхъестественнаго, — ужасаетъ тебя какъ самаго низкаго солдата. Хотятъ еще устрашить тебя ложнымъ призракомъ западныхъ войскъ; но гдѣ онѣ? И еслибъ пришли, то что могутъ сдѣлать противъ такой арміи, какъ твоя? Непріятели, которыхъ не видно и не будетъ видно, могутъ-ли возмутить великую душу Могаммеда? Вели сдѣлать общій приступъ, обѣщай грабежъ солдатамъ, чтобы воспламенить ихъ мужество, и я отвѣчаю за успѣхъ." Сей совѣтъ, болѣе согласный съ воинственнымъ духомъ Могаммеда, нежели трусливое предложеніе Али-Бассы, рѣшилъ судьбу Константинополя. Султанъ, воспламененный сильнѣе нежели когда-либо, созываетъ своихъ янычаръ, повелѣваетъ имъ объявить во всемъ станѣ, что онъ отдаетъ солдатамъ жителей и всѣ сокровища Константинополя, а себѣ оставляетъ только стѣны и домы, да и тѣ послужатъ жилищемъ для побѣдителей. Увѣщаваетъ ихъ поддержать славу народную, и напоминаетъ, какія небесныя награды обѣщаетъ Алкоранъ павшимъ подъ мечемъ непріятельскимъ. Въ то же время назначаетъ постъ въ 24 часа, въ продолженіе которыхъ каждый, по обряду Магометанскому, долженъ семь разъ очиститься; наконецъ объявляетъ, что чрезъ три дня послѣ сего пощенія будетъ рѣшительное вторженіе въ Константинополь. Ропотъ перемѣнился на радостныя изъявленія, и каждый Турокъ

---

(1) За сей совѣтъ онъ послѣ заплатилъ своею головою.

выставилъ надъ своей палаткой огни, чтобы преду предить войско, что на другой день будетъ торжественное празднество для умоленія небеснаго Покровительства; „и сіе торжество совершилось, по словамъ Дуки, съ криками безбожными, которые у Турокъ составляютъ отличительный признакъ ихъ ненавистнаго суевѣрія.“

Какъ скоро узнали въ Константинополѣ о причинѣ криковъ и освѣщеній въ Мусульманскомъ станѣ, то страхъ дошелъ до высочайшей степени. Императоръ назначилъ всенародныя молебствія и ходы въ главнѣйшіе храмы; потомъ созвалъ во дворецъ начальниковъ войска и увѣщавалъ ихъ трогательною рѣчью, доказать свое мужество при защитѣ Имперіи и религіи. Онъ старался внушить имъ нѣкоторую надежду, которой, можетъ быть, самъ не имѣлъ уже. Нѣсколько капель слезъ, извлеченныхъ изъ него не страхомъ, но сильною горестію, разжалобили все собраніе: видя ихъ, почти всѣ сами плакали; во дворцѣ раздавались одни стоны и горестныя прощанія; бывшіе въономъ обнимали другъ друга, какъ бы не надѣясь уже увидѣться, и обѣщали забыть личныя отношенія и думать единственно о защитѣ отечества. Оттуда отправились они въ слѣдъ за Императоромъ къ храму Св. Софіи, укрѣпить свое мужество молитвою. Оттуда Константинъ возвратился на самое короткое время въ большой дворецъ, чтобы проститься съ своими Министрами, съ которыми онъ разставался навѣки, какъ говорило ему предчувствіе; онъ проситъ прощенія у всѣхъ, кому могъ нанести какую нибудь обиду, надѣваетъ вооруженіе, назначаетъ военачальникамъ мѣста дѣйствія, садится на коня, осматриваетъ стражу, положеніе непріятелей, и всю ночь проводитъ въ наблюденіи надъ ними.

Могаммедъ между тѣмъ приготовился къ осадѣ. Войска его приближились ко рву, галеры выстроилъ

Саганъ подлѣ самыхъ стѣнъ, при мѣстахъ. слабѣе защищенныхъ, а около трехъ часовъ утра началось нападеніе и съ суши и съ моря, по особенному условленному знаку, а не по удару изъ вѣстовой пушки, какъ то прежде употреблялось. Могаммедъ сначала пустилъ въ дѣло худшія войска, не думая о томъ, что ихъ разобьютъ, лишь бы онѣ утомили осажденныхъ. Сверхъ сего трупы ихъ, наполняя ровъ, должны были облегчать путь войскамъ, за ними слѣдующимъ, и способствовать имъ удобнѣе достигнуть парапета. Жестокая предусмотрительность Султана оправдалась. Несчастныхъ принуждали палочными ударами и мечемъ ставить лѣстницы и влѣзать по нимъ. Вѣрная смерть которою они угрожались отъ руки Турокъ, заставляла ихъ смѣло идти на ту, которую видѣли передъ собою. Всѣ погибли въ сей битвѣ, продолжавшейся два часа, и во время которой слышанъ былъ голосъ Константина, увѣщававшаго своихъ воиновъ употребить послѣднее усиліе для освобожденія отечества. Могаммедъ надѣялся, что осажденные, истощивъ свои силы на отраженіе самой слабой части его войска, не будутъ уже въ состояніи вступить въ битву съ его отборною ратью. На солнечномъ восходѣ подали знакъ къ новому приступу, при звукѣ всѣхъ инструментовъ; вдругъ вся артиллерія съ суши, съ галеръ, съ плотины непріятельской, ударила для отраженія защищавшихъ стѣны; тотчасъ за симъ избранное войско Мусульманское бросилось всюду, гдѣ орудіями открылись проломы. Могаммедъ на конѣ, съ мечемъ въ рукахъ, съ сверкающими взорами, метался во всѣ стороны, передавъ всѣмъ свою отчаянную храбрость, и велѣлъ своимъ янычарамъ бить безпощадно тѣхъ, въ комъ недостанетъ оной, предавать тѣхъ смерти, кто отступитъ хоть на шагъ, и обѣщать его именемъ награды храбрецамъ, которые прежде всѣхъ успѣютъ выставить на стѣнѣ луну Турецкую. Осаждающіе,

воспламененные симъ способомъ и принужденные побѣдить или погибнуть, смѣло шли на всѣ опасности. Однако усилія осажденныхъ восторжествовали еще однажды надъ яростію Мусульманъ. Послѣ двухъ часовъ битвы, какъ и при первомъ покушеніи, Турки принуждены были уступить, не смотря на крики и угрозы Султана, который былъ въ бѣшенствѣ, видя, что они начинаютъ отступать, хотя это дѣлалось только для отдохновенія. Константинъ немедленно садится на коня, проносится между двумя стѣнами, облекавшими городъ, для ободренія осажденныхъ, указывая имъ на отступъ непріятеля, который онъ почиталъ рѣшительнымъ. Между тѣмъ какъ онъ имъ говорилъ еще, Джюстиніани, дотолѣ неустрашимо сражавшійся, получилъ двѣ раны вдругъ отъ стрѣлъ, изъ коихъ одна пронзила ему руку. Увидя свое оружіе въ крови, онъ поблѣднѣлъ и ужаснулся. Въ то время какъ онъ удалялся съ своего мѣста дѣйствія на корабль, для перевязанія ранъ, его увидѣлъ Императоръ и, подоспѣвъ къ нему, спросилъ, куда онъ удаляется и гдѣ надѣется найти прибѣжище? Джюстиніани отвѣчалъ: „Я уйду тѣмъ путемъ, который Богъ открылъ Туркамъ,“ и выскочилъ сквозь проломъ, ими сдѣланный, чтобы скрыться въ Галату, гдѣ чрезъ нѣсколько дней и умеръ; нѣкоторые утверждаютъ, что не столько раны, какъ стыдъ и отчаяніе были причиною его смерти. Лука, не извѣстно по какой причинѣ, говоритъ о семъ весьма снисходительно; но другіе историки упрекаютъ его въ малодушіи и низости. Императоръ, увидя его бѣгство, сказалъ окружавшимъ: „Пойдемъ, до конца исполнимъ обязанность.“ Бѣгство сего Генуезца было несчастіемъ неизгладимымъ: большая часть его подчиненныхъ послѣдовала примѣру его. Онъ стоялъ на такомъ мѣстѣ, на которое Турки нападали съ наибольшею яростію; не долго имъ было замѣтить смятеніе и ослабленіе осажденныхъ. Отто-

манъ было числомъ въ пятьдесятъ разъ, и можетъ быть и во сто разъ болѣе Христіанъ. Въ двойной стѣнѣ находилось множество проломовъ отъ непріятельской артиллеріи. Одинъ янычаръ, именемъ Гассанъ, росту чрезвычайнаго и испытанной храбрости, далъ замѣтить, что происходитъ на укрѣпленіяхъ; онъ уговорилъ тридцать товарищей слѣдовать за собою, увѣряя ихъ, что уже не встрѣтятъ такого сопротивленія, какое доселѣ имъ оказывали. Онъ первый взлѣзъ на стѣну, но былъ нисверженъ. Не имѣя силъ подняться и осыпанный язвами, онъ до послѣдняго издыханія не переставалъ воспламенять товарищей и угрожать осажденнымъ. Двадцать восемь изъ его послѣдователей имѣли ту же участь; но остальные завладѣли однимъ бастіономъ и водрузили на немъ знамя Оттоманское. Торжественный кликъ сихъ неустрашимыхъ янычаровъ оковываетъ ужасомъ осажденныхъ и усиливаетъ стремительность Турокъ. Они съ разныхъ сторонъ бросаются на стѣны и толпами взбираются на укрѣпленія. Мгновенно слухъ о ихъ побѣдѣ переходитъ отъ мѣста до другаго и наконецъ до гавани. Саганъ, тамъ начальствовавшій, возбуждаетъ соревнованіе въ своихъ морякахъ, упрекая ихъ, что допустили сухопутнымъ войскамъ опередить себя на пути славы. Они стремительно бросаются на непріятеля, не такъ уже упорно имъ сопротивляющагося, захватываютъ одну куртину, и на башнѣ, близкой къ ней, водружаютъ Султанскія знамена, между 9 и 10 часами утра. Въ сію минуту Турки входятъ вдругъ чрезъ всѣ проломы и уничтожаютъ остальныхъ, еще защищавшихся воиновъ. Императоръ, видя съ негодованіемъ, какъ прочіе спасаются бѣгствомъ во внутренность города, бросается къ главному пролому, сопровождаемый нѣсколькими знатными людьми и вѣрными стражами. Спутники его падаютъ другъ за другомъ. Оставшись одинъ, облитый кровью, и желая скорѣе смерти,

чтобы живому не попасться въ руки Мусульманъ, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „Какъ! смерть не пощадила ни одного Христіанина, который могъ бы освободить меня отъ малаго остатка жизни!" Въ сію минуту два Турка, неузнавшіе его (онъ былъ не въ Императорской одеждѣ), разсѣкли ему голову двумя сабельными ударами. Такъ умеръ со славою Государь, достойный лучшей участи. Онъ имѣлъ пятьдесятъ лѣтъ отъ рожденія, а царствовалъ немного долѣе трехъ съ половиною.

Со смертію Константина прекратились всѣ сопротивленія: сухопутное войско вступило въ городъ всѣми вратами второй ограды; между тѣмъ какъ входилъ въ него флотъ, двѣ тысячи Хрістіанъ были положены на мѣстѣ въ пылу перваго преслѣдованія. Но скоро скупость восторжествовала надъ жестокостію. Константинополь былъ такъ обширенъ, что отдаленные его кварталы нѣсколько времени не знали о постигшей его участи. Когда слухъ о томъ вездѣ разнесся, то жители толпами бросились въ храмъ Св. Софіи и завалили его двери, повѣривъ предсказанію одного фанатика, который говорилъ, что они тамъ спасутся и что Ангелъ явится тамъ въ ихъ защиту. Турки вбѣжали за ними въ церковь и множество изъ нихъ побили. Но слѣдуя нѣкоторымъ Историкамъ, побѣдители удовольствовались ихъ плѣненіемъ и взяли ихъ до шестидесяти тысячь. Константинополь въ продолженіе трехъ дней переносилъ всѣ ужасы, которые обыкновенно бываютъ въ городѣ, взятомъ приступомъ. Могаммедъ, который хотѣлъ перенести въ него свое мѣстопребываніе, позволялъ все дѣлать, только не зажигать его. Историки говорятъ несогласно объ убійствахъ въ семъ городѣ. Одни утверждаютъ, что сорокъ тысячь человѣкъ лишились жизни; другіе (и ихъ гораздо болѣе), напротивъ того, увѣряютъ, что очень мало совершено убійствъ. Во всякомъ случаѣ то по

крайней мѣрѣ достовѣрно, что Могаммедъ выкупилъ у солдатъ своихъ большую часть знаменитыхъ плѣнниковъ, и велѣлъ имъ отсѣчь головы. Одни свидѣтельствуютъ, будто онъ ругался надъ трупомъ Императора; другіе, что онъ велѣлъ похоронить его со всею почестью и возложилъ исполненіе сего священнаго долга на Христіанъ. Греческій Адмиралъ Нотара и два его сына были обезглавлены, потому что отецъ, говорятъ, не согласился предать меньшаго преступнымъ желаніямъ Могаммеда. Нѣкоторые утверждаютъ, что эту казнь онъ принялъ за его покушеніе возстановить Греческую Имперію. Сына Францесова, пятнадцати лѣтъ отъ роду, Султанъ заколол кинжаломъ изъ собственныхъ рукъ, потому что онъ не хотѣлъ собою пожертвовать гнуснымъ его наслажденіямъ. Орканъ, внукъ Мусульманина, скрывавшійся подъ монашескою одеждою, былъ узнанъ и убитъ камнями.

Султанъ, для сохраненія Константинополя, велѣлъ прекратить безпорядки, производимые солдатами въ продолженіе трехъ дней. Онъ освободилъ множество плѣнныхъ, которымъ велѣлъ возвратиться въ свои домы, и принудилъ тѣхъ, которые ушли изъ города до его осады или скрылись послѣ взятія его, снова поселиться въ немъ. Пять тысячь семействъ изъ Натоліи и Романіи повиновались приказанію, данному подъ смертной угрозой, переправиться въ столицу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Магоммедъ совершенно заселилъ его на счетъ Трапезунта и множества другихъ городовъ. Чтобы удержать здѣсь жителей, онъ позволилъ, противъ уложенія Алкорана, свободно отправлять Христіанское богослуженіе. Церкви столицы были раздѣлены для обѣихъ религій. Св. Софія превратилась въ мечеть. Сей раздѣлъ продолжался болѣе шестидесяти лѣтъ. Патріарха, какъ прежде было, опредѣлилъ новый Константинопольскій Императоръ.

Султанъ самъ вручилъ ему пастырскій посохъ и велѣлъ Визирямъ и Пашамъ сопровождать его пѣшимъ до назначенной для него церкви. Могаммедъ въѣхалъ на лошади въ Св. Софію, и совершивъ на алтарѣ молитву, стоя на колѣняхъ, велѣлъ потомъ его разрушить. Говорятъ, что онъ рѣшился на такой въѣздъ во храмъ тогда, какъ узналъ, что и Христіане то же дѣлали. Дѣйствительно, въ царствованіе послѣднихъ Императоровъ, до того дошло безбожіе Грековъ, что знатныя особы въѣзжали въ Св. Софію на лошади или въ экипажѣ.

Генуезцы Галатскіе въ продолженіе осады употребляли всѣ возможныя хитрости и измѣны. Они просили у Могаммеда покровительства передъ отъѣздомъ его изъ Адріанополя; Султанъ обѣщалъ имъ оное, съ тѣмъ условіемъ, чтобы не давали никакого заступленія столичному городу, на что они и согласились. Съ одной стороны они допустили Оттоманскій флотъ идти сушею, какъ выше было сказано, и нимало сему не воспрепятствовали; съ другой, противъ даннаго слова, тайно помогали осажденнымъ. Магоммедъ узналъ это и таилъ свое подозрѣніе. Но чрезъ пять дней послѣ взятія Константинополя вошедъ въ Галату; множество Генуезцовъ обратились въ бѣгство; онъ взялъ ихъ имущество, велѣлъ конфисковать ихъ, если они не возвратятся чрезъ три мѣсяца, и разрушилъ стѣны.

Такъ пала Константинопольская Имперія; ея паденіе было причиною и какъ-бы знакомъ возстановленія искусствъ на Западѣ. Множество Грековъ, между которыми были и ученые люди, нашли способъ скрыться. Между тѣмъ какъ грабежъ занималъ побѣдителей, они ушли на пяти Генуезскихъ корабляхъ, стоявшихъ въ гавани, и пристали къ Италіи, гдѣ, вмѣстѣ съ языкомъ Греческимъ, водворили познанія, любовь

къ литтературѣ, давно уже павшей въ пренебреженіе на Западѣ.

Взятіе Константинополя составляетъ важную эпоху въ новѣйшей Исторіи. Въ 1453 году, 23 Мая, сей городъ покорился власти Могаммеда, въ 2205 году отъ основанія Рима, въ 1123 году отъ перенесенія Константиномъ столицы Имперіи и въ 32 г. царствованія Карла VII, Короля Французскаго. Паденіе Южной Имперіи не было происшествіемъ внезапнымъ: оно приготовлялось и зрѣло съ вѣками. Можетъ быть оно скорѣе бы послѣдовало, еслибъ не междоусобныя войны Арабовъ, которыя, можетъ быть, однѣ только предохранили все Христіанство отъ ихъ ига (*). Чудесныя дѣйствія Греческаго огня, торговыя сношенія, поселеніе варваровъ на берегахъ Дуная, которые сдѣлались менѣе ужасными, когда получили осѣдлость и даже составили оплотъ противъ другихъ варваровъ, — суть также причины того, что разрушеніе Имперіи замедлилось, между тѣмъ какъ все должно бы было ускорить его. Но намъ слѣдуетъ изложить остальныя обстоятельства, сопровождавшія сіе событіе.

Могаммедъ, ввѣривъ правленіе Константинополемъ одному изъ своихъ невольниковъ, именемъ Солиману, отправился съ тріумфомъ въ Адріанополь, неся съ собою богатыя добычи, полученныя при побѣдѣ. По прибытіи туда, онъ нашелъ множество Христіанскихъ Князей, которые пришли поздравлять его и изъявить радость, которую, по словамъ ихъ, чувствовали при видѣ его успѣховъ, приводившихъ ихъ въ отчаяніе. Они стояли у подножія его трона, о

(*) Сіи народы наблюдали одинъ священный обрядъ, который также долженъ былъ препятствовать успѣхамъ ихъ оружія. Они посвящали два мѣсяца, начиная отъ лѣтняго солнцестоянія, отправленію священныхъ обязанностей и въ это время оружіе ихъ было безъ дѣла.

трепетомъ ожидая, какъ прикажетъ поступать съ ними Султанъ. Всѣмъ имъ велѣно было заплатить ему пеню и воздать почести. На сихъ условіяхъ Морея еще осталась на семь лѣтъ подъ властію деспотовъ Димитрія и Ѳомы, братьевъ Константина: время сіе было періодомъ бѣдствій для сей несчастной страны. Деспоты разорили ее междоусобными войнами. Димитрій, на краю погибели, прибѣгнулъ къ Султану, который согласился быть его покровителемъ и вступилъ въ Морею. Овладѣвъ Спартою, онъ сказалъ своему союзнику: „Ты не въ силахъ удержать сію мятежную провинцію; я женюсь на твоей дочери, и ты проведешь остатокъ жизни съ почестью и покойно.“ Димитрій, принужденный повиноваться, отдалъ свою дочь и земли, послѣдовалъ за тестемъ въ Адріанополь, и наконецъ постригся въ монахи. Въ слѣдующемъ году прибылъ къ Оттоманскому Двору Давидъ, послѣдняя отрасль отъ поколѣнія того Давида Комнена, который, по взятіи Константинополя Латинцами, основалъ Имперію на берегахъ Чернаго моря. Могаммедъ, распространяя свои побѣды до Натоліи, окружилъ столицу Императора Давида, и предложилъ ему или отказаться отъ правленія, сохранивъ свои сокровища, или отдать и то и другое вмѣстѣ съ жизнію. Устрашенный Комненъ явился къ Султану съ поклономъ; его отвели въ одинъ замокъ въ Романіи; но по маловажному подозрѣнію, или подъ предлогомъ, будто онъ сносится съ Царемъ Персидскимъ, умертвили со всѣмъ семействомъ (*). Братъ его ушелъ въ Италію и былъ принятъ въ Ватиканѣ. Старшій сынъ его Андрей, носившій только титулъ наслѣдника Имперіи, продавалъ попеременно права

(*) Охотники до мѣлкихъ сближеній замѣтили, что Римская Имперія основана Августомъ, Константинопольская Константиномъ, Трапезонтская Давидомъ Комненомъ, и всѣ три рушились при Государяхъ того же имени.

свои Королям Французским и Аррагонским. Въ національной библіотекѣ Парижской, по свидѣтельству Гиббона, находится актъ отъ 6 Септября 1494 г., по которому Андрей передалъ Карлу VIII Имперію Константинопольскую и Трапезундскую. Сему Государю, прибавляетъ онъ, пришла на минуту мысль присоединить къ своему Государству Восточную Имперію. Въ одно всенародное торжество онъ облекся титломъ Августа и пурпурною одеждой. Часто извлекали изъ забвенія титла еще болѣе ничтожныя.

Могаммедъ повсюду распростеръ свои честолюбивые виды. При Бѣлградѣ, защищаемомъ знаменитымъ Гуніадомъ, онъ получилъ неудачу. Рыцари Родосскіе согнали его съ своего острова. Но онъ снова покорилъ Албанію, по смерти Скандерберга, проникнулъ съ оружіемъ до Тріеста, угрожалъ Венеціи, устрашилъ всю Европу. Его полководцы взяли Отрантъ и прошли въ Калабрію. Онъ замышлялъ покорить Италію, и вѣроятно покорилъ бы также и древній Римъ, какъ новый, еслибъ смерть не пресѣкла его подвиговъ: она постигла его на пятьдесятъ первомъ году, среди смѣлыхъ предпріятій. Никто не замышлялъ обширнѣйшихъ; начиная съ Карломана, который, говорятъ, намѣревался соединить Парижъ, Римъ и Константинополь, и тогда подвергъ бы подъ свое владычество все, что заключается между западнымъ Океаномъ и Босфоромъ Ѳракійскимъ, отъ Бреста до Константинополя, и даже нѣсколько провинцій далѣе; мысль, которая при первомъ воззрѣніи кажется исполинскою. Когда подумаешь, что владѣнія Римлянъ были еще обширнѣе, то необыточнымъ представляется сіе чудо въ Исторіи народовъ, сія масса владычества, которая, правда, скоро потрясена была, но послѣдніе остатки которой исчезли не ранѣе, какъ чрезъ двадцать два столѣтія послѣ основанія Рима. *В. Р.*

Отрывокъ изъ Franz Sternvald Wanderungen, соч. Вакенродера (Тика).

„И такъ я увижу славнаго Луку Лейденскаго, о которомъ Дюреръ столь часто говорилъ мнѣ! Какая разница между имъ и мною! Съ дѣтства художникъ; имя его въ шестьнадцать лѣтъ уже было извѣстно. Я его услышу, увижу его творенія; могу сказать ему, сколь обожаю его. Но соберусь ли съ духомъ показаться передъ нимъ? Нѣтъ, не осмѣлюсь выдавать себя художникомъ; я ничего не значу.“

Такъ разсуждалъ про себя Францъ Стернбальдъ, приближаясь къ Лейдену: онъ боялся, а вмѣстѣ и жаждалъ видѣть знаменитаго живописца. При свѣтѣ мѣсяца онъ вошелъ въ городъ, и былъ пораженъ величиной его и мѣстоположеніемъ. Побродивъ нѣсколько по улицамъ, онъ вошелъ въ гостинницу, гдѣ, не смотря на свою усталость, съ трудомъ заснуть могъ. На другой день насилу могъ дождаться приличнаго часа для посѣщенія Луки. Пришедъ съ сильнымъ волненіемъ къ дверямъ дома, онъ позвонилъ въ колокольчикъ. Служанка отвѣчала, что господинъ ея занимается въ мастерской; Францъ просилъ ввести его въ оную.

Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ небольшаго человѣка, еще довольно молодаго, съ лицемъ, выражающимъ добродушіе; слуга сидѣлъ передъ картиной и трудился съ большимъ вниманіемъ. Ящики съ красками, ри-

сунки и образцы анатомическіе разставлены были въ порядкѣ вокругъ него. Онъ всталъ, чтобъ его принять. Впечатлѣніе, произведенное на Стернбальда присутствіемъ сего великаго живописца, было таково, что онъ нѣсколько минутъ не могъ ни слова выговорить; однако оправился отъ замѣшательства, назвалъ себя и произнесъ коекакъ имя Албрехта Дюрера. Лука принялъ его очень ласково. Францъ разсказалъ ему вкратцѣ о своемъ странствіи и о тѣхъ видѣнныхъ имъ картинахъ, кои, по его мнѣнію, достойны замѣчанія. Въ продолженіе бесѣдъ онъ внимательно разсматривалъ картину, надъ которой Лука трудился. Онъ нашелъ въ ней сходство съ манеромъ Албрехта; ту же рачительность въ подробностяхъ, ту же точность и отдѣлку; но ему казалось, что рисунки Луки не имѣли той смѣлости: не смотря на то, онъ замѣтилъ ту же простоту въ сочиненіи (composition) и ту же истину въ выраженіи страстей. Разговоръ Луки отличался живостію и игривостію; глаза его были быстры, и измѣнчивость лица еще болѣе оживляла разговоръ его. Ф. представлялъ его себѣ высокимъ, важнымъ, и напротивъ видѣлъ передъ собою маленькаго человѣка, съ безпрестанной улыбкой на лицѣ, и коего слова были отпечаткомъ веселаго и безпечнаго характера.

„Мнѣ очень пріятно васъ видѣть," сказалъ Лука; „но самымъ горячимъ желаніемъ моимъ всегда было — лично уз-

нать вашего наставника. Какое было бы счастіе, если бы когда-либо я увидѣлъ его входящимъ ко мнѣ! Никто въ свѣтѣ не возбуждаетъ столько моего любопытства; я почитаю его величайшимъ художникомъ нашего времени. Онъ долженъ быть очень дѣятеленъ?"

— Онъ занимается почти безъ отдыха. Величайшее наслажденіе для него — упражняться въ своемъ искусствѣ, такъ что это рвеніе часто заставляетъ его жертвовать здоровьемъ своей любимой страсти. —

„Вѣрю, ни у кого нѣтъ такой рачительности въ произведеніяхъ; и не менѣе того какое ихъ множество! Я нахожу во всѣхъ его твореніяхъ что-то неизъяснимое, что особенно отличаетъ талантъ его — прелесть, которую ни гдѣ не встрѣтишь. Это отличнѣйшій человѣкъ; и я почитаю крайне счастливымъ того, кто имѣетъ его своимъ наставникомъ."

Штернбальдъ всегда съ великимъ удовольствіемъ слышалъ похвалы своему учителю; но столь искренняя похвала великаго художника твореніямъ Албрехта тронула его до глубины сердца. Онъ крѣпко пожалъ руку Луки, и, съ слезами на глазахъ, сказалъ ему: — Повѣрьте, я умѣю цѣнить свое счастіе, и признаю себя блаженнѣйшимъ изъ людей съ той поры, какъ вошелъ въ домъ Албрехта. —

„Неизъяснима," продолжалъ Лука, „та безпрерывная потребность трудиться, ко-

торую я ощущаю въ себѣ! Съ самаго ранняго дѣтства я имѣлъ эту наклонность; обыкновенныя ребяческія игры не плѣняли меня. Новая картина такъ овладѣваетъ мною, что я теряю сонъ и покой. Въ нѣсколько часовъ не могъ бы пересказать вамъ, какимъ образомъ я сдѣлался художникомъ, и какими путями надѣюсь еще усовершенствовать талантъ свой; — но позвольте мнѣ продолжать работу мою, пока вы мнѣ будете сообщать замѣчанія ваши объ искусствѣ, а потомъ и ваши предположенія.“ Съ сими словами онъ началъ разтирать свои краски.

Ф., ободренный привѣтливымъ добродушіемъ Луки, высказалъ ему откровенно все, что происходило у него на сердцѣ. Онъ говорилъ ему о своемъ энтузіазмѣ къ искусствамъ, и признался въ своей робости, несчастной нерѣшимости въ выборѣ предметовъ, представляемыхъ ему воображеніемъ, въ той недовѣрчивости собственнымъ силамъ, которая заставляла его опасаться, что не выразитъ онъ того, что̀ такъ сильно чувствуетъ, и тѣмъ осквернитъ сіе возвышенное искусство, произведя что-либо недостойное онаго.

Лука положилъ палитру и внимательно поглядѣлъ на молодаго художника, который столь былъ воспламененъ и занятъ своими мыслями, что и не примѣтилъ удивленія своего собесѣдника. „Любезный мой!“ сказалъ онъ ему наконецъ, „мнѣ кажется, воображеніе твое вводитъ тебя въ за-

бужденіе. Я понимаю то состояніе души, которое ты описываешь мнѣ съ такимъ жаромъ; но никогда отъ роду не ощущалъ онаго. Я никогда не колебался въ выборѣ предмета; и пока тружусь надъ какою нибудь картиной, то въ головѣ уже составляю планъ другой: и вотъ почему такъ много произведеній моихъ, не смотря что я еще молодъ. При началѣ своего поприща мнѣ часто случалось нѣсколько разъ съизнова начинать одно и то же, прежде нежели останешься доволенъ цѣлымъ и каждою подробностью отдѣльно. Живописецъ искусной долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ столько же спокойствія и постоянства въ исполненіи, сколько живости и фантазіи при изобрѣтеніи и расположеніи предметовъ. Твоя нерѣшимость и робость, скажу даже, это благоговѣніе къ искусству нашему, которое заставляетъ тебя думать, что никогда не произведешь ничего достойнаго, мнѣ кажутся совершенно *противухудожественными*; ибо, если хочешь быть живописцемъ, то должно писать, и что начато — окончить.

То, что ты сказалъ мнѣ, предполагаетъ въ тебѣ большія наклонности къ поэзіи; но надобно, чтобъ и поэтъ занимался съ спокойствіемъ и благородною самоувѣренностію. — Позволь еще прибавить одно замѣчаніе. Я никакъ не могъ понять въ художникахъ нашихъ охоты богомольствовать въ Италію, какъ будто бы земля эта была Палестиной искусства; тѣмъ менѣе я постиг-

гаю ее въ тебѣ. При раздражимости твоего воображенія, каждый новый предметъ будетъ тебѣ служить новой причиной колебанія: чѣмъ болѣе увидишь, тѣмъ будешь нерѣшительнѣе въ выборѣ рода живописи; ты станешь вѣчно искать, потому что никогда не останешься доволенъ найденнымъ. Не заключаю однако изъ сказаннаго мною, чтобъ я не любилъ и не любилъ страстно Итальянской школы; но я желалъ бы единственно, чтобъ каждый народъ ограничивался родомъ, ему свойственнымъ. Сколько бы ты ни старался, не сдѣлаешься Итальянцемъ. Повѣрь мнѣ, оставь свое странствіе, и не покидай отчизны. Ну что тебѣ дѣлать въ землѣ этой? Ты будешь смотрѣть на образцовыя произведенія Итальянской школы не иначе, какъ глазами Нѣмца; столь же вѣрно, какъ и то, что не найдешь ниодного художника Итальянскаго, сколь бы онъ ни былъ превосходенъ, который бы умѣлъ цѣнить силу кисти и красоту твореній Албрехта Дюрера: это не въ природѣ вещей. Если ты предпріемлешь свое путешествіе съ тѣмъ, чтобъ вывезть какой-либо новой родъ, то все таки неправъ, потому что перестанешь быть художникомъ отечественнымъ, не сдѣлавшись чрезъ это Итальянцемъ; и напослѣдокъ всего — ты останешься навсегда энтузіастомъ, мечтателемъ, и никогда не будешь живописцемъ. Слова мои покажутся тебѣ, можетъ быть, жесткими; но я беру въ тебѣ участіе, и желалъ бы быть полезнымъ. По-

вѣрь мнѣ: человѣкъ съ талантомъ чего ни захочетъ, все сдѣлаетъ, лишь бы ревность и терпѣніе его были неусыпны. Посмотри на Альбрехта! Не достигъ ли онъ высокой степени совершенства, никогда не бывши въ Италіи? — Ибо нечего считать короткаго пребыванія его въ Венеціи. — И я думаю, что ты не имѣешь притязанія превзойти его. Въ древнемъ искусствѣ мы не смыслимъ; да и естественнѣе стараться намъ изображать природу могущую и суровую, какою восхищаемся мы въ своемъ отечествѣ; намъ должно пріучать кисть свою къ повторенію ея смѣлыхъ очерковъ. Повѣрь мнѣ, другъ мой, природа Сѣвера заключаетъ въ себѣ болѣе поэзіи, способнѣе возбудить вдохновеніе въ человѣкѣ геніальномъ и возвысить душу столько же, сколько природа южная ее изнѣживаетъ и ослабляетъ.

Ф. никогда не былъ такъ смущенъ, какъ въ эту минуту. Онъ нимало не сомнѣвался, что Лука отклонялъ его продолжать поприще искусства только потому, что не находилъ въ немъ никакихъ къ оному способностей. Единственное достоинство, въ коемъ Ф. сознавался, состояло именно въ пламенномъ желаніи изучить лучшія творенія первѣйшихъ художниковъ какъ старинныхъ, такъ и новѣйшихъ, и въ томъ чрезвычайномъ благоговѣніи къ самому искусству, неудобства коего представилъ живописецъ, внушавшій ему послѣ своего наставника наибольшее къ себѣ уваженіе.

„Можетъ быть, вы и правы," сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія; „и мнѣ самому кажется, что я никогда не сдѣлаюсь живописцемъ. Чѣмъ болѣе чувствую ваше превосходство, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь въ своей неспособности. Судьба жизни моей проиграна, неудалась. Враждебной жребій меня преслѣдуетъ, и производитъ то, что чистѣйшія намѣренія, благороднѣйшія и, смѣю сказать, самыя возвышенныя чувства не ведутъ меня къ истинному счастію: все, что должно бы для меня быть источникомъ довольства и наслажденій, превращается въ горести и страданія. Во мнѣ безпрерывная борьба между тѣломъ и душею, и силы мои вовсе не соразмѣрны съ благими моими намѣреніями.

— Въ словахъ моихъ не заключалось ничего подобнаго, — прервалъ Лука, усмѣхаясь; — я замѣтилъ только, что въ тебѣ все носитъ отпечатокъ характера пламеннаго, чему ты представилъ еще новое доказательство. Человѣку трудно измѣнить свои врожденныя наклонности и характеръ; но пусть онъ старается смягчить ихъ, и первѣйшая его обязанность — пріобрѣсть столько крѣпости духа, чтобы возмогъ укротить буйства страстей своихъ. Но успокойся, другъ мой: что я сказалъ тебѣ, не иное что, какъ *мой* образъ мыслей: я могу ошибаться, какъ и всякой другой. —

„Нѣтъ, вы ничего не дѣлаете, какъ другіе," отвѣчалъ Стернбальдъ. „Ахъ! за чѣмъ

вы не могли слышать, съ какимъ восторгомъ учитель мой мнѣ говорилъ объ васъ, когда для васъ я намѣревался остановиться въ Лейденѣ! за чѣмъ вы не могли замѣтить, съ какимъ волненіемъ я вошелъ къ вамъ! Вамъ не извѣстно, сколь драгоцѣнно для меня каждое ваше слово. Кто не въ состояніи одушевиться чувствами подобными моимъ въ бесѣдѣ вашей, тотъ не достоинъ внимать вамъ.“

— Молодой человѣкъ! — возразилъ Лука, — Характеръ твой мнѣ нравится: мало людей, которые бы столь живо чувствовали, какъ ты: большая часть изъ нихъ разсматриваютъ искусство наше просто какъ забаву, и почитаютъ насъ взрослыми ребятами, которые съ важностію занимаются пустяками. — Но станемъ говорить о чемъ-либо другомъ; я усталъ писать.“

Они начали разсматривать новую гравировку Дюрера, которую онъ незадолго до того получилъ; и возрастающее удивленіе Луки таланту сего великаго живописца возвратило Францу счастливое расположеніе духа и заставило его на время позабыть собственныя горести. Вскорѣ нѣсколько друзей хозяина пришли къ нему и остались отобѣдать. Бесѣда была самая веселая; но о живописи не говорено ни слова; а всякой другой предметъ для Стернбальда не имѣлъ никакой привлекательности.

Онъ остался въ Лейденѣ долѣе, нежели предполагалъ. Лука предложилъ ему напи-

сать нѣсколько портретовъ, и онъ въ угодность ему хотѣлъ ихъ окончить. Онъ чувствовалъ искреннюю привязанность къ сему художнику, хотя еще и не внушалъ такого довѣрія, какъ возлюбленный его наставникъ. Различіе характеровъ и обращенія приводили Франца въ тягостную принужденность; шумная веселость сего живописца болѣе смущала, нежели развлекала его. Часто готовъ онъ былъ усумниться въ превосходствѣ таланта Луки, который иногда казался ему болѣе ремесленникомъ, нежели художникомъ; но какъ скоро онъ вспоминалъ многочисленныя его произведенія, его творческой геній и энтузіазмъ ко всему прекрасному, то стыдился несправедливости своихъ сужденій.

Удивленіе и радость Франца были неизъяснимы, когда онъ, войдя однажды утромъ въ мастерскую Голландскаго художника, нашелъ въ ней своего возлюбленнаго наставника. Сначала не смѣлъ вѣрить глазамъ своимъ; но Албрехтъ всталъ и дружески прижалъ его въ своихъ объятіяхъ. Наши три живописца съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлись другъ съ другомъ; вопросы и отвѣты пересѣкались безпрестанно, и живость Луки не допускала послѣдовательнаго разговора. Онъ не могъ удержаться отъ радости при видѣ своего новаго посѣтителя; теръ себѣ руки, и ни на минуту не оставался въ покоѣ. — Онъ показалъ Дюреру одну изъ картинъ своихъ; и прежде нежели тотъ имѣлъ время разсмо-

шрѣть ее, онъ закидалъ его вопросами, на кои требовалъ отвѣтовъ скорыхъ и рѣшительныхъ. Ф. наблюдалъ противуположность безпокойной и шумной радости живописца Голландскаго съ самодовольствомъ тихимъ и мирнымъ, коимъ, казалось, наслаждался его учитель. Сіи противорѣчія тѣмъ болѣе поражали его, что въ ихъ чувствахъ и твореніяхъ находилъ онъ большое сходство, и никакого не было въ ихъ станѣ и чертахъ. Дюреръ былъ высокъ и худощавъ; кудрявые волосы покрывали лобъ его; физіономія, почти неподвижная, выражала благородство и добродушіе.

Стернбальдъ впервые замѣтилъ разительное сходство его лица съ изображеніями Спасителя. Лука казался при Албрехтѣ еще ниже; волосы его были гладки; глаза имѣли болѣе живости, нежели выраженія, и лице его измѣнялось ежеминутно.

Албрехтъ разсказалъ имъ, что онъ былъ болѣнъ, и что по выздоровленіи ему присовѣтовали перемѣнить воздухъ и покинуть на время свои занятія и сидячую жизнь. „Желаніе васъ видѣть," продолжалъ онъ, относясь къ Лукѣ „побудило меня послѣдовать совѣту врача. Я не намѣренъ искать личнаго знакомства другихъ живописцевъ земли этой; судя по ихъ картинамъ, мною видѣннымъ, я нахожу, особенно сравнивъ ихъ съ вами, что они не стоютъ труда этаго."

Лука былъ очень тронутъ сими знаками уваженія, и не замедлилъ показать Дю-

реру свои важнѣйшія сочиненія, прося его сообщить ему свои замѣчанія.

— Какъ хотите, — сказалъ онъ, — но вы должны остаться у меня подолѣе, и дать мнѣ совѣты въ томъ, что особенно меня затрудняетъ. Никто, какъ вы, не внушаетъ мнѣ столько довѣренности." Албрехтъ отвѣчалъ, что онъ останется столько, сколько позволятъ его дѣла и сумма, назначенная имъ для проѣзда. Обѣденной колоколъ прервалъ разговоръ. Молодая и пріятной наружности женщина вошла въ мастерскую: то была жена Луки. Она замѣтила мужу своему, что время повести посѣтителей его въ столовую. Супруга Дюрера приняла Франца ласково, и онъ никогда не видалъ ее столь любезною. Путешествіе привело ее въ веселое расположеніе духа, что придавало ей особенную пріятность. Во время обѣда Лука былъ совершенно въ своей сферѣ: его искренность и привѣтливость къ собесѣдникамъ своимъ не имѣла ничего принужденнаго; онъ разсказывалъ женѣ Дюрера всякую всячину пріятно и забавно. Этотъ же былъ молчаливѣе и менѣе развязенъ съ молодою и прекрасною супругою своего хозяина: его скромный нравъ приводилъ его въ замѣшательство; и если шутки не являлись сами собою, то онъ считалъ безполезнымъ и утомительнымъ искать ихъ.

Ф. растерялся въ своихъ размышленіяхъ. Онъ собирался на другой день въ Антверпенъ; и мысль, что долженъ раз-

статься съ своимъ наставникомъ, сильно его тревожила.

„Вы позволите мнѣ, дорогой мой посѣтитель, списать портретъ съ васъ," сказалъ Лука. „Мнѣ сильно хочется имѣть его; и я постараюсь, сколько то будетъ отъ меня зависѣть, чтобъ онъ былъ схожъ и рачительно написанъ."

— Согласенъ; но съ условіемъ, что и я спишу съ васъ портретъ, и отвезу его въ Нюренбергъ. —

„Знаете ли, что намъ лучше всего сдѣлать? Вы и я напишемъ свои портреты. Такимъ образомъ будемъ имѣть обоюдно труды свои."

— И на это согласенъ. Но — благо, что говоримъ о живописи — скажите, какъ вы нашли время написать столько картинъ, которыя мы имѣемъ отъ васъ? Съ виду вамъ нѣтъ болѣе тридцати лѣтъ. —

„Мнѣ только двадцать девять. Я занимался съ довольно рѣдкимъ рвеніемъ, и въ короткое время число моихъ гравировокъ сравнится съ вашими. Но я рано началъ; и вамъ, можетъ быть, не извѣстно, что девяти лѣтъ я уже былъ граверомъ."

— Девяти лѣтъ! — воскликнулъ Стернбальдъ. — Я прежде полагалъ, что первую картину свою вы написали лѣтъ шестьнадцати, но не въ девять. —

„Я рисовалъ съ натуры портреты, и все, что ни встрѣчалось, ивовымъ углемъ, прежде нежели умѣлъ говорить порядочно. Мнѣ казалось потеряннымъ то время, которое

я не посвящалъ живописи. Игры дѣтства наводили на меня скуку; товарищи мои надоѣдали мнѣ. Они стали надо мною насмѣхаться, и не иначе называли, какъ *старикомъ*. Величайшимъ удовольствіемъ моимъ было въ этомъ возрастѣ, если родные узнавали портреты, коими я измарывалъ стѣны. Мнѣ хотѣлось знать, какъ гравируютъ. Нѣкто, очень поверхностно знавшій правила этаго искусства, далъ мнѣ въ ономъ начальныя наставленія. Такимъ образомъ 9ти лѣтъ я сдѣлалъ свою первую гравировку, которую тогда же и издалъ, и которая имѣла порядочной успѣхъ. Спустя нѣсколько, родители мои, склонившись на мою усердную просьбу, помѣстили меня къ Енгельберту. Я занимался у него неутомимо; и въ шестнадцать лѣтъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что картины мои пользовались нѣкоторою славой.“

Оба живописца вступили тогда въ разговоръ, безъ сомнѣнія слишкомъ ученый, чтобъ супругамъ ихъ онъ могъ быть занимателенъ; ибо жена Луки прервала его и просила окончить пренія, для нихъ непонятныя.

„Мы до крайности скучаемъ здѣсь,“ сказала она: „пощадите насъ; послѣ же обѣда вы можете объ живописи своей наговориться, сколько вамъ угодно.“ Послѣ того она обратилась къ Дюреру, прося его разсказать ей о томъ, что встрѣтилъ онъ въ своихъ странствіяхъ; потомъ стала разспрашивать его о нарядахъ различныхъ со-

словій въ Нюренбергѣ, и изслѣдовала одежду жены его съ особеннымъ вниманіемъ.

„Милая моя!" прервалъ ее Лука съ живостію, „тебѣ должно позволить мнѣ поговорить съ Албрехтомъ. Мнѣ остается еще сдѣлать ему множество вопросовъ; и я почелъ бы за совершенный грѣхъ имѣть такого человѣка у себя и не бесѣдовать съ нимъ открыто, отъ чистаго сердца."

— Я не мѣшаю тебѣ говорить, о чемъ хочешь, — отвѣчала ему жена его; — но что скажетъ Г-жа Дюреръ, если ты не доставишь ей никакого удовольствія? —

„О! что касается до меня," сказала съ сердцемъ жена Албрехта, „я привыкла къ подобнымъ преніямъ. Дома у себя не слышишь другаго разговора во время всего обѣда. Мужъ мой никогда не знаетъ никакихъ городскихъ новостей, развѣ если что относится къ Лютеру."

— Дай Боже, чтобъ мы никогда не охладѣвали къ подвигамъ сего великаго мужа! — съ жаромъ воскликнулъ Албрехтъ, — да продлятся дни его на благо церкви и распространеніе истинной вѣры! Друзья! выпьемъ за его здоровье. —

„Хоть это и значитъ пить за здоровье нѣсколько раскольничье," сказалъ Лука улыбаясь и наливая свою рюмку, „но, если это доставитъ вамъ удовольствіе, то я не прочь; замѣтивъ развѣ, что намъ не избѣгнуть несчастій, прежде нежели новое ученіе утвердится. Впрочемъ я ни сколько не смыслю въ дѣлахъ этихъ и предостав-

дяю спорить о томъ богословамъ и ученымъ. Перейдемъ лучше къ любимому нашему предмету: для чего, скажите пожалуйте, вы не отклонили своего воспитанника отъ путешествія въ Италію? Оставшись при васъ, онъ могъ бы достигнуть несравненно большей степени совершенства, вмѣсто того, чтобъ терять ему свое время."

Ф. вышелъ изъ своей задумчивости, ожидая отвѣта своего наставника.

— Я не отклонилъ его отъ путешествія потому, что, какъ видно, мы съ вами различныхъ мнѣній объ усовершенствованіи искусства. Мнѣ не безъизвѣстно, что я не изъ послѣднихъ художниковъ; но безразсудно было бы изъ того заключать, что мнѣ уже ни чему не осталось научиться. Уже ли вы не почитаете возможнымъ, чтобъ въ грядущія времена искусство наше не было доведено до такой степени совершенства, о какой мы теперь и никакого понятія себѣ составить не можемъ?"

Лука покачалъ головою съ видомъ недовѣрчивымъ.

„Я въ томъ убѣжденъ въ полной мѣрѣ," продолжалъ Дюреръ. „Учитель вашъ Енгельбертъ не умѣлъ писать такъ какъ вы; почему же не надѣяться, что и насъ въ свою очередь превзойдутъ ученики наши?"

Встали изъ за стола. Албрехтъ просилъ позволенія отдохнуть; Лука возвратился въ свою мастерскую, а Стернбальдъ пошелъ прогуляться по саду и освѣжить себя чистымъ воздухомъ. Вечеромъ разговоры о ис-

вописи возобновились; и после ужина Францъ проводилъ своего наставника до гостинницы. Разставанье ихъ было трогательно. Мрачныя предчувствія возвѣщали Албрехту, что онъ въ послѣдній разъ видится съ ученикомъ своимъ. Сей, благоговѣйно выслушавъ его совѣты, разстался съ нимъ съ живѣйшею горестію.

ИСТОРІЯ КАЛАЧЕЙ.

Калачь, по опредѣленію Словаря Россійской Академіи, есть *родъ печенаго бѣлаго хлѣба съ двумя* согнутыми рожками, изъ квашенаго или сдобнаго тѣста (1). Опредѣленіе ясно, точно и полно. Мы съ своей стороны могли бы только прибавить, что упомянутые *рожки калача* называются еще его *дужкою*.

Искусство и способъ печь *калачи* принадлежитъ къ общирной сферѣ познаній хлѣбниковъ и калачниковъ. Мы ограничимъ себя только поверхностнымъ, такъ сказать, *систематическимъ* раздѣленіемъ сего рода хлѣба, кажется, древнѣйшаго предка нынѣшнихъ нашихъ *саекъ, булокъ, кренделей, витушекъ* и подобныхъ предметовъ древней и новой гастрономіи Русской.

Такимъ образомъ упомянемъ мы, что *калачи* по качеству и существу своему

(1) Смотр. слово *колачь* во 2 Части *Словаря Россійск. Академ.*

раздѣляются: 1) *на обыкновенные калачи;* 2) *крупичатые,* и 3) *сдобные.* Такія названія существуютъ въ наше время и по своей извѣстности не требуютъ никакого объясненія. Но въ лѣтописяхъ нашихъ встрѣчаются такія названія калачей, которыя безъ особеннаго объясненія не такъ хорошо понять можно. На примѣръ, въ древнихъ произведеніяхъ отечественной Словесности, что можно будетъ далѣе видѣть изъ нашего сочиненія, знакомимся мы съ *калачами:* 1) *бѣлыми* и 2) *смѣстными.* Я не говорю уже о *драгоцѣнныхъ калачахъ* Курбскаго, который придалъ имъ сей эпитетъ, вѣроятно для того, чтобы живѣе представить современникамъ и потомству роскошь безпечныхъ Пановъ Короля Польскаго.

Бѣлые калачи, какъ должно полагать, имѣли самое лучшее достоинство между всѣми своими товарищами, а *смѣстные* (вѣроятно такъ названные отъ *смѣси*, *примѣси* другой низшаго сорта муки) почитались самыми худшими. Въ наше время изобрѣтательные иностранные торговцы, всегда умѣющіе со всею тонкостію искуства приноравливаться къ характеру и прихотямъ Русскихъ, обратили вниманіе и на *калачи*, какъ на родную, необходимую потребность Русскаго желудка.

Они провѣдали, какую ролю игралъ сей родъ хлѣба въ нашемъ Отечествѣ и создали сами *калачи*, дотолѣ небывалые и неслыханные на святой Руси! — Это,

такъ сказать, только *модели* нашихъ калачей, это калачи *бумажные!* Что бы подумали о своемъ потомствѣ добрые предки наши, еслибъ они могли знать, что мы потчуемъ нынѣ дорогихъ имянинниковъ своихъ — *бумагой?* Но — *usus tyrannus.*

Главнѣйшій же и важнѣйшій предметъ, нашего сочиненія будутъ Историческія розысканія и изслѣдованія *о калачахъ*: показаніе ихъ происхожденія, начала въ нашемъ Отечествѣ и введенія во всеобщее употребленіе.

Но прежде нежели займемся мы подобными изслѣдованіями, поговоримъ нѣсколько о самомъ названіи *калача.*

Здѣсь встрѣчается рѣшеніе немаловажнаго вопроса: какое изъ двухъ названій правильнѣе, — *калачь* или *колачь?* — Основываясь на употребленіи сего слова въ языкѣ нашемъ и справляясь съ Словаремъ Россійской Академіи, должно безусловно признать *калачь* названіемъ правильнѣйшимъ. Но перечитывая наши лѣтописи, однакоже не позже XVIII вѣка, мы вездѣ, гдѣ только упоминается о хлѣбѣ сего рода, видимъ его въ названіи *колача.* Впрочемъ различіе въ буквахъ *о* и *а* не приводитъ насъ ни въ малѣйшее затрудненіе. Извѣстно уже, что всѣ многосложныя, или, лучше сказать, неодносложныя слова въ языкѣ нашемъ, въ которомъ находится буква *о*, не имѣющая надъ собою ударенія и удержавшая собственной, настоящій свой выговоръ въ древнихъ памятникахъ нашей Словесно-

сіи и языкѣ простонародномъ, — нынѣ произносится нами за *а*. На примѣръ, предки наши говорили *кораблестроеніе*, а мы произносимъ теперь *караблестроеніе* и т. п. Принявъ сіе правило непремѣнною *аксіомою*, мы вѣрно уже не будемъ сомнѣваться въ точномъ, правильномъ, настоящемъ названіи, принявъ слово *колачь* древнею, а *калачь* новѣйшею формою въ языкѣ нашемъ.

Какъ бы то ни было, только *калачь*, какъ нѣкоторые полагаютъ, слово Татарское и значитъ *голодный*, что можно будетъ увидѣть изъ Исторіи *калачей*, которою мы теперь намѣрены занять нашихъ читателей.

Между прочимъ здѣсь, кажется, не будетъ излишнимъ замѣчаніе, что въ Словарѣ Россійской Академіи, гдѣ о всѣхъ иностранныхъ словахъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ зашедшихъ въ область нашей словесности, означено именно, изъ какого языка онѣ переселились къ намъ, а о словѣ *калачь* совсѣмъ не сказано, что оно Татарское.

Впрочемъ, до сихъ поръ не находя никакихъ признаковъ, чтобы *слово* калачь было Русское, и соглашаясь съ П. П. Свиньинымъ (2), мы убѣдимся, что оно дѣйствительно Татарское, и обратимся къ историческимъ изслѣдованіямъ.

---

(2) *Отечественныя Записки*, изд. П. П. Свиньинымъ. 1825, No 62 Іюнь, стр. 347 и слѣд.

Происхожденіе *калачей* сокрыто отъ насъ подъ непроницаемою завѣсою неизвѣстности. Однакоже по мнѣнію одного изъ почтеннѣйшихъ нашихъ любителей и знатоковъ памятниковъ древности Русской, начало сего рода хлѣба должно относить ко временамъ самой отдаленной, самой глубокой древности. Ученый Археологъ утверждаетъ, весьма правдоподобно, что *калачъ* первоначально былъ извѣстенъ на Востокѣ, приводя въ доказательство своего положенія слѣдующее историческое свидѣтельство. Огусъ - Ханъ, Монгольскій Государь, велѣлъ раздать хлѣбъ тѣмъ изъ своихъ войскъ, которые не успѣли прибыть въ Индію и претерпѣли на пути своемъ голодъ, отъ чего они и названы были *калачами*, т. е. голодными, о чемъ уже сказано было выше (1). Издатель *Отечественныхъ записокъ* сообщаетъ далѣе, что потомки упомянутыхъ войскъ еще и донынѣ находятся въ Хоресанѣ. Нѣтъ нужды заниматься намъ теперь критическимъ изслѣдованіемъ: дѣйствительно ли существуютъ или нѣтъ потомки войскъ Огусъ - Хана въ Хоресанѣ; въ существованіи *калачей* никто не можетъ сомнѣваться, и потому мы будемъ продолжать наши объ нихъ замѣчанія.

Объяснять истину, какимъ образомъ названіе *калача* перешло въ наше Отечество я почитаю совершенно излишнимъ: всѣмъ уже извѣстно, какое вліяніе имѣли Татары,

---

(1) Тамъ же.

во время владычества ихъ надъ Россіею, на нашъ языкъ, и сколько словъ Татарскихъ, переселившись въ то время въ языкъ Русскій, приняли въ немъ неотъемлемое право гражданства.

Не извѣстно, гдѣ именно Русскіе первоначально стали печь калачи. Но что и Польшу калачи перешли уже изъ Россіи, — это не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію. Извѣстнѣйшими нынѣ *калачами* почитаются въ Россіи: *Московскіе, Тверскіе, Муромскіе* и отчасти *Коломенскіе*. Первыми и донынѣ славится древняя Столица наша, и еще очень недавно въ самомъ Петербургѣ почитались они необходимою принадлежностію стола въ богатыхъ и знатныхъ домахъ. На преимущество калачей Московскихъ предъ всѣми прочими обратилъ свое вниманіе современной намъ иностранный писатель Делаво, въ изданной имъ книгѣ: *Guide du voyageur à Moscou*, въ которой онъ между прочимъ замѣчаетъ, что *Kalatch est le nom d'un pain blanc d'une forme et d'une espèce particulière, que l'on ne fait bien qu' à Moscou* (1). Муромскіе калачи не имѣютъ совсѣмъ достоинства Московскихъ.

Хотя всѣмъ извѣстная пословица: *Кяхтинской чай, да Муромскій калачь, подчиваетъ богачь*, и доказываетъ, если не совершенство, то по крайней мѣрѣ древность *калачей* Муромскихъ, которые должны бы-

(1) Сей книги въ *Resumé topographique et statistique de Moscou*, приложенной при II главѣ.

ли почитаться лучшими, еще въ неимѣнiемъ Московскихъ. О Тверскихъ и говорить нечего, потому что они тѣ же Московскiе и получили названiе свое отъ Тверской улицы (а не отъ города Твери, какъ полагаютъ нѣкоторые, гдѣ и до сихъ поръ нѣтъ хорошихъ калачей), въ которой, вѣроятно, Русскiе прежде начали заниматься печенiемъ калачей.

Въ лѣтописяхъ нашихъ, безъ сомнѣнiя отъ весьма ограниченнаго употребленiя *калачей*, съ самаго переселенiя ихъ въ Россiю, до временъ царствованiя Василiя Iоанновича, объ нихъ не говорятъ ни слова. Но что при семъ Государѣ *калачи* были уже извѣстны на Руси, въ семъ мнѣнiи увѣряютъ насъ древнiя лѣтописи. Любопытные охотники до памятниковъ старины Русской могутъ заглянуть въ Вивлiоѳику Новикова, если хотятъ повѣрить наше положенiе. Между многими обрядами и церемонiями, бывшими на свадьбѣ Великаго Князя Василiя Iоанновича подъ 1526 годомъ, тамъ находится слѣдующее распоряженiе, въ которомъ *калачи* занимаютъ уже важное мѣсто: *а у мѣста поставити столъ и скатерть наслати и* калачи *положити* и проч. (1).

Прошу покорно! — Вотъ въ какой чести, въ какой славѣ тогда были *калачи* — пышные предки нынѣшняго крупичатаго ихъ

1) Древняя Россiйская Вивлiоѳика, изд. Н. Новиковымъ, 1790, Часть XIII, стр. 6.

потомства, котораго кругъ дѣйствія, нѣкогда столь обширнѣйшій, такъ смали выписныя лакомства чужеземныя. O tempora! o mores!

Ежели же вы, любезные читатели, не полѣнитесь со мною вмѣстѣ перевернуть еще 5 страницъ послѣ 6 въ XIII части Вивліоѳики, то удостовѣритесь отъ чистаго сердца въ неоспоримомъ достоинствѣ и важности калачей въ сіе время. Эта одиннадцатая страница разскажетъ вамъ, что, по прошествіи трехъ дней послѣ вѣнчанья Великаго Князя — *оболоча свинникѣ постельной запонами втыкались*, по обыкновенію, *по четыремъ угламъ стрѣлы*, а *на нихъ по сороку соболей, или по одному соболю, какъ Князь велитъ*, да по *калачу*. Вѣроятно, предки наши желали такимъ образомъ выразить мысль о богатствѣ и изобиліи, котораго вѣрными признаками почитали *калачь* (1).

Кажется, этого одного примѣра уже достаточно для того, чтобъ имѣть выгоднѣйшее мнѣніе о достоинствѣ калачей, уметь дать имъ цѣну благороднѣйшую и высокую. Но мы намѣрены представить доказательства еще убѣдительнѣйшія, и потому, съ позволенія нашихъ читателей, будемъ продолжать свои наблюденія и замѣчанія.

Въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, *калачи* могли, какъ кажется, составлять не маловажный предметъ народ

---

(1) Тамъ же стр. 11.

ной промышленности. Справедливость такого предположенія доказывается однимъ изустнымъ, впрочемъ едва ли не всѣмъ извѣстнымъ сказаніемъ. Кто изъ насъ Русскихъ не знаетъ, что при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ жилъ въ Москвѣ Василій Блаженный, Христа ради юродивый? Сей Святый мужъ, если вѣрить древнему преданію, имѣлъ обыкновеніе ходить по улицамъ и брать съ лотковъ *калачи*, изъ которыхъ онъ одни употреблялъ въ пищу, а другіе бросалъ на землю, означая тѣмъ, что послѣдніе были испечены безъ молитвы. Хотите ли еще болѣе убѣдиться въ существованіи и употребленіи *калачей* въ сіе время? — Раскройте наши лѣтописи, и въ нихъ можете найти доказательства моего положенія, болѣе основательныя и достовѣрнѣйшія.

Курбскій, повѣствуя о Королѣ Польскомъ и его Панахъ, которыхъ дѣти Девлетъ-Гирея тогда (въ 1558 году) грабили, и которыя, проводя жизнь свою въ роскоши и безпечности, не умѣли защитить земель своихъ отъ набѣговъ Азіятцевъ, — представляетъ намъ образъ ихъ жизни и сообщаетъ слѣдующія извѣстія: „Его Королев„ское Величество, говоритъ онъ не къ тому „(не къ защитѣ земли) обращалося умомъ, „но паче въ различныя плясанія и въ пре„испещренныя *мошкары*, такожъ и вла„стели земли тоя *драгоцѣнными колачи* „гортань и чрево натыкающе и проч. (1).“

(1) Исторія Государства Россійскаго. Карамзина Томъ VIII, примѣч. 198.

Читая слова Курбскаго, не льзя не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній вразсужденіи *калачей*. Должно думать, что они или въ его время были очень рѣдки, или что мы потеряли искусство ихъ печь; въ противномъ случаѣ къ чему бы Курбскому называть ихъ *драгоцѣнными калачами?* — Впрочемъ, первое предположеніе вѣроятнѣе. Еще замѣтимъ кстати, что здѣсь *калачи* выставлены первымъ признакомъ жизни роскошной и безпечной. Упомянувъ *о драгоцѣнныхъ калачахъ*, военачальникъ Русскій потомъ говоритъ уже и о вкусныхъ винахъ, которыми упивались въ его время Паны Польскіе, о ихъ пляскахъ и мягкихъ перинахъ, на которыхъ они проводили жизнь свою въ нѣгѣ и праздности.

Далѣе изъ бумагъ царствованія Ѳедора Іоанновича 1597 года также замѣчаемъ мы, что калачи были употребляемы и на роскошныхъ обѣдахъ Русскихъ. Перечитывая роспись сего времени, въ которой со всею точностію означено, *что послано къ послу* (Австрійскому) *отъ Государева стола ѣствы и питья*, мы узнаемъ, что къ упомянутому Послу отпускалось *съ хлѣбеннаго двора: „хлѣбецъ крупичатой въ 5 калачей, перепеча крупичатая въ 5 калачей; калачь крупичатой въ 5 калачей"* и проч. (1). Изъ сихъ вычисленій можно видѣть, въ какомъ уже употребленіи были

(8) Тамъ же, Томъ X, прим. 198.

калачи у насъ въ последней половинѣ XVI столѣтія.

Позволяя себѣ *просторнѣе* разсуждать *о калачахъ*, какъ существенномъ предметѣ нашего *критико исторического* изслѣдованія, мы здѣсь необходимо должны будемъ нѣсколько объ нихъ распространиться. Всякій, читая вышеприведенныя нами извѣстія, безъ сомнѣнія, заключитъ, что *калачи*, въ это время, такъ сказать, почти оспоривали давноопріобрѣтенную славу *перепечь* и другихъ родовъ хлѣба: потому что ихъ принимали уже за извѣстную, определенную мѣру. Если намъ совершенно понятно, что значитъ *перепеча въ 5 калачей*, *хлѣбецъ крупичатой въ 5 калачей*; то что же это за *калачь въ 5 калачей?* — Искренно, смиренно сознаваясь въ ограниченности нашего разума, не дерзая простирать за предѣлы вѣроятія и правдоподобія нашихъ предположительныхъ догадокъ, мы просто скажемъ, что совершенно не можемъ понять этаго мудренаго *калача*, предоставляя его на судъ читателей, болѣе насъ опытныхъ и свѣдущихъ въ старинѣ отечественной, въ памятникахъ древности земли Русской.

Еще любопытнѣйшее и подробнѣйшее извѣстіе о калачахъ можно видѣть изъ другой росписи сего же времени, гдѣ со всею полностію означено, *что давано на Москвѣ корму поденнаго Патріарху Іеремію и Московскому Митрополиту и Еласонскому Архіепископу и Архимандриту и*

сцарцемъ и слугамъ. Въ сей росписи находимъ мы слѣдующее распредѣленіе: *Патріарху колачь крупичетой и на 10 блюдъ ѣствы, Архидіакону Леонтью, да двумъ свѣщенникомъ, да черницу, казначею, келарю по три блюда ѣствы человѣку, да три калача смѣстныхъ двѣмъ человѣкамъ колачь; толмачу да діакону по два блюда, да колачь смѣстный, Патріаршскимъ девяти служебникомъ по два блюда, 4 колача; Митрополиту полколача бѣлаго,* и проч. (1). Читатели сами могутъ замѣтить здѣсь, что въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича калачи были или очень рѣдки, или гораздо большаго количества противъ нынѣшнихъ; въ противномъ случаѣ подобное разпредѣленіе намъ весьма покажется страннымъ.

Кромѣ лѣтописей еще въ древнихъ Россійскихъ стихотвореніяхъ упоминается о *калачахъ* (2). Въ одномъ изъ нихъ, котораго Герой, столь славный *Дюкъ Степановичь*, мы находимъ слѣдующее извѣстіе, въ которомъ говорится *о калачахъ*. Дюкъ пріѣхалъ въ гости ко Владиміру, *Стольному Князю Кіевскому.* Между тѣмъ какъ Владиміръ посадилъ его съ собою *за единый столъ, догадливые повара,* потчуя почет-

---

(1) Тамъ же прим. 462.

(2) Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя К. Калайдовичемъ съ прибавленіемъ 35 пѣсень и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ. М. 1818. Въ сказкѣ *Дюкъ Степановичь.* стр. 26.

наго гостя *яствами сахарными и питьями мѣдвяными*, клали передъ нимъ и *калачики крупичатые*. Дюкъ, *откушавъ калачики крупичатые, верхнюю корочку отламываетъ, а нижнюю прочь откладываетъ. Молодой Чурило Пленковичъ*, другой рыцарь того времени, который также пировалъ тогда у Владиміра, упрекаетъ прихотливаго гостя въ *яствѣ*. Тотъ *оговаривается*, замѣчая, что у Владиміра не такъ, какъ у него *Дюка Степановича, у его Сударыни Матушки*. По словамъ его, у нихъ были: *печки муравлены, подики мѣдные, помѣлечко шелковое, обманивано въ сыту мѣдвяную*, и, что всего важнѣе, были такіе калачи, что какъ калачикъ съѣшь, больше хочется (1).

Въ стихотвореніи подъ заглавіемъ: *Василій Буслаевъ*, читаемъ, что этому силачу, удалому молодцу, покорившись *мужики Новгородскіе*, пришли къ его матушкѣ, прося унять ея чадо милое и обѣщаясь на весь годъ носить: *съ хлѣбниковъ — по хлѣбику, съ калачниковъ — по калачику* (2).

Наконецъ въ пѣснѣ: *Кто травника не слыхивалъ*, упоминается, говоря въ насмѣшку о пряникахъ сладкихъ, *сапогами печатныхъ* и о калачахъ крупичатыхъ, *сапогами толоченыхъ* (3). Сіи *толоченые*,

(1) Тамъ же стр. 27.
(2) Тамъ же *Василій Буслаевъ* стр. 82.
(3) Тамъ же. пѣсня: *Кто травника не слыхивалъ*, стр. 417.

ная, толченые *калачи* не оставимъ мы безъ вниманія и поговоримъ объ нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Но вотъ что можетъ показаться довольно страннымъ и совершенно противорѣчущимъ нашему мнѣнію о всеобщемъ употребленіи калачей въ Россіи еще въ XVI вѣкѣ. Въ *Розметной книгѣ* 1700 года, въ которой означено, какія *ѣствы* были отпускаемы *для Государева стола*, о калачахъ совсѣмъ не упоминается. Въ ней читаемъ мы, что *съ хлѣбеннаго дворца* отпускались: *недомѣрки*, *куличи*, *перепечи*, *кольца*, *баранки*, *лопатки*, *монастырскихъ сухарей*, *папошники*, *хлѣбы: большіе*, *бѣлые*, *Красносельскіе*, *зеленые*, *дворцоваго печенья*, *расхожіе скрои хлѣба монастырскаго*, *сайки*, *наряды сухарей*, *короваи*, *котки*, *тетерки*, *сгибни* и т. п., нигдѣ не встрѣчая *калачей*.

По этому, намъ должно отречься отъ нашего мнѣнія, должно замѣтить, что въ началѣ XVIII вѣка предки наши не кушали *калачей*, когда они и на придворныхъ столахъ не употреблялись? — Быть такъ. Но утѣшимся. *Для дни рожденія* Государя Петра Алексѣевича отпущено *гостямъ* и *гостиной сотни и Чернослободцамъ* между прочими ѣствами и 240 *калачей толченыхъ* (1)!! И такъ во времена Петра Великаго *калачи* еще дѣйствовали на сто-

---

(1) Россійскій Магазинъ, повременное изданіе Ѳ. Туманскаго 1792, Ч. I, стр. 424.

лахъ нашихъ предковъ . . . и только, Богъ знаетъ почему, до сихъ поръ объ нихъ молчали въ розмѣтной книгѣ. Но что же это за *толченые калачи?* вѣроятно спросятъ насъ всѣ, которые только будутъ читать *ихъ Исторію*. Не смѣя толковать и перетолковывать этого слова, какъ заблагоразсудится, мы готовы лучше сознаться, что не постигаемъ значенія его, нежели объяснять оное неправильно. Оставляя задачу сію рѣшить самымъ читателямъ, я замѣчу только, что въ одной *вѣдомости* сего же времени упоминается *и о мукѣ толченой* (1)! —

Далѣе въ вѣдомости *о кормлѣ нищихъ, по комнатамъ прошлаго* 207 (1699) года сказано, что съ хлѣбеннаго дворца отпущено у Царицы Прасковьи Ѳедоровны: 150 *калачей*, у Татьяны Михайловны 65 и Евдокіи Алексѣевны 100 (2). Еще новое и неоспоримое доказательство большаго употребленія *калачей* въ Россіи въ сіе время!

Въ другой предъидущей современной *вѣдомости*, въ которой показано, *что и сколько, чего и для чего въ Московскіе и другихъ разныхъ городовъ монастыри ежегодно отъ Государева дворца жаловано было по* 207 (1699) годъ, также находятся извѣстія о *калачахъ*.

Перечитывая вѣдомость сію, мы совершенно удостовѣряемся въ достоинствѣ и

---

(1) Тамъ же.
(2) Тамъ же.

важности *калачей*, узнав, что они отпускались только в монастыри, более уважаемые и почитаемые нашими Государями. Таким образом из двадцати или более монастырей, означенных в упомянутой ведомости, только в некоторые, между прочими *съестными припасами*, были отпускаемы *калачи*, и то в самом умеренном количестве, так что в два монастыря — *Страстной* и *Никитской* — был послан только один *калачь*, который должны были старицы разделить пополам (1).

Почти к сему же времени относится известие *о калачах*, находящихся в *Истории* известнаго *Ваньки Каина*, в которой наш Ринальдо, между прочим, сообщает, что когда он содержался в *каменном мешке*, т. е. в тюрьме, — пришел к нему друг его *Камчатка*, взяв *калачей*, *яко для подачи милостыни*, и проч. (2). Также в одной из песен своих он упоминает о калачах, говоря, что за Москвою за рекою — богат мужик живет, он хлеба не сеет, завсегда рожь продает, он пшеницы не пашет, *все калачики ест* (3).

Наконец, желая читателям нашим высказать *все, что только* где нибудь было писано о *калачах*, припомним, что и

(1) Там же.
(2) Исторiя Ваньки Каина 25 стр.
(3) Там же 129 стр.

самъ безсмертный Пѣвецъ Фелицы не забылъ про нихъ, между прочимъ, сказавъ въ *Посланіи къ Евгенію*:

— — — — тѣмъ съ *подиевою калачъ*,
А тѣмъ лекарствица, въ подспорье (1).

Вотъ почти всѣ извѣстія о *калачахъ*, сохранившіяся въ древнихъ памятникахъ Исторіи Русской и Словесности, подтверждающихъ существованіе ихъ еще въ былыя времена минувшей древности.

Вообще должно замѣтить, что *калачи* и прежде и въ наше время употреблялись не рѣдко при нѣкоторыхъ народныхъ обрядахъ и другихъ подобныхъ случаяхъ въ жизни нашихъ предковъ. Не говоря уже *о поминкахъ* (на которыхъ занимаютъ всегда первое и почетнѣйшее мѣсто за роскошными и смиренными столами нашихъ соотечественниковъ Русскіе *блины*, и гдѣ *калачи* также принимаютъ немаловажное участіе) — должно сказать, что *калачи* преимущественно употреблялись нашими предками въ *имянины*, каковое обыкновеніе осталось и донынѣ. Русскіе, еще хранящіе древніе обычаи своихъ праотцевъ, незнающіе выписныхъ *сюрпризовъ*, *презентовъ* и т. п. заморскихъ предметовъ утонченной Европейской роскоши и вкуса, дарятъ, какъ водится, *дорогаго* своего имянинника *калачемъ*, который въ такомъ случаѣ печется гораздо бóльшей величины и ко-

---

(1) Сочиненія *Державина* 1808, Часть II, стр. 304. *Жизнь Званская*.

торый, кажется, въ старину былъ обыкновеннымъ.

Къ исторіи *калачей* въ наше время можетъ безспорно принадлежать еще существующее обыкновеніе — подавать милостыню въ острогъ, въ яму, смирительные домы, богадѣльни и т. п. общественныя заведенія, именно *колачами*. Это остатокъ древняго Русскаго гостепріимства, хлѣбосольства и сострадательности!

Не смотря на таковую бѣдность въ историческихъ доказательствахъ и письменныхъ памятникахъ *о калачахъ*, справедливость требуетъ сказать, что они всегда занимали не маловажное мѣсто въ составѣ народнаго языка нашего Отечества. Сколько Русскихъ пословицъ, поговорокъ, сравненій и т. п. основаны на этомъ словѣ! — Нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе извѣстнѣйшія, мы постараемся привести здѣсь для примѣра; не смѣя впрочемъ ласкать себя надеждою, подобно Богдановичу, что *нація увидитъ съ благоволеніемъ отрывокъ изъ собственнаго своего сочиненія* (1).

Желали ли предки наши выразить мысль, что нужда ведетъ къ трудамъ, а труды къ пріобрѣтенію богатства и спокойствія въ нашей жизни, — они обыкновенно говаривали: *нужда научитъ калачи ѣсть*. Это значитъ: трудись, и будешь въ состояніи жить богато — будешь ѣсть *калачи*. Хотѣли ли они убѣдить скупаго заимодавца въ

(1) Собраніе Русскихъ пословицъ, изд. Богдановичемъ 1785.

справедливости своего обѣщанія, хотѣли ли они, чтобы онъ не отказалъ имъ въ займѣ, за которой они, при помощи Божіей, надѣялись вознаградить его сторицею, — они прибавляли къ прозьбѣ своей: *кинь калачь за лѣсъ, послѣ поди — найдешь*, т. е. деньги твои не пропадутъ за нами. Шутя надъ утомительною дородностію какого-либо толстяка, Русскіе довольно остроумно замѣчали, что *вокругъ него обойти — калачь съѣшь*. Отчаявались ли они въ возвращеніи чьей-либо довѣренности, благосклонности и дружбы, — эту непремѣнность выражали они пословицей: *его* (друга, знакомаго) *и калачемъ не заманить*. Собственно же они употребляли сію пословицу, говоря о человѣкѣ, имѣвшемъ въ чьемъ нибудь домѣ нѣкоторую непріятность, и который, какъ говорится, *закаялся уже* быть тамъ, куда его теперь *не заманишь и калачемъ*.

Что калачи въ старину считались не послѣднимъ кушаньемъ, и даже составляли нѣкоторымъ образомъ родъ лакомства, которымъ могли пользоваться одни только знатные, или по крайней мѣрѣ богатые люди, эту истину доказываетъ извѣстная пословица: *не рука крестьянскому сыну калачи ѣсть*, изъ которой вмѣстѣ выводится и нравоученіе назидательное: жить сообразно съ своимъ состояніемъ и званіемъ, не гоняясь за прихотями людей богатыхъ.

Человѣкъ, сдѣлавшій добро своему ближнему, который впрочемъ не могъ чувство-

ращь его благодѣянія, который заплатилъ ему даже неблагодарностію, — не остается въ убыткѣ: *онъ на людей калачь купилъ, имъ не понравился — самъ съѣлъ.* Онъ чувствуетъ внутреннее удовольствіе, и самъ веселится добрымъ дѣломъ, котораго не умѣли цѣнить другіе.

Смотря на льстеца хитраго, двуязычнаго, который въ глаза всякому говоритъ тысячу ласкъ и учтивостей, а за глаза первый готовъ сдѣлать непріятность, или даже обиду, какъ не подумаешь, какъ не скажешь, что этотъ человѣкъ, *кормитъ калачемъ, да въ спину кирпичемъ?* Подобнаго содержанія есть другая Русская пословица: *калачь въ руки, да камень въ зубы,* еще сильнѣе выражающая мысль первой.

Напрасно радушный, но незажиточный хозяинъ, извиняется передъ гостями, которыхъ онъ принялъ ласково, да не могъ хорошо угостить, хотя и былъ имъ *чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ;* они успокоиваютъ его, убѣждая въ истинѣ, что *видъ хорошій — калача лучше,* т. е. *не будь гости запасенъ, да будь ему радъ. Лозою въ могилу не вгонишь, а изъ могилы и калачомъ не выманишь,* — это одинъ изъ Русскихъ афоризмовъ, самыхъ простыхъ и самыхъ справедливыхъ, доказывающій между прочимъ и достоинство неоспоримое калачей.

Пословица, сыръ *калача бѣлѣе, а мать мачихи милѣе,* ясно доказываетъ несовершенство искусства древнихъ нашихъ ка-

лачниковъ, которыхъ калачи и *желтоватый* сыръ превосходилъ бѣлизною. Здѣсь вѣроятно рѣчь идетъ *о калачѣ* Муромскомъ, о которомъ уже сказано было выше.

Желая доказать кому нибудь истинную, нелицемѣрную любовь, предки наши говаривали шутя: *Я тебя люблю, калачь куплю, — а самъ съѣмъ*, прибавили остроумные и насмѣшливые ихъ потомки. Отпуская ласково присланнаго отъ кого нибудь слугу, предки наши никогда не имѣли обыкновенія оставлять его съ пустыми руками, и давая ему деньги, говаривали: *Вотъ тебѣ на калачь.*

Русскій, видя, что его хотятъ обмануть, или, какъ просто говорится, *провести за носъ*, и надѣясь на свою предосторожность и догадливость, разрушаетъ всѣ хитрости и ковы своихъ соперниковъ, объявляя имъ торжественно, что онъ *самъ тертой калачь*, т. е. его провесть и обмануть будетъ трудно.

Не щадя времени, а болѣе терпѣнія почтеннѣйшихъ читателей, можно было бы привесть еще нѣкоторые примѣры, въ которыхъ увидѣли бы они, какую ролю играли всегда *калачи* въ народномъ языкѣ Русскомъ; но мы теперь ограничимся приведенными пословицами; упоминать о Русской поговоркѣ: *Захотѣлъ у калачника дрожжей покупать*; о пословицѣ — *самое дурное кушанье между дужкою и калачемъ*, о выраженіи — *калачемъ ножки сложить* и подобныхъ сему, имѣющихъ какое нибудь

отношеніе къ исторіи калачей, значило бы продолжать наше сочиненіе до безконечности. И такъ здѣсь мы остановимся, — здѣсь будетъ у насъ — *nec plus ultra!*

П. Шереметевскій.

О ЖИЗНИ ХРИСТОФОРА КОЛУМБА, СОЧ. ИРВИНГА ВАШИНГТОНА 1828.

Жизнь Христофора Колумба, исполненная движенія, славы и горестей, соединяетъ исторію стараго свѣта съ исторіей новаго. Въ этомъ великомъ отрывкѣ изъ лѣтописей человѣчества все достойно вниманія. Здѣсь являются чудеса, производимыя геніемъ; сила глубокаго убѣжденія, внушеннаго размышленіемъ и наукою, борьба мужества съ предразсудками невѣжества, дѣятельная неутомимость, всевозможно изгибающаяся для восторжествованія надъ препятствіями, и великія услуги, награждаемыя неблагодарностію отъ сильныхъ земли. Какъ картина драматическая, она превосходитъ обширностію всѣ доселѣ извѣстныя. Цѣлый міръ вручается Испаніи, или лучше Европѣ; перемѣняется судьба стараго свѣта, разрушаются всѣ соображенія древней политики, созидается новая система финансовая, новыя выгоды открываются во взаимныхъ соотношеніяхъ націй, и отважность рыцарская идетъ путями, невѣдомыми корыстолюбію: вотъ главные результаты достопамятнаго предпріятія Колумбова, и это суть эпизоды изъ жизни сего великаго мореходца.

Ея Исторія заманивала многихъ уже писателей; но, до Робертсона, находила только аналитиковъ, и

въ твореніи сего знаменитаго Шотландца она въ первый разъ явилась облеченная всею важностію великихъ происшествій, съ нею связанныхъ, и обогащенная всею новостію картинъ, служащихъ ей дополненіемъ и необходимыми красками.

Но такой герой, главное лице въ *Исторіи Америки*, для себя одного требовалъ особаго живописца. Правда, онъ у Робертсона и занимаетъ первое мѣсто въ разсказѣ открытія; но хотѣлось-бы, чтобъ около его одного расположены были всѣ происшествія и люди, его современники, — чтобы съ его судьбой было связано все случившееся. Желаешь слѣдить за нимъ, съ самаго дѣтства его до послѣднихъ дней, на театрѣ его славы и въ домашней жизни. Италіанцы нѣсколько разъ принимались писать похвалы ему, но похвалы на Италіанской вкусъ, въ звучныхъ фразахъ, въ выраженіяхъ гиперболическихъ; это не исторія, а одна исторія и достойна мужей великихъ: надлежало изобразить на широкомъ полотнѣ біографію Колумба. Приступая къ исполненію сего предпріятія, Ирв. Вашингтонъ не сталъ ниже своего предмета. Ничто, относящееся къ его герою, не забыто; ни одно происшествіе, связанное съ открытіемъ Америки, не ускользнуло отъ его вниманія: лица второстепенныя искусно разставлены вокругъ большаго изображенія Колумбова, и подробности ученыя и мореходныя удачно вылиты въ разсказѣ, оживленномъ формами самыми живописными.

Авторъ исторіи Христофора Колумба, одинъ изъ писателей, наиболѣе принесшихъ чести Сѣверной Америкѣ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые ей наиболѣе способствовали пріобрѣсти литтературную славу, былъ доселѣ извѣстенъ только своими созданіями для идеальнаго міра, гдѣ Sketch-book, Bracebridge-hall, Rip van Winkle, Dolop Heigliger, легенда Sleepy Hol-

low и сказки путешественника, игривыя изобрѣтенія фантазіи, занимают высокую степень. Однако сіи остроумныя творенія, полныя оригинальности, живописных выраженій и красот поэтических, далеко отстоят от исторических твореній. Удачность, съ которою Ирв. Вашингтонъ переступилъ сіе обширное разстояніе, свидѣтельствуетъ о гибкости его таланта.

Мы здѣсь только укажемъ на успѣхи Географіи и на ходъ наукъ, съ нею сцѣпленныхъ, и разберем противорѣчащіе вопросы, которые породило открытіе новаго свѣта.

Слѣпые панегиристы думали возвысить славу знаменитаго мореплавателя, выдавши его за магика, который предугадалъ существованіе Америки; но сим унижается онъ. Достаточно одного познанія географических документовъ сего времени, чтобы увѣриться въ несправедливости такого предположенія. Колумбъ не имѣлъ и не могъ имѣть такой мысли. Онъ зналъ все, что знали ученѣйшіе люди его времени; онъ полагалъ, подобно Аристотелю, мореходцу Тирскому и нѣкоторымъ древнимъ, что берега Индіи должны быть довольно близки къ берегамъ Испанскимъ: Космографы средняго вѣка слѣдовали сему мнѣнію въ своихъ чертежахъ невѣрныхъ и показывавшихъ другую странную мысль, что должны существовать земли на противоположной сторонѣ земнаго шара, которыя бы дѣлали равновѣсіе съ извѣстнымъ материкомъ; они на удачу означили на своихъ картахъ земли и острова мнимые, которымъ дали названіе *Ante-Insulae*. Одна изъ нихъ носитъ имя *Antilia* на картахъ Біанко, Бедраніо и Парето. Ученый Буашъ старался доказать, что сія Антилія есть ничто иное какъ одинъ изъ островов Асорскихъ. Онъ частію основывается на томъ, что она лежитъ весьма близко къ онымъ. Карта Біан-

но могла утверждать въ семъ мнѣніи; но оно разрушается при первомъ взглядѣ на карту Парето, которая Французскому Географу была неизвѣстна. На сей послѣдней Антилія далеко отставлена отъ Европы и лежитъ совсѣмъ на западной сторонѣ Атлантическаго океана. Во всякомъ случаѣ острова сіи не показывали новаго міра, но начало Азіи. Тосканелли, другъ Колумба, одинъ изъ знаменитѣйшихъ Космографовъ своего времени, полагалъ, что они отстоятъ отъ Японіи или Ципанго не болѣе какъ на 225 миль; доказательства его основывались на растяженіи Азіи къ востоку, какъ то показывали карты, составленныя по понятіямъ Птоломея объ Азіи. Тамъ находились послѣднія открытія Марко Поло, Китай, означенный вслѣдъ за Индіей, съ довольно большимъ количествомъ прилежащихъ острововъ, между коими сей знаменитый Ципанго занималъ первое мѣсто. Извѣстія, сообщенныя Венеціанскимъ путешественникомъ, произвели также большое вліяніе на мысли Колумба; онъ часто упоминаетъ объ ономъ: онъ вѣрилъ положеніямъ, которыя онѣ заключаютъ; и видно, изъ его перваго путешествія, что сіи-то острова передъ Азіатскимъ материкомъ искалъ онъ неутомимо. По его мнѣнію, не было никакой особенной земли между сею восточною оконечностію Азіи и берегами Европы; одинъ океанъ наполнялъ сей обширный промежутокъ.

Сіи-то неизвѣстныя воды хотѣлъ онъ перейти. Такое важное предпріятіе подкрѣплялось еще твердою увѣренностію въ шарообразности земли. Малте-Брюнъ приписываетъ это другой побудительной причинѣ: онъ предполагаетъ, что Колумбъ, путешествуя по сѣвернымъ морямъ около 1477 года, услышалъ нѣсколько извѣстій о Скандинавскихъ открытіяхъ средняго вѣка и о землѣ Винландъ, означенной на картѣ путешествій братьевъ Зени подъ именемъ Estoti-land и Droceo или Drogeo. Никакое свидѣтельство не подтверждаетъ

сего мнѣнія; напротивъ, одно происшествіе рѣшительно разрушаетъ его. Въ своей перепискѣ съ Тосканелли, въ 1474, за три года до своего сѣвернаго морскаго путешествія, знаменитый Генуэзецъ увѣдомляетъ своего ученаго друга о предпріятіи своемъ, отыскать берега Индіи западнымъ путемъ, и Тосканелли тѣмъ съ большимъ усиліемъ подкрѣпляетъ его въ ономъ, что въ одномъ письмѣ, посланномъ къ нѣкоему Мартинезу, священнику Лиссабонскому, онъ совѣтовалъ Королю Португальскому испытать, не льзя ли симъ же самымъ путемъ проникнуть въ страну, приносящую пряные коренья; сей совѣтъ онъ усиливалъ предложеніемъ *одной карты*, на которой были означены, только весьма ошибочно, вѣроятныя разстоянія, по сему пути, между берегами Европы, провинціями южнаго Китая и Индіею. Ободренія такого ученаго воспламенили въ Колумбѣ новое рвеніе; но то, что генію его представляется истиною доказанною, кажется пустымъ бредомъ правителямъ Государствъ современныхъ. Генуя, его отечество, и Венеція, отвергаютъ даръ, который онъ предлагаетъ имъ въ безчисленныхъ сокровищахъ и земляхъ новыхъ. Король Португальскій старается удержать его въ бездѣйствіи и обмануть его довѣренность. Шесть лѣтъ отказовъ ожидаютъ его въ Испаніи. Невѣжество министровъ и придворныхъ Фердинанда сильнѣе ихъ корыстолюбія. Наконецъ онъ доходитъ до Государя; его слушаютъ, ничего не понимая, и отсылаютъ въ собраніе математиковъ и астрономовъ, монаховъ, епископовъ, педагоговъ, докторовъ Богословія, физиковъ, которымъ поручено было рѣшить судьбу цѣлаго міра. Посвятимъ нѣсколько минутъ совѣщаніямъ, происходившимъ въ этомъ странномъ судилищѣ; онѣ представляютъ столь характеристическую картину нравовъ, образованности и предразсудковъ тогдашняго времени, что не льзя оставить ихъ безъ вниманія.

Въ монастырѣ Св. Стефана Доминиканцы города Саламанки собрались для испытанія Колумба. Великому мореходцу тамъ назначили жилье и давали пищу. Это было еще въ первые дни возрожденія наукъ; всѣ знанія и религія находились еще въ рукахъ монаховъ и были заключены въ стѣнахъ монастыря: онъ одинъ замѣнялъ Профессорскіе Университеты; всѣ каѳедры были заняты людьми духовнаго званія; они царствовали при Дворѣ, правили въ городѣ; они спорили въ собраніяхъ и предводительствовали войсками; отъ нихъ зависѣлъ порядокъ гражданскій, и вліяніе ихъ еще болѣе было въ Испаніи, нежели въ другихъ странахъ католическихъ: Инквизиція усиливала оное своими жестокими дѣйствіями (argamens).

Ареопагъ, предъ который явился Колумбъ, не совсѣмъ лишенъ былъ образованности, которая однако помрачалась предразсудками того времени, подозрѣніями духовенства и предубѣжденіями богословскими. Вообразите предъ Епископами, величающимися своимъ положеніемъ гражданскимъ, предъ старыми космографами, гордящимися своими заблужденіями, и коихъ мрачное невѣжество оскорблялось каждымъ нововведеніемъ, — вообразите предъ ними бѣднаго моряка, безъ имени, безъ извѣстности, не принадлежащаго никакому ученому обществу, никакому духовному сборищу, съ противорѣчіями на общепринятыя мнѣнія, съ новыми теоріями, не имѣющаго иной подпоры, кромѣ силы своихъ доводовъ и простоты своего краснорѣчія. Представьте важность экзаминаторовъ и скромность великаго мужа, и получите первое понятіе объ Юнтѣ Саламанкской. Теперь вслушаемся въ странныя шамотнія рѣчи: Колумба называли искателемъ приключеній, глупцомъ, мечтателемъ; его спрашивали, для чего онъ вздумалъ превратить порядокъ вещей на земномъ шарѣ и противо-

рѣчать столькимъ мужамъ ученымъ? Не уже ли ты больше ихъ знаешь? говорили космографы. За ним слѣдовали богословы, и старались опровергнуть его текстами изъ Ветхаго Завѣта, Евангелія, Св. Хризостома, Св. Іеронима и Св. Григорія; къ свѣдѣніямъ ученымъ прилѣпляли мнѣнія религіозныя. Колумбъ утверждалъ, что земля кругла; ему возражали, что объ ея фигурѣ сказано въ Псалмахъ, гдѣ написано, что небеса распростерты яко кожа; и что Св. Павелъ, въ посланіи къ Евреямъ, сравниваетъ сводъ небесный съ обширною палаткой, раскинутой надъ землею, и это есть несомнѣнное доказательство, что земля плоская. Мнѣніе Колумба о существованіи антиподовъ было опровергаемо вмѣстѣ и богословами и учеными. Кто будетъ такъ глупъ, восклицали мудрецы собранія, съ Лактанціемъ въ рукѣ, что повѣритъ, будто есть люди, которые ходятъ вверхъ ногами и головою внизъ? Можетъ ли быть такая земля, до которой дождь будто доходитъ какъ вода изъ фонтановъ, куда снѣгъ взлетаетъ, вмѣсто того чтобъ падать? Ученіе объ антиподахъ есть ученіе еретическое; ибо, если существуютъ люди подъ нами, то они не потомки Адама: сіи послѣдніе не могли перейти Океанъ и туда достигнуть. Ты воображаешь, ему говорили они, что земля подобна шару: если такъ, то море должно до извѣстнаго мѣста подыматься, потомъ опять сходить внизъ; а ты хочешь отправиться такъ далеко на западъ: какъ-же подымешься вверхъ по Океану, особенно если и вѣтеръ не поможетъ?

Чего не вынесъ великій мужъ въ сихъ долгихъ совѣщаніяхъ съ людьми ограниченнаго ума, предъ которыми долженъ былъ оказывать уваженіе, будучи не болѣе какъ просителемъ. По крайней мѣрѣ то было ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ, что хоть нѣсколько судей его поняли. Монахи Св. Стефана, болѣе другихъ

образованные, слушали внимательно его доказательства; и, изъ числа тѣхъ, которые увлечены были его краснорѣчіемъ, Діего де Деза, изъ Ордена Св. Доминика, въ послѣдствіи сдѣлавшійся Архіепископомъ Севильскимъ, оказался не хладнокровнымъ и робкимъ слушателемъ, но ревностнымъ помощникомъ. По его стараніямъ, Колумбъ примирился съ нѣкоторыми учеными; но бо́льшая часть ихъ остались непоколебимыми въ своемъ невѣжествѣ, и собраніе разошлось съ увѣренностію, что планы Колумба или суть мечты помраченнаго разума, или неисполнимы.

Трудно было бы слѣдовать за Колумбомъ въ этой послѣдовательности обманутыхъ надеждъ и унизительныхъ отказовъ, которые наполнили жизнь его, со времени собора Саламанкскаго до 1492 года. Король Французскій, къ которому онъ отнесся съ просьбою, далъ ему отвѣтъ одобрительный. Онъ собирается въ Парижъ, чтобы изъ рукъ Монарха получить Французское знамя, которое обѣщаетъ водрузить въ странахъ неизвѣстныхъ; но своенравная судьба отказываетъ Франціи въ сей высокой славѣ. Любовь отеческая привлекаетъ Колумба въ монастырь Рабадію; онъ хочетъ еще разъ увидѣть своего нѣжно любимаго сына, юнаго Діего, котораго ввѣрилъ попеченіямъ монаха Переца. Сему старому духовнику Изабеллы удается замедлить отъѣздъ его; онъ старается склонить Королеву, чтобы подала помощь его другу въ исполненіи предпріятій: она удовлетворяетъ просьбамъ монаха; и, въ радости отъ взятія Гренады и изгнанія Мавровъ, снова призываютъ мореходца ко Двору, договариваются въ его услугахъ, даютъ ему титло Адмирала и три ветхія барки съ девятьюдесятью человѣками. Кому не извѣстно, что послѣ бунта въ экипажѣ, когда онъ едва не рѣшился возвратиться въ Европу, небольшой свѣтъ, замѣченный ночью, ука-

залъ знаменитому мореплавателю новую землю; что отъ 1492 до 1498 онъ открылъ архипелагъ Антильскій; что въ семъ последнемъ году достигъ даже до твердой земли, до устья Ориноко, и что въ 1502 г. изследовалъ берега матер僕ка отъ мыса Граціасъ-а-Діосъ до пристани Порто-Белло? Также всѣмъ известно, что онъ испилъ полную чашу неблагодарности. Новый материкъ не носитъ его имени, и этотъ великій мужъ былъ первый Европеецъ, перешедшій въ оковахъ сей Океанъ, по волнамъ котораго онъ первый пронесся.

При извѣстіи о семъ неожиданномъ успѣхѣ, во всѣхъ воспламенилось честолюбіе; Америка представляется богатою добычей, страною, приносящею золото и славу; толпа искателей приключеній и другихъ мореплавателей въ нее отправляется. Ихъ корыстолюбіе составляетъ яркую противоположность съ великодушными и безкорыстными видами Колумба. Ирвингъ Вашингтонъ не оставилъ безъ вниманія сію отличительную черту въ характерѣ своего героя.

Во время своего плаванія въ 1502 г. онъ не останавливается на многихъ мѣстахъ материка; золото, предлагаемое ему туземцами, не обольщаетъ его; онъ ищетъ пролива для входа въ страны пряныхъ корней. Въ последнее, такъ какъ и въ первое путешествіе, одна и та же мысль его занимаетъ. Десятилѣтнія открытія не вывели его изъ заблужденія. Страна Сигуара, которую часто выхваляютъ ему Индѣйцы, была, вѣроятно, ничто иное какъ Мексика; Колумбъ думаетъ, что это непремѣнно земля Великаго Хана; говорятъ ему о рѣкѣ, на десять дней за Сигуарою: это, по его мнѣнію, Гангесъ; онъ принимаетъ южный берегъ Кубы за часть Азіатскаго материка, и остается увѣреннымъ, что географы ошиблись въ объятности земли, и что она менѣе нежели какъ полагаютъ: онъ

даже нѣсколько перемѣняетъ понятія о фигурѣ земли, и должно признаться, что мысли его были вѣрнѣе тогда, какъ онъ находился передъ экзаминаторами Саламанкскими: теперь считаетъ землю грушеобразною, да и въ этомъ не совсѣмъ увѣренъ. Четвертое путешествіе онъ предпринялъ почти противъ своей воли. Пробывши девять мѣсяцевъ въ Гренадѣ, онъ обдумалъ, подъ аркадами Алгамбры и въ пустынныхъ дворцахъ Царей Мавританскихъ, крестовый походъ на Мусульманъ; онъ хочетъ выгнать ихъ изъ Іерусалима и освободить гробъ Господень. Разсужденіе, въ которомъ онъ описываетъ сіе предпріятіе, еще страннѣе по формѣ, нежели по содержанію; видно изъ него, что онъ былъ въ изступленіи и почти лишился ума отъ размышленій о предметахъ духовныхъ: онъ, въ свою очередь, ссылается на Священное Писаніе и книги Св. отцевъ; объявляетъ, что онъ назначенъ вѣчностію для совершенія сего святаго дѣла, равно какъ почиталъ себя назначеннымъ для открытія новаго свѣта и обращенія язычниковъ. Видно, что онъ упражнялся чтеніемъ Пророчествъ и всѣхъ мистическихъ книгъ того времени. Пожалѣемъ о Колумбѣ и не осудимъ его. Онъ былъ обремененъ тогда горестными размышленіями; цѣпи, которыя влачилъ онъ, еще тяготѣли на немъ; онъ видѣлъ, какъ разсѣялись его мечты о славѣ и счастіи, испыталъ измѣны дружбы и подвергся гнѣву Государя. Религія должна была овладѣть сею разстроенною душой и всю ее занять собою. Къ счастію, Фердинандъ и Изабелла, помышляя болѣе о сокровищахъ новаго свѣта, нежели объ освобожденіи Святаго гроба, перенесли мысли Колумба опять на театръ его истинной славы; онъ снова явился въ Мексиканскомъ заливѣ.

Морскія путешествія его сотоварищей, Оиедовъ, Пинзоновъ, Алонзо, Бастюдовъ и многихъ другихъ,

шакъ тѣсно связаны съ собственными его трудами и съ исторіею наукъ, что не льзя было пренебречь ими біографу сего великаго мужа; даже слѣдовало бы представить объ нихъ разсказъ подробнѣйшій. Желательно бы было, чтобъ мѣста, посвященныя сими послѣдними, были лучше совокуплены, и чтобы часть, принадлежащая каждому изъ нихъ, была лучше обозначена. Этотъ трудъ еще предстоитъ совершить.

До сихъ поръ было довольно общею мыслію, что Америко-Веспуччіо соперничествовалъ Колумбу. Полагаютъ, что, завидуя славѣ знаменитаго Генуезца, мореходецъ Флорентинскій рѣшился на все, чтобы только дать свое имя новому свѣту и похитить такимъ образомъ славу у открывшаго оный. Напротивъ, между людьми, коимъ Колумбъ поручалъ дѣлать разныя возраженія, при Дворѣ въ 1505 году, когда Изабеллы не было уже и свѣтѣ, Америко занимаетъ первое мѣсто. Колумбъ ввѣряетъ ему защиту своихъ выгодъ, или лучше, своихъ правъ; говоритъ объ немъ, какъ о человѣкѣ для него любезномъ, какъ о человѣкѣ, котораго достоинства не умѣютъ цѣнить и столь же дурно вознаграждаютъ, какъ и его. Колумбъ, по мнѣнію Г-на Ирвинга, ссылался предъ Правительствомъ Испанскимъ на свидѣтельство Америко въ томъ, что онъ (Колумбъ) во время своего путешествія открылъ богатѣйшіе берега новаго свѣта, берега, которые Америко долженъ знать очень хорошо, потому что изслѣдовалъ ихъ послѣ (depuis) вмѣстѣ съ одеждою. Въ этомъ словѣ *послѣ* есть неправильность. Во время четвертаго своего путешествія Колумбъ открылъ именно берега между мысомъ Граціасъ-а-Діосъ и Порто-Белло; а мѣста, изслѣдованныя отъ Америко, вмѣстѣ съ одеждою, должно искать отъ устья Оренока до залива Гонды, на сѣверозападъ отъ залива Венецуельскаго. И такъ не о сихъ послѣднихъ открытіяхъ Колумбъ требовалъ свидѣтельства Веспуч-

ніо. Мнѣ кажется вѣроятнѣе, что онъ честностію своего друга хотѣлъ принудить клеветниковъ къ молчанію. Они преслѣдовали его съ тѣхъ поръ и приписывали Веспуччіо первое открытіе твердой земли, между тѣмъ какъ онъ посѣтилъ ее уже въ 1499 году, чрезъ годъ послѣ Колумба, и руководствуемый своими собственными картами. Должно согласиться, что Америко не принималъ никакого участія въ оныхъ ковъ нях противъ истиннаго открытія новаго свѣта.

(Изъ An. des voyages.)

КЛИМАТЪ, КАЧЕСТВО ЗЕМЛИ, ПРОИЗВЕДЕНІЯ И ТОРГОВЛЯ МОНГОЛІИ.

Монголію, по естественному ея положенію, можно раздѣлить на три великія полосы: южную, среднюю и сѣверную.

Южная полоса заключается между Великою стѣною и Шамо (Гоби) во всю ея длину отъ Ляо до Эцзинся. Лежитъ въ умѣренномъ климатѣ, и хотя зимою бываютъ въ ней небольшіе снѣги, но скоро пропадаютъ. Она изобилуетъ водами, лѣсомъ; и хотя гориста, но содержитъ въ себѣ множество долинъ, имѣетъ плодородную почву, и представляетъ довольно удобностей для осѣдлой жизни. Китайцы по условію съ владѣтелями и частію сами Монголы завели въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣбопашество и садоводство, и продолжаютъ оныя съ хорошимъ успѣхомъ. На ней родятся почти всякіе хлѣбы, плоды и овощи, свойственные Сѣверному Китаю. Но садоводствомъ и посѣвомъ овощей болѣе занимаются Китайцы. Впрочемъ

сіе можно сказать только о земляхъ, лежащихъ подлѣ Великой стѣны отъ Ляо-до Шандугола, и о Хуху-Хошаскомъ Тумотѣ. Чахарскія земли имѣютъ грунтъ иловатый, почву хрящеватую съ тонкимъ слоемъ чернозема; но совершенно безлѣсны и заняты Китайскими казенными табунами. Ордосъ песчанъ, Заордосъ болотистъ. Горные хребты, въ восточной и западной части лежащіе, покрыты лѣсами, и безъ сомнѣнія содержатъ въ своихъ нѣдрахъ какіе-либо благородные металлы, минералы и дорогіе каменья; но сіи источники естественнаго богатства здѣсь остаются въ совершенномъ небреженіи. Верблюды, лошади, рогатой скотъ, овцы, частію ослы, лошаки и козы составляютъ обыкновенный домашній скотъ. Свиней и домашнюю живность разводятъ одни Китайцы; потому что Монголы свинины, такъ какъ и рыбы, не употребляютъ въ пищу. Дикіе звѣри, водящіеся въ горахъ, пограничныхъ съ Китаемъ, тѣ же самые, которые и въ Сѣверномъ Китаѣ. Зимою отселѣ привозятъ въ Пекинъ оленей, дикихъ козъ, степныхъ зайцовъ, множество фазановъ, красныхъ куропатокъ, перепеловъ и въ небольшомъ количествѣ дудаковъ, турпановъ и желтыхъ дикихъ утокъ. Карциньскіе копченые кабаны уважаются въ самомъ Пекинѣ. Безъ сомнѣнія царство растеній и животныхъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторые виды для насъ новые; но не будучи самовидцемъ, ничего сказать объ нихъ не могу. Только изъ Жэ-Хэ привозятъ въ Китай великое множество самыхъ крупныхъ и прекрасныхъ бабочекъ, употребляемыхъ на женскіе головные уборы. Сіи бабочки покрыты густо-темно-зеленымъ пушкомъ съ золотистымъ отливомъ (*).

Среднюю полосу Монголіи составляетъ Дацзи и Шáмо; но сіи двѣ песчаныя степи принадлежатъ че-

(*) Сказываютъ, что сихъ бабочекъ разводятъ въ домахъ

стію къ Южной, частію къ Сѣверной Монголіи, и въ политическомъ раздѣленіи сами по себѣ не составляютъ особливой страны. Онѣ простираются съ востока отъ Бойръ-нора и Далъ-нора, къ западу до границъ Хуху-нора, восточнаго Туркистана и Баркюля. На семъ великомъ пространствѣ почва естественно не можетъ быть одинакова. На восточной половинѣ, т. е. въ Шамо, исключая каменныхъ грядъ, остальная поверхность земли покрыта кремнистыми каменьями, хрящемъ съ супесью и солончаками; самый же грунтъ состоитъ изъ твердой пыловатой земли, мѣстами изъ сплошнаго камня; переносныхъ песковъ очень мало. Напротивъ западная степь состоитъ изъ болотистыхъ равнинъ, а наиболѣе изъ переносныхъ глубокихъ песковъ, особенно отъ Халмила къ востоку и къ сѣверозападу. Вообще о сей полосѣ можно сказать, что она представляетъ возвышенную плоскость, изрѣзанную безпорядочными, взаимно пресѣкающимися грядами зернистаго гранита, или переносныхъ песковъ. Атмосфера и лѣтомъ довольно прохладна, что надобно приписать чрезмѣрному возвышенію сей полосы. Та же должна быть причина ея безводія, а безводіе причиною ея безплодности. Нѣтъ здѣсь ни рѣчекъ, ни ключей; озеръ также очень мало, да и тѣ большею частію соленыя, или сухія, или производящія самосадочную соль. Нѣтъ никакихъ деревъ и растеній, исключая дикихъ абрикосовъ, золотарника и нѣкоторыхъ другихъ приземистыхъ или стелющихся кустарниковъ, которые изрѣдка растутъ, и даже на сженіе не годятся. Число травъ также очень ограничено. Со всѣмъ тѣмъ не можно сіи мѣста назвать безтравными. Трава повсюду растетъ, но рѣдкая. Съ весны до лѣта, пока не выпадутъ дожди, земля представляется совершенно изсохшею и наводитъ на путешественника ужасъ и уныніе. Впрочемъ, если сія полоса по сухости и без-

плодію почвы не способна къ земледѣлію, но въ замѣну сего имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ долины и равнины, на которыхъ содержатъ изрядное скотоводство. Для водопоя находятся при стойбищахъ колодцы, которые имѣютъ отъ двухъ до 15 футовъ глубины и содержатъ прѣсную воду. Верблюды, лошади, рогатый скотъ, овцы и козы составляютъ обыкновенный домашній скотъ. Хищныхъ звѣрей, какъ вредныхъ для скотоводства, стараются общими силами истреблять. Водятся дикіе верблюды, дикіе мули, дикіе ослы, тарпаны и дикія козы, но болѣе въ западной степи. Изъ птицъ во всю нашу дорогу чрезъ Шамо попадались только журавли, турпаны, крохали, вороны, каменныя трясогузки и степные жаворонки, но рѣдко и притомъ весьма въ маломъ количествѣ. Здѣсь также, какъ и въ двухъ другихъ полосахъ, по кочевьямъ вовсе нѣтъ тѣхъ дикихъ птицъ, которыя исключительно прилѣпились къ общежитію человѣческому (*).

Сѣверная полоса лежитъ между песчаными степями и границею Россійскою; на востокѣ начинаясь отъ Аргуни, простирается къ западу до казачей границы. Сія полоса, объемлющая и Халху и Чжуньгарію, изобилуетъ краснымъ и чернымъ лѣсомъ, имѣетъ довольно рѣкъ и обширныхъ озеръ. Почва земли въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя мы проѣхали, болѣе состоитъ изъ пыловатой земли съ хрящемъ и тонкимъ слоемъ чернозема на поверхности. Судя по множеству произращаемыхъ ею травъ, съ перваго вида кажется годною не для одного скотоводства, но и для земледѣлія. Даже климатъ ея, судя по степенямъ широты, долженъ быть не слишкомъ суровъ, и снѣги выпадаютъ не очень глубокіе. Не смотря на сіе, зимы здѣсь бываютъ чрезмѣрно жестоки, да и лѣто не очень теплое.

(*) Какъ то: воробьи, галки, сороки и проч.

Вообще земли Азіи чѣмъ восточнѣе отъ Европы, тѣмъ холоднѣе противу западныхъ земель, подъ одними и тѣми же степенями широты лежащихъ. Въ Кяхтѣ сѣютъ хлѣбъ болѣе на высотахъ, а на низменныхъ мѣстахъ посѣянный иногда не созрѣваетъ до инеевъ (*) и морозовъ; впрочемъ здѣсь мѣстами изрядно родится огородный овощь, иногда вызрѣваютъ даже арбузы и дыни; напротивъ въ Ургѣ, которая гораздо южнѣе Кяхты, и то и другое, по причинѣ холодной атмосферы, худо вознаграждаетъ труды. Здѣсь посѣвомъ овоща занимаются одни Китайцы при своихъ торговыхъ мѣстечкахъ. Монголы сѣютъ только пшеницу, просо и ячмень, и то весьма въ маломъ количествѣ. Напротивъ въ Чжуньгаріи, по водвореніи Китайскихъ крестьянъ, ссыльныхъ и военнопоселянъ, земледѣліе въ последней половинѣ прошедшаго столѣтія значительно распространилось, къ чему много способствуетъ постепенное измѣненіе климата и непосредственный надзоръ правительства. На сей полосѣ водится весь скотъ, находящійся на средней полосѣ Монголіи, и всѣ почти звѣри, свойственные юговосточной Сибири. Въ Халхѣ плодовыхъ деревъ, также какъ и въ Сибири, совсѣмъ нѣтъ, исключая дикихъ, какъ то: черемухи, Сибирской яблони, смородины, черники и проч. — Я уже не говорю о разведеніи домашней живности и овоща; ибо оно не совмѣстно съ кочевою жизнію. Но въ Чжуньгаріи, по водвореніи Китайцевъ на сѣверной сторонѣ снѣжныхъ горъ, введено садоводство и продолжается съ хорошимъ успѣхомъ. Горы сѣверной Монголіи должны изобиловать различными металлами и минералами; но кочевымъ рудокопство совершенно неизвѣстно! Добываніе желѣза въ небольшомъ количествѣ не льзя считать отраслію промышленности; и посему

(*) По Сибирскому выраженію: не уходитъ отъ инеевъ и морозовъ.

скотоводство и частію звѣроловство составляютъ главное занятіе здѣшнихъ обитателей. Правда, около Урги много разводятъ Тибетскихъ буйлъ, но совершенно бѣлыхъ не видно; и потому волосъ ихъ не составляетъ торговой статьи.

Монголы вообще думаютъ мало объ улучшеніи породъ рогатаго скота, овецъ и лошадей; и посему ихъ волы не изъ лучшихъ. По крѣпости и рослости и овцы имѣютъ шерсть грубую; лошади, хотя плотны, крѣпки и статны, но болѣе средняго роста. Монголія славится дворовыми собаками, которыя, по неимѣнію оградъ, служатъ здѣсь живыми оградами, защищающими скотъ отъ звѣрей. Монгольскія гончія собаки, приводимыя въ Пекинъ, высоки и имѣютъ хорошую статъ.

Въ отношеніи къ изобилію естественныхъ произведеній южной полосы должно замѣтить, что много населенный и скудный землею Китай нуждается во многихъ выходящихъ изъ сей полосы вещахъ. Сверхъ сего жители средней полосы, не имѣя ничего кромѣ скота и нуждаясь во всѣхъ вещахъ, потребныхъ для жизни, все получаютъ изъ южной или чрезъ южную Монголію. И такъ южная полоса имѣетъ всѣ пособія для промышленности и производящей, и обработывающей, и промѣнивающей. И если бы жители ея рѣшились промѣнять кочевую жизнь на осѣдлую, то, обсѣменивъ долины и проникнувъ въ нѣдра горъ, содѣлались бы богатѣйшимъ и сильнѣйшимъ народомъ. Киданьскій домъ еще въ X столѣтіи обратилъ вниманіе на сей предметъ, и множество городовъ, основанныхъ имъ въ восточной Монголіи, свидѣтельствуетъ о его намѣреніяхъ и цѣли. Но послѣдовавшіе политическіе перевороты истребили всѣ плоды попечительности правительства и трудолюбія жителей. Нынѣ хотя нѣтъ запрещенія на хлѣбопашество въ сей полосѣ; но отъ долговременности кочевой жизни и поместнаго раздѣ-

денія земель препятствія права и постановленія, несовмѣстныя съ удобностію земледѣлія. Владѣтель, желающій превращать свои пастбища въ поля, долженъ получить согласіе на то отъ прочихъ, смежныхъ съ нимъ кочевыхъ владѣтелей, и послѣ сего просить Китайское правительство о утвержденіи. Сіе условное препятствіе хотя и не заключаетъ въ себѣ невозможности, но разнородность выгодъ очень мало подаетъ надежды и на возможность (*).

Сѣверная полоса хотя граничитъ съ Россіею, но торговлю съ нею, равно какъ и съ Среднею и Южною полосами, смотря по мѣстнымъ произведеніямъ и потребностямъ обитателей, одни только Китайцы могутъ производить съ удобностію и выгодою. У Монголовъ кирпичный чай съ подбавкою поджаренаго пшена составляетъ обыкновенную пищу; для одежды они имѣютъ нужду въ китайкахъ, шелковыхъ матеріяхъ и сукнахъ, для обуви въ кожахъ, для пищеваренія въ котлахъ и жаровняхъ. Прочія ихъ потребности маловажны. Чай, китайки и шелковыя матеріи исключительно идутъ изъ Китая и притомъ въ самомъ большомъ количествѣ. Только сукна и юфть приходятъ изъ Россіи. Въ Монголіи, по неупотребительности ходячей монеты, вся торговля, даже самая дробная, производится посредствомъ мѣны. Только въ Ургѣ и Кяхтѣ

(*) Въ 1800 году Китайское правительство, по представленію Карлосскихъ Князей, дозволило 2,330 Китайскимъ семействамъ распахать въ Карлосскомъ Аймакѣ 2,676 цинъ (цинъ содержитъ 2,449 Россійскихъ квадратныхъ саженей) пастбищныхъ земель подъ посѣвъ хлѣба, но съ такимъ ограниченіемъ, чтобы Карлосскіе Князья послѣ сего не смѣли болѣе ни принимать Китайцевъ, ни земель вновь распахивать; въ противномъ случаѣ судимы будутъ какъ за перемещеніе людей, такъ и воровское распахиваніе земель.

Смотр. Улож. Палаты финансовъ Тетр. XVIII, листъ 10.

ви замѣчали, что кирпичный чай служитъ цѣннымъ знакомъ вещей. И такъ Монголія за все, получаемое ею отъ другихъ народовъ, платитъ своими произведеніями, какъ то: домашнимъ скотомъ, дикими звѣрями, коровьимъ масломъ, овчинами и проч. Китай нуждается въ сихъ вещахъ и потому Китайцы охотно берутъ оныя на оборотъ за свои товары. Юго-Восточная Сибирь, сама изобилуя и скотомъ и звѣрями, ни мало не имѣетъ нужды въ произведеніяхъ Монголіи; равно и сообщать ей ничего не можетъ, кромѣ небольшаго количества хорошихъ лисицъ, юфтей, нелѣнныхъ издѣлій и суконъ большею частію транзитныхъ. Монголы, по всегдашней и тѣсной своей связи съ Китаемъ, укоренили у себя употребленіе Китайскихъ вещей (*). Съ сей точки скоро можно опредѣлить выгоды, которыя Россія могла бы получать отъ непосредственной торговли съ Монголіею.

О КРЫМСКИХЪ ПЕЩЕРАХЪ.

Дополненіе къ описанію Туакской пещеры.

29 Апрѣля с. г. мнѣ наконецъ удалось самому побывать въ *Туакской пещерѣ*, о коей, по письму пок. Г-жи Полковницы *Штеге*, уже въ 1821 г. напечатано было извѣстіе (**). — Описаніе сіе совершенно основательно. Изъ тогдашнихъ сопутниковъ Г-жи Штеге славившійся нѣкогда даромъ успокои-

(*) Въ Иркутской Губерніи, особенно въ Забайкальской сторонѣ, не только иновѣрцы, но и Русскіе укоренили у себя употребленіе кирпичнаго чая, дабы, китайки и полушелковицъ Китайскихъ. Даба, по Кит. *да-бу*, есть грубый холстъ изъ хлопчатой бумаги.

(**) Въ XVI Части Трудовъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любит. Росс. Словесности, въ С. Петербургѣ.

лать мертвецевъ, престарѣлый Татаринъ *Внсъ*; самъ уже переселился въ царство мертвыхъ. Мулла *Джилаль* отправился въ Мекку, а Грекъ *Азутъ* (Тат. *Юзупъ* значитъ Іосифъ) куда дѣвался — не знаю. Старый Иванъ же покоится подъ бѣлымъ крестомъ, на крутомъ берегу моря. — На сей разъ вожатаемъ былъ Туакскій Татаринъ *Калафатъ Смаилъ* (корабельщикъ Измаилъ).

Въ ¾ часа мы прибыли изъ Кучукъ-Узеня (*) въ Туакъ. — Отсюда по Ускутской дорогѣ ѣхали берегомъ рѣчки, которая у устья именуется *Ускутъ-Узень*, далѣе *Гавра* (Hawrá), потомъ *Алачухъ-Узень* и наконецъ *Охунъ*-или *Хунъ-Су*. — Отъѣхавъ 20 минутъ, мы съ Ускутской дороги поворотили влѣво, и мимо урочища *Алачукъ*, (**), отправились къ мѣсту, именуемому Хунъ (*Хукъ-Кая*, т. е. утесъ Хунъ, съ коего течетъ и *Хунъ-Су*, т. е. вода Хунъ), Туакъ мы

(*) Букву: у, Татары произносятъ какъ Французское u или Нѣмецкое ü.

(**) Названіе Алачукъ, или по здѣшнему произношенію *Алачухъ*, можетъ быть, происходитъ отъ слова *Алачикъ* пестрый, разнообразный. — Такъ называются пастбища, лежащія ниже Яйлы, т. е. Альповъ или вершинъ горъ, покрытыхъ въ лѣтнее время зеленью, гдѣ Чабаны (пастухи) со стадами своими проводятъ самое знойное время года. Много есть мѣстъ, называемыхъ *Алачуха*. — Не рѣдко это небольшія долины или поростія травою равнины, среди лѣса или каменистыхъ горъ. — Высота Таврическаго хребта именуется *Яйлою* (*Яйлá*); утесъ называется *Кая*, гора, покрытая лѣсомъ (Saltus, и самый лѣсъ); *Дагъ*, (Даzы) — это тоже, что Сербское *Планина* (der Bergvald, mons silvosus). Замѣтить при семъ случаѣ можно, что какъ нашъ *Чатыр-дагъ* именовался нѣкогда *Трапезною горою* (Strabo VII, 309), такъ и въ Сербіи ио нынѣ одна изъ горъ называется *Столова Планина* (см. Даница Вука Стеф. Караджича 1827, с. 32). — Высоко лежащія равнины именуются здѣсь *Ова́*, на пр. *Байдаръ - Ова́*, Байдарская долина.

оставили, около половины 9 го часа, и въ пещерѣ пре-
были (пѣшкомъ, ибо должны были сойти съ лошадей), въ половинѣ 12 го, преодолѣвъ всѣ затрудненія, описанныя уже Г-жею Штеге.

Послѣ кратковременнаго отдыха у стоящаго предъ входомъ въ пещеру буковаго дерева, мы предприняли подземное наше шествіе, укрѣпивъ сперва канатъ и выстрѣливъ дважды въ пещеру. Одинъ изъ насъ шелъ впередъ со свѣчею, прикрѣпленною къ длинному шесту, другой слѣдовалъ съ фонаремъ, 3-й напускивалъ канатъ, 4-й несъ компасъ, 5-й велъ журналъ похожденій, прочіе 6-й, 7-й и 8-й, подобно предшественникамъ своимъ, несли свѣчи (а факелы были оставлены у входа). — Спустившись внизъ сажени на три, по направленію къ NNO, мы вошли въ пространную кругловатую пещеру, длиною аршинъ въ 16, а вышиною сажени въ 3; — ходомъ, заваленнымъ камнями, мы пробрались въ другую меньшую камору продолговатую, длиною сажени въ 3 или 4, а вышиною сажени въ 1. — Третья пещера, въ коей ведетъ щель весьма тѣсная, чрезвычайно высока (безъ сомнѣнія болѣе 10 саж.). Отъ сей пространной пещеры одинъ ходъ, ведущій къ верху, весьма крутой, лежитъ на SW. — Тутъ на значительной уже высотѣ въ 9 саженяхъ отъ входа въ пещеру примѣтны насѣчки въ камнѣ для лазки (*). — Другой, на SO распространяющійся ходъ, ведетъ къ 4-й пещерѣ, которая лежитъ почти на сажень ниже сего хода, и въ которую по канату спускался нашъ проводникъ. До сего спуска отъ перваго входа съ небольшимъ 30 саженей. Довольствуясь тѣмъ, что видѣли, мы предприняли обратный путь изъ пещеры, въ коей пробыли ровно часъ. — Тутъ замѣтили мы не только тѣ три черепа, о ко-

(*) Вѣроятно, что по оному лазили въ верхъ искавшіе [illegible] — денегъ.

нихъ говорили Г-жа Штеге; но еще десятка два другихъ, кои всѣ были безъ нижнихъ челюстей. — Дѣтскихъ головъ мы не находили, другихъ же костей было очень мало, и нѣкоторыя изъ нихъ казались огрызенными.

Воздухъ въ Первой пещерѣ былъ нѣсколько смраденъ; — въ дальнихъ же, особливо въ 3-й, очень чистъ, и температура здѣсь конечно была не ниже 12 градусовъ тепла (по Реомюр. термом.). Капельнику почти вовсе не было; койгдѣ только стѣны стали покрываться сталактитовыми ребрами. Грунтъ былъ болѣе глинистый, весь же Таврическій хребетъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, состоитъ изъ известковыхъ горъ. Капли падаютъ не слишкомъ часто.

Изъ взятыхъ съ собою череповъ одинъ, по мнѣнію бывшаго съ нами искуснаго Медика, долженъ быть женскій. — Въ 5-мъ часу по полудни мы возвратились домой, гдѣ добрый хозяинъ, П. Е. Штеге, между прочимъ угостилъ насъ жаренымъ павлиномъ — вкусомъ сходствовавшимъ съ Индѣйскимъ пѣтухомъ.

Упомянувъ о *Туакской* или *Штеговской* пещерѣ, которую по местоположенію можно бы назвать и *Хунскою*, не скрою, что для Таврическихъ путешественниковъ, особливо для Русскихъ, не посѣщавшихъ еще сталактитовыхъ пещеръ, кажется, любопытнѣе побывать въ пещерѣ называемой *Кызылъ-Коба* (красная пещера), которая находится при деревнѣ того же имени, верстахъ въ 2 отъ станціи *Біюкъ-Чавке*, лежащей по Алуштинскому тракту. Будучи въ ней (6 Окт. 1827 г.), я замѣтилъ, что пещера сія имѣетъ пять каморъ, кои всѣ вмѣстѣ простираются на 170 шаговъ (иногда весьма малыхъ), ибо путь не рѣдко болѣе ползешь, нежели идешь, иногда же перебираешься и чрезъ большіе камни. — 4 я или предпослѣдняя камора раздѣлена на двѣ части сталактитовыми столбами, составившими тутъ родъ естественной прекрасной перегородки. — Въ 3 пещерѣ

замѣтенъ еще ходъ влѣво, подъ коимъ, говорятъ, сплошна пустота. — Не въ дальнемъ разстояніи отъ сей пещеры находится и другая, большая же, иною; по сырости, не посѣщенная. Сказываютъ, что есть еще глубокая пещера, находящаяся якобы около Карадага или *Каратау* (горы, гдѣ находится и ледяная яма) — отъ Улу-узеня (*) на сѣверо-востокъ, т. е. къ Карасубазарской сторонѣ.

Упоминаю о сихъ пещерахъ потому только, что оныя, кажется, не были еще извѣстны славному Палласу (**), коего Путешествіе въ полуденныя Губерніи Россіи, къ сожалѣнію, донынѣ еще не переведено на Росс. языкъ.

П. Кеппенъ.

Симферополь. 5 Мая 1828.

(*) На прекрасной Мухинской картѣ 1817 г. селеніе сіе названо Біюкъ-узень.

(**) Извѣстныя Палласу пещеры исчислены въ Трудахъ Вольн. Общ. Люб. Росс. Слов. Ч. XVI.

Изданіемъ сихъ двухъ нумеровъ оканчивая исполненіе обязанности, мною на себя принятой, долгомъ поставляю засвидѣтельствовать усердную мою благодарность тѣмъ Литераторамъ, которые помогли мнѣ въ моемъ трудѣ, и попросить извиненія у читателей въ неисправностяхъ, вкравшихся въ изданіе. Настоящій издатель, по выздоровленіи своемъ, надѣюсь, вознаградитъ Публику за то удовольствіе, котораго она лишилась при его преемникѣ, державшемся чужаго плана съ своими средствами.

Съ своей стороны я почитаю себя счастливымъ, что могъ симъ показать на дѣлѣ мое уваженіе къ К. Ѳ. Калайдовичу, оказавшему столько блистательныхъ и полезныхъ услугъ древней нашей Исторіи и Филологіи. Желаю, чтобъ *Публика раздѣлила со мною мои чувствованія.*

1828
Іюня 28 дня.

М. Погодинъ.

МЕДАЛЬ

на рожденіе

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ VII и VIII.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ и ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ

О ТОРГОВЛѢ И СНОШЕНІЯХЪ АРАБОВЪ И ПЕРСОВЪ СЪ РОССІЕЮ И СКАНДИНАВІЕЮ ВЪ СРЕДНЕМЪ ВѢКѢ Г. РАСМУССЕНА (1).

ВВЕДЕНІЕ.

Изъ числа величайшихъ Монархій, основанныхъ завоевателями, можетъ быть, нѣтъ ни одной, болѣе замѣчательной по сво-

(1) Предлагаемое нами разсужденіе было первоначально писано на языкѣ *Датскомъ* И. А. *Расмуссеномъ*, Профессоромъ восточныхъ языковъ въ Копенгагенскомъ Университетѣ, и напечатано во второй Части Журнала подъ названіемъ: *Аѳины*, въ 1814. Вскорѣ появился переводъ оной на языкѣ Шведскомъ въ Стокгольмѣ; въ 1817 году, а Англійскій переводъ въ 1818 и 1819 въ Журналѣ, издаваемомъ Г. Блаквудомъ, подъ названіемъ: *Edinburgh Magazine*. Съ сего-то языка передается онъ теперь. Мы думаемъ переводомъ сей статьи доставить удовольствіе нашимъ читателямъ. Г. Френъ въ книгѣ, изданной имъ въ 1823 году подъ заглавіемъ: *Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*, исправилъ многія погрѣшности, вкравшіяся въ сочиненіе

ему превосходенію, болѣе значительной по занимаемому его пространству, какъ та, которая была утверждена наслѣдниками Могаммеда и получила названіе *Халифатства*. Арабы, издревле славные мужествомъ своимъ и необузданнымъ характеромъ, еще соединены не были. Ихъ поколѣнія, не имѣя никакихъ постоянныхъ сношеній между собою, пребывали въ независимости. Потребенъ былъ человѣкъ, котораго бы честолюбіе, вмѣстѣ духовное и политическое, умѣло совокупить въ одинъ народъ сіи разсѣянныя семейства, вывести наружу необычайную силу, въ нихъ доселѣ таившуюся, и возвести характеры въ уровень съ дикостію воображеній. Сей человѣкъ былъ Могаммедъ. Благородное вдохновеніе; твердая увѣренность въ истинѣ и божественномъ происхожденіи новой вѣры, а въ слѣдствіе оной — чудесное мужество и непоколебимая твердость, одушевлявшая пророка и его наслѣдниковъ Халифовъ, во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ; отсутствіе силы и всякаго благоустроеннаго правленія у народовъ, соприкосновенныхъ Аравіи, вообще мало воинственныхъ; природная наклонность Арабовъ къ войнѣ и подвигамъ опаснымъ; наконецъ самое ученіе Корана, — высочайшаго идеала

Г. Расмуссена или у его Англійскаго переводчика при передачѣ нѣкоторыхъ Арабскихъ текстовъ. Мы воспользуемся примѣчаніями Г. Френа, но во всякомъ случаѣ не отвѣчаемъ за мнѣнія Г-на Расмуссена, сколь ни сильное довѣріе возбуждаютъ въ насъ его дарованія и ученость. С. С.

-щенїю и распространенїю ученїя, по[illegible]-ные распространили [illegible] невѣроятно обширныхъ областей, которыя образовали Государство. Арабовъ [illegible] міра [illegible] дней, [illegible] послѣ смерти [illegible] пророка, владычествовали отъ Атлантическаго Океана до Индїи и отъ Океана Индїйскаго до сѣверной Африки, до Францїи, отъ Средиземнаго моря до Малой Азїи, Арменїи и Каспїйскаго моря. Науки начали процвѣтать посреди Арабовъ въ царствованїе Аббассидовъ, и преимущественно чрезъ покровительство и постоянныя усилїя Гаруна Рашида и Мамуна сына его. Ученые, не удовольствовались уже, подобно своимъ предкамъ, занимаясь единственно Алкораномъ или частными изученїями [illegible]; они начали упражняться въ наукахъ математическихъ, Философїи, Исторїи и Географїи. Обширныя завоеванїя, обнимая лучшую часть тогда обитаемаго мїра, содѣйствовали къ обогащенїю географическихъ свѣдѣнїй, которыя они дотолѣ имѣли; и свѣдѣнїя сїи не переставали увеличиваться даже и тогда, когда нѣкоторые изъ покоренныхъ народовъ свергли иго Халифовъ и содѣлались независимыми Государствами: ибо сношенїя народовъ весьма рѣдко отъ того бывали совершенно прерываемы.

И такъ не будемъ болѣе удивляться тому, что обязаны почти совершенно однимъ Арабамъ нашими точнѣйшими свѣдѣнїями о положенїи странъ сихъ въ среднемъ вѣкѣ. Арабы впрочемъ не всегда были

[illegible] опросіянны [illegible] Сахарскихъ областей, подобно бедуинамъ, [illegible] Аравійскаго народа. Они познакомились съ [illegible] болѣе разнообразными и удоб[illegible] угадали [illegible] путь къ пріятности [illegible] жизни. Потребности, [illegible] въ торговой жизни, содѣлали [illegible] торговцами, примѣръ [illegible] народы недавно побѣжденные и [illegible] образованные, и [illegible] благопріятствовало странствованіе въ Мекку, предписанное самимъ пророкомъ. Море Средиземное, Черное и Океанъ Индійскій представляли обширное поприще для ихъ торговли, но они не осмѣливались пускаться въ Океанъ Атлантическій, и вообще ихъ плаваніе всегда было болѣе береговое. При всемъ томъ торговля морская всегда была у нихъ второстепенною въ сравненіи съ продолжительною караванною, освященною обыкновеніемъ и болѣе приспособленною къ обширнымъ связямъ ихъ отчизны. Сія торговля раздѣлялась на три главныя отрасли, не считая безчисленныхъ малыхъ каналовъ и большаго странствованія въ Мекку. Одинъ изъ сихъ величайшихъ путей торговли, начинавшійся съ Варварійскихъ владѣній (страны Берберовъ), съ отличными финиками и Египта, стремился, такъ какъ и въ наше время, къ югу чрезъ пустыни Сары, или Сахары, изобилующія солью, до Нигриціи, гдѣ покупали золото, невольниковъ и слоновую кость. Другой велъ на востокъ Персіи, чрезъ Кашемиръ къ Индіи и Китаю,

или отъ четверти [illegible] обладаемой Персіи [illegible] [illegible] Тартаріи [illegible] [illegible], [illegible] къ сѣверу и [illegible] да изъ Арменіи, Дербента (Баб-ель-абваба) и сѣверныхъ предѣловъ Персіи, [illegible] скаго моря, [illegible] (нынѣ А[illegible]) и [illegible] въ [illegible] Россію, в Вос[illegible] сіянъ, Славянъ и до [illegible] странъ сѣвер[illegible] ныхъ.

Правда, что [illegible] Византійскіе пи[illegible] сатели [illegible], [illegible] объ [illegible] сія у [illegible] Арабовъ [illegible] более или менѣе заслуживающихъ уваженія касательно [illegible] на[illegible] ло чрезъ сіе не [illegible] своей особенной [illegible]. Изъ [illegible] что сношенія Арабовъ съ странами, [illegible] на сѣверъ отъ Каспійскаго моря, про[illegible] стиралися: даже до Балтійскаго, [illegible] были и достигали оттуда; [illegible] [illegible] [illegible], ибо не [illegible] достаточныхъ доказательствъ, чтобы названіе (сего моря) было извѣстно [illegible], по крайней мѣрѣ [illegible] не подвержено сомнѣнію, что они [illegible] о сихъ странахъ понятіе болѣе точное, нежели какое можно было ожидать отъ на[illegible] рода [illegible], безъ [illegible] предубѣжден[illegible] наго [illegible] климатовъ [illegible] и при[illegible] томъ [illegible] предразсудками, обыкновенно порождаемыми въ правовѣрныхъ рас[illegible]

[illegible] [illegible] и пр. [illegible] [illegible] и обращались [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Медоведы [illegible] утверждаютъ, что Сиддханта [illegible] была [illegible] Арабамъ [illegible] [illegible], когда [illegible], [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] о [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible], [illegible] о [illegible] [illegible], всегда были [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] рядомъ другихъ повѣствованій, со множествомъ нерѣдко, къ которымъ они часто примѣшивали чудесныя сказки. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Арабовъ, и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] для [illegible] или [illegible] [illegible].

Географія Арабовъ тѣмъ замѣчательна, [illegible] [illegible] [illegible] рукописи, которыя [illegible] [illegible]. При [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: *Alfragani Elementa Astronomica*, изданные Голіусомъ. *Альфраганъ* около 830 году Седжестра (см. [illegible] 800) [illegible] [illegible] Масуди. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] съ сѣвера; и [illegible] [illegible] [illegible] міра весьма кратко. *[illegible] [illegible]* [illegible] [illegible] [illegible] свое географическое сочиненіе, которое, бывъ переложено [illegible] [illegible] Персидской, съ онаго переведено и издано на Англійскомъ *Уселеемъ*. *Абулъ-Гассанъ-Али*, [illegible] *Масуди*, [illegible] [illegible] [illegible]; сочинилъ всеобщую Ис-

[illegible] Золотыя луга и рудники драгоцѣнностей. Д'Эрбело сообщилъ намъ [illegible], что сочиненіе въ [illegible] находится въ рукописной Королевской Библіотекѣ въ Парижѣ; [illegible] въ Географіи Эдриси, иначе именуемаго Географомъ Нубійскимъ, называемой Увеселеніе любопытства. Эдриси писалъ въ 12мъ вѣкѣ, въ Сициліи, въ царствованіе Рогера I. Его сочиненіе было напечатано въ Римѣ [illegible] на одномъ Арабскомъ языкѣ. Переводъ Латинскій, сдѣланный двумя Маронитами, былъ изданъ въ Парижѣ въ 1619мъ году. Абдалла Якутъ сочинилъ географическій словарь, по азбучному порядку, подъ заглавіемъ Моаджемъ Албольданъ. Библіотека восточная Д'Эрбело не упоминаетъ о семъ писателѣ. Самъ онъ говоритъ въ началѣ своего сочиненія, что онъ началъ писать его въ 11ю ночь мѣсяца Могаррама, въ 626 году Геджиры, что самое должно относить его къ 13му столѣтію. Насиръ-Эддинъ, сочинитель таблицъ долготы и широты, процвѣталъ также въ 13мъ столѣтіи. Улугъ-бегъ, внукъ Тамерлана и обладатель Самарканда, написалъ свои таблицы въ 841мъ году Геджиры (въ 1437 нашей эры). Закарія-бенъ-Могаммедъ, прозванный Казвини (изъ Казвина, города Персидскаго Ирака) принадлежитъ къ 13му вѣку. Онъ написалъ многія книги, изъ коихъ одна называется: Чудеса различныхъ странъ. Сіе сочиненіе превосходитъ всѣ предъ симъ приведенныя; и изъ него-то

сдѣлано наибольшее употребленіе. Шерифъ Эддинъ абу Джафаръ, *Омаръ бенъ Мозафферъ ибнъ Мохаммедъ бенъ Омаръ эль Альверди*, принадлежитъ также къ сему столѣтію; книга его называемая: *Необыкновенное перло чудесъ и драгоцѣнный камень рѣдкостей.* Но неизвѣстно въ которомъ году, въ которое жилъ онъ [illegible] по видимому, былъ современникомъ Персіянъ, который, по свидѣтельству Дегиня, часто о немъ упоминаетъ. Если сіе справедливо, то Казвини списалъ Ибнъ-Альварди; ибо ихъ сочиненія столь сходны между собою, что, прочитавъ одно изъ двухъ, чтеніе другаго становится излишнимъ. Дегинь помѣстилъ извлеченіе изъ перваго во второмъ томѣ *Извѣстій*. Абдъ-Эррашидъ бенъ Салехъ *бенъ Нури*, прозываемый *Якутъ* или *Бакуй*, жилъ въ сіе столѣтіе. Онъ сочинилъ географію подъ заглавіемъ: *Изслѣдованіе того, что наиболѣе достойно замѣчанія изъ удивительныхъ твореній Всемогущаго.* По мнѣнію Дегиня, онъ процвѣталъ въ 806 году Геджиры, и 1403 нашей Эры, и являешся подъ Казвини; Дегинь помѣстилъ во второмъ томѣ записокъ извлеченіе изъ онаго, которымъ также мы пользовались.

Сѣверныя области Персіи, лежащія на югъ отъ Каспійскаго моря, ранѣе всѣхъ попали владычеству Халифовъ. Еще при Халифѣ Омарѣ, Арменія, граничащая къ сѣверу Грузіею и Кавказскими горами, Адербі-

[illegible] другія области Персіи были насе- ленны. Но вскорѣ его царствованія, совершен- но [illegible] Іездегердъ Государства. Іез- дегердъ, послѣдній Царь изъ династіи Сас- санидовъ, былъ убитъ въ Меру, но Персія окончательно въ 651 году, [illegible] [illegible] подданными. Въ 714 году Ха- лифъ [illegible], которые Оммійяды, завое- вали Грузію, [illegible] по [illegible] Хорасанъ достигла высочайшей степени политической власти; въ царствованіе первыхъ Аббассидовъ, они обладали всею [illegible], лежащею [illegible] моря Каспійскаго, вмѣстѣ Грузіею, Черкасіею, Арменіею, Пер- сіею, Хорасаномъ, [illegible] и страна- ми, находящимися между рѣкъ Джигуна и Сигуна (Окса и Яксарта древнихъ), называе- мыми Арабами Мавераннегаръ, т. е. стра- нами, лежащими по ту сторону рѣки.

Вскорѣ послѣ смерти Гаруна Аль-Раши- да (въ 808 году по Р. Х.) области сіи стерга- ли Халифовъ. Споры богословскіе, раздирая ихъ, такъ и внутри Государства, весь- ма быстро ослабили власть, которою они досель пользовались. Возникли новыя поко- лѣнія для того, чтобы снова упасть и ус- тупить мѣсто другимъ династіямъ, столь же кратковременнымъ. Первая изъ числа водворившихся въ обширныхъ владѣніяхъ Ха- лифовъ была династія Тагеридовъ, осно- ванная въ Хорасанѣ Тагеромъ въ 820 году Христіанской Эры, въ царствованіе Мамуна; она продолжалась только 55 лѣтъ, и смѣнилась предъ Соффаридами. Учредитель

сей династіи, i преемственно [illegible] въ 872 году были [illegible], прозванный Якубъ, и [illegible]. [illegible] продолжали свое владычество надъ Хорасаномъ, Сеистаномъ, Табаристаномъ, Фарсистаномъ и [illegible]; но по кратковременномъ [illegible] были истреблены Саманидами. [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible] на эту сторону Оксуса [illegible] Персіи и Трансоксаніи. Въ 999 власть [illegible] въ Туркестанѣ. Туркане [illegible] ки Махмуда, сына Себектегинова, основали династію, извѣстную подъ именемъ Газневидовъ; [illegible] Газны, пограничнаго города Хорасана. Газневиды царствовали въ Хорасанѣ и Трансоксаніи отъ 999 до 1184 года. Они уступили [illegible] мѣсто свое Горидамъ, которые, пользуясь слабостію Газневидовъ, учинились единственно могущественными въ Индостанѣ. Гориды, въ свою очередь, были ниспровергнуты Султанами Ховарезма въ 1208 году. Сіи Султаны возвысились чрезъ Сельджукидовъ; они получили отъ нихъ во владѣніе Ховарезмъ, но скоро сдѣлались независимыми въ семъ краѣ, и безъ всякаго сомнѣнія достигли бы высочайшей степени могущества, если бы наконецъ не принуждены были покориться игу Чингисъ-Хана.

Сія династія, прекратившаяся, владѣла частію странъ, лежащихъ на югѣ и на востокѣ отъ моря Каспійскаго. Другія двѣ знаменитыя поколѣнія не должны быть позабыты; и одно изъ нихъ въ особенности царствовавшее надъ страною, лежащею на юго-западъ отъ моря Каспійскаго, то были Дилемиты и Буиды. Первые владычествовали отъ 928 до 1042 надъ Дилемомъ, Гиляномъ, Грузіею, Табаристаномъ и берегами моря Каспійскаго; но они скоро были подавлены съ одной стороны Газневидами, а съ другой Буидами, которыхъ они считали (были) союзниками. Буиды сдѣлались столько могущественными въ 933, въ каковое время они [illegible] теченіе нѣсколькихъ подвиговъ сдѣлались обладателями многихъ областей. Ихъ Калифы [illegible] Амиръ аль Омра до того времени, когда Тогрулъ-Бегъ, основатель династіи Сельджукидовъ, замѣнилъ ихъ въ 1056 году.

Хотя страны, лежащія на югѣ отъ моря Каспійскаго и служащія сообщеніемъ съ краями сѣверными, были такимъ образомъ подвержены безпрерывнымъ переворотамъ и весьма часто мѣняли повелителей, но оное по видимому не причиняло большаго вреда торговлѣ. Сіи происшествія были очень обыкновенны на Востокѣ, и если ихъ начало было непредвидимо, то и развязка бывала столь же быстра. Впрочемъ необходимость и преимущественно собственныя выгоды побуждали всегда новыхъ повелителей, изъ коихъ ни одинъ не былъ дѣйствитель-

посредствомъ варваровъ, непрерывно обладавшихъ торговлею; какъ сіе давали имъ предшественники. При всемъ томъ однакожь должно предполагать, что сія торговля долженствовала временно прерываться, а въ особенности тѣ, которыя производились караванами. Изъ числа сихъ карavановъ одни проходили пространство въ 80 дней пути отъ Китая чрезъ Татарію до рѣки Джигуна или Окса (Oxus). Другіе, которые изъ Индіи, достигали чрезъ Кашемиръ до той же самой рѣки; потомъ, переплывая море Каспійское, доходили чрезъ Ріонъ или Фазъ и Черное море до Константинополя. Симъ-то затруднительнымъ путемъ Греки, или лучше Венеціане и Генуезцы, получали товары, добываемые въ Индіи и Китаѣ. Торговля, напротивъ того, весьма рѣдко производилась сухимъ путемъ для переѣзда изъ южныхъ областей Азіи въ сѣверныя моря Каспійскаго. Сія торговля была во власти городовъ, лежащихъ на восточныхъ и юго-западныхъ берегахъ сего моря, и производилась моремъ; посему и состояніе оной долженствовало чувствительнымъ образомъ измѣняться отъ расположенія и корыстолюбивыхъ видовъ повелителей, которые скоро быстро другъ за другомъ слѣдовали въ обладаніи сими землями.

Между сими торговыми городами чаще всѣхъ упоминается о знаменитомъ и всегда цвѣтущемъ городѣ *Дербендѣ*. Арабы называютъ оный *Бабъ* (дверь, входъ); онъ находится въ Дагестанѣ, области, соприко-

[illegible] Ширвану, и [illegible] [illegible] на-[illegible], [illegible] [illegible], средѣ которой посѣ-[illegible], образуемой [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] моремъ и горами. Положеніе сего отно-сительно торговли не могло быть благо-пріятнѣе. Окруженный плодоносными стра-нами: Дагестаномъ и преимущественно Шир-ваномъ, превосходящими въ изобиліи всѣ роды зерна и плодовъ, онъ былъ, какъ есть и теперь еще, средоточіемъ для всѣхъ странъ, лежащихъ на югѣ и сѣверѣ оныхъ горъ Кав-казскихъ. Абульфеда подтверждаетъ сіе по-[illegible]у слѣдующими словами: „Бабъ-ель-Аб-вабъ, есть сборное мѣсто и торжище для всѣхъ купцовъ, пріѣзжающихъ изъ Табари-стана, Грузіи, Дайлема (Гилана) и для при-ходящихъ изъ Альеррана (Ширвана), Хаза-ріи и другихъ странъ, обитаемыхъ невѣр-ными. Въ семъ только городѣ находятся полотняныя фабрики, которыхъ вовсе нѣтъ въ трехъ вышеупомянутыхъ областяхъ. Здѣсь же можно найти шафранъ, и сюда приводятся также невольники, купленные на сѣверѣ. Дербендъ былъ построенъ вели-кимъ Монархомъ Персіи Хозру-Ануширва-номъ (умершимъ въ 579 году), съ тѣмъ на-мѣреніемъ, чтобы отдѣлить отъ своего Го-сударства земли сѣверныхъ Хазаръ; сверхъ того провелъ онъ стѣну неизмѣрной дли-ны, и поставилъ тамъ стражей, дабы оные защищали его отъ набѣговъ Хазаръ, Турокъ и другихъ невѣрныхъ народовъ."

Хозру, по мнѣнію Эдризи, построилъ также *Сабранъ*, и городъ *Каркару*, на бе-

регаеши Каспійскаго моря, а [illegible] объемлетъ два города на краю Алкабка, и предъ воротами Бабъ, [illegible]; на краю Хазаріи, построилъ города Баландаръ, Семандаръ и Албандуръ. Некоторые говорятъ, Дербендъ, следующее [illegible] Бабъ и Албабъ лежитъ на северъ отъ Персіи. Бабъ же построенный Анушірваномъ, на море Алдаръ (Каспійское море), изобилуетъ садами и множествомъ плодовъ. Здесь-то находится гавань Хазаровъ и некоторыхъ другихъ народовъ, когда ихъ купцы приезжаютъ съ своими товарами. Сія гавань запирается отъ одного края до другаго цепью, и средствомъ коей они могутъ, когда имъ заблагоразсудится, заградить въ оную входъ и выходъ. Алабваб — тесный проходъ въ Кавказскія горы, которыя древніе хроники называютъ горами Алфашикъ — горами совершенства, вероятно по той причине, что здесь только лежитъ единственный путь, по которому можно проникнуть въ северныя страны. Тамъ находится много крепостей, каковы суть: Бабъ-Суль, Бабъ-Алланъ (врата Алановъ), Бабъ-Асобаранъ, Бабъ-Алфагъ, Бабъ-Сейсанъ, Бабъ-Сагибъ-Асриръ (врата обладателя престола), Бабъ-Филанъ-Шахъ и проч. Разсказываютъ, что когда Персы овладели сею страною, то построили города Вилкинъ, Босдагъ и Сар-Албаръ, чтобы держать оную въ подданстве. Анушірванъ построилъ города Сабранъ, Каркаратъ, Бабъ и Алабвабъ, для того, чтобы владычествовать надъ горо-

Алтабабъ, называемой также Албанака. Онъ пребывающимъ имѣлъ 360 замковъ на границѣ земли Хазарской. Анушпрванъ назначилъ также правителя изъ своего собственнаго народа, которые были обязаны защищать границы и сторожить въ горахъ. Его мѣстопребываніе, назначенное въ Ширванѣ, было названо Ассарирома (престоломъ); самъ же правитель носилъ титулъ обладателя престола. Сей титулъ происходилъ, по словамъ Масуди, отъ того, что онъ имѣлъ златой престолъ, украшенной драгоцѣнными каменьями, на работу коего употреблено было десять лѣтъ. Когда Греки (Алрумъ) завладѣли сею страною, тронъ сей остался на своемъ мѣстѣ, и находится тамъ даже и понынѣ. Сіе Королевство, основанное Хозроемъ, сохранилось до эпохи Музульманской — времени, въ которое Царь и всѣ его подданные обратились къ Христіанству.

Якутъ упоминаетъ еще о двухъ другихъ городахъ; одинъ называетъ онъ Кабалагъ, и считаетъ его старымъ городомъ вблизи Дербенда, или лучше Албаба и Алабваба, и зависящимъ отъ областей Арменіи. Другой именуетъ онъ Филаномъ, и говоритъ, что сей городъ, равно какъ и его окружныя земли, находятся вблизи Бабъ-Алабваба и какъ бы заключены въ страны, принадлежащія Хазарамъ. Царь сего края называется Филанъ-Шахъ; жители исповѣдуютъ Христіанскую вѣру и имѣютъ свой особенный языкъ. Масуди утверждаетъ, что Филанъ-Шахъ есть титулъ Царя Ас-

сафирѣ, и что оно такъ называется потому, что Фиданъ есть имя отрока Асафира.“

И такъ были два соединительные пути между южными и сѣверными странами Каспійскаго моря, какъ то: моремъ или чрезъ Кавказскія горы. Сіи два замѣчательные пути требуютъ болѣе точнаго означенія. Гора Кавказъ слѣдующимъ образомъ описана Якутомъ въ Словарѣ его: „Кавказъ есть гора, ограничивающая земли Бабъ-Аль-Абваба и страны Алановъ, что служитъ крайнимъ предѣломъ Арменіи. Ибнъ Алфакигъ утверждаетъ, что на Кавказѣ говорятъ на 72-хъ языкахъ, такъ что весьма часто нуженъ бываетъ переводчикъ между двумя изъ ихъ жителей. Длину сей горы полагаютъ въ 500 парасанговъ; ибо она простирается съ одной стороны съ Государства Адруна, а съ другой до предѣловъ Хазаръ и Аланъ. Почитаютъ Кавказъ цѣпью горъ, часть которыхъ составляетъ гора Аарахъ, находящаяся между Меккою и Мединою; сей хребетъ простирается въ Сирію до соединенія своего съ горою Ливаномъ, въ землѣ Гемовъ (нѣтъ) на пути къ Дамаску. Потомъ соединяется онъ съ горами Антіохіи и Самосаты и принимаетъ тамъ названіе Аллакама. Отколѣ простирается онъ въ Малатію, Самсатію, Каликалу и до Каспійскаго моря, гдѣ основанъ Бабъ-Аль-Абвабъ.“

Казвини въ статьѣ своей о Бабъ и Алабвабѣ выражается такимъ образомъ ка-

сательно сей горы: „Гора Алфашагъ, о которой мы уже говорили, весьма длинна и очень высока. Абуль-Гассанъ-Алмасуди полагаетъ, что она заключаетъ въ себѣ 300 округовъ, коихъ жители говорятъ весьма различными языками. Алгаукали разсказываетъ и Анкаръ утверждаетъ, что во глубинѣ сихъ горъ находятся многія Государства. Между прочими говоритъ онъ о владѣніяхъ Шаха Ширванскаго, которыя состоятъ изъ многихъ городовъ, деревень и округовъ, прекрасно устроенныхъ; упоминаетъ о Королевствѣ Алкацаръ, которое заключаетъ въ себѣ многія селы и обработанныя земли, и населено народомъ невѣрнымъ, могущественнымъ и независимымъ. Онъ присоединяетъ еще къ нимъ Королевства Шаха Аледана, Альмунинага, Аррудейнага (коего обитатели суть презрительнѣйшіе изо всѣхъ народовъ); Королевства Табустана, Гидана, Ашика, Дацнаквана, Алгандека (къ коему, какъ говорятъ, принадлежитъ 1200 селъ); Алланія, Алангахъ, Алкацригъ, Алсача (обитаемыя народомъ могущественнымъ, жестокимъ и независимымъ); Алдхаригъ, Шаки, находящіяся на краю сихъ горъ; Алсагаликъ, и наконецъ Королевство Качакъ. Нигдѣ не льзя найти мужчинъ и женщинъ одаренныхъ столь совершенною красотою, какъ въ семъ краю, ни дѣвъ болѣе очаровательныхъ."

Прежде нежели мы совершенно оставимъ Кавказъ, должны сообщить нѣсколько подробностей о народѣ столь замѣчатель-

номъ, каковы Алане (Alans), которые въ эпоху нами разсматриваемую обитали на сѣверъ и на сѣверо-западъ отъ сей горы, близь источниковъ Кура; теперь тамъ никакихъ слѣдовъ онаго не видно. Якутъ въ Географическомъ Словарѣ своемъ говоритъ о нихъ слѣдующее подъ словомъ *Алане*: „Алане занимаютъ обширную землю и суть народъ могущественный. Они простираются до Даринанша, на Кавказѣ, впрочемъ не имѣютъ никакого знаменитаго города. Одна часть Аланъ исповѣдуетъ Исламизмъ; но большее число Христiане. Они не имѣютъ одного общаго для всѣхъ Государя; но каждое поколѣнiе имѣетъ своего Эмира, человѣка жестокаго и немилосердаго. Бенъ-и-ди-Валаянисъ разсказывалъ мнѣ, что одинъ изъ ихъ главныхъ начальниковъ сдѣлался однажды нездоровъ; спросили у человѣка, тутъ находящагося, объ его болѣзни. Исторiя повѣствуетъ, что сiя болѣзнь была ипохондрiя, и что, желая судить о причинѣ оной собственными глазами, онъ взрѣзалъ самъ себѣ бока, взялъ свою селезенку, и разсмотрѣлъ ее; но вскорѣ умеръ, стараясь вложить ее въ прежнее мѣсто. Короли Алановъ приняли Христiанскую вѣру со времени распространенiя Исламизма въ эпоху Аббасидовъ; съ того времени они были идолопоклонники, и въ такомъ же состоянiи невѣжества какъ Арабы до Могамеда (في الجاهلية); но спустя 320 лѣтъ, они оставили Христiанство, и преслѣдовали Епископовъ и священниковъ, которыхъ Грече́скiе

Императоры къ нимъ посылали. Между Королевствомъ Аланъ и Кавказскими горами есть крѣпость и мостъ, переброшенный черезъ широкую рѣку. Крѣпость называется замкомъ вратъ Аланіи; она была построена однимъ изъ древнихъ Царей Персіи, который именовался Сендобадъ, сынъ Бержшасева, сына Лорасева. Я видѣлъ въ семъ мѣстѣ гарнизонъ, назначенный для защиты Кавказа отъ набѣговъ Аланъ. Путь чрезъ мостъ имъ также воспрещенъ; ибо крѣпость владычествуетъ надъ онымъ, и можетъ быть взята только осадою. Источникъ свѣжей воды бьетъ изъ самой возвышенной части утеса, на которомъ стоитъ сія крѣпость, которая можетъ считаться одною изъ славнѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ. Саламъ-бенъ-Абдольмелекъ явился передъ нею; овладѣлъ оною и оставилъ тамъ нѣсколькихъ Арабовъ для охраненія. Съѣстные припасы доставлялись туда изъ Тифлиса. Между сею крѣпостью и Танансомъ (Таврисъ ?) переѣздъ заключается въ нѣсколькихъ дняхъ. Одинъ рѣшительный человѣкъ можетъ воспрепятствовать всѣмъ Царямъ земли овладѣть ею; она какъ бы виситъ на воздухѣ и повелѣваетъ надъ дорогою, мостомъ и рѣкою."

То, что повѣствуетъ Казвини, весьма важно: „Страна Алланов плодоносна и весьма обширна. Бардахъ самый значительный у нихъ городъ, и всѣ предметы, необходимые для жизни, находятся тамъ въ изобиліи. Тамъ земли самыя обработаннѣйшія

въ цѣломъ мірѣ. Тамъ дворцы, сады, прекраснѣйшія мѣстоположенія; плоды всякаго рода, финики, орѣхи, каштаны, превосходятъ какъ въ изобиліи, такъ и въ качествѣ все, что вообразить только можно. Сіи плоды перевозятъ на востокъ и даже на западъ. Въ семъ мѣстѣ находятъ также алзиганъ, родъ янтаря, выше всякаго сравненія. Сей городъ, основанный на рѣкѣ Курѣ, имѣетъ ворота, называемыя Алакра, и торжище Алкараки, заключающее болѣе трехъ миль въ длину.

По всѣмъ симъ свидѣтельствамъ очевидно, что Кавказъ и земли, его окружающія, были хорошо населены, воздѣланы, наполнены городами и крѣпостями. Болѣе не жели вѣроятно, что жители сихъ странъ вели внутреннюю и весьма значительную торговлю посредствомъ рѣкъ Кура и Ріона южными плодами, каштанами, воскомъ, виномъ, серебромъ и низшими металлами, дичью, также домашними и дикими животными. При всемъ томъ однакожъ не возможно рѣшительно утверждать, проходили ли караваны край сей отъ юга къ сѣверу, или въ противуположномъ направленіи, чтобы перевозить товары какъ съ юга Азіи, такъ къ Азіи полуденной (что конечно уже нынѣ не дѣлается). Многія причины заставляютъ въ этомъ сомнѣваться: вопервыхъ дорога черезъ горы была слишкомъ утомительна и преисполнена затрудненій; потомъ караваны были бы тамъ весьма часто подвержены грабительству

Горцевъ. Кромѣ того, путешествіе чрезъ маленькія владѣнія безчисленныя и говорящія различными нарѣчіями, представляло множество неудобствъ. Наконецъ путь Каспійскимъ моремъ долженствовалъ быть гораздо предпочтительнѣе. Чтожъ касается до торговли между странами востока и запада, то она была огромная съ первыхъ столѣтій, и до того времени, пока путь чрезъ Великій Океанъ сдѣлался извѣстнымъ. Въ древнѣйшія времена сія торговля принадлежала Грекамъ, въ средніе вѣка Византійцамъ, и во время ихъ владычества въ Крыму Генуезцамъ, которые даже разрабатывали серебряные рудники на Кавказѣ, гдѣ и понынѣ еще замѣтны труды ихъ. Сія торговля даже не совсѣмъ прекратилась и въ новѣйшія времена, ибо и теперь еще существуетъ мѣна произведеній со странами внутренними. Она выходитъ чрезъ Ріонъ (Фазъ), до береговъ Чернаго моря.

Другой путь, весьма посѣщаемый, шелъ чрезъ Каспійское море, выходя изъ Дербента и другихъ приморскихъ городовъ, служащихъ мѣстомъ складки и находящихся на южномъ берегу. Сіе море чрезвычайно замѣчательно положеніемъ своимъ посреди обширныхъ странъ, коихъ сношеніе оно весьма облегчаетъ, какъ равно и по тому особенному обстоятельству, что, не взирая на свое великое протяженіе, оно не имѣетъ исхода для спуска водъ своихъ. Многіе Географы почли себя въ правѣ заключить изъ этого, что, по примѣру другихъ морей,

Каспійское море сообщается или съ Чернымъ или съ Сѣвернымъ и Восточнымъ Океанами. Казвини предполагалъ, что Каспійское море соединялось посредствомъ какого-либо подземнаго канала съ Чернымъ. „Море Алхазаръ," говоритъ онъ, „не беретъ начало свое ни изъ Океана, ни изъ какого другаго моря (то есть, оно не заливъ); но втекаетъ въ Океанъ Константинопольскимъ проливомъ. Сіе море чрезвычайно широко, ибо оно омываетъ Хазарію, Дайланъ (Гиланъ), Табаристанъ, Грузію и пустыню, именуемую Сіагъ-Кугъ." Далѣе, повѣствуя о моряхъ вообще, онъ говоритъ: „Море Грузіи и Дайлама (море Хазарское) отдѣлено отъ всѣхъ другихъ, и не имѣетъ сообщенія ни съ однимъ изъ тѣхъ, о которыхъ мы сей часъ упоминали. Великія рѣки, источники никогда не изсякающіе, втекаютъ въ него. Алгаукали говоритъ, что дно сего моря черное и что оно подземельнымъ каналомъ сообщается съ Чернымъ моремъ. Къ западу у него Адербиджанъ, къ югу Табаристанъ, къ востоку Алкарія, и къ сѣверу Хазарія. Длина онаго тысяча милей; ширина отъ Грузіи до рѣки Аіли 550. Къ сѣверу у сего моря Атель (1), (Ра у Грековъ и Волга у новѣйшихъ); это большая рѣка Хазаріи, которая не уступаетъ въ величинѣ Тигру. Источникъ свой беретъ она въ землѣ Русскихъ и Болгаровъ и впадаетъ въ море Хазарское. Люди

(1) Или лучше Итилъ. Силвестръ де Саси.

свѣдущіе упиверждаютъ, что сія рѣка раздѣляется на 75 вѣшвей, изъ коихъ каждая образуетъ сама по себѣ большую рѣку. По причинѣ великой длины ея и большаго числа рѣкъ въ нее втекающихъ, никогда не льзя замѣтить ни перемѣны, ни уменьшенія въ объемѣ ея водъ. При впаденіи въ море теченіе ея замѣтно еще въ продолженіе двухъ дней, послѣ чего она совершенно съ нимъ сливается. Воды сей рѣки свѣжи и замерзаютъ зимою. Якутъ, въ Географическомъ Словарѣ своемъ, описываетъ слѣдующимъ образомъ теченіе Ашела: „Не льзя никакъ сомнѣваться ни въ величинѣ Ашела, ни въ длинѣ его теченія. Онъ вытекаетъ изъ границъ *Юга* (1), проходитъ Болгарію, Россію, Хазарію и впадаетъ въ море *Мерганъ* (2). Купцы восходятъ до нея весьма далеко, даже до Вайсу (3); они привозятъ оттуда для продажи куницъ, горностаевъ и бѣлокъ. Разсказываютъ, что Ашелъ выходитъ изъ земли Каркиръ (4) и что протекаетъ между странами Наймаковъ и Гоццовъ, опредѣляетъ ихъ взаимныя границы. Потомъ стремится онъ на западъ къ Булгаріи; оттолѣ беретъ противу-

(1) Вѣроятно здѣсь ошибка, югъ вмѣсто сѣвера. Сильв. де Саси.

(2) Думаю, что читать должно *Муганъ* موغان

(3) По весьма правдоподобнымъ догадкамъ Г. Френа, здѣсь должно подразумѣвать Бѣлое море. С. де С.

(4) Или лучше Киркизъ или Киргизъ.

положное направленіе (на востокъ или лучше на юго-востокъ) къ Вершаеу и къ Хаварія. Увѣряютъ, что десять рѣкъ впадаютъ въ Атель." (Остальная часть описанія совершенно согласна съ повѣствованіемъ Касвини.) Сія великая рѣка безъ сомнѣнія значительно облегчала сношенія обширныхъ странъ, въ которыхъ она протекаетъ; и это такъ очевидно, что даже безполезно будетъ сіе доказывать.

И такъ, лишь только путешественники достигали сѣвернаго берега Каспійскаго моря, что было не трудно, надобно было дождаться попутнаго вѣтра, который в теченіи цѣлаго мѣсяца дуетъ тамъ постоянно, то они уже находились въ странѣ Хазаръ. Тамъ обывали они свои товары, которые заключались въ финикахъ и плодахъ южныхъ областей Персіи, или въ пряностяхъ и благовоніяхъ Индіи, въ превосходныхъ винахъ, въ полотняныхъ, бумажныхъ и шелковыхъ тканяхъ, въ украшеніяхъ изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ; наконецъ и въ другихъ предметахъ торговли, которые счастливыя области Персіи или производили, или обработывали. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что торговыя путешествія чрезъ Каспійское море были многочисленнѣе и значительнѣе, нежели въ наше время; и сія истина утверждена свидѣтельствами Эдриси и Ибнъ-Гаукала. Сверхъ того многія обстоятельства придаютъ еще болѣе вѣсу сему предположенію, ибо подъ владычествомъ Хали-

фовъ были весьма обширныя сношенія и чрезвычайно дѣятельная торговля между Мусульманами и народами Сѣвера.

Татарскія орды, лежащія во множествѣ къ востоку, западу и сѣверу отъ Каспійскаго моря, были съ давняго времени обращены къ Исламизму. Казвини, въ главѣ своей о знаменитыхъ рѣкахъ, упоминаетъ о посольствѣ, отправленномъ Арабскимъ Халифомъ Мокшадиромъ къ Королю Болгаровъ, которое было ввѣрено Ахмедъ-бенъ-Фоцлану. Фарабъ, въ Тартаріи, былъ отчизною философа и славнаго музыканта Абу-Назръ Могаммедъ-бенъ-Ахмедъ Тархана, того самаго, который былъ убитъ разбойниками въ Сиріи отъ Р. Х. въ 956 (отъ Егиры въ 345). Упоминаютъ также еще о двухъ знаменитыхъ мужахъ, рожденныхъ въ странѣ Монголовъ и переселившихся потомъ къ Арабамъ. Казвини увѣряетъ насъ, что Халифъ Алватек-биллагъ (умершій въ 847 году, въ 232 Егиры) послалъ переводчика, по имени Салама, говорящаго на сорока языкахъ, въ землю Яджуджъ (Jadjoudj) и Маджуджъ (Madjoudj), или *Югорію* (1), чтобы собрать свѣдѣнія о характерѣ и состояніи се-

(1) Г. Френъ предполагаетъ, что страна, Арабами называемая Яджуджъ и Маджуджъ يأجوج ومأجوج весьма легко можетъ быть та, которую называютъ Югріею или Югоріею, и которую Бакуи, кажется, понимаетъ подъ именемъ *Юры* يورا Сил. де С.

го удивительнаго народа и освѣдомиться точнѣе о знаменитой стѣнѣ, носящей его названіе. (Переводчикъ принесъ ему желаемыя свѣдѣнія; но весьма сомнительно, чтобы онѣ были даже правдоподобны. Въ слѣдующихъ листкахъ я помѣщу разсказъ вполнѣ, какъ онъ дошелъ до насъ въ рукописи.) Наконецъ и еще одно обстоятельство заслуживаетъ особенное вниманіе: новѣйшіе путешественники всѣ говорятъ о великомъ числѣ древностей и медалей Арабскихъ, находимыхъ въ Россіи; Штраленбергъ (въ своемъ *Описаніи Россійской Имперіи* на Нѣмецкомъ языкѣ, стр. 316) упоминаетъ объ одной медали съ легендою на древнемъ куфическомъ, которая найдена была у Осинковъ, подлѣ Савароѳа (Savaroff, Саратова?). Въ Касимовѣ, близъ Оки, между развалинами одной мечети, на кладбищѣ, видѣнъ мавзолей съ Арабскою надписью. Въ Чердынѣ, въ древнемъ торговомъ городѣ въ Біармиландіи, отрываютъ часто Арабскія монеты (Штраленбергъ стр. 103). Палласъ разсказываетъ, что недалеко отъ Симбирска, на лѣвомъ берегу Волги, тамъ, гдѣ нѣкогда была столица и главное мѣсто торговли Болгаръ, находится, еще и въ наше время, довольно значительное число гробницъ и серебряныхъ монетъ съ куфическими надписями или съ начертаніями новыхъ Арабскихъ письменъ. Всѣмъ извѣстно также, о чемъ и я въ послѣдствіи буду говорить гораздо подробнѣе, что въ нашихъ сѣверныхъ странахъ весьма часто находили подобные остатки временъ древнихъ.

Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Каспійскаго моря обитали въ среднемъ вѣкѣ Хазары. Сей народъ былъ столь достоинъ замѣчанія и могущественъ, что Арабы не иначе называли Каспійское море, какъ именемъ *моря Хазарскаго*. Весьма правдоподобно, что Хазары, вышедъ изъ востока, основались въ семъ краѣ въ первыя столѣтія нашей Эры, и что, свергнувъ потомъ ярмо Гунновъ, распространились до земель, окружающихъ Каспійское море, и до Крыма, чрезъ что самое образовались сношенія между ними и Константинопольскими Императорами. Если мы повѣримъ разсказу Іорнанда (Iornandes), то Хазары, по его свидѣтельству, проникали даже въ Россію и въ Польшу; и въ 6 столѣтіи воевали съ Фрадомъ, Королемъ Датскимъ. Мы не можемъ ручаться за истину сего показанія, ибо Арабскіе писатели ни о чемъ подобномъ нигдѣ не упоминаютъ; но если бы сіе дѣйствительно было доказано, то изъ сего можнобъ было заключить, что Скандинавцы и южные Россіяне имѣли между собою сношенія съ весьма древняго времени. Въ томъ же столѣтіи, какъ мы упоминали выше, Хозру Ануширванъ построилъ многочисленныя крѣпости на Кавказѣ; онъ поставовилъ Вице-Короля въ Ширванѣ, чтобы ограждать сію страну отъ набѣговъ Хазаръ; изъ чего должно предполагать, что страна, обитаемая Хазарами, простиралась до Дербенда и Ширвана; въ VII, VIII и IX столѣтіяхъ Хазары достигли высшей сте-

лени своего благосостоянія. Ихъ силы были таковы, что весьма часто были они въ состояніи вспомоществовать Греческимъ Императорамъ противу ихъ непріятелей. Сіи же, съ своей стороны, обратили многихъ изъ нихъ къ Христіанству. Хазары начали-было также воевать съ Халифомъ Абд-Алмелекомъ; но поелику война сія была для нихъ неблагопріятна, то многіе принуждены были принять Исламизмъ. Не взирая на сіе, въ разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ, весьма часто, какъ союзники Императоровъ Греческихъ, они продолжали воевать съ Халифами, врагами, столь же опасными для нихъ какъ и для Грековъ. Въ VIII столѣтіи одинъ изъ Царей ихъ по имени Бела и большое число его подданныхъ приняли жидовскую вѣру. Сіе происшествіе однакожъ подтверждается только однимъ свидѣтельствомъ баснословной книги, подъ заглавіемъ: *Liber Cosri*, изданной Буксторфомъ. Могущество Хазаръ мало по малу упадало послѣ X вѣка, и наконецъ Монголы въ XIII столѣтіи содѣлались повелителями ихъ края.

Страна, лежащая по обоимъ берегамъ Волги и граничащая съ Болгаріею, Каспійскимъ моремъ и землями, принадлежащими Дербенду, получила отъ Арабскихъ географовъ имя Алхазръ (Хазарія). По мнѣнію тѣхъ же самыхъ писателей, народъ, ее населяющій, происхожденія Турецкаго. Якутъ (1), если мы положимся на слова

(1) Здѣсь должно поставить Бакуи вмѣсто Якута. С. де С.

ейнанья, говоришъ, что сія страна оби-
аема двумя народами, изъ коихъ одинъ
ьлый, и другой бѣлый или красный (1). У
ихъ есть, говоритъ онъ, торжища и бани.
)ни живутъ на берегахъ Ашела, и между
ими есть Мусульмане, Жиды, Христіане
язычники. Ибнъ-Гаукалъ говоритъ, что
Царь и главнѣйшіе чиновники его суть
Жиды; но что Жидовъ весьма немного
іежду жителями. Ихъ столицею, по сви-
ѣтельству того же самаго писателя,
ылъ Самандеръ, — городъ прекрасный, нѣ-
огда великій и котораго окрестности иза-
биловали виноградниками; нынѣ оный ра-
оренъ, бывъ первоначально опустошенъ
Русскими. Самандеръ отстоитъ на четы-
е дня пути отъ многихъ весьма людныхъ
ородовъ, на 24 мили отъ Дербенда и на
' дней отъ приморскаго и торговаго горо-
а Ашела, что нынѣ Астрахань. Едризи
азываетъ Ашелъ столицею; онъ говоритъ,
что она состоитъ изъ двухъ весьма насе-
енныхъ городовъ, построенныхъ на обо-
ихъ берегахъ рѣки, которая получила на-
званіе свое отъ самаго города. Король оби-
паетъ на западномъ берегу; купцы и на-
одъ жительствуютъ на противуполож-

1) Здѣсь есть обмолвка или у Автора сего разсужденія, или у его Англійскаго переводчика. Въ извлеченіи Г-на Дегиня написано: „они суть двухъ родовъ, изъ коихъ одинъ бѣлый, другой же русый или рыжій."

номъ. Городъ имѣетъ въ длину около трехъ миль. Казвини говоритъ въ своемъ Предисловіи, что Ашелъ есть имя одного древняго поколѣнія, которое безъ сомнѣнія получило сіе названіе отъ рѣки, омывающей сію страну, впадающей въ это море (Каспійское море); городъ также называется Ашеломъ. Сей народъ недостаточествуетъ въ способахъ къ продовольствію своему, и ведетъ жизнь весьма бѣдную (по причинѣ безплодія своей почвы). Сія маленькая область находится между Хазаріею, Албатіакигъ (1) и Дербендомъ. Въ слѣдующемъ за симъ описаніи сочинитель прибавляетъ, что большая часть ихъ домовъ состоитъ изъ подвижныхъ войлочныхъ шалашей (кибитокъ), изъ чего можно заключить, что Хазары жили такимъ же образомъ, какъ живутъ нынѣ Татарскія поколѣнія въ Россіи, и что ихъ жилища были подобны и теперь употребляемымъ кочевыми народами, Нагайцами, Башкирами и другими; потому не должно удивляться, что городъ Ашелъ или Астрахань имѣлъ до 3хъ миль въ длину. Торговля въ настоящія времена сдѣлала изъ Астрахани городъ красивой и правильный, и Татары Астраханскіе, равно какъ и Казанскіе, перестали уже обитать *юрты* (2). Они строятъ правильные домы каменные

---

(1) Сіе имя есть испорченное названіе Печенеговъ или Пачинасовъ. С. де С.

(2) Скорѣе *кибитки*, ибо между Татарами юрты, иначе землянки, не употребительны.

или деревянные. Ибнъ-Гаукалъ разсказываетъ, что близь Ашела находилось весьма большое число палатокъ, и что въ прилежащихъ странахъ было очень мало земляныхъ домовъ, каковы на примѣръ базары (площади) и бани. Король жилъ въ каменномъ домѣ; но сей домъ былъ единственный въ цѣлой странѣ.

Валангаръ, другой городъ, также какъ Самандаръ и многіе иные, былъ построенъ въ древнія времена Хозроемъ, и лежалъ подъ 85° 20″ долготы и 46° 3″ широты; по таблицамъ Нассиреддина Тускаго, въ немъ находилась столица Королей Хазарскихъ. *Сарай* былъ большой торговый городъ на Волгѣ; онъ былъ преимущественно избираемъ Турецкими купцами для продажи невольниковъ. Сей городъ лежалъ къ сѣверу въ разстояніи двухъ дней отъ Каспійскаго моря и имѣлъ сіе море съ юговосточной стороны. Сарай былъ мѣстопребываніемъ Хановъ Узбекскихъ Татаръ (1).

Ибнъ Гаукалъ упоминаетъ о городѣ Азнудѣ, въ которомъ было столько садовъ, что вся страна отъ Дербенда до Сарира была покрыта увеселительными мѣстами, зависящими отъ сего города. Число ихъ полагали до десяти тысячь. Во многихъ изъ сихъ садовъ воздѣлывали виноградныя лозы. Сей же самый городъ имѣлъ весьма много Мусульманъ между своими жителя-

(1) Здѣсь скорѣе должно понимать Хановъ Татаръ Кипчакскихъ, нежели Узбекскихъ.

ми. Въ немъ находились мечети, и домы были деревянные. Царемъ былъ у нихъ Жидъ, который жилъ въ согласіи съ Хазарами и Князьями Сарира. Разстояніе между симъ городомъ и Сарировъ полагали въ двѣ парасанги. (Онъ долженъ былъ дѣйствительно находиться на сѣверъ отъ Дербенда.)

Абд - Аррашидъ - Якутъ (1) упоминаетъ равномѣрно о городѣ Саксинѣ (Saksin); онъ описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „Это обширный городъ Хазаріи, подъ 86° 30″ долготы и 43° 5″ широты. Жители онаго по большей части Музульмане, раздѣлены на сорокъ колѣнъ; они путешествуютъ и занимаются торговлею. Холодъ у нихъ чрезвычайно суровъ. Ихъ домы покрыты еловымъ деревомъ. Рѣка, тамъ протекающая, шире Тигра, и въ ней ловятъ рыбъ, между коими находятся совершенно особенныя, которыя вѣсомъ равняются верблюду, и изъ коихъ извлекается весьма большое количество жира, употребляемаго въ лампадахъ; сей родъ рыбъ очень вкусенъ. Рѣка сія зимою замерзаетъ и по ней можно ходить безъ всякой опасности.

Тотъ же писатель упоминаетъ еще о другой части Хазаріи, лежащей при берегахъ Волги и которая называлась Боркасъ (2). „Жители оной Могаммедане; они имѣютъ свой особенный языкъ, что самое отличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ народовъ.

---

(1) Читать должно Бакуи вм. Якута. С. де С.
(2) Или лучше Бертасъ. С. де С.

домы у них деревянные; они удаляются въ нихъ на зиму; но во время лѣта разсѣваются по степямъ и пастбищамъ. Въ ихъ краю находятся красивыя лисицы и красивыя куницы, коихъ мѣхъ употребляется на одежду. Ночи въ лѣтнее время весьма коротки; онѣ продолжаются не болѣе часа.“ Казвини говоритъ также объ одной области Казаріи, которая простиралась вдоль по Волгѣ; онъ называетъ ее *БортасЪ* и описываетъ оную такимъ образомъ: „Бортасъ есть страна, длиною простирающаяся на пятнадцать дней; жители ея суть Теамиты (обитатели береговъ), Хазаре (1). Жилищемъ служатъ для нихъ подвижные войлочные шалаши (кибитки).“

„Рѣка Портасъ выходитъ отъ Альбогазгазъ (2) и на обоихъ берегахъ ея находится много мѣстъ, обитаемыхъ и воздѣланныхъ. Изъ страны Бортасъ вывозятъ кожи черныхъ лисицъ, получившихъ отъ сей земли свое названіе. Мащуй удостовѣряетъ, что ихъ вывозятъ оттуда на тысячу дин-

---

1) Въ Аравіи называютъ именемъ *тегама* всѣ низменныя страны, лежащія по берегамъ Краснаго моря, и примѣняясь къ этому способу выраженія, Казвини говоритъ, что жители страны, именуемой Бертасъ, суть *Тегамиты* Хазари.

2) Вмѣсто Богазгазъ читается также *ТагазгазЪ*, и Г. Френъ думаетъ, что сіе имя есть испорченное изъ слова Тунгусъ. С. де С.

нарій; онъ прибавляетъ въ концѣ, что въ Хазаріи находится гора, именуемая Базракъ, которая имѣетъ направленіе отъ юга къ сѣверу, и что сія гора содержитъ серебряные и мѣдные рудники." Наконецъ Нассаръ-Еддинъ упоминаетъ, какъ о мѣстѣ складки товаровъ, объ одномъ городѣ, по имени Абеекунъ, подъ 80° 30′ долготы и 37° 15′ широты и въ четвертомъ климатѣ.

Опредѣлить въ точности мѣста сихъ городовъ было бы самымъ труднѣйшимъ предпріятіемъ и можетъ быть почти неудобоисполнимымъ. Одна орда часто изгоняли другую; нѣкоторыя по различнымъ причинамъ добровольно перемѣняли жилища, и потому тѣ же самыя мѣста получали новыя названія. Города вообще столь же были подвижны, какъ и орды, въ нихъ обитающія. Сіи народы разбирали по частямъ свои войлочныя палатки; если же имъ должно было сохранить ихъ въ цѣлости, чтобы имѣть убѣжище, то они ставили ихъ на телѣги и переносили съ собою. Такимъ образомъ городъ исчезалъ. По этому весьма не легко найти положеніе мѣстечекъ такого рода; сіе возможно только въ томъ случаѣ, когда какой-либо памятникъ письменный сохранилъ бы означеніе мѣста, нѣкогда ими занимаемаго, или бы привело къ тому открытіе значительныхъ развалинъ и остатковъ древностей. Такимъ образомъ двѣ орды поколѣнія Финскаго, Біармы и Сиріанійцы, занимавшіе западный берегъ Урала въ великой Перміи, оставили въ 1372 году мѣста

занимаемыя ими въ семъ умѣренномъ климатѣ, страшась, чтобы Епископъ Стефанъ не возымѣлъ намѣренія обращать ихъ къ своей вѣрѣ; они удалились въ одну изъ холодныхъ странъ сѣвера къ рѣкѣ Оби. Сіи Біармы, Берегміане, или древніе Пермяки и Сиріянійцы, въ то время, какъ находились въ Перміи, были извѣстны по торговлѣ своей съ Персидскою Имперіею и съ Государствомъ Великаго Могола. Товары, идя вверхъ по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ, были перевозимы изъ Булгаріи въ Чердынь, древній торговый городъ на рѣкѣ Кольѣ. Біармы возили какъ произведенія полуденной Азіи, такъ и собственной земли своей въ Печору и на Ледовитое море; они получали въ замѣнъ мѣха для жителей полуденной Азіи. Тамъ они находили Скандинавцевъ, которые отплывали въ Біармландію, т. е. Бирмію, въ ту страну, гдѣ нынѣ Архангельскъ. Развалины городовъ, нѣкогда существовавшихъ въ сихъ сѣверныхъ краяхъ, свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ состояніи своихъ древнихъ обитателей. Вездѣ въ Губерніяхъ Астраханской, Казанской, Оренбургской, Уральской и Тобольской, наконецъ вездѣ, гдѣ обитаютъ народы поколѣнія Татарскаго, можно видѣть остатки рвовъ, стѣнъ, большихъ или маленькихъ городовъ, нѣкогда существовавшихъ, замковъ и укрѣпленныхъ становъ; такъ на примѣръ въ Касимовѣ, на Окѣ, близъ Астрахани и выше, близъ Царицына или на западномъ берегу Волги видны стѣны и развалины большаго

города, которой, можетъ быть, назывался Сарай. Развалины двухъ городовъ Булгаріи, и знаменитаго города Мауджара, близъ Кавказа, не совсѣмъ изгладились; а въ Уфѣ еще находится кладбище, гдѣ видны надгробные камни и самыя гробницы, выложенныя изъ камня. Нынѣшніе жители приписываютъ ихъ народу, обитавшему сей край гораздо прежде завоеванія онаго Русскими, и который совершенно различествовалъ отъ Башкиръ. Видны также вблизи Уфы двѣ мечети, построенныя изъ кирпича, и многіе надгробные камни съ Арабскими надписями; тамъ находятся также большія стѣны и остатки укрѣпленій. (Путешествіе Палласа. Часть II, стр. 10.) Наконецъ значительныя развалины какъ городовъ, такъ и кладбищъ были найдены при Иртышѣ, близъ Тобольска, въ Барабѣ, при устьѣ Урала и въ особенности въ степи Киргизцевъ.

На востокѣ отъ Хазаръ Географы Арабскіе полагаютъ мѣстопребываніе Узовъ (Uzzes) (1), коихъ страна, по мнѣнію Казвини, находится между страною Хазаръ (къ западу), Хазалгихъ (къ востоку), Булгаріею (къ сѣверо-западу) и Каймаломъ كيمال. Я не могу сказать, что за страна была сія послѣдняя (Каймалъ); но безъ всякаго сомнѣнія должно читать Каймакъ كيماك; ибо

(1) Это народъ, иначе называемый Гозы الغز. С. де С.

хотя Казвини и выше сего приводитъ сіе имя, но никакого описанія сей страны не сообщаетъ. Страна Каймакъ долженствовала быть весьма обширною, поелику Эдризи говоритъ (седьмая часть шестаго климата), что восточная вѣтвь рѣки Атела вытекаетъ изъ страны Кармиръ (1) между странами Каймаковъ и Гозовъ, отдѣляя ихъ аулы отъ другой. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Каймакъ граничитъ къ югу Багаргаромъ, къ сѣверу Казалгихомъ, къ западу Калакитами и къ востоку мрачнымъ моремъ (Океаномъ).“ И такъ страна сія долженствовала простираться отъ Волги, Камы къ востоку и заключать въ себѣ всю Сибирь до Океана. Сіе огромное протяженіе теряетъ однакожъ свою важность, если мы разсудимъ, что Арабы не имѣли никакихъ свѣдѣній о всемъ сѣверо-востокѣ Азіи и что они никогда не плавали по морю, которымъ она граничитъ; слѣдовательно они опредѣляли сему морю мѣсто, принадлежащее внутреннему материку Азіи. Это весьма легко замѣтить можно изъ выраженій, употребленныхъ Якутомъ въ предисловіи къ его Географическому Словарю, гдѣ онъ говоритъ: „На краю страны Булгаровъ море стремится къ востоку и между берегами онаго и самою отдаленною частію края, обитаемою Турками, находятся страны и горы вовсе неизвѣстныя, ибо онѣ безлюдны и совершенно безплодны.“ Мнѣніе Ка-

---

(*) Скорѣе *Киргизъ*. С. де С.

нными въ его Введеніи, гдѣ, говоря о границахъ Дайлама, онъ полагаетъ, что сія область смежна съ страною Каймаковъ, не очень согласуется съ положеніемъ сей страны, которое мы сей часъ только обозначили; но можно предполагать, что сіе послѣднее извѣстіе было заимствовано имъ у какого-либо писателя, прежде бывшаго: ибо, ознакомясь съ изученіемъ географовъ Арабскихъ, мы узнаемъ, что способъ, обыкновенно ими употребляемый для большей полноты въ описаніяхъ земель, заключался въ томъ, чтобы переписать снова все, что говорено было объ нихъ предшественниками какъ древними, такъ и новѣйшими, не принимая въ разсужденіе, относится ли сіе или нѣтъ ко времени, въ которое они писали. Впрочемъ, мы можемъ предполагать, что часть народонаселенія (можетъ быть нынѣшніе Калушкы) отдѣлилась отъ своего поколѣнія въ весьма отдаленное время и переселилась въ сію землю. Но обратимся къ Узамъ.

Сей народъ происходилъ отъ Гунновъ, равно какъ Турки, Хазары и Туркоманы. Сначала населяли они, вѣроятно, землю Калмыковъ, а потомъ заняли горы, находящіяся между Малою Бухаріею и странами, лежащими по ту сторону рѣки Окса (Oxus), Соединясь въ послѣдствіи съ Хазарами, какъ увѣряютъ насъ Византійскіе писатели, они изгнали Печенѣговъ (Patsinaces) изъ странъ, орошаемыхъ Яикомъ и Волгою, и сами тамъ поселились. Узы суть

то же, что Кузи (Khouzy) (1) Арабовъ. Они граничили къ западу землею Хазаръ, къ востоку Яикомъ, и простирались къ югу, можетъ быть, до Каспійскаго моря, а къ сѣверо-западу до Булгаріи; они безъ сомнѣнія доходили весьма далеко къ сѣверу, но трудно будетъ сказать что-либо опредѣлительное по сему предмету. Около двѣнадцатаго столѣтія они должны были оставить страны, лежащія между Волгою и Яикомъ, или, продолжая занимать ихъ, въ то же время распространились къ Дону и еще далѣе къ западу; ибо находимъ ихъ уже тамъ въ семъ вѣкѣ. Къ концу тринадцатаго столѣтія они утратили свое политическое существованіе какъ народъ, подверглись игу Монголовъ; не взирая однакожъ на сіе, весьма вѣроятно, что они не совершенно исчезли, ибо Гюльденштедтъ думаетъ, что Оссеты, небольшое поколѣніе на горѣ Кавказской, къ югу отъ большой Кабарды, суть остатки Узовъ или Половцевъ, удалившіеся въ край сей послѣ совершеннаго ихъ разбитія Русскими въ 1110 году.

Вотъ описаніе страны, занимаемой Узами, дѣлаемое Казвиніемъ. „Страна Узовъ," говоритъ онъ, „лежитъ на западъ отъ земли الادكش Алодкошей (des Alodcosch). Она весьма обширна, и сосѣдствуетъ къ востоку, сѣверу и западу къ землямъ обработан-

---

(1) Надобно было написать *Гоцы* или Гуцы. С. де С.

нымъ. Она содержитъ въ себѣ весьма крутыя горы, на которыхъ находятся многія крѣпости. Одна рѣка, вытекающая изъ горы Морганъ (одна изъ горъ Уральскихъ), течетъ по странѣ ихъ, выходя отъ сѣвера. Въ сей рѣкѣ часто находятъ въ большомъ количествѣ золотой песокъ и со дна ея достаютъ *лапис-лазури* (голубой сафиръ); въ лѣсахъ весьма много попадается чистаго золота (1) и лисицъ желтаго, золотистаго цвѣта, изъ коихъ мѣха носятъ на себѣ Цари сего края; мѣха сіи весьма дорого цѣнятся. Вывозъ оныхъ строго запрещенъ, и всякое нарушеніе по сему случаю, если оно откроется, наказывается весьма жестоко. Такимъ образомъ описываетъ ихъ Казвини. Едризи (осьмая часть пятаго климата) говоритъ почти то же самое, но съ большими подробностями. Онъ повѣствуетъ, между прочимъ, о мѣстахъ Гіамъ (d'Hyam) и Джаганъ (Djagan), лежащихъ при судоходной рѣкѣ Рудгѣ (Roudha), которая течетъ отъ востока, прибавляя, что въ лѣсахъ находится весьма много бобровъ, коихъ мѣхъ прекрасенъ и волосъ весьма по-

---

(1) Сочинитель сего разсужденія замѣчаетъ, что вмѣсто *чистаго золота* должно вѣроятно поставить *бобровъ*, и что въ этомъ мѣстѣ вѣроятно ошибся переписчикъ, написавъ تبر золото ببر боберъ. Сія поправка принята и Г. Френомъ, и потому ее можно принять за дѣйствительно необходимую. С. де Саси.

нокъ. Сіи живошныя весьма высоко цѣняшся; ихъ наловили во множесшвѣ и переправили черезъ Каспійское море въ страны Румъ и Арменію.

По положенію, приписываемому странѣ Узовъ, не льзя сомнѣваться, чтобъ сей народъ не обиталъ почти тамъ, гдѣ мы находимъ нынѣ Башкировъ, т. е. въ Губерніи Оренбургской, въ окрестностяхъ рѣки Бѣлой (Balaya), между Камою, Волгою и Ураломъ, въ южной части цѣпи Уральскихъ горъ. Сія часть земли извѣстна и въ наше время изобиліемъ своимъ въ лѣсѣ, металлахъ, рыбахъ, точно такъ какъ Арабы описывали страну древнихъ Узовъ; это самое, кажется, подтверждается слѣдующимъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ, что Эдризи (седьмая часть седьмаго климата) говоритъ о странѣ, называемой имъ *Басгиретъ* (Basghiret), странѣ, которая, по его мнѣнію, простиралась далеко на сѣверъ, и была отдѣлена отъ земли Узовъ снѣжными вершинами *Моргана* (или, какъ онъ говоритъ, *Моргара*), вѣтвь хребта Уральскихъ горъ, о которой упоминали мы выше. Онъ прибавляетъ, что въ самой отдаленной части страны, называемой *Басгиретъ*, находятся два маленькіе города, *Мазира* и *Казира*, которыхъ купцы почти никогда не посѣщаютъ, потому что жители оныхъ умерщвляютъ чужестранцевъ. Сіи два города лежатъ на одной рѣкѣ, втекающей въ *Итилъ*.

Къ востоку отъ Увовъ, Арабскіе географы помѣщаютъ особенный родъ людей, называемыхъ Алодкошъ (1), которые, по мнѣнію Казвинія, были изъ рода Турокъ, то есть изъ отрасли, носящей имя Турокъ или Татаръ. Они имѣли широкія лица, большую голову, маленькіе глаза, густые волосы; ихъ страна далеко простирается въ длину и въ ширину; она пользуется многими преимуществами, и способы къ существованію тамъ весьма изобильны; къ западу граничитъ она страною Узовъ. Тамъ находятъ значительное множество четвероногихъ, лошадей, коровъ и овецъ и большое количество молока и меда. Если кто-либо убьетъ барана, то иногда съ трудомъ найдетъ гостей для съѣденія онаго;

(1) Вмѣсто *Алодкошъ* لادكوش, или отнявъ членъ Арабскій *Одкошъ* لاكوش, Г. Френъ нашелъ въ другомъ мѣстѣ انكش или انكى, и онъ думаетъ, что сіе испорченное имя есть ничто иное какъ *О—ніе*, Хана Турецкаго Гоеика, царствовавшаго надъ симъ народомъ съ 846 года нашей эры, до 848. Онъ даже удивляется, что Дегинь, признавшій Турковъ Гоеика въ народѣ, именуемомъ *Одкошъ* географами Арабскими, не замѣтилъ тождества въ именахъ *О—ніе* и *Одкошъ*. Ни мало не отвергая возможности сего остроумнаго сближенія, сознаемся однакожъ, что оное подлежитъ сомнѣнію. С. де С.

лошадиное мясо ихъ предпочтительная пища, а кобылье молоко составляетъ главное питье.

Изъ всего предыдущаго весьма можно заключить, что сія орда долженствовала, подобно буйнымъ и воинственнымъ Киргизамъ, обитающимъ нынѣ восточную степь рѣки Урала, составлять племя кочующее, и которое, безъ сомнѣнія, столь же мало упражнялось въ земледѣліи, сколько занимаются имъ сіи послѣдніе. Древніе жители питались преимущественно лошадинымъ мясомъ; Киргизы питаются бараньимъ мясомъ; но любимое питье древнихъ и новыхъ жителей было кобылье молоко или *кумысъ*, какъ называютъ его Татары, питье весьма уважаемое, сдѣланное изъ кобыльяго молока окисленнаго, вареннаго или сыраго; сіе питье, когда оно окислено, столь питательно, столь пріятно вкусомъ и въ то же время столь крѣпко, что съ одной стороны оно придаетъ наружный видъ здоровья и свѣжести и укрѣпляетъ слабое тѣлосложеніе, тогда какъ съ другой приводитъ въ упоеніе, если бываетъ употреблено съ излишествомъ. Сія степь, какъ описываютъ ее Рускіе путешественники, есть безпредѣльная равнина, открытая, безплодная, гдѣ находятся обширныя песчаныя полосы; удобной земли весьма мало, а того менѣе еще лѣса; въ ней нѣтъ также воды прѣсной, способной къ питью, но она заключаетъ великое множество озеръ, коихъ вода солоновата; земля слѣдователь-

но остается тамъ безъ всякаго обработыванія; но лошади, рогатый скотъ, бараны и въ нѣкоторыхъ частяхъ верблюды пасутся тамъ безчисленными стадами. Сближеніе, дѣлаемое нами страны *Алодкошей* (Alodkosch) съ степью Киргизцевъ, предлагаетъ однако же одно затрудненіе, которое едва ли отстранить можно. Казвини и Эдризи оба упоминаютъ о большомъ морѣ, или озерѣ, называемомъ Тегама (Téhama), котораго окружность полагаютъ они въ двѣсти пятьдесятъ миль, и котораго вода, по ихъ мнѣнію, была темнозеленаго цвѣта, хорошаго запаха и приятна для питья; въ семъ морѣ находилось весьма много плоскихъ рыбъ, которыя Турки (Татары) ѣли съ большою жадностію, ибо почитали ихъ самымъ сильнымъ возбуждающимъ средствомъ (aphrodisiaque). Хотя озеро дѣйствительно находится въ южной части сей страны; но ни на Киргизской степи, ни въ сосѣдствѣ оной, мы не видимъ на географическихъ картахъ нашихъ моря, имѣющаго двѣсти пятьдесятъ миль въ окружности, около девяноста трехъ нашихъ миль (1), или четыреста семнадцать миль Англійскихъ; мы находимъ только тамъ нѣсколько соленыхъ озеръ различнаго протяженія, но весьма малозначительныхъ. Посему мы и не будемъ стараться опредѣлить положеніе сего моря.

---

(1) Не должно забывать, что сочинитель сей статьи Датчанинъ.

СТРАНСТВОВАНІЕ КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ІЕРОДІАКОНА ЗОСИМЫ.

Инокъ Зосима, діаконъ Троицко-Сергіевой Лавры, находился въ Кіевѣ и потомъ (какъ говоритъ самъ), желая видѣть Святыя мѣста на Востокѣ, *съ купцы и вельможами великими* отправился въ Царьградъ. Отсюда онъ ѣздилъ въ монастыри Аѳонской горы, посѣтилъ городъ Солунь и, въ 6928 или 1420 году, на Страстной недѣлѣ, прибылъ въ Іерусалимъ. Нашъ странствователь хвалится, что никто лучше его не видалъ Святаго града и тамошнихъ окрестностей; опровергаетъ неосновательные разсказы, слышанные имъ, безъ сомнѣнія, у себя дома. Въ нѣкоторыя Палестинскія мѣста онъ сопровождалъ Іерусалимскаго Патріарха Ѳеофила. Упоминая о Царьградскомъ (женскомъ) монастырѣ *Липеси* (του λίβος (*)), іеродіаконъ Зосима сказываетъ между прочимъ: *тутъ лежитъ Царица Руская Анча (ч. Анна), дочь Московскаго Вел. Князя Василія Дмитреевича, внука Вел. Князя Александра Литовскаго, зовемаго Витовти.* Далѣе: *Вся сподобихся видѣти* (въ Царьградѣ) *якоже преже бѣхъ коли съ Княжною, въ царство благочестиваго Царя киръ Мануила, и въ то время вѣнча сына своего старѣйшаго, Калуяна, на царство Греческое, состарѣвшуся ему.* Изъ сего справедливо заключить можно, что онъ находился въ свитѣ Княжны Анны Василіевны, когда она (въ 1411 или 1414 году) прибыла въ Царьградъ, для бракосочетанія съ сыномъ Императора Мануила, Іоанномъ (или Кало-Іоанномъ) Палеологомъ. Это извѣстіе весьма важно; ибо относительно сей родственной связи Государя Московскаго съ Императорскимъ Византійскимъ домомъ (и времени

(*) λίψ, родит. λίβος, значитъ *камень водоточный.*

оной) извѣстія нашихъ *Лѣтописцевъ* и Историковъ темны и сбивчивы (*). — Записки Зосимы не были еще напечатаны. Онѣ находятся въ одной рукописи (средины XVI вѣка), принадлежащей драгоцѣнной библіотекѣ Е. С. Графа Ѳ. А. Толстаго (въ Отдѣл. II. No 393, л. 72 — 92), подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Книга, глаголемая Ксенохъ (ч. Ксеносъ), сирѣчь Странникъ, Зосимы діякона, о пути Іерусалимскомъ, до Царяграда и до Іерусалима.* Я списалъ сію статью и здѣсь напечаталъ съ буквальною точностію, исправивъ только правописаніе и (весьма немногія) явныя описки.

Іюля 16, 1828. *П. Строевъ.*

Хоженіе и бытье грѣшнаго инока Зосимы, діякона Сергіева монастыря. Поневже глаголетъ Писаніе: тайну Цареву хранити добро есть, а дѣла Божія проповѣдати преславно есть; да еже не хранити Царевы тайны неправедно и блазнено, а еже молчати дѣла Божія, то бѣду наноситъ души своей. Тѣмже и азъ боюся дѣла Божія таити, воспоминая муку раба оного, пріимшаго таланть Господень, въ земли скрывшаго, а прикупа имъ несотворша. И никтоже ми не вѣруетъ отъ васъ, Русстіи сынове, слышавше написаніе; не мните же мене гордяща о хоженіи семъ. Аще ли суть

(*) См. *Никонов. Лѣтоп.* Ч. V. стран. 41. *Софійск. Временникъ* Ч. I. стран. 446. Карамз. *Истор.* Ч. V. стран. 224, 277 и прим. 231. Стриттер. *Истор.* Ч. III. стр. 108 и род. Росс. I. степ. 17. *Memoriae populor.* Ч. II. стран. 1033. — Кн. Щербатовъ (*Истор.* Т. IV. Ч. I. стр. 262 и 580) изъ одной Княжны Анны сдѣлалъ двухъ.

ниперы, чтуще книги сія, и высоте и словеси моему дивящеся и не хотяще веровати; буди имъ милость Божія: ти бо, немощь человеческу помышляюще, неприятно нами творять, глаголемая еже о хожении и о бытьи моемъ; то уже подобаетъ ми начати. — Отъ Рускія страны и стольна града Москвы, изъ великія Лавры преподобнаго Игумена Сергія, потщахся постигнути славный градъ Кіевъ, иже бѣ *мати всѣмъ градомъ Рускимъ* (*): и пребыхъ въ Лаврѣ, еже зовется Кіевская печера, у гроба преподобнаго Антонія Игумена и Ѳеодосія, полъ лѣта, возмыслихъ и хотѣхъ видѣти Святая мѣста, идѣже Христосъ своими стопами походи, и святіи Апостоли последоваху Ему, и святіи Отцы паки идѣже спасахуся. И идохъ отъ Кіева съ купци и съ вельможами съ великими, и идохъ 30 миль (а миля по 5 верстъ), и обрѣтохъ рѣку велику, въ Одольской земли, еже зовется Богъ; и ту стояще градъ Бряславъ, и ту стояхомъ недѣлю. И поидохомъ въ поле Татарское, и идохомъ 50 миль дорогою Татарскою, еже зовется на Великій Долъ; и обрѣтохомъ рѣку велику, подъ Митеревыми Кышинами, еже зовется Нѣстръ. Тутъ баше перевозъ и порубежье Воложское: объ ону страну Волохове перевозъ емлютъ, а о сю страну Великаго Князя Витовтовы; и тамгу емлютъ, и тѣмъ ся обои дѣлятъ. И от-

(*) Это напоминаетъ слова Олеговы, по взятіи имъ Кіева. См. Карамз. *Истор.* Ч. I. стр. 125 и прим. 296.

шолѣ 3 дни до Бѣлаграда, по Волошской странѣ, и пребыхомъ въ Бѣлѣградѣ двѣ недѣли; оттуду 9 верстъ до моря. На самомъ устьѣ Нѣстра столпъ стоитъ, еже зовется Фонарь, и ту бяше пристанища корабленая. И наидохомъ себѣ корабль, идохомъ на море, и быхомъ на морѣ 3 недѣли; егда съ нужею доидохомъ устья Цареградскаго: тогда бываетъ фуртина великая и валове страшнія, предъ Филиповымъ заговѣньемъ. И достигохомъ Царскаго-града, и быхомъ во Царѣградѣ 10 недѣль, и обходихомъ вся святая мѣста. Первое поклонихся святой великой церкви Софѣи, идѣже Патріархъ живетъ; и цѣловавъ образъ Господа нашего Іисуса Христа, иже предъ нимъ грѣхи своя исповѣдаютъ, иже срама ради немощно исповѣдати духовнику; еже зовется: Спасъ-Исповѣдникъ. И образъ Пречистыя, иже во Іерусалимѣ, иже бесѣдовалъ къ Маріи Египтяныни; и святаго Арсенія мощи Патріарха; и гробъ Кирика трилѣтнаго; и камень, во олтари, иже съ Самарянынею на кладези Іаковли бесѣдова; и трапезу Авраамову, на нейже Авраамъ учреди святую Троицу, подъ дубомъ Мавріійскимъ; и одръ желѣзный, на немъ же мученикъ святыхъ мучили, и до нынѣ знати кровь мученическая на немъ; и посохъ Златоустаго Іоана вверху стоитъ, въ степени врата великая церковная; и Ноевъ ковчегъ туже близь святыя Софѣи; и монастырь Одѣгитрія, въ немъ же чудо Пречистая творитъ во всякій во вторникъ.

Близь того монастыря два монастыря: Лазарь четвероденевный, и въ немъ мощи его запечатлѣны въ столпѣ, и сестра его Марія; и другой Лазарь, Епископъ Галасійскій. Туже близь женскій монастырь и прочая, ту глава Іоана Златоустаго. Близь же того другій монастырь, святый Кипреянъ волхвъ во своемъ тѣлѣ; и инъ монастырь, святый Андрей уродивый Христа ради, иже и донынѣ бѣсныхъ исцѣляетъ. Таможе, близь святыя Софѣи, монастырь женскій Панахранъ; да тутъ глава Василья Кесарійскаго, и стопы свяшаго Апостола Павла на камени воображени добрѣ. Близь же святыя Софѣи, Христосъ-Милостивый, монастырь женьскій: вода есть святая въ немъ подъ церковью, въ песокъ ноги копающе прокаженнiи и болящи исцѣленье прiемлютъ безчисленно. Близь же того монастыря женски монастырь Панданасый, и тутъ часть отъ страстей Христовыхъ, и отъ ризъ, и отъ крови, и отъ власовъ Пречистыя. И туже великій монастырь Юрья Монгана, въ немъ же многи мощи святыхъ. Предъ дверьмиже святыя Софѣи столпъ стоитъ, на немъ же Царь Устiянъ стоитъ на кони: конь мѣдянъ, и самъ мѣдянъ вылитъ, правуюже руку держитъ распростерту, а зритъ на востокъ, хвалится на Сороцинскіе Цари; и Сороцинскіе Цари противъ ему стоятъ, болваны мѣдяны, держатъ въ рукахъ своихъ дань и глаголятъ ему: не хвалися на насъ, Господине, мы ся тебѣ ради, противити начнемъ; въ друзѣй же руцѣ

держитъ яко яблокъ златъ, а на яблоцѣ крестъ. А оттуду есть, яко стрѣловище, мѣсто зовется Подорожье, урыстаніе конское: и тутъ столпъ на спѣ, сопъ есть человѣки съ 3 высота его, на спѣ томъ лодыги 4 мраморены, а на лодыгахъ тѣхъ поставленъ столпъ; высота его 60 сажень, а ширина его 3 сажени, единъ камень безъ става. И ты, человѣче, не моги тому подивитися: кто то есть ставилъ, какіе се были люди? И возлѣ стоитъ столпъ, три главы аспидовы мѣдяны сплѣтены вмѣсто, а въ нихъ запечатанъ ядъ зміинъ: то, кого ухапитъ змія внутрь града, сіи прикасаютъ и исцѣлеваютъ; аще ли внѣ града, то нѣсть исцѣленья. Повышеже Подромы стоитъ столпъ, и вверху крестъ, гдѣ былъ дворъ Царя Костянтина, и въ немъ запечатаны акрухи Христовы 12; и Ноева ковчега сѣкѣра, чѣмъ Ной ковчегъ дѣлалъ; и камень, иже изъ него Моисей воду источи. И есть столпъ, идучи къ Студійскому монастырю, весь подписанъ, что на свѣтѣ есть; сіи столпъ поставилъ Царь Аркадей и на память свою. Во святѣй же Апостольстѣй церкви стоитъ столпецъ, у него же Жидове Христа вязали; а другой столпецъ, у него же плакася Петръ Апостолъ, коли отвергся Христа. Въ той же церкви великій Спиридоней и святый мученикъ Поліектъ лежитъ; и гробъ Царя Костянтина, и матери его Елены, и многихъ Царевъ правовѣрныхъ; и образъ Господа нашего Іусуса Христа, емуже исповѣдася мнихъ, вдаръ

во блудъ (иже въ Патерицѣ писанъ), иже предъ образомъ исповѣдашеся и паки въ блудъ впался. И предъ враты великими церковными стоитъ столпъ велми высокъ, а на столпѣ стоитъ Ангелъ страшенъ великъ и держитъ въ руцѣ скипетръ Царяграда; и противъ ему стоитъ Царь Костянтинъ, держитъ въ рукахъ своихъ Царьградъ и даетъ его на соблюденіе тому Ангелу. Монастырь же великій Пандракратовъ, еже зовется по-Руски Вседержитель, въ немъ же стоитъ дска, на ней же Христа несли ко гробу; на ней же слезы Богородицы Марія и доынѣ знати, бѣлы яко млеко. Тутъ же главы Фрола и Лавра, и Якова Перскаго, и Стефана Новаго рука, и преподобный Новый Михаилъ; и судно то, во олтари, еже Христосъ воду въ вино претвори, въ Кана Галилейстѣй. И въ сторонѣ того монастыря, съ два перестрѣлища, зовется монастырь Аполикапти; предъ враты монастыря того лежитъ жаба каменна: сія жаба, при Цари при Львѣ Премудромъ, по улицамъ ходя, сметіе жерла, а метлы мели; и востанутъ людіе поряду, а улици чистыи. Ту есть монастырь Филастропосъ, въ немъ же мощи святаго Климента Ангирьскаго, и Өеофанія Царя Льва Премудраго. Монастырь Сехаритоменитъ: ту лежитъ Іоанъ Дамаскинъ. Въ Лахерицѣй же церкви лежитъ честная риза и поясъ святыя Богородица Марія, и мощи святаго Потапія. Въ монастырѣ же Перептѣ рука Іоана Предтечи, коею Христа крестилъ;

и глава Григорья Богослова; и попъ Григорей Никомидійскій, и глава Татьяны мученици; мощи святыхъ Мученикъ многихъ туже. Того монастыря близь доспѣты 2 болвана каменны, велики; сеже были при Львѣ Царѣ Премудромъ правосудьи. Монастырь туже стоитъ Подромиту: и ту стоятъ страсти Христовы, и риза Спасова; и копье, чѣмъ его проболи; и тросць, на чемъ то было копье насажено; и губа, чѣмъ его напоили отцета и желчи; и кровь Христова, кою икону Жидове проболи во градѣ Верутѣ; и хлѣбецъ, кой на вечери хлѣбецъ яде со ученики своими Господь, во святомъ Сіонѣ; камень, кой клали Жидове подъ главу Христову; и власи Пречистыя Богородици и млеко. Монастырь женскій: тутъ лежатъ мученици Козма и Дамьянъ; ту лежитъ преподобная Елисаветъ; и блаженная Өомаида посѣчена отъ свикра, иже въ Патерицѣ писано: жена была рыболовля, мужъ ея пошелъ на рыбу, отецъ его восхотѣ съ нею впастися въ блудъ, онаже бѣ мудра и богобоязнива, не дасться ему, онъ же разъярився похотію плотскою посѣче ея съ яростью; и дасть ей Богъ исцѣленья, на кому брань плотская приходитъ, и прикаютъ, и поклоняются гробу ея, и абіе отходитъ брань молитвами ея. Монастырь Вергетисъ: тутъ лежитъ Өеодосія дѣви. Монастырь женьскій Липеси: тутъ лежитъ святый Стефанъ и Царици Ирина; Царица Руская Анчя, дочь Московскаго Великаго Кн

зя Василья Дмитреевича, внука Великаго Князя Александра Литовскаго, зовемаго Витовта. Монастырь же Герамартасъ: ту лежитъ Марія Клеопова и Иваннъ Воиникъ. Монастырь женскій Повасильясъ: ту лежитъ святая Калія бѣлица; мужъ ея былъ богатъ и гостилъ по морю 3 лѣта, онаже мудра и богобоязнива и милостива, и раздая имѣніе безъ мужа все, мужъ же ея прищедъ и замучи ю, онъ творитъ, что въ лихое дѣло подая; и дастъ ей Господь исцѣленье, хроміи и болніи гробу ея біютъ челомъ и исцѣляются. Монастырь великій Студійскій: тутъ лежитъ Еуѳимей Патріархъ; и мvро Дмитреево въ рацѣ стоитъ, близь вратъ Студійскихъ; и внѣ града зовется Нигіи, тамъ вода есть святая Пречистыя, исцѣленье подаетъ много болящимъ. И туже, близь монастыря, церковь святый Пророкъ Данилъ; и гробъ, внутрь во церкви, возлѣ стѣну, на дву львахъ. Царьградъ стоитъ на 3 углы, двѣ стѣны отъ моря, а 3-я отъ западу, приступъ ратныхъ. Въ первомъ углѣ, отъ Бѣлого моря, Студійскій монастырь. Во 2-мъ углѣ святаго Юрья монастырь Монганъ; сей бяше первое градецъ былъ малъ, зовется Византи, напротивъ Скутаря. Зовется Скутарь мѣсто, на оной странѣ моря, торговище: съѣзжаются Турчане, а съ сея страны Греки и Фрязове, и торгуютъ межъ собою. Въ 3-мъ углѣ стоитъ церковь Лахерна. Отъ Лименія повыше мало Царева полата; а за Лименемъ стоитъ Фряжской градъ, красенъ и хоротъ доб-

рѣ. Сіиже вся сподобихся видѣти, и поклонитися страстемъ его и святымъ его угодникомъ, якоже преже бѣхъ, коли со Княжною, во царство благочестиваго Царя киръ Мануила; и въ то время вѣнча сына своего старѣйшаго Калуяна на царство Греческое, состарѣвшуся ему. Имяше убо Царь Мануилъ 6 сыновъ: 1 сынъ Канулъ, сирѣчь Іоанъ, иже нынѣ Царь въ Костянтинѣградѣ; 2 сынъ Андроникъ, Деосподъ Селуня града; 3 сынъ его Θеодоръ, Деосподъ Аморейскія земли; 4 сынъ его Костянтинъ, Деосподъ Чермнаго моря; 5 сынъ его Дмитрей, Деосподъ Милійскія земли; 6 сынъ его Θома, сей бяше у отца, въ полатѣ еще есть. И предъ Святымъ Вселенскимъ Соборомъ и Патріархомъ: се киръ Іосифей, иже много ползоваху ученици его. Сіиже великіи церковници: великій Θрономилатъ, 2 Сакиларій, 3 Скиоилакосъ, 4 Сакилаосъ. Во святѣй же Софѣи 7 кладязей, и подъ нею езеро. Се азъ, грубый ермонахъ Зосима, смотрихъ и поклонихся, и поминахъ въ молитвѣ кто до меня Рускыхъ сынов добръ. И поидохъ въ корабль, изъ Костянтинаграда, и идохъ 100 миль узкимъ моремъ, и минухомъ островъ Мармаръ: в семъ островѣ Царигградци колютъ мармаръ и мостятъ церкви и полаты во Царѣградѣ. И оттуду минухомъ 60 миль, и минухомъ градъ Каливолъ (тутъ бяше перевозъ Туркомъ), и оттуду другіе 60 миль идохомъ; тутъ бяше устье вышло на великое море Понтійское, еже зовется Бѣлое, и тутъ

стояще градъ Троада, на самомъ устьѣ; выходятъ на великое море: поитти направо ко Святѣй горѣ, и къ Селуню, и ко Арменской земли и къ Риму; на лѣвоже ко Іерусалиму. Идучи отъ устья 10 миль, минухомъ островъ Зигрій; оттуду 300 миль островъ Лимвры; оттуду плыхомъ 100 миль и минухомъ островъ Лимносъ; и оттуду плыхомъ 60 миль подъ Святую гору, и взыдохомъ на Святую гору, и поклонихомся по всѣмъ церквамъ и въ монастырѣхъ на святомъ версѣ; а то не поклонихся на праздникъ Преображенья. Всѣхъ же монастырей во Святѣй горѣ 22. Сеже имена имъ: 1 Лавра, 2 Ватопедъ, 3 Хилондаръ, 4 монастырь Рускій, зовется святый Пантелемонъ, 5 Пандакраторъ, 6 Свимонъ, 7 Верверскій, 8 Зуѳгри, 9 Дохіаръ, 10 Ксенохъ, 11 Алупъ, 12 Капакалъ, 13 Култумосъ, 14 Протатій, 15 Ксерапоталъ, 16 Ѳилитои, 17 Валилевпиргій, 18 Павлова пустыня, сеже общая житья, 19 Деонисьевъ монастырь, 20 Григорьевъ монастырь, 21 Симона Петране, 22 Кастомонитъ. И благословихся отъ Святогорскихъ отецъ, и поидохъ въ Селунь, по суху, иже сподоби мя Христосъ видѣти: и поклонихся гробу святаго великаго мученика Христова мvроточца Дмитрея и преподобныя Ѳеодоры черноризици мvроточици, иже непрестанно мvро точитъ, яко отъ источника текуща отъ лѣвыя ноги; лохания бо стояще чрезъ годъ, и снимаютъ съ нея порты, омочены яко въ масло отъ

мура того, и раздаютъ себѣ на благословеніе правовѣрнім Крестьяне, на нояже воздѣваху новые порты; онаже лежаше аки жива сущи, послушница бо была въ монастырѣ. И сія вся сподоби мя Христосъ видѣти и поклонитися. Ещеже ми ся приложи желанье къ желанью: восхотѣхъ видѣти святый градъ Іерусалимъ, еже Господь нашъ Ісусъ Христосъ страсти подъятъ, спасенія ради нашего, и поклонитися живодавному гробу. И благословихся отъ господина Митрополита Вселунскаго киръ Іоана и Симеона: тогда бо, въ .лѣ дни, Митрополитъ поиде въ кораблъ; и плыхомъ не мало дени, и минухомъ островъ Лимоносъ, и пріидохомъ во островъ Хіосъ, и пристахомъ ту, и быхомъ не мало дени. И въ семъ сидитъ Капитанъ, сірѣчь Князь, отъ Земи великія; въ томъ островѣ родится масти, и рожки, и шелкъ, и всякъ овощь. И оттуду идохомъ немало дени, кораблемъ, и пристахомъ ко острову Патому, идѣже былъ Іоанъ Богословъ, Апостолъ Христовъ, у Романы жены баню сжеглъ, на томъ мѣстѣ его монастырь; святый Іоанъ Богословъ церковь на томъ мѣстѣ поставилъ, и Евангельская словеса писалъ, и гробъ его ту. Такоже и церковь внѣ града, поприще едино. И оттуду поидохомъ Понтійскимъ моремъ, 800 миль, и пристахомъ въ Палестинская мѣста; егда съ нужею доидохомъ святаго града Іерусалима, злыхъ ради Арапоръ. И пріидохъ первіе во святое Воскресеніе, на самый праздникъ, на Великъ день,

и бихъ челомъ живодавному гробу Господа нашего Ісуса Христа многажды. Видѣхъ святый свѣтъ небесный: о десятомъ часу дени, въ великую Суботу, зажигаются паникадила надъ гробомъ Божіимъ невидимо. О зажженіи же глаголютъ иніи, яко молнія сверкаетъ; а иніиже глаголютъ, яко громъ грянетъ; а иніи глаголютъ, яко голубь во устѣхъ своихъ огнь носитъ; а все то есть лжа и не истинна, занеже азъ видѣхъ Зосима, грѣшный дьяконъ. Не хвалюся, глаголю, никтоже тако видѣ Іерусалимская мѣста, якоже азъ грѣшный паки видѣхъ: пребыхъ лѣто цѣлое во Іерусалимѣ, и за Іерусалимъ ходя по Святымъ мѣстомъ, и подъяхъ раны доволны отъ злыхъ Араполь, азъ грѣшный, и все терпя за имя Божіе; поминахъ Апостоли и мученици, что они подъяша за имя Божіе, азъ же ничтоже вмѣнихъ и терпя со благодареніемъ: занеже, аще доиде кто Іерусалима, гробъ быхъ видѣ; а за Іерусалимъ никтоже поитти можетъ, злыхъ ради Араполь, бьютъ бо безъ милости. У гробаже Господня поминахъ азъ грѣшный вся, иже отъ нашего предѣла Рускія земли, Князи и боляре и всѣ православные Кресьяне. Еще .... трясутся и плещутъ руками попы ихъ, со Евангеліемъ, но съ трисолнечники; и воспросихъ Патріарша попа: что есть то за ересь? Онъ же ми рече: что во Псалтыри писано (вси языци восплещите руками), и они тому вослѣдуютъ и радуются, что воскресе. Шестая Яковиши за гробомъ Бо-

жіимъ; а прошивъ 7-я Несторьяне, яко в бильца вишіи бьютъ, ходятъ, что Христосъ воскресе. И быхомъ внутрь во церкви, ю святомъ Воскресеніи, 3 дени, въ великую Пятницу и въ Субботу; въ субботу замчены, и на Великъ день Патріархъ Ѳеофилъ литоргію отпоетъ уже тако, какъ зоря на дворѣ, и сѣдохомъ на трапезу у Патріарха, и вкусихомъ брашна на Пасху. Ту бяше отъ всѣхъ мѣстъ черноризцы, Игумени, и со удолія Асаѳатова, и изъ Савина монастыря, изъ Предотечева, и со Ордана Игуменъ Лазарь своею братьею, и инѣхъ монастырей; ту бяше азъ грѣшный Зосима. И восходящу солнцу, яко бысть часъ 1, пріиде Амира, со всѣми своими слугами, отомкнетъ церковь, отпечатаетъ и выпуститъ всѣхъ; Амира же такоже велитъ замкнути и запечатати. Патріархъ же Ѳеофилъ такоже поиметъ всѣхъ старцевъ во свою Патріархію, и почнутъ ся веселитъ духовнѣ и тѣлеснѣ; и веселився доволно и поидутъ кождо во свояси. Оканніиже Сарацыніи вси церкви Крестьяньскія запечатаютъ, глаголюще: нѣстъ у васъ праздника, откупайте. Другую же литоргію пѣлъ Патріархъ, на Антипасху, у гроба Господня; а чрезъ весь годъ замчена церковь святое Воскресеніе и печать Салтана Египетскаго: олны пріидутъ поклонщики нѣоткоторыхъ странъ, Амира церковь отпечатываетъ. Патріархъ же поетъ во другой церкви; тутоже святая церкви. И отшуду поидохомъ въ Гепсиманію, и бихомъ челомъ пречистыя Мате-

ри Божія. И оттуду, мало поступя, есть печера въ горѣ Елеонстѣй, идѣже Христосъ со ученики водворился; и ту бихомъ челомъ. И оттуду, яко верженіе камени, есть мѣсто, гдѣ Христосъ отходилъ отъ ученикъ своихъ, моляся Отцу своему: отче мой, мимо неси чашу сію отъ мене! Ту лежатъ въ камени. И оттуду поидохомъ на горы Елеонскія, отнюду же Господь вознесеся на небеса; и ту стоитъ церковь святое Вознесенье. Посреди церкви есть камень лежитъ, долгъ, не широкъ, а надъ нимъ кіотъ мраморенъ; а на камени томъ есть ступени Христова, и бихомъ челомъ ту, и цѣловахъ ступень ту. И мало поступя, есть 2-я церковь мала, въ ней же Пелагія блудница, и гробъ ея отъ стѣны яко лакоть: и кто хощетъ поитти мимо гробъ ея, и она не пускаетъ, аще недостоинъ. И оттолѣ поидохъ на гору Сіонскую, и ту стоитъ церковь святый Сіонъ, мати всѣмъ церквамъ: сія убо стала первая, по распятьи Христовѣ, во Іерусалимѣ; ту жила святая Богородица, по вознесеньи Сына своего на небеса, и молилася Сыну своему, и донынѣ знати мѣсто то, идѣже клала поклоны, на мраморѣ; и разболѣся, и ту духъ свой предастъ, и ту Христосъ ей явися, и на Апостоли святый свой Духъ пославъ. Ту гробъ Царя Давида, и сына его Соломона; и ту есть служба Фряжская. Ту есть гробъ первомученика Стефана. Ту лежатъ 2 камени: иже Пречистая восхотѣла видѣти того камени, на чемъ Христосъ съ Моисеемъ бесѣ-

довалъ на горѣ Синайстѣй, и принесе Ангелъ 2 камени; еже зовется Купина неопалима, все то во святомъ Сіонѣ. И есть мѣсто, отъ святаго Сіона, яко есть стрѣлити, гдѣ Ангелъ Жидовину руку отсѣкъ, коли Пречистыя тѣло хотѣли со одра совреци. Есть домъ Давидовъ, къ западу отоитъ. А граду Іерусалиму, съ полудени, есть врата желѣаная, куды Христа на распятье вели; затворенна есть донынѣ. Со востока граду Іерусалиму, съ полдени, тако гора Елеонская, такоже Іорданъ. Мало поступя отъ тѣхъ вратъ, есть другая врата, куды Христосъ на Вербницу въѣхалъ, во градъ Іерусалиму. Коли рекли Жидове Христу: рци учениковъ своимъ, да умолчатъ; онъ же къ нимъ отвѣща; аще ли сіи умолкнутъ, то каменіе возопіетъ, на два камени указавъ; то тѣ камени на сѣхъ вратѣхъ лежатъ во лбѣ. И мало поступя, гдѣ Жидове первомученика Стефана каменьемъ побили. И есть купѣль Соломоня, 5 притворъ имуще, внутрь граду Іерусалиму; есть купѣль Силуамля, внѣ града Іерусалима. Есть дворъ Пилатовъ, въ немъ же живетъ Амира; есть дворъ Анны и Каіафы, въ нихъ же Сараки живутъ; есть дворъ Іоакимовъ и Аннинъ, отца Богородици; и ту есть полата Іоана Богослова, идучи ко святому Сіону. Церквиже во Іерусалимѣ: 1 я Святая святыхъ, въ туже Крестьане входятъ, 2 я святый Сіонъ, 3 я святое Воскресеніе. У святаго Воскресенія два верха: единъ есть съ маковицею и со крестомъ, надъ пупемъ земскимъ; другій верхъ

надъ гробомъ Божіимъ; сій верхъ не покрытъ. А надъ гробомъ Божіимъ храмина каменная, яко церковь, какъ клѣтски, со олтаремъ, а безъ притвора. Въ первыя двери влѣзши, на правой рукѣ, лежитъ камень, кой Ангелъ пришедъ отвали отъ двери гроба; и во другія двери влѣзши, яко во олтарь, какъ наклоня, и тамъ гробъ Божій, возлѣ стѣну, яко коникъ, а надъ нимъ написанъ Спасъ Фряжскій, на степени. А вверху надъ нимъ горятъ 12 паникадилѣ сткляныхъ; а на томъ мѣстѣ такоже 12, коли со креста сняли Господа и положили его на томъ мѣстѣ. А кому поклонитися гробу Господню, тому дати златыхъ денегъ Винетическыхъ фролинъ. То еще колико на пути Арапомъ давати, откупати путь, идучи отъ Арамля ко Іерусалиму; то еще сторожемъ давати, 15 стражей у гроба Господня приставлено, лютыхъ Саркинъ. Отъ Арамля итти 5 верстъ, равно и красно, до Іерусалима; а опять полѣзти въ горы. Градъ бо Іерусалимъ стоитъ на прислонѣ, противъ востока; а гора Елеонская противъ ему стоитъ. Града Іерусалима издалеча не видѣти, но пріитти близко увидѣти; а стоитъ на стрѣлицѣ. Съ сю страну, съ прихода, удоль Асафатовъ, пришелъ къ Мертвому морю; а объ ону страну потока Кедрскаго; а гдѣ ся сошли вмѣсто, на самой стрѣлицѣ, есть купѣль Силуамля; а противъ, на оной странѣ, есть удоль Асафатова, село Скудельниче. 4-яже церковь Архистратига Михаила, монастырь

Сербьскій; въ немъ же Игуменъ Пасій, і икономъ Макарей Сиріанинъ отъ Сіонскія горы. 5-я церковь Іаковъ, брашъ Господенъ; сіюже церковь Арменове взяли за себя. 6-я церковь Одегитріе, монастырь чернечески. 7-я церковь Успеніе святыя Богородица, монастырь черноризицъ. 8-я церковь монастырь Верскій. 9-я Метохій монастырь, отъ Іордана, отъ Предотечева монастыря. 10-я Метохій же отъ Савина монастыря. Сеже все тамо, идѣже Марія Египетская жила въ пустыни. На горы велицы и пропасти изнемогохъ итти, и паки возвратихся, и преидохъ Іорданъ, и внидохъ въ гробницу, идѣже кладутся святіи отцы изъ Предотечева монастыря: и ту бихомъ челомъ, и цѣловахъ мощи святыхъ старцовъ, и святаго старца Зосиму, иже Марію Египтяныню причащалъ. И оттолѣ идохъ въ Герасимовъ монастырь, емуже левъ поработа, иже при Ерданѣ поприще едино, и ту бяше поклонихся; и бысть пустъ, и не можаше бо ни паки чернецъ живъ быти, злыхъ ради Араполь, и бяше монастырь чуденъ и хорошъ при Ерданѣ. Ерданъ же рѣка быстра и велми глубока, а не широка, бережиста (а вода въ ней бѣла), вступи въ него, ино по колѣну; а идетъ съ нощи въ полудне, і идетъ въ Мертвое море, потопило Содома и Гомора. И поидохъ возлѣ Мертвое море, и наидоша на ны злыи Араполове, і возложиша на мя раны доволны, и оставивша мя въ полымертва, отъидоша во свояси: азъ же не моги, едва возмогохъ

дошши Савина монасшыря, на удоль Асаваповъ, и быхъ шу 8 дени, и упокоиша мя вяшіи ошци сшарци; сшарцовъ бо бяше 3о. И ошшуду идохомъ въ Сехимъ Аравскій, иже зовешся Рахиль, идѣже есшь гробъ Авраама, Ісаака и Якова, Сарры и Ревеки: и ошшолѣ, возрѣвши горѣ, сшоишъ дубъ Мавріиской, идѣже Авраамъ свяшую Троицу учреди; и есшь гробъ, подъ шѣмъ дубомъ, Іова Авсѣдійскаго и Іона Пророка. И привелъ Царь Соломонъ воду изъ Ссихиме, сіирѣчь изъ Хадима, во церковь Свяшая свяшыхъ. И ошшолѣ поидохъ ко Адовымъ врашомъ, и видѣ враша Адова. И ошшолѣ поидохъ къ Діоклишьяновѣ полашѣ, идѣже свяшаго великаго мученика Георгія Діоклишьянъ мучилъ с горы спущалъ на осшрые желѣза. Полаша Діоклишьянова велика добрѣ, съ городъ невеликой; нынѣ въ шомъ мѣсшѣ церковь свяшый Георгій, и есшь во церкви шой чѣпь желѣзна, въ чемъ мучили его, велика, въ шѣну дѣлана: сею чѣпью болящіи знаменаюшся, исцѣленье пріемлюшъ. И ошшуду поидохъ въ домъ Захарьинъ, въ подгорье; есшь въ шомъ мѣсшѣ рожесшво Іоана Предшечи, и есшь шу кладязь: шолко дѣвици испьешъ шое воды, а не сохранши дѣвсшва своего, ино ему усша позлашѣюшъ, сія же вода взовъ есшь на обличеніе. А къ кладязю приводилъ Іосифъ Пречисшую на искушенье, ошкуду бысшь во чревѣ ея: вода бѣ горка, и какъ Пречисшая испила, шако досшѣлася сладка. И ошшуду поидохъ къ камени, идѣже Елисавешъ скрыся со младен-

цомъ, отъ Иродовыхѣ слугъ. И отшуду поидохъ во Виѳлiомъ, и ту стоитъ церковь Рожество Христово, чудна велми, надъ вертепомъ и надъ ясльми, гдѣ Христосъ родис; ни во Iерусалимѣ такiя нѣсть: и есть въ ней 40 столповъ отъ краснаго мрамора, чуднаго аспида; печераже и ясли съ лѣвую руку, подъ олтаремъ. Держитъ ея капланъ Фряжскiй, сiирѣчь попъ. И лѣзучи въ печеру, самыхъ дверей съ лѣвую руку, есть кладязь, въ немъ же видится на днѣ яко звѣзда; и ту бихомъ челомъ, и цѣловахъ печеру и ясли. И оттолѣ поидохъ ко гробу Рахѣлину; гробъ же Рахѣлинъ стоитъ межъ Виѳлiомомъ и Ерусалимомъ, и Египетской дорогѣ. Шелъ Iаковъ изъ Сехеми, еже нарицается Фараонъ (а былъ у отца Авраамова, и пошелъ въ Палестину, и до града Авраамля), и то было явлено жилище, и ту преставися на дорозѣ; надъ гробомъ тѣмъ стоитъ мезгитъ Саракинская. И оттолѣ 3 версты стоитъ столпъ, и на томъ мѣстѣ столпникъ сѣдитъ: и принесе ему Апостолъ ключь града Iерусалима и велѣлъ ему предати градъ Iерусалимъ нечестивымъ, сiирѣчь Саракиномъ; уже 400 лѣтъ владѣютъ Iерусалимомъ и гробомъ Божiимъ. И азъ былъ грѣшный Зосима, ермонахъ, у гроба Божiя въ лѣто 692[illegible] Тогда былъ Патрiархъ Ѳеофилъ; а во Египтѣ Салтанъ, сiирѣчь Царь, имя ему Татаръ; а въ Дамасцѣ Цемкакъ: сѐ имъ Сороцинскiе имена. И оттолѣ идохъ на гору въ монастырь ко святому Ильѣ, еже и [illegible]

коли жерци Вааловы, побѣже на ту гору, отъ лица Велзаулина. И оттуду поидохъ въ монастырь Верскій, идѣже усѣчено древо кресту Господню; то бяше мѣсто подъ престоломъ. И оттуду поидохъ въ мѣсто, идѣже Авимелехъ спалъ 60. И оттуду поидохъ въ печеру, иже зовется Скудельниче, иже искупиша тѣмъ сребромъ, иже Іюда на Христѣ взялъ, иже ту кладутся Крестьянѐ; и во святомъ Сіонѣ кладутся Саракиніи, повыше удолья Асаѳатова, за Египетскою дорогою, иже изъ Ерусалима ко Египту идетъ. Возвратихомся во Іерусалимъ, и внидохомъ въ тѣ врата, куды Христосъ на Вербницу въѣхалъ; мимо мѣсто, гдѣ Стефана первомученика каменіемъ побиша. Такоже поидохъ въ потокъ Кедарьскій, мимо Гепсиманію: Гепсиманій бо стоитъ межъ Іерусалимомъ и Елеонскою горою, въ потоцѣ Кедрьстѣмъ. И мимо печеру, гдѣ Христосъ со ученики водворился; и мимо мѣсто, гдѣ Христосъ, отъ ученикъ отходя, молился Отцу своему. И по конецъ горы Елеонскія, мимо Висавогію, сквозь Виѳанію; и мимо Христовъ камень; и мимо потокъ Кисовъ; и мимо пустыню, гдѣ Христосъ постися 40 дней; и мимо градъ Ерихонъ, къ Предтечеву монастырю, и тожъ къ Іердану. И поидохъ отъ Іерусалима въ Палестину, съ господиномъ Патріархомъ Ѳеофиломъ, и его попъ Акимъ (сей Акимъ умѣетъ грамоту Арапскую и Греческую, любимъ Патріархомъ велми, по немъ хощетъ быти), Аѳонасей духовникъ и Варѳоломей: и

пріидохомъ во градъ Араамль, иже во Евангеліи писано есть: гласъ во Арамѣ слышанъ бысть. И оттолѣ поидохомъ въ Лиду, идѣже великій мученикъ Георгій, главу ему усѣкнули. И оттолѣ поидохомъ во градъ Яѳу, еже зовется во Апостолѣ Опій: сей градъ стояше при морѣ, идѣже Петръ Апостолъ видѣ, въ семъ градѣ, плащаницу съ небесе. И оттолѣ поидохъ въ корабль, и ту бяше пристанища корабленая; и идохомъ 300 миль, и пристахомъ ко острову Кипрьскому, въ лимень, ко граду Кійскому: тутъ бяше Лазарь четвероденевный Епископъ былъ. И оттолѣ поидохъ на гору, идѣже крестъ стоитъ благоразумнаго разбойника, воздухомъ держимъ; гораже бяше высока велми. А другая гора бяше возлѣ ту, на ней же родится ладанъ черный, падаетъ съ небеси, мѣсяца Іюля въ Августа, росою: суть бо по горамъ тѣмъ древца мала много, низка, съ травою равна, и на тѣхъ древцахъ емлютъ ладанъ той. Въ семъ же островѣ градъ великій, столный, Левкусія: тутъ сѣдитъ Рига Фряжскій, сирѣчь Князь, обладаетъ всѣмъ островомъ тѣмъ; и братъ его Арцибуртъ; Греческихъ Епископъ 4, а два міряниы и два черица. Во всѣхъ же церквахъ Греческихъ со арганы поютъ на великіи праздники. А 2-й градъ Киринѣя: въ семъ градѣ родится сахаръ, и рожки, иродья, аспиди, мусь пила. Оттолѣ есть 10 верстъ село Княже, зовется Оморѳо, сирѣчь хорошое, ту такоже родится сахаръ; и тутъ лежитъ святый Мамасъ и точитъ на свой праз-

дникъ мѵро. 4-й градъ Сирурій, 5-й Лемощъ, 6-й Епаѳа, 7-й Китѣя, идѣже былъ Лазарь четвероденевный. И пребыхъ въ семъ острове, во градѣ Левкусіи, полтора мѣсяца; монастырь зовется Бивій. И поидохъ во корабль, и идохъ 500 миль, и видѣхъ землю и горы, ихъ же есми ни въ писаніи слышахъ; и ходихъ по лукоморью, и пристахомъ ко острову Родосу. Сій же островъ предали Апостоли ко Апостольской церкви въ Римъ: и сѣдитъ, отъ Папы Римскаго, Мистръ великій, и всѣ у него Крестоносци и церковные люди носяще кресты, на лѣвыхъ плечѣхъ на портищѣхъ нашиваны; и ту есть Митрополитъ Греческій, и Епископъ, и попъ міряниниъ. Противъ острова того есть градъ Кротурійскій; въ томъ градѣ, по всей земли той, олны до Миръ, ту родится темьянъ черный: съ древа лупятъ, и мажутъ его масломъ древянымъ, и выступаетъ яко мезга, и снимаютъ его острыми желѣзы, яко сокъ (имя древу тому зигна, есть олга образомъ), и перетапливаютъ его, и чинится чернъ. И поидохомъ въ корабль, и плыхомъ 2500 миль: и на среди пути, наиде на насъ корабль Котаньскій, разбойници зліи, и разбиша нашъ корабль пушками, и возскакаша на нашъ корабль, аки дивіи звѣріе, и разсѣкоша нашего корабленника на части, и ввергоша въ море, и взяша яже въ нашемъ корабли. Менеже убогаго удариша копейнымъ ратовищемъ въ груди, и глаголюще ми: калугире, поне дуката кърса, еже зовется деньга золо-

тая. Азъ же имъ заклинахся Богомъ живымъ, Богомъ вышнимъ, что нѣтъ у мене: ониже взяша мшелешъ мой весь, менеже убогаго во единомъ сукманцѣ оставиша; и скачуще по кораблю, аки дивіи звѣріе, блистающеся копьи своими, и мечи, и саблями, и топоры широкими; мню азъ, грѣшный Зосима, яко воздуху устрашитися отъ нихъ. Паки вы-доша на свой корабль и отъидоша въ море. Мыже пристахомъ ко острову Митилину, и ту быхомъ не мало деній; оттолѣ поидохомъ въ Костянтинградъ, и ту зимовахомъ всю зиму. Мѣсяца Маія поидохомъ на Чермное море, изъ Костянтинаграда, и донесе мя Богъ Рускія земли, гроба своего, милостью его и всѣхъ Іерусалимьскихъ мѣстъ. Будиже се написаніе всѣмъ намъ причащающимся благословеніе отъ Бога, и Святаго гроба, и отъ Святыхъ мѣстъ сихъ: мзду многу равно пріимутъ съ ходящими до святаго града Іерусалима и видѣвшими святая сія мѣста. Блажени бо видѣвше и вѣроваша; треблаженнии бо не видѣвше вѣроваша: вѣрою бо пріиде Авраамъ въ землю Обѣтованную. Поистиннѣ бо вѣра равна добрымъ дѣломъ. Но Бога ради, братія, и отцы, и господіе мои, сынове Рустіи! не зазрите моему недоумѣнію и грубости моей: да не будетъ ми въ похуленіе написаніе се. Не мене для, грѣшнаго человѣка, но Святыхъ для мѣстъ, прочитайте съ любовію и вѣрою; да мзду пріимете отъ Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, да Богъ будетъ со всѣми вами, Аминь.

А се подъ Египетскимъ Княземъ Салтаномъ градовъ: 1 Египетъ, 2 Іерусалимъ, 3 Александрія, 4 Газъ, 5 Дамаскъ, 6 Антіохія, 7 Верутъ, 8 Дриполь, 9 Араамля, въ Палестинѣ, 10 Лида, 11 Виѳліомъ. А по Пенескому морю, сірѣчь по Бѣлому, иже за Царемградомъ, острововъ: 1 островъ великій Кипрьскій, 2 Мелетинъ, 3 Родосъ, 4 Иритъ, 5 Венетія, 6 Патма, 7 Стихія, 8 Лимоносъ, 9 Лимбро, 10 Тигрій, 11 Мармаро; а сего острова 100 миль до Царяграда. Се Патріарху Іерусалимскому, на обѣднѣ, кличутъ: „Игумену и Патріарху святаго Іерусалима, Галилѣя и Аривія святаго Іердана, Палестина, полатаеци," еже есть многа лѣта. А се десятокъ Греческій: ена, діе, трисъ, пендіе, ексіе, еѳта, окто, нѣя, дека, трильанда, сарамнда, пенеинда, овдомина, егдонда, ененинда, аркато. А се десятокъ Арапской: Вахотъ тре интелятъ арбахамъ се сетъ себя тимени пелеçе ашисрь аршикнъ теллятинъ амбряинъ хамсининъ сечветинъ сoопеинъ тимепенты сеинъ миръ. А се Богу имена: Жидовскіи Аданаи, Арапскіи Гаала, Греческіи Ѳеосъ, Арменскіи Арставачь, Татарскіи Тенгріи, а Русскіи Богъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Стихотворенія.

ПѢСНЬ

изъ Валленрода.

По дну золотому прекрасной *Вильи*
Бѣгутъ голубые, какъ небо, струи:
Литвинка къ нимъ ходитъ за свѣжей водой
И сердце въ ней чище струи голубой.

Въ долинѣ близь Ковна бѣжитъ *Вилія*;
Тюльпаны, нарциссы на брегѣ ея: —
Съ Литвинки не сводятъ Литвины очей;
Цвѣтъ юношей нашихъ и розы свѣжѣй.

Вилья презираетъ цвѣтами долинъ
И *Нѣмана* ищетъ — онъ милъ ей одинъ:
Литвинка тоскуетъ въ долинѣ родной,
Плѣнилъ ея сердце красавецъ чужой.

Безжалостный *Нѣманъ* подругу обнялъ,
Чрезъ горы и дикія степи помчалъ,
И сжавъ ее сильно въ холодныхъ рукахъ,
Погибъ онъ съ ней вмѣстѣ въ морскихъ глубинахъ.

Ахъ также Литвинку пришлецъ молодой
Похититъ навѣки съ долины родной,
Литвинку поглотитъ забвенья волна,
Бѣдняжка погибнетъ — погибнетъ одна!

Сдержать ни потока, ни сердца не льзя,
Дѣвица пылаетъ — бѣжитъ *Вилія*
И въ миломъ ей Нѣманѣ тонетъ она.
Литвинка льетъ слезы въ темницѣ одна!

Ю. Познанскій.

АРАВІЙСКАЯ ДѢВА.

Гибокъ станъ моей любезной
И какъ вѣтръ она легка;
Свѣтитъ солнце поднебесной,
Если нѣжная рука
Черны кудри, шелковиты
Надъ челомъ сберетъ волной.
Не смотри, что на ланитѣ
Пурпуровое пятно,
Посмотри на цвѣтъ пустыни,
Полувскрывшійся шипокъ: —
Въ немъ чернѣетъ серцевина,
А вокругъ златой листокъ.

Муравьевъ.

ПЕРВОЕ ПРИЗНАНЬЕ.

Ты слышалъ ли, въ дали небесной
Какъ звучно жаворонокъ поетъ?
Какъ отъ земли, восторгамъ тѣсной,
Стремитъ онъ къ небу свой полетъ?
Кружася пѣснь легко заводитъ,
Трель подробитъ и смолкнетъ вдругъ.
Пѣвца взоръ ищетъ — не находитъ,
Но долго пѣснь лелѣетъ слухъ.

Ты зрѣлъ ли, съ высоты крутистой
Какъ льется шумно водопадъ,
Какъ въ каждой каплѣ серебристой
Оттѣнки радуги горятъ?

Окрестный берегъ воетъ, стонетъ —
Паръ снѣжный вьется въ вышинѣ! —
Ты далеко, — а взглядъ твой тонетъ
Еще въ сверкающей волнѣ.

Ты понялъ дѣвы пламень страсной,
И огнь ланитъ, и томность глазъ,
Когда застѣнчиво, неясно
Люблю промолвитъ въ первый разъ?

Огонь сей душу пламенѣетъ, —
Онъ для очей неуловимъ,
Онъ слаще пѣсни грудь лелѣетъ,
Онъ ярче волнъ въ душѣ хранимъ!

Ознобишинъ.

ГОРАЦІЙ КЪ СЕКСТІЮ.

Просыпается весна,
И рѣзвясь въ лугахъ, Фавоній
Сѣетъ росы благовоній,
И надъ моремъ тишина.

И дремавши корабли
Въ дни торжественной природы
Сходятъ весело на воды,
И бѣгутъ родной земли.

Замуравились луга, —
Стадомъ стойлы позабыты,
И оратай домовитый
Не сидитъ у очага.

И въ сіяніи луны
Хоры Нимфъ и скромныхъ Грацій;
Подъ душистый сводъ акацій,
Циѳереей созваны.

Въ часъ, когда Циклопы въ ладъ
Тяжкими бьютъ молотами;
Нимфы легкія стопами
Съ муравою говорятъ.

Секстій! дорожи весной!
Бѣглая не долго съ нами,
Увѣнчай чело цвѣтами
Или миртой молодой.

Смерть равно стучитъ ногой
Въ двери бѣдной сельской хаты
И въ чертогъ Царей богатый:
Секстій! дорожи весной!

Наша жизнь такъ коротка! . . .
Чтожь на долгія надежды
Простирать съ заботой вѣжды
И смотрѣть издалека?

Придетъ часъ и Секстій — прахъ —
Ты пойдешь на новоселье —
И тогда уже веселье
Не найдетъ тебя въ пирахъ.

ОСЕНЬ ВЪ ЛИФЛЯНДІИ.

(Д . . . И . . . Б - ну)

Взгляни на этотъ видъ знакомыхъ намъ садовъ,
Гдѣ я одинъ съ потухшими очами,

Порой осеннею, бродилъ вблизи дерёвъ,
Какъ тѣнь безмолвная межь длинными рядами
Разбросанныхъ крестовъ . . .

Еще вы милы мнѣ въ послѣднемъ украшеньи,
Древа поблеклыя, судьбы моей печать!
Природа дивная и въ самомъ изнуреньи,
Во всемъ, какъ другъ-отецъ, насъ любитъ поучать.

Сей сводъ огромныхъ липъ съ багрянцомъ пожелтѣлой
И мертвые листы на зелени бреговъ,
Блестя въ стеклѣ пруда, душѣ осиротѣлой,
Твердятъ о будущемъ, какъ вѣчный сонъ гробовъ...

Гляди, какъ межь древесъ, превратно отраженный,
Сей замокъ рыцаря, съ тяжелбй красотой,
Дрожитъ на влажности, въ туманы облаченный,
Превратность счастія являя намъ собой.

Сей замокъ нѣкогда столь грозный, столь ужасный,
Отколь въ вѣкъ рыцарства свирѣпствовалъ тиранъ,
Стоитъ въ безмолвіи, какъ ночи призракъ страшный,
Какъ бы межь трупами оставленный таранъ.

Доспѣхи латниковъ не блещутъ по долинѣ,
Не мчится гордый конь къ опущеннымъ мостамъ;
Однѣ развалины на дремлющей пустынѣ
Пришельца новаго стращаютъ по ночамъ.

Природы тайный жрецъ, какъ бы въ уединеньи,
Одинъ бесѣдуя съ печальною мечтой,

Здѣсь новыхъ рыцарей я видѣлъ предъ собой
И новый міръ творилъ въ моемъ воображеньи.

Вѣка протекшіе вставали изъ гробовъ,
Когда душа моя взоръ къ небу устремляла,
И гордая луна, какъ лебедь, выплывала
На влагу синюю изъ черныхъ облаковъ . . .

Золотой Рожокъ.

ВСТРѢЧА.

Старикъ

Куда ты, Лила, такъ спѣшишь?

Лила

Иду я въ поле за цвѣтами.

Старикъ

Но ты, краса цвѣтовъ, грустишь?

Лила

Смѣнились радости слезами.

Старикъ

Скажи, о чемъ печаль твоя?

Лила

Навѣкъ лишилась друга я . . .

Старикъ

На чтожъ цвѣты печальной Лилѣ?

Лила

Разсыпать на его могилѣ . . .

И. Сусловъ.

ПРОЗА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ БАЗЕЛЬСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА, И. Л. БУРХАРДТА (1).

(О своемъ портретѣ, головѣ Мемнона и объ Арабскихъ рукописяхъ.)

Каиръ. 28 Декабря 1816.

„Прежде всего долженъ я побесѣдовать съ тобою о портретѣ, любезная матушка; ты можешь твердо положиться на мое слово; я однажды сказалъ тебѣ, что онъ долженъ быть и будетъ сдѣланъ. Но Г. Сальтъ очень занятъ: вотъ уже почти два мѣсяца какъ онъ въ Александріи. Мы ожидаемъ его сюда на будущей недѣлѣ, и я отъ него не отстану, пока онъ не выполнитъ своего обѣщанія. — Колоссальная голова изъ верхняго Египта, о которой я уже говорилъ тебѣ, довезена сюда благополучно и черезъ пять дней отправится въ Александрію: Мальтійскій Адмиралъ обѣщалъ прислать въ Александрію корабль, чтобы отправить ее въ Англію; это для меня въ особенности пріятно потому, что весьма облегчитъ наши издержки, которыя и безъ того уже простираются до 400 талеровъ, и коихъ половину я долженъ былъ принять на себя. Къ счастію, въ послѣднюю поѣздку мою издержалъ я такъ немного, что у меня теперь остается въ рукахъ порядочная сумма, и я могу употребить съ удовольствіемъ на сію прекрасную спекуляцію, за которую, безъ сомнѣнія, многіе будутъ мнѣ благодарны. Я собралъ также довольно значительное количество драгоцѣнныхъ Арабскихъ манускриптовъ, которы-

---

(1) Письма сіи получены отъ его семейства и помѣщены безъ всякой перемѣны *въ слогѣ*, и мы старались съ своей стороны сохранить всю простоту Нѣмецкаго подлинника.

ми обладаютъ развѣ только немногіе публичные кабинеты и навѣрное не имѣетъ ни одинъ частный человѣкъ въ Европѣ; почти 350 частей избраннѣйшихъ рукописей, большею частію историческаго содержанія, есть величайшее сокровище; тѣ, которымъ извѣстно, какъ трудно доставать ихъ въ Сиріи и Египтѣ, вполнѣ оцѣнятъ трудъ мой."

(Еще нѣчто о томъ же предметѣ.)

Каиръ. 24 Мая 1817.

„Ты желаешь знать, любезная матушка, о колоссальной головѣ; она благополучно прибыла въ Александрію и ожидаетъ только корабля, который обѣщалъ выслать за нею Коммендантъ Мальты; въ ней будетъ вѣсу около 300 центнеровъ. Между тѣмъ получилъ я извѣстіе изъ Англіи, что тамъ ожидаютъ ее съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Многіе путешественники видали ее въ Египтѣ, и къ тому же она еще извѣстна по многимъ описаніямъ; Французы, въ огромномъ и пышномъ твореніи своемъ объ Египтѣ, сознаются, что это есть лучшій остатокъ Египетскихъ древностей, и во время своего пребыванія здѣсь они тщетно покушались перенести ее. Къ величайшей моей радости посчастливилось мнѣ быть участникомъ въ семъ предпріятіи, и я надѣюсь, что это порадуетъ нѣкогда тебя и всѣхъ друзей моихъ. Она стоитъ мнѣ по сихъ поръ 150 луидоровъ, и можетъ быть до 50 еще понадобится на нее истратить. Господинъ Сальтъ платитъ за другую половину, и сія небольшая издержка доставитъ Британскому музеуму обладаніе такого сокровища, которое безъ всякаго сомнѣнія стоитъ отъ 3 до 4000 луидоровъ, и возвыситъ не только одно мое имя, но и всѣхъ Швейцарцевъ въ мнѣніи Англичанъ."

(О своей болѣзни и другихъ препятствіяхъ. Замѣчанія о Меккѣ и Мединѣ.)

Изъ Каира отъ 2 Августа 1815.

„Горячка въ Джиддѣ, сильный повторишельный припадокъ въ Меккѣ, трехмѣсячная лихорадка въ Мединѣ, оставили мнѣ весьма немного веселыхъ часовъ, и даже я начиналъ опасаться, что покину кости свои въ Аравіи. Къ тому же воспрепятствовала мнѣ продолжать путешествіе мое во внутренность Аравіи война, возникшая между Магомедомъ Али-Пашею Египетскимъ и новою религіозною сектою Вехабитовъ; но я имѣлъ чрезъ это случай, во время столь долгаго пребыванія моего въ Меккѣ, сдѣлать много весьма интересныхъ замѣчаній; и сверхъ того снялъ планъ съ этого донынѣ почти неизвѣстнаго намъ города. Я посѣтилъ *Таифъ*, отстоящій на три дни пути къ югу отъ Мекки, городокъ, расположенный на вершинѣ горы, которая, по своимъ роскошнымъ садамъ и прекраснымъ фруктамъ, называется Арабскимъ эдемомъ. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ сопутствовалъ я толпу, по меньшей мѣрѣ изъ 8000 богомольцевъ состоящую, шедшую на гору *Арафатъ*, гдѣ ежегодно совершаются знаменитые религіозные обряды, по какому поводу собирается сюда множество Турокъ изъ отдаленнѣйшихъ земель. Мекка преобращается тогда въ огромную ярмарку, такъ что съ трудомъ можно пробираться по улицамъ сквозь эту толпу. Богомольцы приносятъ сюда съ собою различные товары для продажи, — отъ этого и можно здѣсь видѣть всѣ возможныя издѣлія промышленности трехъ древнихъ странъ свѣта. Изъ Мекки отправился я чрезъ внутреннія земли въ Медину, городъ знаменитый, по находящемуся тамъ гробу Магомеда, и отстоящей на двѣнадцать дней ѣзды впередъ отъ Мекки. Ея

имѣлъ я время разсмотрѣть наружность знаменитой мечети, гдѣ находится сія гробница, и въ нѣсколько дней оглядѣть вокругъ лежащія страны, какъ снова ко мнѣ возвратилась моя скучная лихорадка, которая въ то время господствовала въ Мединѣ. Не имѣя ни лекаря, ни лекарствъ, я долженъ былъ все предоставить самой природѣ и ограничить себя одною діетою. Въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ, ежедневно посѣщала меня лихорадка, и до того истомила, что по выздоровленіи моемъ едва могъ держаться на ногахъ. Намѣреніе мое первоначально было путешествовать въ Каиръ сухимъ путемъ чрезъ Медійскія степи; но теперь силы мои истощились, такъ что я съ большимъ трудомъ и съ величайшею нуждою дотащился до *Ямбо*, — гавани на Чермномъ морѣ, на пять дней пути отъ Медины, чтобы отплыть оттолѣ на кораблѣ въ Египетъ. Здѣсь нашелъ я моровую язву, которая переселилась сюда изъ Каира, и принужденъ былъ провесть нѣсколько недѣль между зараженными въ безпрестанной опасности, пока не сыскалъ для себя корабля. На морѣ снова схватилъ меня лихорадочный параксизмъ. Я приказалъ тогда, чтобы меня высадили на землю, на полуостровъ горы Синайской, и прожилъ тамъ 14 дней между Арабскими, прекрасно расположенными деревушками, близъ горы Синая, гдѣ снова я оправился отъ лихорадки. Оттолѣ пустился я сухимъ путемъ чрезъ Суецъ въ Каиръ, и неудобства этого путешествія, во время котораго я весьма много страдалъ отъ знойныхъ вѣтровъ, произвели третій лихорадочный припадокъ. Но, благодареніе Богу, теперь я снова выздоровѣлъ, хотя еще и слабъ, и думаю, что воздухъ Александріи будетъ для меня весьма полезенъ; черезъ нѣсколько дней я намѣренъ туда отправиться. — И такъ вотъ тебѣ, любезная матушка, краткое описаніе моего путешествія, которымъ я остаюсь совершенно доволенъ, хотя и не

успѣлъ выполнить всѣхъ моихъ намѣреній, которы сначала-было предположилъ себѣ; но такъ обыкновенно случается во всѣхъ путешествіяхъ, и я ни одного не оканчивалъ съ совершеннымъ успѣхомъ, какъ бы мнѣ желалось. Я видѣлъ много новаго, многихъ людей изучилъ я, но отъ этого и самъ поустарѣлъ; всѣ мои здѣшніе знакомые и самое зеркало увѣряютъ меня, что мое осмуглѣвшее желтое лице и густая борода скорѣе представляютъ изъ меня человѣка въ 40 лѣтъ, нежели 31 года, какъ я себѣ считаю.

(О моровой язвѣ и оспѣ.)

Каиръ. 16 Апрѣля 1816.

Здѣсь, въ продолженіе 4 лѣтъ, постоянно въ началѣ года показывается язва. Турки думаютъ, что „ни *написано заранѣе*," и что человѣкъ, опредѣленный на смерть, никакими средствами не можетъ отъ оной избавиться. По этому самому они вовсе и не запираются во время язвы, и всякую предосторожность и укрывательство отъ оной сочли бы оскорбленіемъ Богу; а потому и погибаютъ тысячами какъ жертвы ея истребительной ярости. — Но въ послѣднемъ году замѣтилъ я въ жителяхъ совершенно особое мнѣніе: во время моего пребыванія въ *Ямбо*, гавани, лежащей на Черномъ морѣ, гдѣ свирѣпствовала болѣзнь сія, я, не имѣя никакой возможности запереться, увидѣлъ, что большое число жителей бѣжало въ горы; на сдѣланный имъ вопросъ, чего они боятся? и на слова мои, что если уже положено умереть имъ, то смерть найдетъ ихъ и между горами, они отвѣчали: „Язва есть милость, низпосылаемая Богомъ на землю, чтобы призвать скорѣе людей добродѣтельныхъ на небо; мы „чувствуемъ, что еще недостойны сей милости;

„убѣгаемъ оной до времени лучшаго." Къ довершенію моего злополучія, я не могъ бѣжать; я ожидалъ корабля, чтобы отправиться въ Египетъ, и все еще былъ боленъ лихорадкою, которая такъ долго меня мучила въ Лединѣ. Во время пребыванія моего тамъ замѣтилъ я, что мой невольникъ каждое утро, предъ солнечнымъ восходомъ, оставлялъ караванъ-серай, въ которомъ я жилъ, и по прошествіи часа снова возвращался. Когда я спросилъ его, куда онъ ходитъ; то узналъ, что онъ всякой разъ ходилъ на морской берегъ, чтобы обмывать тамъ мертвыхъ, которые умирали во время ночи, и каждое утро выносимы были на морской берегъ, дабы, по Турецкимъ обычаямъ, совершенно можно было ихъ вымыть предъ погребеніемъ. Невольникъ мой, помогавшій имъ въ этомъ случаѣ, какъ онъ говорилъ, „чтобы обратить къ себѣ милосердіе небесное," весьма удивился, когда я ему строго запретилъ никогда впредъ не прикасаться къ мертвымъ, и отвѣчалъ мнѣ: „уже ли я запрещу также ему самаго меня омыть, если умру?" Въ черныхъ земляхъ моровая язва вовсе неизвѣстна; но оспа тамъ столь же опасна какъ зараза и опустошаетъ часто цѣлыя области. Весьма недавно начали употреблять прививку коровьей оспы въ Сиріи и Египтѣ.

Отрывокъ изъ письма, 16 Января 1811.

Восточный образъ путешествія

„Самое странствованіе по степямъ для человѣка одинокаго, окруженнаго людьми, которыхъ вѣрность весьма сомнительна, безъ всякихъ удобствъ, мучимаго зноемъ и насѣкомыми, имѣетъ свои величайшія прелести. Посмотрите на путешественника. Товарищи будятъ его задолго до солнечнаго восхожденія; онъ ос-

шавляетъ обитателя подвижнаго шатра, благословляя его за гостепріимный пріемъ его въ ночное время и за обильный ужинъ. Верблюды молча идутъ по утомительной дорогѣ и издали сквозь мракъ пустыни напечатлѣваютъ путь къ ближайшей переночовкѣ. Выплываетъ потомъ солнце въ неописанномъ величіи надъ песчанымъ моремъ пустыни, и чье сердце будетъ такъ безчувственно, чтобы не исполниться хвалою къ Всевышнему, Коего благость и провидѣніе сопутствуютъ странника и въ самой Аравіи? Прохлада утренняго воздуха продолжается весьма короткое время; спустя три часа по восхожденіи, воздухъ накаляется отъ лучей солнечныхъ; но предусмотрительный странникъ накрывается толстою епанчею, сквозь которую знойные лучи проникнуть не могутъ, а его вѣрное, вьючное животное несетъ мѣхи, наполненные водою, которыми онъ можетъ мгновенно утолить свою жажду (*). Арабы обыкновенно привѣтствуютъ восходящее солнце пѣніемъ и веселыми разговорами; но все умолкаетъ, какъ только солнце станетъ приближаться къ полдню; все услаждается надеждою достичь скоро прохладнаго ручья, гдѣ уже заранѣе располагаютъ переночевку. Между тѣмъ главный вожатый, въ самые знойные часы дня, даетъ знакъ къ успокоенію; тогда верблюды ложатся въ кружокъ около своихъ хозяевъ и обозовъ, и всякой спѣшитъ въ тѣни своего верблюда и завернувшись въ плащъ предаться на нѣсколько часовъ освѣжительному сну. Въ эти-то минуты старался я, втайнѣ, под

(*) Но Буркардъ замѣчаетъ давно, что такой обычай водится между караванами Аравіи и Нубіи. Обыкновенно пьютъ только при общей дневкѣ; кто пьетъ ранѣе, и считается изнѣженнымъ, и про него бы сказали, „что ротъ привязанъ къ отверстію водянаго мѣха.“ (См. Путешествіе въ Нубіи.)

моимъ плащемъ повѣрить журналу моему сдѣланныя мною замѣчанія. Выступленіе въ походъ скоро однакожъ послѣдуетъ за симъ отдохновеніемъ, и путешественники видятъ наконецъ къ вечеру зеленое пастбище вокругъ источника, куда они обыкновенно достигаютъ къ солнечному закату; тотчасъ зажигаютъ огни, употребляя на то или верблюжій сухой наземъ, обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ находимый, или изсушенный солнцемъ кустарникъ, и между тѣмъ какъ одна часть каравана поитъ вьючныхъ животныхъ, прочіе готовятъ ужинъ, состоящій обыкновенно изъ поджареныхъ лепешекъ, сдѣланныхъ изъ муки, масла и сухарей. Но весьма часто сцена перемѣняется. Путешественники встрѣчаются съ многолюдною ордою дружественныхъ Арабовъ, расположенныхъ вокругъ источника. Передъ кѣмъ бы то ни было, выходятъ они изъ своихъ палатокъ, разстилаютъ тростниковыя рогожи или ковры въ честь пришедшаго гостя у самаго входа въ шатеръ, не медля варится кофе и разносится вокругъ; закалываютъ ягненка или козленка и предлагаютъ его изжареннаго, вмѣстѣ съ верблюжьимъ молокомъ, расточаемымъ въ изобиліи. Весь вечеръ проходитъ въ куреніи трубокъ и слушаніи повѣстей; вдали вокругъ раздаются пѣсни юныхъ дѣвъ Аравійскихъ.— Величественное звѣздное небо часто вырывало меня изъ сего веселаго круга; одинокій, бродилъ я вокругъ стана, давая свободное теченіе своимъ мыслямъ; я искалъ на небесномъ сводѣ ту звѣзду западную, которая озаряла въ то время жилище моей любезной матери. О, безъ сомнѣнія такое путешествіе имѣетъ свои прелести — даже и посреди пустынь можетъ находить человѣкъ полное для себя удовольствіе! Счастіе нигдѣ преимущественно не избрало себѣ мѣста на сей землѣ; каждый можетъ найти его въ своей собственной груди, и оно тамъ свободно присутствуетъ, будетъ

15*

ли человѣкъ обращаться въ кругу образованныхъ народовъ Европы, или между полудикими Арабами.

Изъ письма отъ 25 Ноября 1811.

(Образъ путешествованія Буркарда. Обыкновенія Арабовъ.)

По истинѣ наслажденія, доставляемыя путешествіемъ по Востоку, когда оно соединено со всѣми удобствами, предпочтительнѣе всѣхъ путешествій по Европѣ. Кто имѣетъ вооруженныхъ проводниковъ и палатку, раскидываетъ послѣднюю каждый вечеръ на прекрасно расположенномъ мѣстѣ, не заботясь ни о грубыхъ почтальонахъ, ни о худшихъ еще лошадяхъ и о неопрятныхъ гостинницахъ, онъ ѣдетъ на своихъ собственныхъ лошадяхъ, имѣетъ свою собственную кухню и свою постелю, и вездѣ осыпанъ учтивостями, какъ только покажетъ рекомендательное письмо Паши! *Образъ моего путешествованія совершенно противуположенъ этому.* Я останавливаюсь каждый разъ въ грязномъ караванъсераѣ; плащь мой и земля служатъ мнѣ вмѣстѣ покровомъ и изголовьемъ. Ѣмъ я съ верблюжьими погонщиками, самъ чищу свою лошадь; и за то вижу и слышу многое, что вовсе не извѣстно покойно странствующему путешественнику. Въ пустынѣ пріучилъ я себя ко всѣмъ обычаямъ Арабовъ, о которыхъ я скажу вамъ здѣсь нѣсколько словъ.

Недостатокъ въ потребностяхъ роскоши, равно какъ и въ первыхъ необходимостяхъ, которымъ подвержены обитатели пустынь съ самаго дѣтства, предписало имъ умѣренность закономъ, который кажется почти невѣроятнымъ для горожанина. Часто утомленный зноемъ и быстрою ходьбою, бедуинъ предается сну, не имѣвъ цѣлый день ничего во рту кромѣ

глошка верблюжьяго молока и горсти муки, смѣшанной съ небольшою щепоткою соли. Обыкновенная пища его есть *фатите*, состоящая изъ несоленой мучной лепешки, вымѣшанной на водѣ и испеченной на золѣ изъ верблюжьяго назема. Все это вкушается только по солнечномъ захожденіи; до того же времени Арабъ весь день свой проводитъ съ тощимъ желудкомъ. Когда же входитъ въ палатку гость, тогда онъ начинаетъ обѣдать. Если гость человѣкъ значительный, тогда закалываетъ козу, и всѣ друзья хозяина называются сами быть у него въ гостяхъ; вареное мясо рѣжется на куски и бросается въ горшокъ, вокругъ котораго располагается все общество; каждый беретъ руками кость съ мясомъ, и откусивъ отъ оной куска два, опять бросаетъ ее въ горшокъ, откуда берётъ ее другой, поступая такимъ же образомъ, такъ что всякая кость гложется всѣмъ почтеннымъ обществомъ и переходитъ изо рта въ ротъ. Бѣдныя женщины должны довольствоваться ушами и ногами убитыхъ животныхъ.

Изъ Дамаска, отъ 20 Апрѣля 1812.

(Предсказаніе и Арабская пословица.)

Дамаскъ, равно какъ и вся Сирія, находятся въ бѣдственномъ положеніи. Торговля въ положеніи весьма зыбкомъ: купецъ обѣднялъ, земледѣлецъ пригнетенъ къ землѣ, безчисленныя селы совершенно оставлены, число народа уменьшается ежегодно, между тѣмъ какъ его нравственный характеръ день ото дня становится хуже: горестное зрѣлище для человѣка чувствительнаго, наблюдать послѣднее дыханіе умирающаго Царства, и тѣмъ еще горестнѣе, если воспоминаніе представляетъ ему въ то же время землю, болѣе и бо-

лѣе стремящуюся къ совершенству. И оно также со временемъ подпадетъ подъ желѣзную руку судьбы, и можетъ быть черезъ тысячу лѣтъ путешественники Американскіе будутъ также дивиться развалинамъ церкви Св. Павла въ Лондонѣ, какъ теперь Англійскіе путешественники изумляются нѣкогда царственной Пальмирѣ (1). Дѣла рукъ человѣческихъ исчезаютъ. Долговременность произведеній ихъ творческаго духа и память ихъ дѣяній свидѣтельствуютъ, что слава добраго имени есть единственная цѣль, къ которой долженъ только стремиться смертный.

Заключу письмо мое переводомъ одного маленькаго Арабскаго станса:

Всегда предметъ для сердца сладкой
Находитъ путникъ впереди;
Онъ на прошедшее украдкой
Глядитъ, но съ радостью въ груди.
Сверни же свой шатеръ широкой!
Жизнь странника утѣхъ полна!
Покинь свой край, и въ путь далекой
Стремись какъ быстрая волна, —
Зеркальная, чужда оплота,
Въ ней сводъ сіяетъ голубой:
Она пріятнѣе болота,
Заглохшаго въ землѣ родной.

---

(1) Здѣсь не льзя не упомянуть объ одномъ мѣстѣ послѣдняго романа Американца Купера: Red Rover, по его разительному сходству съ симъ предсказаніемъ Буркарда: „Всѣ они родились въ томъ отдаленномъ островѣ, изъ котораго вышли цѣлыя толпы народовъ и понынѣ выходятъ, и коему судьба безъ сомнѣнія опредѣлила передать свое имя тому времени, когда первобытное жилище его разрушеннаго величія и силы содѣлается предметомъ удивленія и будетъ посѣщаемо подобно развалинамъ города, лежащаго въ пустынѣ.“ (См. Красный разбойникъ Ч. 2.)

КАЛА - ЯВАНА.

ПОВѢСТЬ,

заимствованная изъ Гариваньы.

(Смерть Кала-Явана принадлежитъ къ эпохѣ, почитаемой историческою: это эпизодъ войны Джарасанда противъ Кришны. Слово *Явана*, напоминающее древнее имя *Іавана* и *Іонійскій*, привело многихъ въ сомнѣніе, что сей Князь былъ Александръ, или какой-либо другой Греческой завоеватель. Сіе предположеніе, если бы оно оказалось справедливымъ, перенесло бы къ эпохѣ цѣлымъ тысячелѣтіемъ новѣе, Кришну и поэтовъ, его прославлявшихъ. Въ самомъ же дѣлѣ словомъ *Явана* Индійцы именуютъ народъ, обитающій на западѣ, и симъ же именемъ прозывали они также всѣхъ вторгавшихся въ ихъ страну иноплеменниковъ, Могаметанъ и даже самихъ Англичанъ. Въ другую крайность, совершенно противуположную, впалъ Вильфордъ: въ глазахъ его Дева Кала-Явана былъ никто другой, какъ древній Девкаліонъ. Можетъ быть, гораздобъ правдоподобнѣе было предполагать въ Яванахъ Ассиріянъ и Персовъ, которые въ различныя эпохи появлялись въ Индіи, и даже почти во времена, приписываемыя Кришнѣ. Династія Вавилонская представляетъ намъ Щалая, наслѣдника Ара-белы (1). Я поставилъ себѣ въ обязанность предложить сей отрывокъ моимъ читателямъ, дабы они могли видѣть, до какой степени заблужденія доводитъ насъ духъ системы. Пусть судятъ они, имѣетъ ли Кала-Явана что-либо сходное или съ Македонскимъ Александромъ, или съ Даріемъ, Царемъ Персидскимъ; ибо, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, Кришна есть никто другой, какъ

(1) См. L'art de vérifier les dates.

завоеватель Греческій, побѣдитель Азіи, обезображенный Индійскими вымыслами. Впрочемъ сей Кала-Явана, кажется, царствовалъ въ странѣ, именуемой древнии Арахозія, что нынѣ Кандагаръ. Простой пріемышъ, усыновленный Государемъ, ему предшествовавшимъ, онъ наслѣдовалъ его царство, и пользовался нѣкоторою славою. Онъ былъ владѣтельный Князь многихъ народовъ, которые всѣ собирались подъ его знамена, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Посему неудивительно, что въ своемъ злополучіи, Цари, обитающіе по ту сторону Инда, приходятъ испрашивать его помощи противъ врага для нихъ общаго. Если основа сей повѣсти есть историческая, то не должно однакожъ забывать, что ее разсказываетъ стихотворецъ.)

КАЛА-ЯВАНА.

Цари, соединившіеся противъ Кришны (1), неоднократно видали свои усилія нес-

(1) Кришна есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ боговъ Индійской Миѳологіи. Имя его означаетъ *черный*, и живописцы, которые, какъ поэты, имѣютъ право лгать безнаказанно, придаютъ его лицу голубоватый оттѣнокъ. Подвиги его составляютъ предметъ *Магабараты*. Кришна былъ счастливый юноша тѣхъ древнихъ временъ, державшій въ страхѣ Царей и возбуждавшій удивленіе народовъ. Онъ былъ основатель многихъ городовъ и законодатель, а потомъ и обоготворенъ своими послѣдователями. Одинъ изъ его предковъ назывался Яду — отъ сего происходитъ имя *Ядава*, которое носитъ онъ и его спутники. Нѣкоторые думали найти сходство между симъ именемъ и словомъ Judaei; здѣсь упоминаемыя другія имена представляли также сходство подобнаго рода: изъ этого заключили, что исторія Кришны, въ нѣкоторыхъ изъ чудесныхъ о немъ повѣствованіяхъ,

проверженными доблестью повелителя Ядавовъ. Не довольствуясь похищеніемъ у нихъ побѣды на полѣ битвы, онъ явился даже ко Двору Бишмака, Царя Видарбы (1), оспоривать и отнять сердце Рукмини (2) у юныхъ любовниковъ, тамъ собравшихся для снисканія руки сей прелестной Царевны. Престарѣлый и миролюбивый Бишмака охотно принялъ бы къ себѣ въ зятья героя столь знаменитаго; но его сынъ Рукми, юный и необузданный, противился желанію своего отца и сестры, и требовалъ, чтобы рука ея была отдана одному изъ Царей, вмѣстѣ съ нимъ противустоявшихъ могуществу Кришны.

Сей послѣдній только что оставилъ Кундину (3), столицу Государства Видар-

---

была только дурнымъ подражаніемъ нашимъ священнымъ сказаніямъ.

(1) Видарба (Vidarbhâ) страна и городъ на юго-западѣ отъ Бенгала, нынѣ Барра-Нагпуръ или Берарь. Сіе имя означаетъ страну, лишенную нѣкотораго рода терна, называемаго дарба (darbha). Говорятъ, что какой-то праведный мужъ, уколотый стеблемъ сего терна, положилъ на него проклятіе; и съ того времени оный исчезъ во всей той странѣ.

(2) Рукмини значитъ *позлащенная*. Сіе слово напоминаетъ намъ эпитетъ, даваемый Римлянами Венерѣ, *aurea Venus*. Имя Бишмака совершенно противуположно Рукмини; оно значитъ *ужасный*.

(3) Стихотворцы смѣшиваютъ Видарбу и Кундину; но сто четырнадцатая глава *Гарнванзы* показываетъ, что Видарба, лежащая на полдень отъ Виндіи (Vindhya), означала край и древнюю столицу Видарба, предка Бишмакова (Bhichmaka), и что сей послѣдній имѣлъ пребываніе въ Кундинѣ.

ба, гдѣ блескомъ славы и великолѣпіемъ своего божественнаго поѣзда онъ унизилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Онъ удалялся, и уже, трепеща отъ стыда и гнѣва, враги его помышляли о мщеніи. Князья изъ областей среднихъ, отъ сѣвера, съ востока и запада откланялись Бишмакѣ, желая удалиться въ свои области. Но притекшіе отъ юга, Джарасанда (1), Сунита, мужественный Дантавактра (2), Сальва, Царь Соба, бла-

---

(1) Джарасанда (Djarâsandha), Царь Магада (Magadha), или полуденнаго Бегара, знаменитъ сопротивленіемъ своимъ Кришнѣ. Еще показываютъ развалины его дворца и древнюю статую, которую полагаютъ его изображеніемъ; она представляетъ нагаго человѣка, вооруженнаго булавою. Въ честь его поютъ воинственныя пѣсни, и приносятъ ему въ даръ цвѣты. Имя Джарасанда означаетъ: *союзъ, сдѣланный Джаромъ*, и по сему случаю разсказываютъ слѣдующую басню: Отецъ его имѣлъ двухъ женъ; одинъ святой кающійся далъ имъ манго — плодъ, который онѣ между собою раздѣлили; каждая изъ нихъ зачала и произвела по полуребенку. Джара, изъ числа тѣхъ злобныхъ духовъ, именуемыхъ *Ракшаса* (Rakchasa), вырылъ обѣ сіи части, соединилъ ихъ и образовалъ изъ оныхъ Джарасанду.

(2) Имя Дантавактра показываетъ безъ сомнѣнія природный недостатокъ сего Государя. Оно составлено изъ двухъ словъ, которыя означаютъ *зубъ* и *ротъ*: должно думать, что онъ былъ примѣчателенъ по своимъ зубамъ. Сунита (Sounitha) означаетъ: *добродѣтельный*. Сальва (Sâlva) есть имя народа, населяющаго одну область, лежащую въ средней Индіи, отъ которой безъ сомнѣнія зависѣло Королевство Соба (Sobha). Магакурма (Mahâcoûrma) означаетъ: *большая черепаха*. Индійцы полагаютъ, что

городный Магакурма, *Раджарши* (1) Венудари, повелитель Касмира (2) и еще другіе, неутомимые противники Кришны, собрались для совѣта вокругъ Бишмака. „Цари!" говорилъ имъ сей Монархъ, „вы столько великодушны, что не можете перенести безъ твердости торжество соперника. Я вижу съ соболѣзнованіемъ, скажу даже, съ живою заботою, упорное сопротивленіе моего сына. Когда помыслю о нашихъ протекшихъ бѣдствіяхъ, могу только трепетать о будущемъ. Мы должны покориться необходимости; что можемъ мы противупоставить счастливой судьбѣ Кришны?"

Такъ разсуждалъ Царь Видарбы. Тогда Сальва сказалъ:

Государь! твой благородный сынъ не заслужилъ упрека, который ты сей часъ обратилъ къ нему. Онъ помнитъ, что воитель (Kchatriya) долженъ умѣть побѣждать или съ твердостію переносить низложеніе, усугублять свои побѣды или возставать отъ пораженія. Сражаться безпрестанно, даже безъ надежды на успѣхъ — вотъ наша обязанность. И если мы исключимъ Кришну и

весь міръ утвержденъ на черепахѣ. Венудари значитъ: *сокрушитель тростей.*

(1) Раджарши (Râdjarchi) — Князь, возвысившійся въ достоинство Риши — особа священная.

(2) Я думаю, что сей страны никакъ не должно смѣшивать съ сѣверною областію того же имени, еще и нынѣ извѣстною подъ именемъ Кашмира. Далѣе Венудари названъ Царемъ Асмана.

Балараму (1), доблести коихъ отдаю и полную справедливость, кто изъ смертныхъ можетъ ласкать себя надеждою успѣшно сразиться съ твоимъ благороднымъ сыномъ? Кто рѣшится противустать силѣ его руки, когда онъ помаваетъ въ воздухѣ ужасное и божественное оружіе, врученное ему отъ внука Бригу, могущественнаго Рамы (2)? Но если онъ храбръ, то не менѣе того знаетъ, что есть препятствія, которыхъ и самое мужество преодолѣть не можетъ. Слѣдущій въ чтеніи нашихъ священныхъ книгъ, онъ знаетъ, что сей Кришна, коего божественное происхожденіе должны мы признать, можетъ быть еще низложенъ, хотя и не нами. Да, противупоставимъ нашему побѣдителю врага, покровительствуемаго своею собственною судьбою. Муни Паргія, подвергнувшій себя строгому двѣнадцатилѣтнему покаянію, получилъ отъ Сивы (3), сына, который, по особенному дару сего бога, невредимъ отъ

---

(1) Баларама, братъ Кришны и его сподвижникъ на войнѣ. Въ битвахъ употребляетъ онъ оружіе наподобіе сошника. Баларама есть Геркулесъ Индійской: слово Бала значитъ крѣпкій, сильный (validus). Его называютъ также Бала-Дева.

(2) Было трое Рамъ: первый Парасурама; второй Рамачандра (это тотъ, о которомъ теперь говорится); третій Баларама, о коемъ сей часъ упоминали выше.

(3) Сива или Мокадела (*великій богъ*) есть одно изъ божествъ Индійской тройственности; это богъ ужасный, все истребляющій.

ударовъ воителей Матуры (1). Сей избранный смертный Кала-Явана (2). Ему-то предоставлена слава побѣдить Кришну; чрезъ него, даже однимъ его рожденіемъ, должны будутъ совершиться предопредѣленія Сивы. Государи! я почиталъ себя обязаннымъ дать вамъ сей совѣтъ. Предлагаю его на судъ вашъ: если вы его одобрите, то да отправленъ будетъ отъ васъ посолъ къ Царю Явановъ (3); пусть узнаетъ чрезъ него, къ какому славному подвигу онъ нами избранъ.

Собравшіеся Цари благосклоннымъ шепотомъ одобряютъ сей совѣтъ. Повелитель надъ всѣми ими, великій Джарасанда, отвѣчаетъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, обнаруживающимъ, что его гордость уязвлена.

Опасеніе врага общаго соединило округъ меня устрашенныхъ Царей. Ихъ войска стеклись подъ мои знамена; престолы ихъ, хотя поколебнуты, но стоятъ еще. И они хотятъ нынѣ прибѣгнуть къ другому союзнику, и въ нихъ видимъ ту же вѣтренность, то непостоянство, которыя привыкли на-

---

(1) Матура (Mathourâ) городъ, въ которомъ родился Кришна; нынѣ Матра или Матура, на рѣкѣ Гангѣ, въ области Агра. Это мѣсто богомолья для Индійцевъ.

(2) Кала — имя, даваемое времени, которое все истребляетъ, или богу смерти. Въ семъ отношеніи ни одно имя не могло быть приличнѣе врагу Кришны.

(3) Индійцы называютъ общимъ именемъ *млечасъ* (mlpetchhas) всѣхъ иноплеменныхъ западныхъ народовъ.

ходишь только въ женщинѣ. Знаю, что судьба благопріятствуетъ Кришнѣ; но уже ли это можетъ принудить меня прибѣгнуть съ мольбою о помощи къ чужеземцу! Нѣтъ, скорѣе соглашусь умереть! Если уже я долженъ непремѣнно погибнуть отъ руки Кришны, Баларамы, или кого другаго, одинъ пойду на встрѣчу моему жребію. Сразиться и умереть, если должно, таковъ законъ Брамы, таковъ мой долгъ! я не вѣдаю другаго.

Но если съ одной стороны я почитаю для себя постыднымъ прибѣгнуть къ помощи посторонней, то однакожъ не могу противиться тому, что вы почитаете благомъ общимъ. Я согласенъ отправить къ Царю Явановъ посланника; пусть возвѣститъ онъ ему вашу Царскую просьбу. Но онъ долженъ съ быстротою пробѣжать разстояніе. Кришна можетъ снова появиться и наказать насъ за наше промедленіе. Царь Собы! тебя самаго назначаю я исполнить сіе важное порученіе. Иди, возсядь на свою колесницу, блестящую подобно солнцу. Быстро поспѣшай къ Царю Явановъ, и да узнаетъ онъ изъ устъ твоихъ, что собраніе Царей призываетъ его торжествовать надъ Кришною. Онъ великъ, могущественъ, и мы не сомнѣваемся въ успѣхѣ твоего посольства.

Сказавъ сіе, Джарасанда привѣтствуетъ Гишмаку и вмѣстѣ съ своимъ войскомъ избираетъ путь къ своему Государству. Салва стремится на свою колесницу и, какъ

ся, разсѣкаетъ воздухъ, несомый на крыльяхъ вѣтра. Другіе Государи равномѣрно удаляются: такъ окончилось сіе совѣщаніе, отъ коего въ послѣдствіи долженствовало возникнуть столько бѣдствій.

Кала-Явана, надежда и прибѣжище сихъ Царей, былъ Государь, исполненный храбрости и мудрый. Отецъ его былъ праведный Гаргія, наставникъ (gourou) поколѣнія Ядавовъ, изъ благочестія избравшій состояніе *брамачари* (1) (brahmatchâri) и не соединявшійся никогда узами брака. Зіяла (Syâla) однажды, насмѣхаясь надъ нимъ, приписывалъ другой причинѣ сію строгую добродѣтель, и святой Муни (2), чувствительно оскорбленный сею обидою, пожелалъ имѣть сына, который бы своею храбростію заставилъ раскаяваться насмѣшниковъ. Строгостями безмѣрнаго покаянія старался онъ снискать благоволеніе бога, носящаго трезубецъ (3); двѣнадцать лѣтъ провелъ онъ въ уединеніи, ложась на пыли или на ложѣ, изощренномъ желѣзными спицами. Тронутый его покаяніемъ, Сава возвѣстилъ ему, что онъ будетъ имѣть сына, могущественнаго въ битвахъ и столь же сильнаго, какъ всѣ дѣти Ядавовъ.

---

(1) Это первая степень жизни брамана: время, употребляемое имъ на изученіе. Потомъ переходитъ оно въ состояніе *грихаста* (*grihastha*) или хозяина дома.

(2) Такъ называются особы, ведущія жизнь въ подвигахъ благочестія и мудрости.

(3) Этотъ Богъ есть Сива.

Царь Ядавовъ не имѣлъ наслѣдника. Онъ услышалъ о семъ предсказаніи, привлекъ въ свои владѣнія благочестиваго отшельника и поселилъ его на землѣ (ghocha), окруженной обильными паствами и обитаемой смѣющимися пастушками. Одна изъ нихъ (то была переодѣтая апсара (1)) обратила на себя его взоры и содѣлалась матерью Кала-Явана. Дитя было воспитано въ гинекіонѣ Царя, который его усыновилъ и предоставилъ ему свое царство. Государь справедливый и добродѣтельный, Кала-Явана управлялъ своимъ Царствомъ съ такою же силою какъ и кротостію; свѣдующій, просвѣщенный, полный вѣры, онъ былъ герой мужественный на войнѣ и благоразумный въ совѣтѣ.

Спокойно сидѣлъ онъ посреди своихъ придворныхъ и благочестивыхъ брамановъ. Попремѣнно каждый изъ нихъ разсказывалъ ему повѣсть, въ коихъ боги по большей части были героями. Въ то время сладкій и благоухающій вѣтерокъ прохлаждалъ воздухъ. Вдругъ очи ихъ поражены предметомъ, обратившимъ на себя все ихъ вниманіе. Отъ страны полудня приближилась колесница, блестящая златомъ и драгоцѣнными каменьями, съ сіяющимъ знаменемъ на верху и украшенная тигровымя кожами.

(1) Апсары суть небесныя музыкантши двора Индры. Вотъ какъ Поэзія умѣетъ украсить грубыя подробности тѣхъ низкихъ происхожденій, столь обыкновенныхъ на Востокѣ дѣтей причудливаго сладострастія.

Кони, ее несущіе, казались столь же быстрыми, какъ мысль. Всматриваются и узнають издали Царя Собы. „Да приготовить ему дары драгоцѣнные (arghia) (1) и омовеніе ногъ" сказалъ Кала-Явана одному изъ своихъ приближенныхъ. Сей, услышавъ повелѣніе Царя, встаетъ, беретъ дары и становится на пути приближающагося гостя. Салва замѣтилъ всѣ сіи движенія и во глубинѣ сердца возрадовался. Онъ сходитъ съ своей колесницы, идетъ во дворецъ, и видя почести, ему оказываемыя: „Помедли," воскликнулъ онъ, „благородный Государь! нынѣ я прибылъ къ тебѣ не какъ другъ твой, но какъ посланникъ Царей и мудраго Джарасанды. Разсмотрю напередъ, могу ли я по сему званію быть принятъ тобою."

Кала-Явана отвѣчалъ ему: Сіе званіе, ввѣренное тебѣ справедливымъ довѣріемъ царственнаго собранія, священно. Оказывая тебѣ почести, въ лицѣ твоемъ чествую и повелителя Магады и Царей, его союзниковъ. Удостой принять сіи дары, сію воду, сей престолъ: возсядь подлѣ меня.

При сихъ словахъ оба Царя пожимаютъ другъ у друга руку; разсыпаютъ взаимныя привѣтствія, и, окруженные всѣмъ дворомъ, идутъ возсѣсть на престолъ.

---

(1) *Арга* или *Аргія* есть приношеніе изъ риса, цвѣтовъ, воды, кунжутнаго сѣмени, ячменя и дерева краснаго сандала, которое подносятъ въ сосудѣ, имѣющемъ форму лодочки, особѣ, коей намѣрены оказать почесть. Сіи предметы полезны или для убранства, или для удовлетворенія голода.

Довѣренность, сказалъ Кала-Явана, которую полагаемъ мы на Царя покровителя, подобна довѣренности боговъ на ихъ повелителя, справедливаго и могущественнаго Индру (1): она должна быть полная, и совершенно исключаетъ всякій родъ опасенія. Въ чемъ же посылающій тебя Государь можетъ обмануть твои надежды? Скажи мнѣ всю истину. Какой предметъ твоего посольства? Располагайте моимъ могуществомъ: какова бы ни была ваша просьба, я ни въ чемъ не могу отказать тому, кто тебя посылаетъ.

Царь Явановъ! отвѣтствовалъ Сальва, я раскрою предъ тобою всю мысль повелителя Магады. Онъ будетъ говорить тебѣ моими устами; но чтобы еще болѣе возбудить твое участіе въ нашу пользу, почитаю нужнымъ изложить тебѣ бѣдственную повѣсть послѣдней битвы, которую мы имѣли съ врагомъ, кажется, предопредѣленнымъ торжествовать надъ всѣми нашими усиліями. Кришна (это имя того врага, кото-

(1) Рай Индійцевъ (swarga) и власть надъ божествами второстепенными (devas) поручены одному повелителю, по имени Индра: онъ перемѣняется, и можетъ быть лишенъ своего могущества Государемъ, который совершитъ жертвоприношеніе ста коней, или святымъ, подвергнувшимся самымъ суровымъ покаяніямъ. Это самое заставляетъ его завидовать достоинству смертныхъ, коихъ добродѣтель его устрашаетъ; почему онъ и старается всѣми силами поколебать ее. Сей повелитель боговъ измѣняется съ каждою перемѣною времёнъ, именуемою *manwantara*.

рый сопротивляется могуществу Джарасанды), Кришна удалился на гору Гоманту. Окруженный силами всѣхъ Царей, намъ союзныхъ, казалось, что его гибель была рѣшена. Чтобъ лучше еще быть въ ней увѣрену, Джарасанда велѣлъ зажечь лѣсъ, облегающій гору, и пламя, со всѣхъ сторонъ поднявшееся, подобно было тому, которое нѣкогда должно истребить міръ при концѣ сего вѣка (gouga) (1). Баларама, братъ Кришны, съ вершины горы видитъ опасность: онъ ринулся чрезъ огонь, и вторгается въ средину рядовъ нашего войска, которое можнобъ было уподобить волнамъ необъятнаго, колыхающагося моря; кони, слоны, колесницы и воины, ничто не противится его ударамъ. Какъ быстрая змѣя, его воинственный сошникъ (2) вращается туда и сюда, прорѣзывая кровавыя брозды въ нашемъ воинствѣ; гдѣ только взнесется его булава, повсюду смерть за нею. Онъ опрокидываетъ, ниспровергаетъ слона на слона, пѣшаго на пѣшаго, колесницу на его возницу, коня на всадника. Онъ вездѣ, и если въ сей битвѣ наши Цари сіяли, какъ свѣтозарныя солнца, то онъ, онъ казался солнцемъ знойнаго лѣта, все палящимъ, все истребляющимъ. Столь же страшенъ какъ Баларама, въ недальнемъ разстояніи

(1) Индійцы, какъ и Греки, считали четыре вѣка. Мы теперь живемъ въ послѣднемъ, именуемомъ каліога (caliyouga).

(2) Мы уже сказали, что оружіе Баларамы имѣло видъ сошника, въ плугѣ употребляемаго.

былъ замѣченъ и Кришна. Съ высоты горы, объятой пламенемъ, дрожащей подъ его ногами, онъ спустился съ быстротою, проникая далеко въ ряды наши, подобно камню, который, летя изъ средины облака и гонимый бурею, глубоко зарываетъ землю и жжетъ ее въ своемъ теченіи. Воины и Государи, всѣ ниспровержены, падали пожатые его *чакрою* (1) или вблизи положенные его булавою. Песокъ усѣянъ трупами людей, слоновъ и коней, имъ поверженныхъ. Въ одно мгновеніе два непріятеля распространили безпорядокъ и опустошеніе въ великомъ войскѣ, какъ бы внезапно унесенномъ вѣтромъ ихъ гнѣва и сожженномъ огнемъ ихъ *чакры* или воинственнаго *сошника*.

Джарасанда, видя свое воинство разсѣяннымъ и трепещущимъ отъ страха, выступаетъ самъ на битву, окруженный множествомъ воинственныхъ колесницъ. Балрама идетъ къ нему на встрѣчу; нападаетъ на него какъ яростный левъ; и мыслитъ довершить побѣду, одержанную надъ цѣлымъ воинствомъ. Удары его подобны грому и вносятъ ужасъ до глубины души. Видя его, можнобъ было подумать, что это Карти-

---

(1) *Чакра* есть оружіе въ видѣ колеса, коего кра[illegible] суть тупы и остры. Сіе колесо, брошенное съ силою, было безъ сомнѣнія притягиваемо назадъ посредствомъ ремня, къ коему оно было привязано. На картинахъ изображается оно какъ бы прикрѣпленное къ концу длиннаго рукава.

кейя (1), ратующій съ Кроичею. Его раскаленныя очи, казалось, пожирали непріятеля. Кто могъ противиться сему воину, возносящему свою булаву, столь же грозную, какъ ужасный скипетръ бога смерти (2). Не знаю, какія бы слезы было проливать намъ при концѣ сей битвы, если бы голосъ божественный, сшедшій изъ среды облака, если бы самъ Врама не раздѣлилъ двухъ героевъ. „О ты, держущій истребительный сошникъ!" вѣщало существо невидимое, „сія жертва не должна погибнуть подъ твоими ударами; другому предоставлена честь заклать ее." При сихъ словахъ ярость обоихъ воиновъ утихаетъ; Баларама удаляется и Джарасанда остается неподвиженъ и трепетенъ отъ гнѣва.

Наученные своимъ бѣдствіемъ, Цари, пославшіе меня къ тебѣ, великій Государь, повинуются велѣніямъ судьбы; поелику ихъ мужество безсильно противу Кришны, они прибѣгаютъ къ другому способу защиты. Ты только можешь подать имъ сію помощь. Одно предсказаніе вѣщаетъ, что ты невредимъ отъ ударовъ воителей Матуры. Баларама и Кришна оба рождены въ сей странѣ — судьба ихъ въ твоей волѣ. Иди, Государь, — тебѣ предназначена побѣда; и

(1) *Картикейя* есть богъ войны. *Кроича* — гигантъ, имъ низложенный. Картикейя имѣетъ шесть лицъ и двѣнадцать рукъ и изображается ѣдущимъ верхомъ на павлинѣ.

(2) Богъ смерти назывался Яма или Кала. Онъ черенъ и ужаснаго вида.

мы, призываемъ тебя исполнить твое предопредѣленіе. Ты одинъ только можешь удержать Кришну посреди его побѣдъ. Уже ли откажешься ты отъ сей почести? Радующіе о твоей славѣ, вѣроятно, такое же мнѣніе дадутъ тебѣ и твои мудрые совѣтники. Да, Кришна долженъ быть побѣжденъ тобою; онъ исчезнетъ предъ лицемъ твоимъ какъ роса при лучахъ солнечныхъ."

„Почитаю себя слишкомъ счастливымъ," отвѣчалъ Кала-Явана, „что могу исполнить ваше ожиданіе. Благословляю судьбу, призывающую меня обуздать честолюбіе Кришны. Какъ! три міра, Суры (1) и Асуры, вотще бы соединились, чтобы побѣдить его; и меня назначаетъ судьба къ торжеству столь славному. Такъ, пріемлю участіе въ дѣлѣ общемъ для Царей столь великодушныхъ; убѣждаюсь ихъ гласомъ, меня зовущимъ; и если когда-либо можно радоваться низложенію, то я возвеселюсь тѣмъ, которое будетъ для меня источникомъ подобной побѣды. Не колеблясь, вступаю въ войну столь славную. Въ нынѣшній день созвѣздіе (2), положеніе свѣтилъ,

---

(1) Это имя *Девасъ* или боговъ, коихъ враги именуются асурами.

(2) У Индійцевъ мѣсяцъ, обыкновенно лунный, находится подъ вліяніемъ 27 созвѣздій болѣе или менѣе счастливыхъ; дни недѣли, посвященные тѣмъ же планетамъ, какъ и наши, не равно счастливы; и между мѣсяцами есть такіе, которые почитаются злополучными. Такъ вторникъ и суббота почитались днями несчастными. Въ день счастливый одиннадцатый часъ и половина двѣнадцатаго суть часы

все намъ благопріяшсшвуешъ. Я иду на Машуру; не все ли равно эшо, что идши къ побѣдѣ."

Сказалъ, и предлагаешъ Царю Собы богашые и драгоцѣнные дары. Даешъ Враманамъ и своему первосвященнику (pourohita) великую сумму денегъ, поручая имъ совершашь обѣшы объ успѣхѣ его оружія. Самъ же поспѣшаешъ принесши жершвоприношеніе огню, и располагаешся приступишь къ исполненію начашаго предпріяшія. Салва, осчасшливленный исполненіемъ своего посольсшва, обнимаешъ Царя Явановъ, и направляешъ пушь въ свое Государсшво.

злополучные. При появленіи Сашурна Индійцы шрепещушъ: если ихъ въ шо время оскорбляюшъ, они эшо переносяшъ какъ есшесшвенное вліяніе шого времени. Сашурнъ въ девяшомъ созвѣздіи мѣсяца предвѣщаешъ великія бѣдсшвія. Смошря по мѣсяцу, въ кошорый всшупаюшъ въ бракъ, люди бываюшъ или богашы или бѣдны, немощны или здоровы, любимы или обмануты своею женою, счасшливы или несчасшливы въ дѣшяхъ. Суевѣріе и легковѣріе сущесшвовали во всѣхъ вѣкахъ. Магомешане, наслѣдовавшіе Индійцевъ, не были чужды ошъ онаго. Въ 1554 году Сулшанъ Гумайунъ, возвращаясь въ Индосшанъ, захошѣлъ узнашь, будешъ ли успѣшно его предпріяшіе. Онъ посылаешъ впередъ шрехъ всадниковъ съ приказаніемъ, чшобы каждый изъ нихъ осшановилъ перваго человѣка, кошорый ему повсшрѣчаешся (шаковъ, говоряшъ, былъ древній обычай) и чшобы спросилъ, какъ зовушъ его. Одинъ всшрѣшилъ пушешесшвенника, коего имя означало *благополучіе*; другой человѣка, имя кошораго выражало *наклонность*; а шрешій поселянина, называющагося *счастіемъ*. Эшо все были предсказанія, благопріяшныя для его похода.

Кришна между тѣмъ возвращался къ Матуру и помышлялъ о бурѣ, которая вскорѣ должна была разразиться надъ симъ городомъ. Издавна божественный Народа (1) извѣстилъ его о судьбѣ Кала-Яваны, и Кришна, не выпуская изъ вида сего непріятеля, который нѣкогда долженствовалъ быть ему страшенъ, слѣдилъ издали за всѣми его движеніями. Онъ вскорѣ узналъ о послѣднемъ его намѣреніи, и видѣлъ, что Матура съ трудомъ перенесетъ сіе вторженіе, въ которомъ Кала-Явана, начальствуя своими войсками и всѣми силами Царей союзныхъ, былъ еще сверхъ того защищаемъ самимъ жребіемъ. Сколькими бѣдствіями будутъ постигнуты знаменитые потомки Ядавовъ! Но Кришна сумѣетъ защитить ихъ противъ свирѣпости его враговъ. На западномъ краѣ хребта горъ Ревата (2) есть земля, называемая *Кузастали* (3), обитаемая Ракшасами (4),

---

(1) Народа, имя одного святаго, сына Брамы и друга Кришны. Онъ изобрѣтатель Индійской лютни, называемой *vînâ*.

(2) Это имя западной части горъ Виндія (Vindhyas), отдѣляющихъ западной полуостровъ Индіи отъ Индостана. Ревата заимствуетъ имя свое отъ рѣки *Рева*, которая оттолѣ вытекаетъ.

(3) Это имя дано было многимъ странамъ. Здѣсь же означаетъ оно часть Гузурата во глубинѣ Кучскаго залива.

(4) Такъ называются существа злобныя и занимающіяся хищеніями. Они живутъ посреди гробницъ, мѣшаютъ жертвоприношеніямъ и даже пожираютъ людей. Страна ихъ лежитъ на югозападѣ.

страна пріятная и омываемая Оксаномъ; богатая, плодоносная, покрытая различными травами и деревьями, наполненная животными, или определенными разделять труды человека, или служить ему пищею. Кришна посылаетъ Гаруду (1) осмотрѣть ее, и поручаетъ ему избрать тамъ мѣсто, удобное для основанія новаго города. Самъ онъ направляетъ путь къ Матурѣ, гдѣ его ожидали торжественныя почести.

На алтаряхъ лежали уже дары (poudjâ), приносимые богамъ признательностію смертныхъ. Храмъ Васудева (2), отца Кришны, украшенъ былъ тріумфальными вратами, покрытыми знаменами, хоругвями и плющами. Врата градскія блистали лакомъ, составленнымъ изъ желтой пыли *миробалана*. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ герой долженъ былъ остановиться, разставлены были бальядеры съ знаменами и вѣнцами, музыканты, пѣвчіе и комедіанты, которые долженствовали образовать различныя пляски. На улицахъ, кои были обвѣшены, разостланы были ковры и драгоцѣнныя ткани, напитанныя благовоніемъ сандала. По пра-

(1) Гаруда — существо половину-человѣкъ, половину-птица, служащее вмѣсто коня Кришнѣ. Онъ сынъ Касіана и Винатá.

(2) Васудева, отецъ Кришны, былъ зять Короля Матуры. Жена его называлась Деваки. Имя Васудева составлено изъ словъ васу, *богатый* и дева, *богъ*, почетное имя, которое даютъ Государямъ и особамъ, прославившимся своею святостію. Такимъ же образомъ и Римскіе Императоры принимали титло *divus*.

вую и по лѣвую сторону расположены были курильницы, гдѣ горѣли сандалъ, алое, Индійское дерево, душистая смола и благовонная камедь сардья (1). Старцы и мужи зрѣлые, женщины и дѣти, всѣ неперерывъ должны были прославлять побѣды Кришны, и его супруги, въ Гинекіонѣ, приготовляли также дары почести (arghya). Но уже издали раздался звукъ воинственной трубы побѣдителя. Мгновенно всѣ жители стремятся во срѣтеніе герою; имъ предшествуетъ Царь Угразена (2), сошедшій съ своей колесницы и пѣшкомъ идущій. Является Кришна, сидящій на колесницѣ, блестящей драгоцѣнными каменьями; огнь, проливаемый бриллiантами, блистаетъ на всѣхъ частяхъ его одежды; самъ онъ ослѣпляетъ какъ солнце. На груди его виситъ четки изъ драгоцѣннаго дерева; вокругъ него всѣ знаки Царскаго могущества: знамя (dhivadja), опахало (vyadjana), товри (tchamara) (3) и зонтъ. Съ трудомъ переносятъ глаза блескъ, окружающій Кришну. Угразена приближается къ нему; онъ подноситъ ему дары обычные (arghya); хочетъ его привѣтствовать. Какія слова человѣческія могутъ достойно восхвалить бога!

---

(1) Это есть дерево, называемое shorea robusta.

(2) Угразена означаетъ — *предводитель грознаго войска*. Слово *ougra*, страшный, грозный, напоминаетъ о Французскомъ словѣ *ogre*. Угразена былъ дѣдъ Кришны по матери.

(3) Это есть опахало, сдѣланное изъ хвоста Татарской коровы.

Кришна его увольняетъ отъ сего. „Государь," говоритъ онъ ему, „твои чувствованія давно мнѣ извѣстны; не въ такомъ видѣ долженъ являться передо мною Царь Матуры. Взойди на сію колесницу, облеки себя въ сіи знаки монаршаго достоинства и сверхъ того еще украсъ свое чело сею блестящею діадимою." Въ то же самое время онъ даетъ повелѣніе сложить значительную часть добычи въ Царское казнохранилище. Каждому жителю Матуры раздаетъ онъ по десяти золотыхъ монетъ, именуемыхъ *динара* (1). Стихотворцы и витіи, называемые сута и магада (soûtas et magadhas), получаютъ оныхъ каждый по 1,000; не забыты его щедростію ни старцы, ни женщины; и сіи черноликіе люди, прислуживающіе Царю, получили также, для раздѣла между собою, десять тысячъ *динаровъ*. Можнобъ было сказать, что по случаю возврата Кришны въ его отечество золотой дождь упалъ на Матуру.

---

(1) *Динара* — золотая монета цѣны неопредѣленной, ибо вѣсъ оной не всегда былъ одинаковъ. Сіе слово происходитъ отъ *дина*, означающее *бѣдный*: это даръ, слѣдующій отъ богача бѣдному. *Динарій* есть новая Персидская монета, и по видимому слово динара, встрѣченное нами, кажется, должно бы опровергать великую древность книги, въ которой мы ее находимъ. Но слово Персидское могло быть заимствовано отъ древняго Индійскаго слова, и даже весьма возможное дѣло, что выраженіе Латинское denarius происходитъ отъ Санскритскаго, не взирая на ту этимологію, которую стараются дать оному.

Угразена восходитъ на свою колесницу и предшествуетъ поѣзду, который въѣзжаетъ въ городъ, при звукѣ барабановъ, кимваловъ и воинственныхъ трубъ. Крикъ слоновъ, ржаніе коней, львиный голосъ воиновъ и шумъ колесницъ, составляли что-то ужасное, подобное вою бури. Къ хваламъ стихотворцевъ народъ присоединяетъ свой голосъ: всѣ его привѣтствуютъ своими восклицаніями. „Да здравствуетъ" восклицаютъ отвсюду „сей Герой, скромный и въ побѣдѣ! Онъ великъ былъ до побѣды, еще славнѣе посреди торжества." Видя его благородный и величественный видъ, женщины опускали голову и пѣли въ честь его гимны. „Да," восклицали онѣ, „это богъ; это самъ Нараяна (1); изъ жилища славы и блаженства низшелъ онъ въ Матуру. Для обитанія на землѣ оставилъ онъ млечное море, гдѣ всегда присутствовалъ; то божественное ложе, гдѣ онъ возлегалъ на великомъ зміѣ (2). Это онъ, побѣдитель гиганта Бали (3), вручившій Индрѣ власть

---

(1) Нараяна, имя Вишну; это духъ, нѣкогда носившійся надъ водами и исполнявшій жизнію людей.

(2) Вишну, божество, сохраняющее одно изъ лицъ Индійской тройственности, обыкновенно представляютъ лежащимъ на змiѣ Ананта. Сей змій имѣетъ тысячу головъ, которыя, наклонясь надъ Вишну, служатъ ему вмѣсто зонта. Можно ли упрекать Индійцевъ въ томъ, что они въ своемъ героѣ Кришнѣ видѣли бога, когда образованные Римляне находили Аполлона въ Августѣ?

(3) Бали былъ Царь Детія (Dêtya) или непріятелей боговъ, который добродѣтелями своими былъ у

надъ тремя мірами. Да здравствуетъ Кришна: онъ не Царь Матуры, но ея Герой, ея избавитель!«

Суты и Магады (Soûtas et les Mâgadhas) учеными и звучными своими стихами воспѣваютъ также его величіе. Они постепенно исчисляютъ всѣ его качества, прославляютъ его силу, благоразуміе, великодушіе, превозносятъ блаженство даровавшей ему жизнь — добродѣтельной Деваки.

Такъ посреди кликовъ радости и торжества Кришна приближался къ Матурѣ, которую въ тотъ день можнобъ было принять за божественную Амаравати (1), перенесенную на землю. Герой отказывается отъ почести вступить въ Царскіе чертоги и удаляется въ домъ Васудевы. Онъ повергается къ ногамъ своего отца и матери и воздаетъ имъ дань благоговѣнія и покорности.

Радость царствовала въ Матурѣ, а забота въ глубинѣ сердца Кришны. Сей городъ, въ который онъ вступилъ съ такимъ торжествомъ, вскорѣ долженствовалъ быть оставленъ своими жителями, вынужденными искать другую отчизну. Гаруда въ точности исполнилъ порученіе, на него

близокъ получить небо въ свое владѣніе. Трепетные боги принесли жалобу. Вишну родился въ видѣ карлика. Бали былъ лишенъ своего земнаго государства и посланъ какъ Царь въ области подземныя, до того времени, въ которое онъ сдѣлается Индрою или повелителемъ неба.

(1) Амаравати — городъ небесный, столица Индры. Сіе слово означаетъ *безсмертная*.

возложенное: новый городъ воздвигается на одномъ изъ островов Океана, не въ дальнемъ разстояніи отъ берега, гдѣ понижается цѣпь горъ Реваша, и художникъ боговъ, Висвакарма (1), обнаруживаетъ тамъ все свои дарованія, чтобы уготовить жилище, достойное потомковъ Ядавовъ.

Кришна собираетъ правителей народа; онъ хочетъ говорить съ ними открыто. „Благородные Ядавы!" говоритъ онъ „участь могущества возбуждаетъ зависть. Земля Матура и Врадія (2) пространна и населенна. Это самое возбудило противъ насъ ненависть нашихъ сосѣдей: мы ихъ побѣдили, — и сія ненависть содѣлалась непримиримою. Оскорбленная гордость исполнила ядомъ сію зависть, которую внушаетъ имъ и сила нашихъ войскъ, и обиліе нашихъ сокровищъ, и число союзниковъ. Удивительное прирощеніе Матуры, взглядъ на цвѣтъ сего юношества — надежду нашей отчизны, можетъ, безъ сомнѣнія, внушить намъ довольно увѣренности. Но свирѣпость Джарасанды не имѣетъ предѣловъ: онъ вооружаетъ противъ насъ враговъ, которымъ судьба не дозволяетъ побѣдить насъ. Они идутъ на Матуру, одушевленные надеждою и желаніемъ мести. Тщетно будемъ льстить себѣ, что успѣемъ укротить ихъ; они требуютъ битвы, и ихъ войска столь много-

(1) Висвакарма — вулканъ Индійскій. Онъ совершаетъ всѣ чудесные труды. Сіе слово значитъ *искусный во всѣхъ произведеніяхъ*.

(2) Врадія есть часть Государства Матуры: тамъ былъ воспитанъ Кришна.

численны, что если бы мы и всегда оставались победителями, то и тогда на совершенное истребленіе оныхъ потребны многіе годы. Къ томужъ еще, сколько бѣдствій, сколько опасностей для всѣхъ намъ близкихъ. Укроемъ отъ ярости врага то, что наиболѣе намъ любезно. Другой городъ васъ ожидаетъ. Гдѣ вы будете находиться, благородные потомки Ядавовъ, тамъ всегда будетъ ваша отчизна. Я говорилъ вамъ откровенно; сами разсмотрите, что будетъ выгоднѣе при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ."

„Единственная опора Матуры!" воскликнулъ Угразена, отъ имени всѣхъ, „судьбы наши въ твоихъ рукахъ. Безъ тебя на какое благополучіе можемъ мы возложить наше упованіе: нынѣ мы подобны женамъ, не имѣющимъ болѣе покровителей въ своихъ супругахъ. Ты нашъ повелитель, нашъ отецъ; охраняемые тобою, не страшимся мы всѣхъ Царей, противу насъ соединившихся. Мы готовы повсюду слѣдовать за тобою, увѣренные, что съ тобою вездѣ будемъ слѣдовать къ побѣдѣ."

Свершилось! земля Матуры, оставленная своими жителями, скоро содѣлается обширною пустынею (1), поприщемъ суетныхъ

(1) Сей разсказъ можетъ показаться для иныхъ совершенно стихотворнаго преувеличенія. Однакожъ Исторія Восточная иногда представляетъ намъ и чудеса правдоподобными. Дели (Dehli), обыкновенная столица Государей Индійскихъ, нѣсколько разъ была покидаема для другихъ столицъ. Наблюдыва-

усилій обманутаго непріятеля. Кришна повелѣлъ, и всѣ потомки Ядавовъ, добровольные изгнанники, удаляются изъ мѣстъ родины. За шумомъ празднествъ и торжествованій наступаетъ смятенная тревога поспѣшнаго переселенія. Глухой ропотъ, какое-то неясное смятеніе всюду господствуетъ и далеко распространяется: такъ трепещутъ и подымаются морскія волны при шумѣ вѣтра начинающейся бури. Ядавы отправляются въ путь. Слоны, украшенные богатыми чепраками, позлащенныя колесницы, кони, понуждаемые бичемъ возницъ, переносятъ ихъ богатство, ихъ женъ, дѣтей, все ихъ семейство. Это не льзя было назвать побѣгомъ; звукъ барабановъ раздавался въ воздухѣ, но однакожъ взоры часто обращались назадъ къ мѣстамъ поки-

ютъ, что въ 1338 году Могаммедъ III рѣшился избрать мѣстопребываніемъ своимъ городъ Деогуръ, что въ Деканѣ. Онъ велѣлъ жителямъ, чтобы они не медля оставили свои домы: женщины, дѣти, старики съ своимъ имуществомъ и стадами принуждены отправиться въ путь. Чтобъ придать нѣкоторый родъ торжества сему переселенію, Могаммедъ приказалъ вырывать съ корнемъ деревья и разсадить правильными линіями вдоль дороги. Не имѣющіе способовъ къ совершенію сего пути получили вспомоществованіе изъ его казнохранилища. Деогуръ, принявшій названіе *Довлатабада*, или счастливаго города, украсился богатыми домами, исправленныя стѣны были окружены широкимъ рвомъ. На холмѣ, гдѣ прежде была крѣпость, сдѣлали обширныя хлѣбохранилища и расположили прекрасные сады. Древняя столица совершенно опустѣла. Сіе переселеніе цѣлаго города столь же необыкновенно, какъ и жалкой Матуры.

даемымъ. Престарѣлый Васудева управлялъ сей первою толпою, за которою слѣдовали воины и начальники, предводительствуемые Кришною, составляя такимъ образомъ родъ прикрытія. Наконецъ они прибыли въ страну плодоносную, насажденную *кетаками* (1) (ketakas), *талисами* (пальмами), *пуннагами* (pounnagas), покрытую стадами слоновъ и испещренную тысячью различными цвѣтами. Сіе зрѣлище очаровываетъ взоры спутниковъ Кришны: эта земля изгнанія скоро содѣлается для нихъ жилищемъ почти божественнымъ. Тамъ, на островѣ, у подошвы Ревата, недалеко отъ блестящихъ городовъ, повинующихся скипетру Царя Синдху (Sindhou) (2), городъ по имени Дварака (3), начертанный по планамъ Кришны, принимаетъ бѣгствующихъ Ядавовъ и вознаграждаетъ ихъ за всѣ сдѣланныя ими пожертвованія.

Съ другой стороны Кала-Явана собралъ свои силы. По его призыву стеклись къ нему всѣ Цари Млетчасъ (Mletchhas) (4), Саки (Sakas Saces), Тушары (5), Дарады,

(1) Кетака есть pandanus odoratissimus, а Пуннага — Rottleria tinctoria

(2) Это край, гдѣ протекаетъ Индъ или Circдъ.

(3) Дварака или Дваравати прозвана такимъ образомъ по причинѣ тріумфальныхъ воротъ, ее украшавшихъ.

(4) Такъ называются народы, которые не суть Индійцы: это имя есть аонимъ слова *варваръ*.

(5) Въ одной рукописи находится Тушара (Touthara): можетъ быть, это есть древнее поколѣніе *Turcae*, иначе называемое *Tourouchkas*.

Парады (Paradas, Parthes), Тангаты, Кази (Khasas, Scythes), Палавы (Pahlavas, Персіяне) и сто другихъ народовъ, населяющихъ ледяныя горы, соединились для грабительства и убійства, подобно тучамъ саранчи, все истребляющей въ своемъ теченіи. Ужасные и другъ отъ друга отличные по своимъ оружіямъ и одѣяніямъ, они приближаются къ Матурѣ. Безчисленное количество слоновъ, верблюдовъ, ословъ и лошадей имъ сопутствуютъ. Земля дрожитъ подъ ихъ ногами и само даже солнце было омрачено пылью (1).

Два предводителя противныхъ сторонъ, еще до своей встрѣчи, уже имѣли другъ съ другомъ сношеніе безмолвное, но выразительное. Кришна заключилъ въ сосудъ огромную *черную* (2) змѣю. Сосудъ сей, за его печатью былъ врученъ надежному посланнику. Посланный является предъ Кала-Явана, раскрываетъ сосудъ и говоритъ: Вотъ

(1) Я пропустилъ здѣсь маленькую подробность, которая, вѣроятно, есть ничто иное какъ насмѣшка поэта надъ этимологистами его времени. Онъ говоритъ, что рѣка, по имени Асвасакритъ, образовалась тогда отъ нечистотъ всѣхъ сихъ животныхъ. Войска Ксерксовы осушали рѣки, армія Кала-Явана ихъ производила.

(2) Надобно припомнить, что слово *Кришна* значитъ *черный*. Сія змѣя есть *Кришна - сарпа* или *cobra capello*. Сей анекдотъ можетъ послужить новымъ примѣромъ того символическаго языка, который употребляли древніе народы. Такъ Скиөы прислали къ Дарію птицу, мышь, лягушку и пять стрѣлъ. Истолкованіе, данное оными, всѣмъ извѣстно.

Кришна. Кала-Явана, котораго такое посольство долженствовалобъ привести въ робость, беретъ сосудъ, наполняетъ его крупными муравьями, снова закрываетъ его и за своею печатью приказываетъ отнести обратно къ повелителю Ядавовъ. Сосудъ открытъ, и находятъ, что змѣя совершенно изъѣдена муравьями, что означало великое множество войскъ непріятельскихъ, и предсказывало жребій, уготовляемый для Матуры.

Но если земля Матуры имъ была оставлена, то это для того, чтобы укрыть жителей отъ ихъ свирѣпства. Этого было мало для Кришны; Кала-Явана долженъ былъ еще заплатить за свою дерзость. Въ сей самый городъ, гдѣ Царь Млетчасъ (Mletchhas) торжествовалъ надъ развалинами, герой Двараки госмѣливается предстать предъ нимъ. При видѣ его Кала-Явана стремится, воспламененный яростію. Кришна съ умысломъ обращается въ бѣгство, и съ хитростію приманиваетъ за собою своего непріятеля, повсюду за нимъ слѣдящаго. Безумный, онъ мечтаетъ овладѣть воиномъ, который, напротивъ того, влечетъ его къ погибели и незамѣтно приводитъ къ пещерѣ Мутчукунда (Moutchoucounda) (1).

Сей Мутчукунда былъ древній Царь, сынъ Мандата (Maudhata) (2). Онъ нѣкогда

(1) Имя Мутчукунды есть названіе одного дерева (pterospermum salici-folium).

(2) Мандата былъ девятый Царь поколѣнія солнечнаго. Чтобъ объяснить имя сего Государя, разска-

вспомоществовалъ Девамъ въ одну изъ войнъ ихъ противъ Ассуръ. Въ награду за сіи услуги испросилъ онъ себѣ глубокій сонъ до временъ Кришны. „Да истребитъ пламя раздраженныхъ очей моихъ," сказалъ онъ, „того, кто осмѣлится разбудить меня!" Индра исполнилъ его просьбу, и Государь сей, удалясь въ пещеру, заснулъ тамъ спокойно. Сія повѣсть разсказана была Кришнѣ мудрымъ Нарадою. Герою извѣстно было, какое дѣйствіе долженствовало произвести пробужденіе Мутчукунда: къ нему-то привелъ онъ Кала-Явана. Самъ онъ становится въ головахъ спящаго Государя, благоразумно оставляя свободнымъ входъ въ пещеру и не подвергаясь чрезъ это его взгляду. Неразсудительный Явана входитъ; онъ видитъ Монарха уснувшаго и какъ бы безжизненнаго; онъ принимаетъ его за Кришну и грубо толкаетъ ногою. Не Кришну, но смерть онъ вызвалъ: въ сію минуту подобенъ онъ саранчѣ, приближающейся къ пламени. Мутчукунда пробуждается; онъ припоминаетъ, какою казнію можетъ онъ поразить докучливаго, прервавшаго его сновидѣніе; онъ на него взглядываетъ, и подобно изсохшему дереву, мгновенно пораженному молніей, Кала-Явана сожженъ пламенемъ, сверкнувшимъ изъ его очей (1).

зываютъ, что онъ однажды сосалъ палецъ Индры, желая извлечь изъ онаго амврозію, и что богъ воскликнулъ: mândhâtâ, то есть онъ меня сосетъ. Это слово сдѣлалось именемъ сего Государя.

(1) Повѣсть сію объясняютъ такимъ образомъ, что будто Кришна употребилъ хитрость, заведя вр

Кришна, освобожденный отъ своего врага, обращаетъ тогда слово къ даровавшему ему побѣду. „О Государь!" сказалъ онъ, „да ниспосланы будутъ тебѣ всѣ благости! Отъ тебя получилъ я услугу блистательнѣйшую; ты спалъ довольно: — меня ожидалъ ты." Изъ сихъ словъ Раджарши узналъ, что времена исполнились. „Кто ты?" спросилъ онъ у Кришны: „что намѣренъ ты дѣлать въ семъ мѣстѣ? Сколько времени длился мой сонъ? Говори, отвѣчай на мои вопросы."

Кришна сказалъ ему: „Одинъ Государь изъ поколѣнія Луннаго, Яйяти (1) (Yayati), сынъ Набуша, имѣлъ пятерыхъ дѣтей, изъ коихъ старшій былъ Яду. Потомокъ Яду, Васудева, отецъ того, кто теперь говоритъ съ тобою. Ты уснулъ въ вѣкѣ, именуемомъ *трета*; мы теперь въ томъ, который зовется *кали* (2). Въ чемъ я могу быть для тебя полезнымъ. Ты имѣешь нынѣ полное право на мою признательность, истребивъ одного изъ моихъ враговъ, которому и самый жребій противъ меня покровительствовалъ."

своего въ горы, обитаемыя воинственными поколѣніями, съ давняго времени показывавшимися въ долинѣ. Онъ заключилъ союзъ съ сими народами и они истребили войско Кала-Явана, завлеченное въ горныя ущелія.

(1) Это пятый Царь изъ Луннаго поколѣнія. Дева-Нагуша есть то лице, въ которомъ иные хотятъ признать *Dio Nysus* — Греческаго Вакха.

(2) Мы уже видѣли, что Индійцы считаютъ четыре вѣка: трета второй, а кали послѣдній.

Такъ говорилъ Кришна. Мушчукунда вышелъ изъ своей пещеры, ведомый Героемъ Ядавовъ. По мѣрѣ того, какъ онъ проходилъ свой путь, удивленіе его болѣе и болѣе возрастало. Онъ сравнивалъ прежде имъ видѣнное съ настоящимъ и не могъ придти въ себя изъ своего изумленія. Все ему казалось слабымъ и переродившимся. Люди, въ особенности были и не столь велики и не столь сильны. Онъ не потребовалъ назадъ своего престола, который не оставался упраздненъ; другіе помыслы, далекіе отъ честолюбія, его занимали. Онъ удалился на Гималлію (1), чтобы тамъ предаться всѣмъ обязанностямъ строгаго покаянія, и чрезъ обузданіе страстей и совершенное умерщвленіе плоти успѣлъ онъ наконецъ избавиться отъ сего бреннаго тѣла и вознестись къ небу, которое заслужилъ своими дѣлами.

Кришна, побѣдя хитростію, захотѣлъ потомъ довершить побѣду свою силою. Онъ собралъ огромное воинство, явился передъ непріятелями, лишенными своего военачальника, разбилъ ихъ и овладѣлъ неисчисленною добычею, которою обогатилъ городъ Двараку.

---

(1) Это цѣпь горъ, простирающаяся по сѣверной части Индіи, — Имаусъ древнихъ. Слово сіе означаетъ *пребываніе зимы*.

АНАПА.

Изъ ненапечатаннаго еще путешествія къ берегамъ Чернаго моря въ 1823—1825 года, Г-мъ Тетбу де-Мариньи.

Черкесы, извѣстные подъ именемъ Хагаки, покорствующіе довольно сильному Князю, Мегметъ Гирей-Сане, жили нѣкогда на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Анапа. Турецкая надпись, найденная Русскими на главныхъ воротахъ сей крѣпости, полагаетъ основаніе оной въ 1796 году; но не подлежитъ сомнѣнію, что Турки построили оную, желая охранить себя отъ Татаръ, бѣжавшихъ на лѣвой берегъ Кубани, и чтобы обуздать независимые народы Кавказскихъ горъ, положили первое основаніе оной въ 1781 году. Съ тѣхъ поръ сдѣлалась она, какъ прежде Тамань и Темрюкъ, которыми недавно овладѣла Россія, складочнымъ мѣстомъ для произведеній Кавказскихъ. Съ 1789 до 1810 города Анапа и Суджукъ Кале принадлежали то Русскимъ, то Туркамъ, пока наконецъ сіи оба Государства не положили по Трактату Бухарестскому въ 1812 году, чтобы крѣпость сія осталась за Турками. Древній видъ нѣкоторой части стѣнъ Анапы невольно заставляетъ подумать, что и до прибытія на сей берегъ Турокъ уже крѣпость существовала; да я нахожу даже, по свидѣтельству Арріана и Страбона, весьма вѣроятнымъ, что въ гораздо раньшую эпоху городъ Синдонѐ или Синдина занималъ то же пространство.

Крѣпость Анапа лежитъ на выси послѣдней горы Черкассіи, которая мало помалу становится покаче и расходится къ сѣверной и восточной сторонамъ равниною, простирающеюся къ Кубани. Съ морской стороны стѣны тянутся на 850 тоазовъ, а цѣлая ихъ окружность простирается г.л 3 четверти часа пу-

тія. Съ юга и съ запада стѣны воздвигнуты на утесахъ, возвышающихся на 30 тоазовъ отъ омывающаго ихъ моря; къ сѣверу, при входѣ въ гавань берегъ гораздо положе. Крѣпость сія, которая впрочемъ не можетъ выдержать долгаго сопротивленія противъ Европейской бригады, укрѣплена нѣсколькими бастіонами, а внизу защищена рвами, имѣющими въ ширину семь тоазовъ. Изъ трехъ воротъ, къ ней ведущихъ, восточныя всегда заперты. Довольно сильное число бронзовыхъ полевыхъ пушекъ различнаго калибра поставлено на стѣнахъ. Народонаселеніе состоитъ: во первыхъ изъ собственно рожденныхъ въ городѣ жителей; сіи происходятъ отъ Татаръ или Турокъ, вступившихъ въ бракъ съ Черкесскими семействами. Вовторыхъ изъ Турецкихъ купцовъ Константинопольскихъ или изъ Анатоліи, которые по большей части проводятъ здѣсь лучшее время года; между сими послѣдними находится впрочемъ значительное количество преступниковъ, которые спаслись здѣсь бѣгствомъ. Втретьихъ, изъ офицеровъ Паши, которые обыкновенно избираются изъ самаго низшаго класса народа. Обладаніе Анапою стоитъ Портѣ значительныхъ суммъ, которыхъ далеко не выручаетъ торговля, въ семъ мѣстѣ производимая: ибо не только многіе Черкесскіе владѣльцы получаютъ отъ Порты значительные подарки, но она даже производитъ пенсіи цѣлымъ семействамъ. Одному Пашѣ выдаетъ Порта 130,000 піастровъ собственно для него, печется о содержаніи его двора и принимаетъ на свой счетъ подарки, которые онъ вынужденъ бываетъ дѣлать для своей безопасности. Сверхъ того Паша пользуется таможенными пошлинами (которыя, по причинѣ малозначительности торговли, весьма измѣнчивы и приносятъ ежегодно то 18, то 40,000 піастровъ) для своихъ собственныхъ издержекъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

(*Отрывокъ изъ Путешествія Епископа Гебера въ Индію*). Одинъ изъ моихъ Индійскихъ невольниковъ, матросъ, ежедневно откладывалъ часть выдаваемой ему порціи рисса для птицъ, и когда онъ имъ бросалъ оное при солнечномъ захожденіи, то обыкновенно приговаривалъ: „Не я, но дитя мое васъ кормитъ.“ За годъ передъ тѣмъ потерялъ онъ единственнаго своего сына, и какъ тотъ имѣлъ привычку подобнымъ образомъ кормить ежедневно птицъ, то отецъ продолжалъ сіе трогательное обыкновеніе отъ имени своего сына.

(*Приложеніе къ Физіологіи народовъ.*) Въ одномъ Англійскомъ Полицейскомъ Журналѣ (Hue and Cry, отъ 22 Января) находится роспись 102 Англійскихъ, Шотландскихъ и Ирландскихъ дезертировъ. Изъ лицеваго ихъ описанія можно вывести слѣдующій результатъ для физіологіи народовъ: Ирландцы имѣютъ ровное число голубыхъ, сѣрыхъ и коричневыхъ глазъ; у Англичанъ и Шотландцевъ содержатся голубые глаза къ сѣрымъ какъ 1 къ 6; Ирландцы имѣютъ монополію въ широкихъ ртахъ; между Шотландцами находится болѣе русоволосыхъ нежели между Ирландцами, а между сими послѣдними болѣе нежели у Англичанъ.

(*Неустрашимость Американца.*) Единственный медвѣдь, видѣнный мною въ сей землѣ, встрѣтился мнѣ въ то время, когда я ѣхалъ изъ Канады въ Ньюйоркъ въ сопутствѣ двухъ Американскихъ господъ. Сначала видѣли мы слѣды медвѣжьей лапы, и вскорѣ потомъ видѣли сего звѣря, насъ преслѣдующаго, съ злымъ ли намѣреніемъ, или нѣтъ, того я не знаю; но какъ бы то ни было, лишь только увидѣлъ его одинъ изъ Американцевъ, то просилъ насъ остановиться и побѣжалъ ему на встрѣчу съ палкою. Медвѣдь лишь только увидѣлъ

своего противника, приподнялся на заднія лапы (обыкновенный знакъ боязни), но отъ мгновеннаго полученнаго имъ въ голову удара былъ повержень на землю. Въ дополненіе къ оному неустрашимый Американецъ нанесъ ему еще другой ударъ ножемъ, перерѣзалъ шею и оставилъ на волю вѣтрамъ пустыни сушить его кости.

(Correspond. A. America.)

Объ Исторіи вообще.

(Переводъ съ Нѣмецкаго, изъ Schlegels Vorlesungen über die neuste Geschichte.)

Три главные предмета служатъ цѣлію для ума людей образованныхъ, и пріятно наполняютъ досуги ихъ среди гражданской дѣятельности и общественныхъ отношеній; они суть: Философія жизни человѣческой, наслажденіе Изящными Искусствами и изученіе Исторіи.

Общая цѣль ихъ: — различными средствами обогатить и возвысить нравственность человѣка, и въ семъ отношеніи они равно необходимы. Особенно же изученіе Исторіи, которая постоянно сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ усилія къ высшему образованію ума, и раскрываетъ намъ человѣка *въ цѣломъ* съ его судьбой и силами. Безъ познанія великихъ событій прошедшаго, Философія жизни человѣческой никогда не будетъ въ состояніи очаровать и вынести насъ изъ тѣснаго круга привычекъ и предметовъ, насъ окружающихъ, какъ бы впрочемъ она

нас нам убѣждала жаромъ чувствъ и волшебствомъ краснорѣчія. Даже высшая Философія, сей смѣлый и столь же важный порывъ разума человѣческаго, не пренебрегла постояннымъ обращеніемъ къ Исторіи развитія рода человѣческаго и его умственныхъ способностей, хотя впрочемъ она почти всегда заключаетъ въ себѣ понятія темныя и неудобопостижимыя. Напротивъ, Исторія, состоящая не въ одномъ пустомъ оглавленіи именъ, эпохъ и дѣяній, но выражающая и способная передать намъ настоящій духъ великихъ временъ, лицъ и происшествій, есть истинная Философія, и Философія, всякому понятная и по многимъ отношеніямъ поучительнѣйшая. Всѣми дознано достоинство Изящныхъ Искусствъ въ высшемъ образованіи умственныхъ способностей. Но безъ той важности, которую онѣ пріобрѣтаютъ единственно своими отношеніями къ людямъ, къ судьбѣ и Исторіи ихъ, могли бы они показаться лишь пустою игрою или роскошью воображенія. Тайный смыслъ изящнѣйшихъ и высшихъ изображеній представительныхъ искусствъ и Поэзіи тогда только будетъ для насъ удобопостижимымъ, когда мы найдемся въ состояніи вникнуть въ духъ временъ, ими изображаемыхъ, или раждающихъ оныя.

Если Философія особенно занимаетъ разумъ, Изящныя же Искусства — чувства и воображеніе, то Исторія требуетъ, или по крайней мѣрѣ должна бы требовать, для соотвѣтствія высокой своей цѣли, всего

напряженія ума, всѣхъ душевныхъ силъ человѣка.

Такимъ образомъ въ прекрасномъ очертаніи, заключающемъ въ себѣ высшее образованіе человѣка, Исторія сама по себѣ уже есть членъ, хотя и не блистательнѣйшій, но необходимѣйшій и тѣсно связывающій всѣ прочіе между собою. Особенная же потребность изученія Исторіи имѣетъ предметомъ чрезвычайныя и разительныя происшествія настоящаго. Мысль о великихъ временахъ протекшаго и совершенное познаніе оныхъ — вотъ что поможетъ намъ сдѣлать нелицемѣрное обозрѣніе настоящаго, опредѣлить мѣру его величія или упадка, и составить себѣ вѣрное, справедливое объ ономъ заключеніе.

Часто предметъ обыкновенный бываетъ вмѣстѣ и самымъ высокимъ. Съ перваго взгляда Исторія составляетъ самое легкое начало, первое звено всякаго образованія; съ другой стороны, чѣмъ утонченнѣе и образованнѣе разумъ человѣческій, тѣмъ болѣе найдетъ онъ случаевъ примѣнять Исторію и извлекать изъ оной пользу, — усматривать всѣ богатства, разгадывать глубокій смыслъ ея. Ужели найдется столь проницательный человѣкъ, который напередъ разгадалъ бы весь ходъ Исторіи? уже ли есть столь многознающій ученый, который дерзнулъ бы сказать, что *онъ создалъ* Исторію и дошелъ въ ней до *nec plus ultra?* наконецъ, кто тотъ могущій

властитель, который дерзко презрѣлъ бы ея мудрыя наставленія?

Отличительнымъ преимуществомъ нашего вѣка есть то, что изученіе Исторіи процвѣло, какъ бы новою жизнію, и что оному предались съ большимъ рвеніемъ. — Англичане достойно заслужили честь быть первыми подвижниками на семъ прекрасномъ поприщѣ; Германцы достойно послѣдовали имъ. — Весьма не трудно назвать кого-либо изъ великихъ Историковъ Германіи, который какъ въ счастливомъ сочетаніи генія съ ученостью, такъ и въ богатствѣ мыслей уступалъ бы знаменитымъ Англичанамъ; напротивъ того, преимущество большей отдѣлки, обработанности и обширности бываетъ несравненно чаще на сторонѣ Германскихъ писателей, нежели Англійскихъ. — Впрочемъ сужденія о достоинствахъ Германскихъ и иностранныхъ историковъ могутъ тѣмъ болѣе между собой несогласоваться, ежели въ семъ случаѣ рѣшать будетъ предубѣжденіе къ тѣмъ или другимъ, или если понятія объ описательномъ искуєствѣ будутъ различны. — Со всѣмъ тѣмъ, весьма несомнѣнно чрезвычайное богатство Германской Литтературы отчасти совсѣмъ въ новыхъ историческихъ изысканіяхъ, служащихъ къ основательному, не одному поверхностному изученію Исторіи. — Необычайное количество произведеній въ семъ родѣ, изданныхъ и явившихся въ свѣтъ въ послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ, распространили сферу

историческихъ познаній почти столько же, сколько предъ тѣмъ въ таковое же число столѣтій.

Не смотря на сіе изобиліе, Исторія съ одной стороны еще остается довольно бѣдною; ибо въ иныхъ мѣстахъ историческая истина скрывается еще подъ какою-то темною завѣсою.

Почти общая жалоба состоитъ въ томъ, что историки пишутъ въ духѣ пристрастія. Въ собственномъ смыслѣ, жалобѣ сей не должно бы существовать, когда писатель достигъ той точки зрѣнія, съ которой долженъ онъ созерцать цѣль Исторіи. Если историкъ въ своихъ описаніяхъ занятъ единственно однимъ Государствомъ, иногда же цѣлями какой-либо Державы, а не всеобщимъ развитіемъ бытія и судебъ рода человѣческаго, то онъ, можетъ быть, заслужитъ названіе искуснаго дѣловаго человѣка, краснорѣчиваго оратора, отличнаго политическаго, но, вѣрно, не *историческаго* писателя. Когда же достойный вѣроятія историкъ представляетъ намъ событія, такъ какъ оныхъ отъ него требуютъ, т. е. неизмѣненными и съ строжайшею увѣренностью; когда онъ при изложеніи своего образа разсматриванія и сужденія о предметахъ (безъ чего не возможно написать какую-либо Исторію, тѣмъ болѣе же описательную) вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно предлагаетъ намъ источники справедливаго и вѣроятнаго, изъ которыхъ онъ почерпнулъ заключенія свои; тог

іа мы, по всей справедливости, не будемъ ;имѣть причины жаловаться; ибо онъ самъ предлагаетъ намъ средства къ усмотрѣнію большаго или меньшаго согласія нашего съ его мнѣніями. — Если однакожь мнѣнія наши и несогласны, то все его не должно будетъ укорять въ пристрастіи, — или иначе пристрастіе сіе не будетъ достойно отверженія. Сверхъ того въ Исторіи, такъ какъ и въ обыкновенной жизни, присоединеніе къ справедливой сторонѣ заслуживаетъ болѣе похвалы, нежели быть равнодушнымъ ко всѣмъ партіямъ и сохранять всегдашнее посредничество. — Примѣръ еликаго Римскаго Писателя лучше объяснитъ мысль сію. — Тацитъ начинаетъ ба свои безсмертныя творенія, хотя и ь различныхъ между собою выраженіяхъ, авнымъ увѣреніемъ, что они написаны и въ духѣ пристрастія, ни ненависти. — ри семъ, можетъ быть, имѣлъ онъ въ виду юи собственныя отношенія, при томъ ли другомъ Императорѣ, и то, что для ю современниковъ могло быть въ высоійшей степени близко. — Ежели же бы по захотѣлъ въ строгомъ смыслѣ разоать его выраженія, то его уличили бы несправедливости. — Ибо повсюду въ его ворѣніяхъ замѣтная, благородная, нравенная ненависть и блистающая вездѣ ісокая любовь: ненависть — къ несправедливой власти и къ размножившимся порокамъ, — и рѣшительная, жаркая любвь ко всему высокому, достойному луч-

шихъ, блаженнѣйшихъ временъ, содѣлала творенія его безсмертными, и всегда придавала и будетъ придавать онымъ неизмѣнное достоинство. Тацитъ не держится средины (хотя сіе въ состояніи сдѣлать каждой, не одаренный геніемъ и такою же благородною страстью); напротивъ, онъ въ самой высшей степени пристрастенъ, — но — къ справедливой сторонѣ и самымъ благороднымъ, достойнымъ образомъ.

Исторія теряетъ еще гораздо болѣе со стороны правдоподобія, отъ авторскаго пристрастія, котораго мы такъ страшимся; оно совсѣмъ особеннаго рода, и именно состоитъ въ недостаткѣ способности все обнимать умомъ, въ ограниченномъ разумѣ. — Человѣку трудно вырваться изъ круга своихъ предубѣжденій или своихъ привычекъ. — Ибо какъ сіи, такъ и все настоящее, вѣкъ нашъ со всѣми его невидимыми принадлежностями, заключаютъ насъ въ какую-то нравственную Атмосферу, изъ середины коей мы, какъ сквозь туманъ, видимъ призраки временъ протекшихъ. — Отъ того такъ часты невѣрныя и несообразныя, чаще же слабыя и безжизненныя обозрѣнія и сужденія о давноминувшихъ великихъ временахъ, людяхъ и дѣяніяхъ, не подходящихъ подъ общую мѣру.

Издавъ сіи два номера, исполнилъ я пріятнѣйшую обязанность, возложенную на меня друзьями моими, коимъ за содѣйствіе приношу мою благодарность. По чувству моего уваженія къ трудамъ почтеннаго нашего Археолога К. Ѳ. Калайдовича, радуюсь, что я могъ въ чемъ-либо быть ему полезнымъ. Мнѣ остается только желать, чтобы читающая Публика приняла снисходительно сію слабую дань, посвященную мною дружбѣ и признательности.

1828.
Іюль.

Д. Ознобишинъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предоставлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, 11 Августа, 1828.

Цензоръ, Владиміръ Измайловъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Стихотворенія.

ПРОЗА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ОТДѢЛЕНIЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Стихотворенiя.

ПРОЗА.

